

Генрих Иоффе

РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБА РОМАНОВЫХ

Генрих Иоффе

РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБА РОМАНОВЫХ

Москва
Издательство
«Республика»
1992

Иоффе Г. З.

И75 Революция и судьба Романовых.— М.: Республика, 1992.— 351 с.

ISBN 5—250—01558—1

С недавних пор трагическая судьба последнего российского императора Николая II и его семьи оказалась чуть ли не в центре внимания исторической публицистики. Не утихает полемика о причинах и обстоятельствах казни Романовых.

Автор — известный историк, изучавший обширную отечественную и зарубежную литературу, прессу тех лет, архивные материалы, предлагает свое видение этой трагедии, увязывая ее с основными событиями беспощадного революционного времени.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

И $\frac{0503020400-184}{079(02)-92}$ 109—92

ББК 63.3(2)524

ISBN 5—250—01558—1

© Издательство «Республика», 1992

Совесть моя свидетельствует мне,
что все коль ни есть черны мои
повествовни; но они суть не пристрастны,
и единая истина, и разврат,
в которой впали все отечества моего
подданные, от коего оно стонет,
принудил меня оные на бумагу
преложить.

М. Щербатов.

О повреждении нравов в России

ОТ АВТОРА

Не скрою: я колебался в решении издавать эту книгу. В последние годы мы стали свидетелями настоящего «романовского бума», потока публикаций о конце последнего царя и его семьи. В этом буме и в этом потоке через край хлещут политические страсти, нередко далекие от стремления понять случившееся. Да, страдания, трагический финал освящают прошлое, весь путь, пройденный человеком. И в этом заключена справедливость, потому что в страданиях — искупление. Но признание ее, увы, не для историка. Его участь — следовать девизу Льва Толстого: «Эпиграфом к истории я бы написал: ничего не утаю»...

Я обратился к этой трагической, больной теме еще в конце 60-х годов. Тогда невозможно было сказать все, что хотел, приходилось идти на компромиссы, но оставалась вера в латинское изречение: «Понимающему — достаточно». Лучше было молчать? Но ведь и молчание может быть истолковано как согласие или равнодушие...

Как-то в давнем разговоре с одним старым историком я посетовал, что тема гибели царской династии слишком тяжела, я бы хотел уйти от нее. Он покачал головой: «Не удастся, она вас не отпустит». Я часто

думаю: почему? И все яснее становится: в ней, как в фокусе, сосредоточилась вся революционная эпоха с ее верой, заблуждениями, беспощадностью, страданиями. Понять трагическую судьбу узников ипатьевского дома — значит попытаться понять, осознать весь путь России начала XX века.

Вот почему эта книга — не только о конце царской семьи. Она шире. В ней предпринята попытка связать этот скорбный конец по крайней мере с основными событиями революционной смуты. Но кто возьмет на себя право и смелость сказать: «Я понял все» — и погасить свечу, освещающую тропу к истине?

Грех «Краткого курса истории ВКП(б)» — красугольного камня догматической советской историографии, все еще довлеющего над нашими умами, был, может быть, не столько в грубой фальсификации истории, сколько в категоричности, безапелляционности, злобе, исключавших возможность несогласия, дискуссии, спора. Но есть старое мудрое изречение: «Верьте не тому, кто говорит, что знает истину, а тому, кто ищет ее».

Глава 1

«РУССКИЙ НАРОД... ТЕРПЕЛИВО ПОДОЖДЕТ»

«После того открыл Иов уста свои, и проклял день свой. И начал Иов, и сказал: «Погибни день, в который я родился...» Это цитата из книги библейского Иова многострадального. Николай II родился 6 мая, в день Иова, и поэтому считал себя обреченным на неудачи и страдания. Но у них был и вполне реальный источник. Николай II вступил на престол на смене веков — в 1894 г. История России входила в крутой, может быть, самый крутой поворот. Почему и когда он начался? В «Красном колесе» А. Солженицын пишет: «И кто теперь объяснит: где ж это началось? кто начал? В непрерывном потоке истории всегда будет не прав тот, кто разрежет его в одном поперечном сечении и скажет: вот здесь! все началось — отсюда!»

Как звено за звеном перебирая исторические события в обратном порядке, уходя все далее и далее в их глубину, мы, по-видимому, должны задержаться на 60-х годах прошлого века. Не здесь ли последствиями великой реформы, отменившей крепостное рабство, была заложена та основа, взрыхлена та почва, которая могла либо постепенно взрастить цивилизованное, свободное общество, сохраняющее исторические особенности России, либо произвести колоссальный социальный взрыв, также в российских традициях: взрыв «бессмысленный и беспощадный»?

Кажется, французский историк А. Токвиль писал: худшие времена для дурного режима наступают тогда, когда он делает попытки исправиться. Именно в этот момент все становится наиболее уязвимым. Реформирование, модернизация — хрупкий процесс. Реформы 60-х годов пробудили к жизни и активизировали демократические силы — носителей идеологии либерализма и революционаризма. Пусть не в равной степени, но и

те и другие противостояли монархии в ее самодержавном выражении. Максимально быстрая «западизация» России была их мечтой и целью. Нетерпение подхлестывало их, они не очень отчетливо сознавали, что Россия — не Англия. Наибольшую опасность для режима и общества представляли растущие пролетаризация и люмпенизация значительной части крестьянского населения. Вчерашние рабы обретали личную свободу. Но свобода без собственности и особенно без духовной культуры способна была обернуться страшной социальной язвой, и тогда последнее слово должно было остаться не за либералами, а за революционными экстремистами. «Веховские» философы были, вероятно, правы: без внутреннего, духовного совершенствования человека бесплодны даже самые радикальные внешние, политические перемены.

В предисловии к сборнику «Вехи», вышедшему в 1909 г., говорилось, что «общей платформой» философов, объединившихся в нем, «является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства». «Наши предостережения,— говорилось далее,— не новы: то же самое неустанно твердили от Чаадаева до Соловьева и Толстого все наши глубочайшие мыслители. Их не слушали, интеллигенция шла мимо них»¹. И либералы, и в еще большей степени революционеры — народники и социал-демократы — в своих призывах исходили из другого, противоположного: политическая перестройка, пусть даже насильственная, изменит человека и общество.

Но опасность была и в другом. Реформы, проведенные «сверху», так или иначе сохраняли старый привилегированный слой, самодержавную идеологию, их политические структуры, тормозившие прогресс, блокировавшие выход к рычагам политической власти новых — антисамодержавных, антицаристских — сил. Как писал В. Ключевский, реформа меняла старину, но и старина меняла реформу. Преобразования «увязали» в

---

¹ Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции (репринтное издание). М., 1990. С. 4.

косности многовекового наследия, бюрократической рутине подгнивавшего режима. В результате в обществе углублялся и ширился социальный разлад, все тяжкие последствия которого во времена царя-«освободителя» Александра II вряд ли были предсказуемы.

Значит ли все это, что была совершена ошибка, допущен просчет? Нет, конечно. Сохранять Россию в том глубоко кризисном положении, в каком Александр II унаследовал ее, было невозможно. Перемены жестко диктовались жизненными интересами. Уже начинался старт человечества в XX век, а страна во многом пребывала еще в XVIII-м.

Так или иначе, 60-е годы прошлого века провели рубеж в истории страны. Оставалась еще старая, самодержавная Россия, но одновременно рождалась и крепла новая — либеральная и демократическая. Теперь главная проблема, вероятно, заключалась в том, чтобы не допустить их катастрофического столкновения, как сейчас говорят, гармонизировать их интересы, найдя пути для дальнейшей мирной трансформации общества... Собственно, именно для этого и предназначены государство, власть. Они должны обладать силой, мудростью, честностью, терпением. Личность царя в такой ситуации приобретала первостепенное значение...

1 марта 1881 г. бомбой, брошенной пародовольцем И. Гриневицким, был смертельно ранен император Александр II. У постели умиравшего царя в Зимнем дворце стояли его сын — будущий император Александр III и внук — тоже будущий император Николай II. Вступив на престол, Александр III не поколебался в своем решении: эпоха реформ сменилась эпохой так называемых контрреформ. Конечно, полностью вернуться к дореформенным порядкам было уже невозможно, да к этому и не стремились. Но пресс власти опустился. Расцвет либерализма и проявлений крайних форм революционаризма кончились.

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...

Так это виделось тогда А. Блоку. Победоносцев же усматривал в либерализме, парламентах великую ложь...

Со смертью Александра III в 1894 г., казалось, должна была наступить оттепель, забрезжить рассвет.

Тверские либералы вполне верноподданно обратились к молодому царю с просьбой разрешить общественным учреждениям — земствам, созданным в эпоху реформ, высказывать свое мнение по проблемам, их касающимся. Николай II назвал земских деятелей людьми, увлекающимися бессмысленными мечтаниями, и заявил, что он, как и его отец, будет твердо охранять начала самодержавия. Может быть, он вспомнил тот страшный день, когда 13-летним мальчиком в ужасе стоял возле искалеченного бомбой революционера умиравшего Александра II — царя-либерала...

Вскоре П. Струве (в то время он был марксистом) написал Николаю «Открытое письмо». В нем говорилось: «Русская общественная мысль напряженно и мучительно работает над разрешением коренных вопросов народного быта, еще не сложившегося в определенные формы со времени великой освободительной эпохи... И вот в такое время... представители общества... услышали лишь новое напоминание о Вашем всеисилии и вынесли впечатление полного отчуждения царя от народа». И Струве приходил к выводу, что при таком положении дело самодержавия проиграно, что оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил. Почему? Потому, писал Струве, что позиция, занятая главой режима — царем, лишь «обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами». «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать»¹

Спустя годы, после революций, обнаруживших жестокий, грозный образ восставшего народа, экстремизм революционных групп, Струве резко пересмотрит свою политическую позицию. И если уже в эмиграции ему иногда напоминали о революционном прошлом, он «отвечал злой репликой: дурак был!»² Но это будет потом, и в поздних прозрениях Струве немало напоминает и сегодняшние наши сожаления и отрезвления. А тогда думалось по-другому. И, как предсказывал Струве, борьба не заставила себя долго ждать. Действительно, в России, наверное, легче сделать революцию, чем реформу...

1905 год принес первое открытое столкновение двух Россий — старой России, России Николая I, и новой

¹ Цит. по: Возрождение. Париж, 1949. Тетрадь 1. С. 33—34.

² Франк С. Биография П. Б. Струве. Нью Йорк, 1956. С. 112.

России — России Александра II, за которой уже проглядывала Россия третья — Россия Ленина. Неверно считать, что первая революция потерпела поражение. Хотя она и не победила, но не победил и царизм. Создалось некое неустойчивое равновесие. Либеральная, демократическая Россия значительно продвинулась вперед, самодержавие фактически сходило на нет. Сохранив, однако, важные государственные структуры, оно превращалось в «полусамодержавие», в «конституционное самодержавие».

Здесь, в этом противоречивом положении, в этой неестественной «ничьей» и лежал источник новых социальных и политических потрясений. Они приближались неуклонно, по мере того как во многом обновленная, демократизирующаяся после революции страна двинулась по пути быстрого экономического развития, которое сопровождалось и огромными трудностями. Сельская община раскалывалась, формировалось фермерство, но шла и пауперизация значительной части крестьянства. Промышленность росла, втягивая в себя огромные массы сельского населения, обрекая его на тяжкие условия труда и быта. Большие города постепенно превращались в рассадники радикализма — питательной среды революционных групп. Рост буржуазности подрывал устой дворянства. Разночинные элементы во все возраставшем масштабе проникали в армейские верхи и государственный аппарат, усиливая ряды оппозиции. Интеллигенция поддерживала оппозицию, выступала за демократизацию страны по западному образцу. Общество было взбудоражено и разъединено: рабочие настроены против предпринимателей, крестьяне против помещиков, буржуазия против власти, против власти почти все... Вновь центральная проблема российского бытия свелась к тому, во что выльется обостренный общественный конфликт: хватит ли у власти желания и умения удержать его в политических рамках, или он перерастет в новую революцию.

Были умные головы, которые понимали, что при таком напряженном социальном положении новая война (после русско-японской), тем более большая, может обернуться для России тотальной катастрофой. Премьер-министр П. Столыпин незадолго до смерти (в 1911 г.) писал: «Война будет фатальной для России и правящей династии». Бывший министр внутренних дел П. Дурново в начале 1914 г. подал царю записку,

в которой настолько пророчески нарисовал картину того, что ожидает Россию в случае войны, что, читая ее теперь, не можешь отделаться от подозрения: а не подделка ли это более позднего времени? Перед нами своего рода «теория перманентной революции» в «правом» видении. «Начнется с того,— писал Дурново,— что все неудачи (в войне.— *Авт.*) будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях (то есть прежде всего в Государственной думе.— *Авт.*) начнется яростная кампания против него, в результате которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения; сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению»¹.

Однако быть или не быть войне, увы, не могли решать только политики и генералы. Слишком глубоко Россия «завязалась» в тугой клубок международных империалистических интересов и притязаний. И жребий был брошен... Все то, что и ранее создавало в стране социальную напряженность, вызванную сложным процессом модернизации, начатым реформами Александра II и продолженным реформами Столыпина и Николая II, война умножила многократно. Столыпин, возможно, был прав: России необходимы были двадцать лет покоя, и она скорее всего без тяжелых потрясений вошла бы в число передовых европейских держав XX века. Но прав оказался и Ленин: история не дала России этих двадцати лет...

Николай II, можно сказать, с молоком матери впитал охранительную идеологию, твердую веру в «орга-

---

¹ Полностью записка П. Дурново опубликована в журнале «Красная новь». 1922. № 6 (10). С. 182—199.

ничность самодержавного принципа» для России. Получения К. Победоносцева, М. Каткова, князя В. Мещерского и других идеологов монархизма полностью соответствовали его умонастроению. Из дневников Мещерского, которые давались царю на прочтение, он делал вдохновлявшие его выписки, одна из которых, к примеру, гласила: «Как в себе ни зажигать конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия. Оно требует самодержавия, а конец самодержавия есть конец России»¹.

Следует сказать об одной примечательной черте, характеризующей последнее царствование. Почти обычным был поиск доказательств германофильства Николая и императрицы Александры Федоровны, в то время как многие факты свидетельствуют об их поддержке антизападнических тенденций, так называемого «русского самобытничества», широко распространявшегося правыми кругами. В этом было немало от предшествующего царствования Александра III с лозунгом «Россия для русских».

Сохранились, например, записки ответственного чиновника Государственного совета М. Шахматова (племянника академика А. Шахматова), который вспоминал: в 1916 г. статс-секретарь Государственного совета Д. Коптев рассказал ему о том, что царя очень интересует «мысль об изгнании иностранных терминов из русского законодательства» и ему, Коптеву, поручено заняться их заменой (для «Свода законов») «современными и древнерусскими словами» (интересно, что академик А. Шахматов, один из крупнейших знатоков русского языка, посоветовал своему племяннику не «связываться с этим»).

Идеалом Николая II был царь Алексей Михайлович, Петра I он «не почитал». Это, в частности, выражалось в его личной поддержке всех начинаний по реставрации стиля и быта допетровской Руси. Комендант Царского Села князь М. Путятин говорил Шахматову, что при дворе всерьез задумываются о восстановлении придворных званий эпохи допетровской Москвы и о восстановлении московского флага как национального. Под непосредственным покровительством царя в Царском Селе в стиле XVII века строился Федоровский

---

¹ ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 987. Л. 1—3.

государев собор и так называемый «Федоровский городок», одна из палат которого стала штаб-квартирой «Общества возрождения художественной Руси». Сам по себе этот замысел мог служить благой миссии сохранения исторических традиций, но, оказавшись под контролем придворных кругов, он стал приобретать казенное, политическое, а то и черносотенное содержание. Даже наш мемуарист, человек правых убеждений, очень быстро понял, что руководители общества (князь А. Ширинский-Шихматов, граф А. Бобринский, князь М. Путятин и другие) ищут не столько удовлетворения «своему научному и эстетическому увлечению древней Русью», сколько осуществляют политическую акцию тех кругов, к которым принадлежат. Действительно, пропагандируя «Москву древнюю, православную», отвергая петровские реформы, искажившие «лик истинной России», и борясь за «возрождение древнерусского православного строя и быта», они стремились поставить препоны на пути прогрессивных, демократических преобразований, укрепить «царский престол как средоточие русской самобытности». Николай II поощрял деятельность общества.

Короче говоря, перед своим крушением царизм стремился облечься в кафтан XVII века. Этим идеологическим и политическим переодеванием хотели усилить националистические настроения, которыми власть рассчитывала подкрепить расшатанные опоры самодержавия.

Николай II считал, что самодержавие должно делать ставку на «простой народ», на «мужика», а не на «европеизированную общественность». Годы правления, кажется, убеждали его, что всякий раз, когда под давлением «общественности» он поступался самодержавным принципом, «выходило плохо». Уступки по пути либерализации, на которые он шел (октябрьский манифест 1905 г. и др.), не улучшали политического положения в стране, не укрепляли царскую власть. Напротив, они еще больше возбуждали ту же самую «общественность», и некоторые наиболее решительные ее представители становились еще требовательнее. С. Витте однажды заметил, что либералы напоминают ему шахматного игрока, который, выиграв партию, хватается доску и начинает бить ею своего противника по голове. Царь вообще полагал, что при значительном сдвиге влево страна не остановится на «либеральной сту-

пени». Он не раз говорил, что общественные деятели из думского лагеря плохо знают страну и, придя к власти, не сумеют долго продержаться.

В приверженности к традициям самодержавной и патриархальной России царя экзальтированно поддерживала императрица Александра Федоровна. Воспитанная при английском дворе (ее бабушкой по матери была королева Виктория), изучавшая западную философию в Кембридже, оказавшись в России, она быстро усвоила православие с некоторыми его атрибутами допетровской эпохи. Этому, по-видимому, способствовали и личные обстоятельства: неприязнь многих великих князей, высшего света и, пожалуй, то, что у царской четы долго не было наследника. Родившийся в 1904 г. Алексей оказался болен наследственной (по материнской линии) болезнью — гемофилией. Александра Федоровна воспринимала это как личный грех перед Богом и Россией.

Но было и другое. Александру Федоровну поражала и потрясала вся атмосфера русского двора и высшего света. Вскоре по приезде в Россию она писала в Германию: «Я чувствую, что все, кто окружает моего мужа, неискренни, и никто не исполняет своего долга ради долга и ради России. Все служат ему из-за карьеры и личной выгоды». Оставалась надежда на Бога, на истовые молитвы, оставалась вера в чудо, в прорицателей.

Высказывается иногда мнение, что царский режим требовал у буржуазии «полного отказа от каких-либо политических поползновений». Но, видимо, это все же не так. Проявлялась определенная политическая гибкость. По крайней мере, в годы войны, по мнению царя, не время было возвращаться к тому состоянию, которое существовало до «смуты» 1905 г. Общественность много помогала армии; Государственная дума все-таки «выпускала пары» недовольства и раздражения, копившихся в стране, усиливала имидж «представительности» власти в глазах западных союзников. Царь несомненно сознавал это.

Противоречивое, в сущности, неопределенное, неустоявшееся отношение Николая II к так называемым общественным организациям (центрам либерально-буржуазной оппозиции) хорошо видно из двух его собственноручных резолюций. В январе 1917 г. ему была подана записка «русских православных людей» Кнева, требовавшая принять решительные меры против «ка-

детско-еврейских, интеллигентских кругов», которые под руководством Государственной думы «дискредитируют порядок, действуют в противоположность политическим идеалам коренного народа». «Все несогласные, — настаивали авторы записки, — должны умолкнуть», все «общественные организации» должны быть взяты под строгий правительственный контроль. Прочитав записку, царь направил ее премьер-министру Н. Голицыну с резолюцией: «Записка, достойная внимания»¹. Но примерно в то же время на записке астраханского черносотенца Н. Тихановича, в которой тоже предлагалось ужесточить правительственный курс, Николай написал: «Во время войны общественные организации трогать нельзя»².

В целом правительственный курс в последний период перед Февралем 1917 г. можно, вероятно, охарактеризовать как попытку политического маневрирования между правыми кругами и буржуазно-дворянской оппозицией с креном вправо.

Как бы там ни было, Николай не решался провести контрреформы, которые свели бы на нет нововведения начала века, превратившие самодержавие в «самодержавие конституционное». Выиграть время до конца войны — это было, пожалуй, главным. Победа, считал Николай, поднимет патриотический дух, изменит ситуацию, тогда и придет час пужных решений.

В связи со сказанным заслуживает внимания письмо бывшего премьер-министра А. Трепова, опубликованное белоэмигрантской газетой «Новое время» (Белград) 20 апреля 1924 г. Трепов так характеризует политический курс, очерченный ему, Трепову, самим царем в январе 1917 г.: Николай не считал возможным проводить какие-либо реформы до конца войны. Он утверждал, что «русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет» и что «только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений», чтобы осуществить чуждые народу собственные вождедения. Поэтому, если эти группы не прекратят своих подстрекательств, их «заставят успокоиться, хотя бы пришлось прибегнуть к репрессиям». Однако по окончании войны царь не отвергнет реформ, которые «удовлетворяют интересы подлинного народа».

¹ ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1066. Л. 1—7.

² Цит. по: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 203.

О Николае II написано немало. Многочисленные свидетельства, исходящие из разных политических сфер, содержат порой диаметрально противоположные оценки, часто противоречат друг другу.

Эпохе сумерек, заката царизма действительно соответствовал царь, характер которого рассмотреть нелегко: это был скрытный человек, по-видимому, владевший искусством не выдавать своих чувств и мыслей. Многим это казалось «страшным, трагическим безразличием». Другие видели в нем безволие, слабость характера, которые он тщательно старался замаскировать. Этот царь, кажется, никогда не проявлял своей «царской воли» в традиционном российском представлении: не повышал голоса, не стучал кулаком по столу, не третировал министров и генералов и т. п. Он был хорошо воспитан и умел очаровывать. Если, писал лично знавший его генерал В. Гурко, он «и не умел повелевать другими, то собой он, наоборот, владел в полной степени». «Стойко, — пишет Гурко, — продолжал он лелеять собственные мысли, нередко прибегая для проведения их в жизнь к окольным путям»¹. Версии, согласно которым Николай будто бы находился под безраздельным диктатом Распутина и еще более жены — Александры Федоровны, по меньшей мере весьма сомнительны. Имеются данные, свидетельствующие о скептическом отношении царя к Распутину. Было бы, вероятно, правильное сказать, что он терпел его, считаясь в основном с болезненным состоянием своей супруги, твердо веровавшей в «нашего друга». Умел Николай осторожно освобождаться и от слишком назойливого давления царицы, если оно расходилось с его замыслами и намерениями.

Здесь уместно хотя бы вкратце коснуться роли Распутина вообще. Появление его на «паперти власти» еще требует выяснения. Но на основании уже имеющихся данных можно считать, что оно было связано не только с целительной силой «старца». В придворных кругах было немало людей, стремившихся парализовать, как им казалось, угрозу западного, «масонского» влияния на царя и его супругу (особое опасение вызывал некий Филипп — французский масон, «магнетизер», лечивший молодую императрицу и пользовавшийся большим расположением царской четы). Распутину в их планах

---

¹ Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 23—24; см. также: Ольденбург С. С. Царствование Николая II. М., 1992. С. 35—37.

отводилась роль человека из «народной толщи», способного духовно укрепить Николая II и Александру Федоровну в истинном православии. В каком-то смысле и до какого-то времени Распутин, возможно, эту роль и выполнял, но очень скоро она оказалась ему явно не по плечу. «Сладости» петроградской салонной жизни перевесили «духовный потенциал» сибирского мужика.

Между тем все еще бытует представление о нем как о подлинном правителе России перед Февралем 1917 г. На деле никакой собственной политической линии Распутин не проводил, да и не мог проводить. Скорее всего, он немало преуспел в ином: умело улавливал склонности и желания царствующих особ и довольно тонко подыгрывал им. Этим всюю пользовались другие оборотистые люди для осуществления своих главным образом карьеристских планов. Остается фактом, что Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, занимавшаяся выявлением так называемых безответственных влияний, влияний «темных сил», в том числе и Распутина, на политический курс, не получила сколько-нибудь серьезных результатов. Распутин, может быть, свидетельствовал не столько против последних Романовых лично, сколько против всей той среды, которую порождал режим и которая не гнушалась любыми средствами для достижения корыстных целей. В своей действительной ипостаси нужного человека у «паперти власти» Распутин был детищем ее рук, ее творением. В результате сама же эта среда давала буржуазно-либеральной оппозиции мощное оружие для политической компрометации Романовых да и монархии вообще.

В. Шульгин в «Днях» со свойственной ему живостью языка обрисовал эту парадоксальную ситуацию. Некий его собеседник, «близкий к трону», так характеризовал место и роль Распутина: «Все же, что говорят, будто он влияет на назначения министров, — вздор: дело совсем не в этом... Я Вам говорю, Шульгин, сволочь — мы... И левые (имеется в виду буржуазная оппозиция. — *Авт.*) и правые. Левые потому, что они пользуются Распутиным, чтобы клеветать, правые, т. е. прохвосты из правых, потому что они, надеясь, что он что-то может сделать, принимают его «каракули»... А в общем плохо...»¹

---

¹ Шульгин В. В. Дни. М., 1989. С. 146.

Но поставим теперь вопрос: насколько перспективным мог быть курс поддержания статус-кво, курс маневрирования, проводимый Николаем? Совершенно очевидно, что уход от решения проблем в конечном счете был способен лишь обострить их. Недовольство и раздражение росло и слева и справа. Лидер Земского союза, близкий к кадетам князь Г. Львов с отчаянием взывал: «Ваше императорское величество!.. Обновите власть. Возложите тяжкое бремя ее на лиц, сильных доверием страны. Восстановите работу представителей народных... Откройте стране этот единственный путь к победе, загроможденный ложью старого порядка управления»¹. А один из корреспондентов ушедшего в отставку министра внутренних дел Н. Маклакова, с которым правые связывали большие надежды, тоже в отчаянии писал: «Правые... страшно волнуются, стараются указать на опасность, но никто их не поддерживает, и крик их пропадает при полном невнимании к нему тех, кто наиболее заинтересован в сохранении исторических основ русской государственной жизни»².

Буржуазная оппозиция тянула царя в свою сторону, правые — к себе, а он старался маневрировать. Результатом было стремительное падение престижа власти. Пожалуй, ни один царь в истории России не подвергался такому поношению, как Николай II еще в период его царствования. Самые скверные анекдоты о «Николашке», его жене — «пемке», похождениях Гришки Распутина при дворе стали признаком времени. Царская чета все сильнее и сильнее ощущала ледяной холод изоляции... Это обстоятельство, в свою очередь, определяло одну примечательную черту последнего царствования, а именно: усиливавшуюся тенденцию к «вотчинному управлению», особенно явно выражавшуюся в сугубо частном, «приватном» подборе придворных и людей для аппарата власти. Все более четким становилось деление (выражение Александры Федоровны) на «наших» и «не наших», преимущественно по критерию личной симпатии и преданности. Естественно, что роль «наших», составлявших все более узкую группу, возрастала, а вместе с этим в какой-то степени

---

¹ ЦГАОР. Коллекция (*Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники*).

² ЦГАОР. Ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства). Оп. 1. Д. 685. Л. 110—111.

росла и роль пресловутого Распутина как одного из советчиков в деле селекции «наших» и «не наших».

Расширение масштабов «вотчинного управления» приводило к тому, что к престолу по большей части пробивались люди, мягко говоря, лишённые твердых политических и моральных принципов, но занесённые в разряд «наших». Это были, как правило, люди сегоднешнего дня. Они считали, что нужно ловить момент, ибо совершенно неизвестно, что сулит день грядущий. Интересны в этом отношении наблюдения А. Блока, который работал в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, занимавшейся расследованием деятельности министров и других высших чинов свергнутого режима. Поэт был поражен безыдейностью большинства из них. Вообще атмосфера «сегоднешнего дня» с характерными для нее аморализмом, стремлением к наживе была, увы, свойственна последнему периоду существования монархии.

Политическая осада, в которую все больше попадали последние Романовы и их ближайшее окружение, не могла пройти бесследно. Царица в последние годы была просто больным человеком. На этот счет есть прямые свидетельства близко знавших ее, в том числе и личного врача С. Боткина. Начал сдавать и физически очень крепкий царь. Бывший премьер-министр В. Коковцов позднее вспоминал о своей последней встрече с Николаем в январе 1917 г.: «За целый год, что я не видел его, он стал просто неузнаваем: лицо страшно исхудало, осунулось и было испещрено мелкими морщинами. Глаза, обычно такие бархатные, темно-коричневого оттенка, совершенно выцвели и как-то беспомощно передвигались с предмета на предмет...» Коковцов спросил Николая о самочувствии, но тот ответил, что бодр и здоров¹.

Что-то верно подмеченное есть в политическом и личностном портрете последнего царя, нарисованном журналистом того времени И. Колышко: «Так, переступая с ноги на ногу, переваливаясь с боку на бок, то цепляясь за призрак самодержавия, то бросая корону к ногам Гучкова, то опасаясь истерики жены, то глядя в лицо смерти... брел он, как сомнамбул, навстречу своему року»².

¹ См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1911—1919. М., 1991. С. 463.

² ЦГАОР. Коллекция,

Николай II совсем не жаловал Зимний дворец в Петрограде и даже уютный по сравнению с Зимним Александровский дворец в Царском Селе не любил из-за официальных или неофициальных приемов, множества людей, громких разговоров, а то и доносившихся перебранок. Он вообще старался реже встречаться с людьми. Каждый чего-то хотел, добивался, в чем-то убеждал, что-то доказывал. А он хорошо знал свою поэтапную слабость: неумение освободиться от чужого влияния, чужой воли. И он старался избежать встреч, а если это было невозможно, то соглашался или говорил что-либо неопределенное, а потом находил способ освободиться, развязаться, если уже очень противилась душа. Наверное, отсюда и распространялось мнение, что он — лукавый человек, хитрец, даже лицемер.

Не жалуя Зимнего и Александровского, он любил Могилев, в общем-то скромный губернаторский дом на берегу Днепра, где находилась Ставка Верховного главнокомандующего. Там было и тихо, и по-военному строго и четко. Точно назначенные доклады начальников штаба Ставки, генералов М. Алексеева или В. Гурко (Гурко заменял Алексеева, когда тот находился в отпуске и лечился в Крыму), скромные обеды с заранее определенным числом приглашенных, прогулки на автомобиле или пешком для разминки, которые он очень почитал, поездки в собор на молитву, вечернее чтение, лучше что-нибудь из истории.

Нет, не дворцовая, а именно ставочная, походная жизнь была по нему, и он, как ни любил семью и детей, все же втайне ждал момента, когда надо будет отправляться в Могилев: там душа отдыхала, успокаивалась.

В понедельник 20 февраля Николай II сообщил дворцовому коменданту генералу В. Воейкову, что на среду назначает отъезд в Ставку, в Могилев, откуда он уехал два месяца назад, вызванный в Петроград тревожной телеграммой Александры Федоровны об исчезновении Распутина. Воейков в осторожной форме решил высказать сомнение. Он заметил, что на фронте затишье, а здесь, в Петрограде, очень беспокойно. Из департамента полиции продолжают поступать данные о возможных забастовках и демонстрациях рабочих, о новых противоправительственных выступлениях в Думе; в аристократических салонах беспрестанно

болтают о каких-то заговорах против самой императрицы, А. Вырубовой (ближайшей доверенной подруги Александры Федоровны, «другини Распутина», бывшей фрейлины), вообще о готовящемся дворцовом перевороте. В столь тревожные дни не лучше ли еще задержаться в Царском Селе, как советует и министр внутренних дел А. Протопопов и просит императрица?

Все, о чем говорил Воейков, царь хорошо знал. Но у него были и другие сведения. Наряду с многочисленными предупреждениями о тяжелой обстановке в стране, о необходимости пойти на уступки оппозиционной общественности, думскому «Прогрессивному блоку», Николай и императрица получали немало верноподданных заверений от приверженцев монархических организаций в том, что «простой русский народ» — с ним, с царем, что протестует, «бунтует» и подстрекает главным образом «гнилой» Петербург со своей пресыщенной аристократией и интеллигенцией и что стране необходима не конституция, а крепкая самодержавная власть.

По воспоминаниям Воейкова, в ответ на его замечание, что лучше отменить поездку, царь сказал, что ехать необходимо: на этом настаивает генерал Алексеев, только что вернувшийся в Ставку после трехмесячного лечения и отдыха в Крыму; его тревожит ход подготовки весеннего наступления, решенного на недавно закончившейся Петроградской конференции союзников. К тому же, по его мнению, ничего серьезного здесь, в столице, не произойдет: революционными выступлениями запугивают уже давно.

В среду, 22 февраля, два царских литерных поезда медленно отошли от железнодорожной станции Царского Села. Зайдя в свое купе, Николай увидел на столе запечатанное письмо императрицы. Он вскрыл его и стал читать. «Только, дорогой,— в который раз уже напоминала Александра Федоровна,— будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту,— дай им теперь почувствовать порой твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: «нам нужен кнут!..»¹ Николай ответит на это

---

¹ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 208.

письмо на другой день по прибытии в Могилев: «Ты пишешь о том, чтобы быть твердым — повелителем, это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю, но во все не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место»¹...

Между тем царские поезда, как вспоминал позднее придворный историограф генерал Д. Дубенский, шли обычным порядком. Всюду было спокойно. На станциях их приветствовало местное начальство, перроны были пустынные. Но в Ржеве, Вязьме и Смоленске народу собиралось довольно много. Люди снимали шапки, кланялись, кричали «ура!».

В Могилеве царя, как всегда, встречал начальник штаба Ставки генерал Алексеев. Автомобили быстро доставили прибывших в губернаторский дом. Поздно вечером, когда совсем стемнело, Дубенский вышел прогуляться. У подъезда в дубленых «романовских» полушубках стояли часовые Георгиевского батальона, а в садике перед дворцом дежурили полицейские. На крыше дома генерал-квартирмейстера ясно виднелись зачехленные пулеметы, установленные на случай налета неприятельских аэропланов, а возле них — фигуры часовых в папах и постовых в шинелях. «Тихий мягкий снег спускался с неба, — вспоминал Дубенский, — начиналась оттепель»².

Никто еще не знал и не мог знать, что в Петрограде начались события, которые всего лишь через несколько дней приведут к полному, тотальному крушению многовековой российской монархии. Непосредственные истоки этих событий лежали в озлоблении хлебных очередей, вызванных снежными заносами, не позволившими своевременно подвезти в Петроград вагоны с мукой. Ничего иного, никаких политических замыслов или планов тут еще не было. Но почти сразу же возникли забастовки, перераставшие в митинги и демонстрации: начало свою работу быстро пробудившееся партийное подполье. Внимательный наблюдатель событий, историк и архивист Г. Князев записывал в дневник:

---

¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 213.

² Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы (репринтное издание). Изд. 2-е. М., 1990. С. 39.

«Появились плакаты от рабочих с девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». И жутко повеяло от них. Это — крайние требования. Никакого компромисса, но резкостей нет. Ни одного выкрика вроде «долой самодержавие» и прочее. Чувствуется какая-то сдержанность Правда, на одном печатном на машинке плакате-прокламации говорится: «долой Романовых», «довольно гнета» и т. п.»¹. Однако и это ни у кого еще не вызывало особого беспокойства. Правда, уже 23 февраля для разгона рабочих демонстраций в Петрограде применялись конная и пешая полиция, жандармерия и отдельные кавалерийские части. Но огнестрельное оружие в ход не пускалось. Как городские власти, так и находившаяся в Царском Селе императрица были вполне уверены, что ситуация под контролем. Александра Федоровна писала царю в Ставку, что беспорядки не имеют серьезного значения и положение в руках командующего Петроградским военным округом генерала С. Хабалова.

На следующий день, 24 февраля, войска начали оцеплять мосты, занимать главные перекрестки улиц, чтобы изолировать демонстрантов и блокировать подступы к центру города. С утра 25-го, казалось, положение стало восстанавливаться. У градоначальника А. Балка, объезжавшего город, «впечатление получилось благоприятное». Магазины были открыты, уличное движение — нормальное. «Сенная площадь переполнена продуктами. Колбасная-шатер, устроенная принцем Ольденбургским, битком набита покупающими дешевые и вкусные колбасы. Поставные и городские держатся и отвечают бодро»². Однако днем столкновения с силами порядка участились, появились первые раненые и даже убитые. Но и теперь никто не думал, что это — революция. Восприятие историчности событий, отливаемое в «памятниковую бронзу», приходит позднее...

Дебаты в Государственной думе 23—25 февраля велись преимущественно по продовольственному вопросу, который использовался, правда, для критики прави-

---

¹ Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции. 1915—1922 гг. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Л., 1991. № 2. С. 117.

² Балк А. Последние 5 дней царского Петрограда: Дневник последнего петроградского градоначальника // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 35.

тельства. Но даже самая резкая звучала в основном предостерегающе: необходимо удовлетворить требование общественности раньше, чем оно, по словам кадета Ф. Родичева, «раздастся из истерзанной груди всего русского народа». В качестве первой меры примирительного характера правительство согласилось передать снабжение населения продовольствием органам городского управления. В «Прогрессивном блоке» придавали этому большое значение, видя в этом дальнейшее усиление позиций общественности в ее затянувшейся конфронтации с властью.

Со своей стороны Совет министров склонялся к поиску путей соглашения с думским «Прогрессивным блоком».

Министру иностранных дел Н. Покровскому и министру земледелия А. Риттиху поручили начать переговоры с некоторыми лидерами партий, входивших в блок, выяснив их намерения. Намерения далеко не шли: отставка премьера Н. Голицына, замена его человеком, «популярным в стране», и назначение министров, которым может доверять Дума.

Но 26 февраля генерал Хабалов, получивший из Ставки повеление «завтра же прекратить в столице беспорядки», дал инструкцию: «Если толпа наступает, открывать по ней огонь после трехкратного сигнала, в остальных случаях действовать кавалерией». И огонь был открыт... К вечеру 26 февраля стало казаться, что движение пошло на убыль.

Когда на другой день представитель «Прогрессивного блока» кадет В. Маклаков снесся с министрами, чтобы выяснить их решение о возможном компромиссе, ему ответили, что окончательное суждение правительство будет иметь в среду, то есть 1 марта. Маклаков не понимал: может быть, это шутка?

«— Вы знаете, что теперь происходит? — спросил он.

— Что же?

— Войска взбунтовались!»

Это произошло 27 февраля — в день перелома событий.

Полковник лейб-гвардии Преображенского полка А. Кутепов, в эти дни находившийся в Петрограде в отпуске и утром 27 февраля срочно вызванный в градоначальство, наблюдал там следующую картину: «Все они (находившиеся в градоначальстве представители

гражданских и военных властей.— Авт.) были сильно растеряны и расстроены. Я заметил, что у генерала Хабалова во время разговора дрожала челюсть»¹. В письме к Маклакову в декабре 1924 г. В. Шульгин усмотрел в «дрожании хабаловской челюсти» деградацию «классов, предназначенных для власти». «Поверхностность же наша русская уже с той минуты, когда я, человек провинциальный и необразованный, стал наблюдать лик столь желанной Северной Пальмиры, показалась мне собранием, если это выражение не оскорбит Вас, недоносков и выроdkов». По словам Шульгина, в «верхних кругах» оказался «полный рамолимент» (слабоумие, дряхлость.— Авт.). Сама государственная система, сориентированная на замораживание, застой, торможение, а не на движение и перемены, усугубляла этот рамолимент. «Нововременец» И. Меншиков еще раньше писал: «Все, что хотите, есть налицо: и образованность, и ум, и заслуженность, и канцелярский навык, и преданность престолу и отечеству — нет только той психологической независимости, без которой нет творчества. Подавляющим, гнетущим моментом является одно соображение: «как прикажут». В лучшем случае у нас исполняют букву, не вникая в дух,— вот причина возобладавшей мертвящей формальности»².

На это обстоятельство обращали, между прочим, внимание следователи Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, непосредственно соприкоснувшиеся с высокопоставленными царскими чиновниками и военными после падения монархии. Один из них, С. Корнеев, дал такую весьма колоритную характеристику военному министру М. Беляеву: «Вся его жизнь по штабам и канцеляриям, с одной иерархической ступеньки на другую — все выше и выше. Спал и дневал, обложившись бумагами. Форма и форма — вот главное. Содержание же — во-вторых. Знать все начальственные отношения, циркуляры, предписания, инструкции, уметь отписаться, наловчиться самому создавать правила и рекомендации, стригущие все и всех под одну гребенку, но, боже сохрани, не касаться лишь живого дела — вот катехизис. Засохнуть на ворохах бумаг, пропахнуть канцелярской плесенью и превратить»

---

¹ Генерал Кутепов: Сб. статей. Париж, 1931. С. 161.

² Новое время (Петроград). 1917. 4 февраля.

ся в какую-то чернильную запятую — незавидный удел человека. Но Беляев был именно таким»¹.

А вот генерал Хабалов — ключевая фигура в системе петроградских властей в дни Февраля. В молодости он служил в артиллерии Терского казачьего войска, позднее окончил Академию Генштаба, некоторое время находился во Франции. Следующий пункт его послужного списка — штаб гвардейского корпуса в Петрограде. Тут Хабалов занялся несколько необычным для военного человека делом: организовал некое «Гвардейское экономическое общество», но запутался в различных финансовых махинациях членов этого общества и ушел. Дальнейшая его служба протекала по «военно-учебному ведомству»: он командир Николаевского, затем Московского (Алексеевского) и, наконец, петроградского Павловского офицерских училищ. Перед самой войной был отправлен на Урал, где достиг должности наказного атамана Уральского казачьего войска. Могла ли не задрожать челюсть такого человека, столкнувшегося с солдатским бунтом? Нельзя, конечно, сказать, что он и не пытался ничего сделать. Сформировали отряд под командованием Кутепова, отряд запасного батальона Измайловского полка под командованием полковников П. Данильченко и Б. Фомина, некоторые другие части. Готовились защищать с ними Адмиралтейство, пока подойдут войска с фронта. Затем, однако, решили перейти в Зимний и держаться там.

В неопубликованных воспоминаниях Б. Фомин воссоздал почти зримую картину этого «похода» из Адмиралтейства в Зимний: «Был крепкий мороз, кругом — насколько хватало глаз — не было видно ни души. С нашим движением мертвая тишина Дворцовой площади огласилась шумом фыркающих лошадей и металлическим звоном режущих снег колес орудийных упряжек. Белый снег делал все предметы черными, но, благодаря ему и несмотря на отсутствие горящих фонарей, было совершенно светло». Впереди отряда, сгорбившись, шагал военный министр Беляев, за ним — Хабалов, Занкевич, Тяжельников и другие генералы.

Ночь поглотила мощное каре Зимнего дворца. Только из некоторых окон шел слабый свет, выхватывая из темноты суевившихся людей, лошадей, которые.

---

¹ Корнеев С. С. Чрезвычайная комиссия по делам бывших министров // Архив русской революции (Берлин). 1922. Т. 7. С. 15.

помахивая хвостами, мирно стояли у армейских повозок. Было что-то фантастическое в этой картине: Фомину и мгновение даже почудилось, будто творение Растрелли из огромного европейского города вдруг переместилось в степь, по которой движутся кочевники. Усилием вол он отогнал наваждение...

Во дворец вошли через главные ворота... Тут же и начали звонить министрам и «лицам царской фамилии» чтобы пригласить в Зимний дворец. Никто однако, не отозвался. Ранним утром 28 февраля к одному из подъездов Зимнего подкатили два легковых автомобиля. И первого вышел великий князь Михаил Александрович, брат царя. Но и он явился не по приглашению. Еще днем 27 февраля его срочно вызвал из Гатчины председатель Государственной думы М. Родзянко в надежде что тот свяжется со Ставкой по прямому проводу и попытается склонить царя на уступки думской оппозиции, уговорив его согласиться на формирование нового кабинета, пользующегося «доверием страны». Николай решительно отклонил эти рекомендации. Ввиду неудачи своей миссии Михаил собрался было вернуться в Гатчину, но дороги из Петрограда уже были блокированы. Тогда он и отправился в Зимний дворец.

С прибытием великого князя в штабе хабаловского отряда сумятица и неразбериха, пожалуй, еще больше усилились. Все теперь охотно готовы были передателем у бразды правления, чтобы сложить ответственность с себя. Неизвестно было, кто же тут командует. Все страшно боялись захвата восставшими Петропавловской крепости: в этом случае дворец оказался бы под угрозой удара с двух сторон... Созвали военный совет. Обсуждался один вопрос: способен ли отряд пробиться через Троицкий мост и «взять» крепость? Не решились. Большинство сошлось на том, что надо возвратиться в Адмиралтейство. Двинулись...

Возвращение плохо действовало на моральное состояние солдат. Разложение усиливалось и по мере того, как к зданию подходили все новые массы людей. Первой «колебнулась» 2-я рота: ее солдаты заявили, что в Адмиралтействе больше не останутся, уйдут в свои казармы. Удержать роту удалось с большим трудом. В половине девятого Хабалов передал в Ставку на имя генерала Алексеева фактический сигнал «SOS»: «Число оставшихся верными долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пуле-

метах, 12 орудиях... Положение до чрезвычайности трудное».

Около часу дня пришло известие, которого страшились еще в Зимнем дворце: взбунтовавшиеся солдаты овладели Петропавловкой. Прошел панический слух, что крепость готовится открыть огонь по Адмиралтейству, и, как бы в подтверждение, по окнам здания действительно было сделано несколько шальных выстрелов.

Перед вторичным уходом из Адмиралтейства отряд разоружился. Опасаясь стачек, сдали все оружие (винтовки, пулеметы и замки орудий) смотрителю здания. Было приказано выходить организованно, «ни на кого не обращая внимания». Восставшие не проявили никакой враждебности к последним защитникам престола. Напротив, минутное оцепенение толпы «прорвалось и вылилось в форму шумных приветствий: винтовки опустились, толпа кричала «ура» и кидала в воздух свои шапки». Фомин подал команду, и роты, четко печатая шаг, грянули песню: «Взвейтесь, соколы, орлами...»

Так закончилась эпопея защитников последнего бастиона монархии. Совершенно очевидны бессилие царских властей, их растерянность в тот момент, когда они, казалось бы, должны были проявить максимум энергии. Военный министр Беляев позднее, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, говорил, что он якобы полностью сознавал «историчность минуты», понимал, что «история скажет: а что же сделали эти господа?»¹.

«Адмиралтейский эпизод», кажется, дает ответ на этот вопрос: видя, что монархический корабль начал тонуть, «эти господа» покидали его...

А Государственная дума и на пятый день не решалась порвать с царской властью. На частном совещании депутатов, начавшемся около 3 часов дня 27 февраля, обсуждался один мучительный вопрос: что делать, если признать очевидным распад столичной власти, ее полную неспособность справиться с положением, с бастующими рабочими и бунтом солдат гарнизона? После длительных прений, в ходе которых выдвигались различные предложения, решили создать «особый комитет», назначение которого ясно отражалось в его

---

¹ Падение царского режима. Л., 1925. Т. 2. С. 235.

длинном названии — Временный комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями.

Этот комитет не был однороден, так же как не был однороден весь «Прогрессивный блок», из которого он собственно, и вышел. Правые члены комитета, возглавляемые октябристом М. Родзянко, вплоть до 2 марта практически не допускали мысли об отречении Николая II. Другая, левая, часть, лидерство в которой принадлежало кадету П. Милюкову, по-видимому, уже 28 февраля утвердилась в неизбежности ухода Николая и замены его другим монархом.

Чтобы осуществить свое намерение — сохранить Николая II на троне, Родзянко, как это следует из его телеграмм в Ставку 26 и 27 февраля (еще до образования думского Временного комитета), старался добиться согласия царя на «министерство доверия» (лозунг «Прогрессивного блока»). Однако Николай на телеграммы не ответил. Не удалась Родзянко, как мы уже знаем, и попытка воздействовать на царя через его брата, великого князя Михаила Александровича.

А события приобретали крутой оборот. Усиливалось давление Петросовета. Родзянко уже выглядел «вчерашним человеком», нужны были политики, готовые на более радикальные решения. Милюков и его сторонники во Временном комитете набирали силу. Тогда Родзянко попытался осуществить план, связанный с та называемым «великокняжеским манифестом». Сохранились воспоминания адвоката Н. Иванова, которые проливают свет на эту историю. Воспоминания Иванова опубликованы 19 декабря 1926 г. в эмигрантско-берлинской газете «Путь» под заголовком «Манифест великих князей. Из архива Н. Н. Иванова». Но есть и более полный архивный экземпляр этих воспоминаний. В конце февраля 1917 г. Иванов, тесно связанный по адвокатским делам с великим князем Павлом Александровичем, оказался в Петрограде. Очень интересны его наблюдения об атмосфере, царившей тогда в думских кругах. Родзянко и многих его думских друзей, вспоминал Иванов, били «страх и внутренняя дрожь». Они были почти уверены, что «сегодня придут и перевешают их». Чтобы рассеять туман неизвестности и выяснить, «что же происходит за порогом вокзалов», Родзянко 28 февраля направил Иванова в Царское Село на связь с великим князем Павлом Александровичем. Как

ишест Иванов, великий князь и Родзянко всемерно стремились избежать «столкновения верховной власти с думским Временным комитетом» путем создания «министерства доверия».

Решено было встретить Николая II прямо на вокзале с текстом манифеста, объявляющим о конституции. Хотя Александра Федоровна «в резкой форме» отказалась участвовать в составлении манифеста, текст его, по-видимому, все же был написан кем-то из высокопоставленных обитателей Александровского дворца. Но когда приехавший в Царское Село утром 1 марта Иванов прочитал его, у него «подкосились ноги». Там «не было ни одного конкретного мероприятия», «только высокопарная лирика». От имени царя объявлялось о поручении Государственному совету и Государственной думе «безотлагательно приступить к рассмотрению имеющего быть внесенным правительством нашим, опирающимся на доверие страны, проекта новых основных законов Российской империи». Каким правительством, каких новых законов, кем выработанных?! — недоумевал Иванов. Тут же текст был переделан. Он гласил: «Поручаем Председателю Государственной думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи»¹. Это уже было нечто более конкретное. Текст срочно перепечатали на машинке, и Павел Александрович (дядя царя), перекрестившись, поставил свою подпись внизу, оставив выше место для подписей великих князей Михаила Александровича (брата царя) и Кирилла Владимировича (двоюродного брата царя), шедших впереди него по праву престолонаследия

Забрав манифест, Иванов днем 1 марта помчался обратно в Петроград. Кирилл Владимирович подписал сразу, без колебаний: к этому времени он как командир Гвардейского экипажа уже побывал в Думе и засвидетельствовал ей свою лояльность. Сложнее оказалось с Михаилом. Иванов пытался найти его в Зимнем, но комендант дворца генерал Комаров под большим секретом сообщил, что Михаил находится на Миллион-

---

¹ Цит. по: Оговек. 1923. № 1.

пой, дом 12, на квартире княгини Путятиной. Иванов бросился туда. Прочитав манифест, Михаил заколебался, просил отсрочки до совета с супругой, графиней Н Брасовой, которая находилась в Гатчине, однако в конце концов подписал. Пробираясь с манифестом в кармане в Таврический дворец по улицам Петрограда, заполненным шумными толпами народа, Иванов, как он шипит, понимал, что «комбинация Родзянко» безнадежно запоздала, что ею одной уже не отделаться.

Между тем в Таврическом дворце, во Временном комитете Государственной думы, лихорадочно решался вопрос о поездке Родзянко сперва на станцию Бологое, а затем на станцию Дно, где, по поступавшим сведениям, должен был находиться поезд царя, для личной с ним встречи. Некоторые мемуаристы утверждали впоследствии, что во время этой встречи Родзянко намеревался якобы предложить Николаю II отречение, но и здесь допускалась путаница в описаниях стремительно менявшихся событий.

28 февраля и по крайней мере в первой половине 1 марта вопрос об отречении Николая во Временном комитете прямо еще не ставился. Он лишь намечался левой частью комитета, Родзянко же в любом случае в это время был противником такого решения. Задержка его поездки, а затем и срыв ее, очевидно, связаны с «великокняжеским манифестом». Скорее всего, Родзянко ждал Иванова, метавшегося между Павлом Александровичем, Кириллом и Михаилом. И вот наконец Иванов в Таврическом дворце. Но теперь Родзянко, по словам Иванова, выглядел «жалким возницей, теряющим вожжи». Он внимательно прочитал манифест: «Что вы думаете?» Я ответил: «Думаю, что это приходит слишком поздно». Родзянко согласился...

Во Временном комитете все более укреплялась мысль о том, что одним созданием «правительства доверия» или даже «ответственного министерства» дело не обойдется и что, если Дума с ее Временным комитетом хочет как-то удержаться на гребне событий, она должна пойти дальше: пределом этого «дальше» пока считалось отречение Николая II в пользу наследника престола, тринадцатилетнего Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. При таком повороте Родзянко мог оказаться за бортом. Вместе с тем его роль еще не была исчерпана. До сих пор именно он был посредником между Думой и Ставкой, верхи

армейского командования прислушивались именно к нему и вряд ли с такой же готовностью вступили бы в контакт даже с Милюковым.

Утром 2 марта Родзянко писал Михаилу, все еще находившемуся на Миллионной: «Теперь все запоздало. Успокоит страну только отречение от престола в пользу наследника при Вашем регентстве. Прошу Вас повлиять, чтобы это совершилось добровольно, и тогда сразу все успокоится»¹. Тогда же в разговоре по прямому проводу с командующим Северным фронтом генералом Н. Рузским, у которого в Пскове уже находился царь, именно Родзянко и поставил вопрос об отречении. Но на встречу с Николаем теперь лучше было ехать другим людям, более твердо державшимся в вопросе об отречении царя. Одним из таких людей был бывший председатель III Государственной думы октябрист А. Гучков, известный своим личным неприязненным отношением к Николаю II и разрабатывавший план его устранения от власти еще до начала революции. Другим стал член III Думы националист В. Шульгин, полагавший, что если уж речь зашла об отречении, то будет лучше, если его примет монархист.

Как сами Гучков и Шульгин (особенно последний), так и некоторые другие думские мемуаристы позднее утверждали, что решение срочно выехать в Псков было принято чуть ли не без ведома Временного комитета Думы и что никаких формальных полномочий у думских посланцев не имелось. Но Гучков и Шульгин, конечно, отдавали себе полный отчет в значении своей миссии и вряд ли решились бы на «партизанские» действия. Между прочим, есть и свидетельство, как будто бы подтверждающее это. Кадет В. Пепеляев, будущий премьер-министр правительства адмирала А. Колчака, в рукописи своих неопубликованных воспоминаний рассказывает: утром 2 марта, он, Пепеляев, был назначен комиссаром Думы в восставший Кронштадт. Поздно вечером того же дня в приемной уже созданного Временного правительства он ждал бумаги о командировании его в крепость. В этот момент из Пскова была получена телеграмма Гучкова о том, что «поручение выполнено» и что об отречении Николая «составляется шифрованная депеша»².

¹ Цит. по: Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 60—61.

² ЦГАОР. Коллекция.

Гучков и Шульгин должны были осуществить в Пскове тот политический план, который 1 марта был признан во Временном комитете неизбежным: компромисс с царем на базе «великокняжеского манифеста» (признание «ответственного министерства») уже невозможен; теперь выход — в отречении царя в пользу наследника при регентстве великого князя Михаила Александровича...

В пятом часу утра 2 марта Гучков и Шульгин на автомобиле приехали на квартиру Гучкова на Сергиевской улице. Гучков спешно набросал вариант проекта манифеста об отречении. Шульгин читал его второпях, сознавая, что написан он плохо, слабо, но был не в силах предложить какие-то улучшения.

Поехали на вокзал. Чуть-чуть светало. Вошли в комнату дремавшего начальника вокзала. По воспоминаниям Шульгина, Гучков сказал резко, властно: «Я — Гучков... Нам совершенно необходимо по важнейшему государственному делу ехать в Псков... Прикажите подать нам поезд»¹. Через двадцать минут они выехали.

---

¹ См.: Шульгин В. В. «Дни» // Отречение Николая II, С. 178,

Глава 2

«ИЗМЕНА И ТРУСОСТЬ И ОБМАН»

Считается, что Февральская революция победила 27 февраля, поскольку в этот день в Петрограде возникли две новые власти: Временный комитет Государственной думы и Петроградский Совет. Но это не так. Глава государства — император находился в Могилеве, в Ставке, и вплоть до 27 февраля ни он, ни высшие генералы, по-видимому, не отдавали себе отчет в последствиях того, что произошло и происходит в Петрограде.

24 и 25 февраля Протопопов, Беляев и Хабалов доносили из Петрограда о начавшихся волнениях, уверяя, что успешно справятся с ними. Тем не менее к вечеру 25 февраля, как уже упоминалось, Николай II дал Хабалову директиву «завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австро-Венгрией». Императрице в Царское Село он писал: «Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову!»¹

26 февраля, когда на улицах Петрограда войска уже стреляли в народ, появились раненые и убитые, характер информации, шедшей по официальным каналам из Петрограда и частным порядком от императрицы из Царского Села, не изменился. Только к полудню 27 февраля информация стала обретать иное содержание. Царю были доложены две телеграммы Родзянко, в которых тот призывал немедленно «составить правительство, пользующееся доверием всего населения». «Промедление, — телеграфировал Родзянко, — смерти подобно».

---

¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 224.

Примерно к середине дня в Ставку уже поступил сообщения о качавшихся волнениях в Петроградском гарнизоне, но они были не вполне внятными. Если Хабалов уже просил прислать немедленно надежные войска с фронта, то военный министр Беляев часом позже выражал уверенность в «скором наступлении спокойствия, для достижения которого принимаются беспощадные меры»¹. В 6 часов вечера 27 февраля премьер Голицын телеграфировал в Ставку, что правительство не может справиться с положением, просил распустить его и призвать к власти лицо, пользующееся «большим доверием». Примерно в то же время пришла депеша от Беляева, сообщавшего, что «погасить мятеж» ему не удастся и, как и Хабалов ранее, просившего о присылке надежных частей.

К исходу 27 февраля обстановка для Ставки начала наконец приобретать определенность. Во всяком случае, перед Николаем II теперь возникла альтернатива: либо поступить в соответствии с просьбами Родзянко, Голицына, Михаила Александровича, то есть пойти на уступки в духе программы думского «Прогрессивного блока», либо действовать согласно просьбам генералов Беляева и Хабалова и направить в Петроград войска с фронта, чтобы покончить с беспорядками и бунтом вооруженной силой. Царя беспокоила и семья, находившаяся в Царском Селе. Войска взбунтовавшегося Петроградского гарнизона могли двинуться туда, и было мало надежды, что Царскосельский гарнизон устоит. Императрица сообщала, что четверо детей и А. Вырубова внезапно заболели корью, что ей приходится не только ухаживать за всеми, но и подбадривать солдат и офицеров, охранявших Александровский дворец. «Мы все держимся по-прежнему, — писала она. — Вечером с Марией (одна из дочерей. — *Авт.*) делаю свой обход по подвалам (там находились стрелки охраны. — *Авт.*), чтобы повидать всех наших — это очень ободряет»².

В дневнике придворного историографа Дубенского есть запись о том, что к концу дня 27 февраля у Николая II будто бы состоялось экстренное совещание с участием начальника штаба Ставки генерала М. Алексее-

¹ См.: Февральская революция 1917 г. Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта // Красный архив. 1927. № 2(21). С. 6—8.

² Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 227.

ва, министра двора графа В. Фредерикса и дворцового коменданта В. Воейкова. Обсуждалась вся информация, полученная из Петрограда и Царского Села, намечался якобы характер ответных действий¹.

Дубенский пишет, что решено было будто бы согласиться на «ответственное министерство», однако факты не подтверждают этого. Николай избрал иной путь. Через Алексеева великому князю Михаилу Александровичу в Петроград было передано, что «все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе (Совета министров. — Авт.), его императорское величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село». Телеграмма председателю Совета министров Голицыну вообще не оставляла никаких сомнений в подлинных намерениях царя. «Относительно перемен в личном составе, — телеграфировал Николай, — при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми»².

За обедом, к которому приглашались высшие чины Ставки, союзнические представители и лица по указанию самого царя, он долго беседовал с генерал-адъютантом Н. Ивановым, а между 9 и 10 часами вечера вызвал его к себе. Иванов до конца 1915 г. командовал Юго-Западным фронтом, затем был смнен А. Брусиловым и в февральские дни 1917 г. числился при Ставке в резерве. Говорили, что он — сын каторжанина, солдатской и офицерской лямкой сумевший достигнуть армейских верхов. Он был известен как боевой «отец-командир», хорошо знающий душу простого солдата и умеющий привести его в повиновение. В Ставке, вероятно, помнили усмирение Ивановым матросских бунтов в 1906 г. Возможно, это и сыграло решающую роль в его новом назначении. Он должен был сменить Хабалова на посту командующего Петроградским военным округом, для чего в сопровождении Георгиевского батальона выехать в Царское Село. Одновременно с Северного и Западного фронтов распоряжением Ставки туда командировались по два пехотных, по два кавалерийских полка и по одной пулеметной команде.

28 февраля утром Алексеев дополнительно телеграфировал и на Юго-Западный фронт, чтобы там готовили к отправке на Петроград еще четыре полка.

---

¹ См.: Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. С. 49.

² Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 12, 13.

Вечером того же дня Алексеев сообщал военному министру Беляеву, что головные эшелоны должны прибыть в столицу на рассвете 1 марта, и добавлял: «Если представится необходимость, то в Петроград будет отправлена одна из гвардейских кавалерийских дивизий, каковую приказано подготовить к посадке». Часом позже он предупредил командующего Северным фронтом генерала Н. Рузского и командующего Западным фронтом генерала А. Эверта, чтобы они были готовы снять со своих фронтов полки и батареи 2-й и 15-й кавалерийских дивизий.

Почти вся деятельность Ставки сосредоточивалась теперь на борьбе с врагом «внутренним». Генерал Алексеев вскоре после революции вспоминал: «В дни переломов мне сильно нездоровилось. Клембовский (заместитель Алексеева. — Авт.) вел переписку, размеры которой возросли до крайности. Оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта, впереди всего стали внутреннеполитическая сторона, судьба войск, двинутых к Петрограду под начальством Иванова, удержание всей армии в порядке»¹. 28 февраля Николай II занес в свой дневник: «Лег спать в 3¼, так как долго говорили с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок».

Эшелон Иванова, в который посадили Георгиевский батальон, 5-ю роту Сводного полка и полуроту Железнодорожного полка (всего примерно 800 человек), ушел из Могилева около 3 часов утра 28 февраля, взяв курс на Царское Село. Солдаты находились в полном боевом снаряжении, каждый из них получил по 120 боевых патронов. Почти сразу же была утрачена утойчивая связь со Ставкой, доходили лишь отрывочные сведения о движении навстречу каких-то поездов, переполненных солдатами, «дебоширящими на станциях», отбирающими у офицеров оружие. Иванов решил приступить к усмирению, используя свой старый опыт.

По его приказу поезда останавливались, начиналась проверка билетов и документов, часть пассажиров, главным образом солдат, высаживалась. На некоторых станциях задержанные смело кричали солдатам-георгиевцам: «Братцы, помните: свобода! Не мешайте братцы! Помните: свобода, ура!»² Иванов самолично

¹ Из дневника генерала М. В. Алексеева // Русский исторический архив (Прага). 1929. Сб. 1. С. 53.

² ЦГАОР. Ф. 1467 (ЧСК). Оп. 1. Д. 467. Л. 4—5.

расправлялся со смутьянами: приказывал ставить на колени, завязывать рот платком. Это выглядело несколько комедийно — генерал напоминал гоголевского героя, который считал, что достаточно ему послать свою форменную фуражку, чтобы бунтующие мужики разбежались.

Около 9 часов вечера 1 марта эшелон пришел в Царское Село. Тут было еще относительно спокойно. Комендант Александровского дворца генерал Гроттен старался никоим образом не спровоцировать нападение на дворец. Часть стрелков царскосельских полков он разместил в подвалах и нижних этажах. Александра Федоровна, не потерявшая головы в этой сверхнапряженной обстановке, отрываясь от ухода за больными детьми, спускалась вниз, успокаивая и подбадривая солдат. Иванов был тут же принят ею. В одном из писем царю (не полученном им) она писала: «Я думала, что он (Иванов. — *Авт.*) мог бы проехать к тебе через Дно, но сможет ли он прорваться? Он надеялся провести твой поезд за своим»¹.

Если такой план и возник, то тут же он и отпал. До Иванова дошли сведения о подходе к царскосельскому вокзалу, где стоял его эшелон, каких-то воинских частей. Где-то возникла перестрелка. Не имея еще подкреплений, шедших к нему, Иванов предусмотрительно решил уклониться от возможного столкновения. Он отвел свой эшелон на станцию Вырица и телеграфировал в Ставку: «До сих пор не имею никаких сведений о движении частей, назначенных в мое распоряжение. Имею негласные сведения о приостановке движения моего поезда. Прошу принятия экстренных мер для восстановления порядка среди железнодорожной администрации, которая, несомненно, получает директивы Временного правительства»².

Между тем эшелоны с полками, которые должны были сосредоточиться в районе Царского Села и поступить под команду Иванова, «забуксовали». Лучше обстояло положение с войсками, шедшими с Северного фронта. Головной эшелон (с частями Тарутинского полка) добрался до места назначения — станции Александровской, эшелоны Бородинского полка находились в Луге, а остальные растянулись между Лугой

¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 227.

² Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 3(22). С. 30—31.

и Псковом, Псковом и Двинском. Эшелоны с частями направлявшимися с Западного фронта, миновали Полоцк. Требовались по крайней мере еще одни сутки, чтобы подтянуть все эти силы к Царскому Селу

Но именно в течение этих суток (с вечера 1 марта и до позднего вечера 2 марта) в Петрограде произошли события, сорвавшие решение задачи, поставленной перед генералом Ивановым. Там, как мы уже знаем, старая власть пала, к вечеру 27 февраля правительство перестало существовать, возникли Временный комитет Государственной думы и Петроградский Совет. В ночь с 1 на 2 марта между ними было достигнуто соглашение о создании Временного правительства. Левое крыло Временного комитета Государственной думы, естественно, получило преобладающую роль в правительстве. Из 12 министров 8 были кадетами или близки к ним, 1 — эсер (Керенский) и только 3 октябриста Родзянко, игравший до этого чуть ли не ключевую роль, в правительство вообще не вошел. Премьер-министром стал независимый, а фактически близкий к кадетам князь Г. Львов. Цель «Прогрессивного блока», казалось, была достигнута.

Правительство, получив пусть условную но все-таки поддержку Петроградского Совета, рассчитывало взять ситуацию под контроль, стабилизировать ее. Экспедиция Иванова могла только помешать этому. На Иванова, по-видимому, решено было оказать давление. К нему отправились два полковника Генштаба А. Тилле и В. Доманевский — в надежде убедить генерала, что вооруженная борьба теперь только осложнит и ухудшит положение, что порядок легче восстановить путем соглашения с думским комитетом и Временным правительством. Об этом, по всей вероятности, хотел говорить с Ивановым и Гучков, который ранним утром 2 марта поехал с Шульгиным в Псков к царю и который телеграфно согласовывал свою встречу с Ивановым, но она не состоялась. На Иванова давили и с другой стороны — со стороны Ставки, которая, как увидим чуть дальше к концу дня 28 февраля совершила важный политический поворот: решила пойти на соглашение с думским Временным комитетом и Временным правительством.

В таких условиях экспедиция генерала Иванова затормозилась. Занесенный над Петроградом кулак повис в воздухе.

Еще не занялся морозный рассвет последнего февральского дня 1917 г. (было 5 часов утра), когда литературный поезд «А», в котором находился император, тихо отошел от могилевского вокзала. Часом раньше, как это и полагалось, ушел литературный поезд «Б» — свитский. Впоследствии многие мемуаристы оценят отъезд Николая из Могилева как большую, даже роковую ошибку. «Находясь в Ставке,— писал полковник В. Пронин,— государь при армии, под ее защитой. Отсюда можно организовать управление страной вместо ушедшего правительства, и тогда пусть бунтует Петроград. Задушить его, изолировать со всех сторон»¹.

Некоторые утверждали, что царя отговаривали уезжать из Могилева, ссылаясь на опасность утери связи между ним, Ставкой и Царским Селом, а также возможность попасть в руки мятежников². Другие же, напротив, обвиняли генералов-«изменников» (особенно Алексеева) в том, что они чуть ли не сознательно организовали отъезд царя из Могилева. Дворцовый комендант Воейков рассказал целую историю о «коварстве» Алексеева, узнавшем об отъезде царя. «Его хитрое лицо,— пишет Воейков,— приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой слащавым голосом спросил меня: а как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?» Это будто бы насторожило Воейкова, и он прямо прервал Алексеева ответить на вопрос, считает ли тот опасным отъезд царя. «Отчего же? — сказал Алексеев.— Пускай государь едет... ничего»³.

Все это, впрочем, позднейшие мемуарные напластования, имеющие цель обвинить одних и оправдать других.

Некоторым современникам и мемуаристам казалось, что и блуждание литературных поездов, после того как они ушли из Могилева, не было случайным, что оно направлялось волей людей из Временного комитета Государственной думы, что именно отсюда предпринимались лихорадочные усилия, чтобы не пропустить царя в Царское Село либо блокировать его возможное возвращение

---

¹ Пронин В. М. Последние дни царской Ставки. Белград, 1929. С. 17.

² См.: Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 209—210.

³ Воейков В. И. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936. С. 201—202.

в Ставку. Но, по воспоминаниям инженера Ю. Ломоносова — помощника комиссара думского комитета в министерстве транспорта, лидеры комитета в ответ на запросы о том, что делать с царским поездом, давали неопределенные, даже противоречивые указания¹. И это представляется верным.

Как бы там ни было, но вышедшие на рассвете 28 февраля оба литерных поезда в течение суток, вплоть до раннего утра 1 марта, беспрепятственно двигались по своему маршруту. Прямая связь царского поезда со Ставкой временно прекратилась вскоре после Орши, куда генерал Алексеев успел передать полученную им из Петрограда телеграмму группы членов Государственного совета, просивших Николая о безотлагательном даровании «министерства доверия». Затем в течение всего 28 февраля никакой дополнительной информации из Ставки и Петрограда не поступало. Сведения, получаемые на станциях от железнодорожных и жандармских офицеров, встречавших поезд, носили отрывочный и неопределенный характер. Обстановка особой тревоги не внушала. На некоторых станциях стоявшие здесь воинские эшелоны при проходе царского поезда выстраивали почетные караулы; раздавались звуки гимна, крики «ура». Все это лишь могло укрепить у Николая и свиты убеждение, что бунтуют одни запасные в Петрограде, но Россия и особенно армия по-прежнему верны престолу.

Около 9 часов вечера 28 февраля свитский поезд (литер «Б») прибыл в Лихославль. Именно с этого момента стали поступать тревожные сведения. Наибольшие опасения внушали две телеграммы: одна — комиссара Временного комитета Государственной думы А. Бубликова, разосланная по всей железнодорожной сети, другая — никому не известного поручика Грекова. В первой говорилось о том, что старая власть оказалась бессильной и Государственная дума «взяла в свои руки создание новой власти», во второй содержалось требование неведомого Временного правительства (оно еще не было создано!) повернуть оба литерных поезда не в Царское Село, а прямо в Петроград.

В час ночи 1 марта литер «Б» подошел к станции Малая Вишера: до Петрограда оставалось около 150

---

¹ См.: Ломоносов Ю. Воспоминания о Мартовской революции 1917 года. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 20.

верст. Во время стоянки в купе командира собственно-го его величества Железнодорожного полка генерала Цабеля буквально вбежал запыхавшийся офицер. Он доложил, что только что приехал на дрезине со станции Любань, которая уже якобы находится во власти восставших войск, и, по имеющимся у него сведениям, то же самое произошло на станции Тосно. Историк-эмигрант С. Мельгунов утверждает, что это сообщение было ложным и ничего подобного в Любани не было: просто солдаты какой-то проезжающей воинской части разгромили там станционный буфет, после чего порядок довольно быстро восстановили¹.

Но этого в свитском поезде, конечно, не знали. Прошло не более получаса с момента получения сообщения о событиях в Любани и Тосно, а солдаты охраны уже бежали по слабо освещенной платформе, занимали телефон, телеграф, комнату коменданта. Офицеры спешно выставляли часовых вокруг поезда, на входных стрелках, у водокачки. О движении дальше не могло быть и речи. В непроглядной темноте морозной ночи, ярко сверкая оконным светом, литер «Б» застыл в ожидании подхода поезда царя. Он тихо, спуская пары, подошел примерно через час. Почти все окна были темны: в поезде спали. Быстро разбудили Воейкова; тот поднялся сонный, со всклокоченными волосами. Торопливо оделся, пошел к царю. Николай встал, надел халат и, заслушав Воейкова, сказал: «Ну, тогда поедemте до ближайшего юза (телеграфный аппарат.— *Авт.*)»². Ближайший юз был в Пскове, где находился штаб Северного фронта...

Между тем думский комитет лихорадочно искал связи с выехавшим из Могилева царем. Опасаясь, что он прибудет в Царское Село примерно в одно и то же время с войсками генерала Иванова, лидеры комитета решили, что целесообразнее перехватить Николая в пути.

После того как в Петрограде стало известно, что со станции Малая Вишера царские поезда повернули на Бологое, из Думы последовало распоряжение задержать их там до встречи с Родзянко. Но телеграмма либо запоздала, либо не была вручена, и оба поезда в 9 часов утра, не меняя паровозов, проследовали через

¹ См.: Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. С. 70.

² См.: Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 92.

Бологое на Старую Руссу. В Петрограде вполне могли расценить это как уклонение от встречи с Родзянко и стремление прорваться назад в Ставку. Так же можно объяснить телеграмму Бубликова, содержащую приказ: со станции Дно направить в сторону Бологое два товарных поезда, занять ими какой-либо разъезд и «сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое в Дно»¹. Неисполнение приказа в духе уже распространявшейся революционной риторики расценивалось как измена отечеству.

Тем не менее приказ не был выполнен. Попытку железнодорожников перегородить путь на Дно организацией крушения балластного поезда сорвали жандармские власти. Поэтому литерные поезда беспрепятственно достигли станции Дно. Сюда, по утверждению Воейкова, и пришла телеграмма Родзянко, сообщавшего: «Выезжаю на ст. Дно для доклада вам, государь, о положении дел и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута»². По имеющимся сведениям, царь действительно ждал Родзянко в Дно, но тот не приехал. Не дождавшись, Николай приказал сообщить Родзянко, что направляется в Псков. Гучков и Шульгин знали, таким образом, где они сумеют застать царя.

Около 8 часов вечера 1 марта литерные поезда подошли к Пскову. Никакого почетного караула уже не было. Но через некоторое время на платформе появился главнокомандующий Северным фронтом генерал-адъютант Н. Рузский — худенький старичок с тростью, в резиновых галошах поверх сапог. По воспоминаниям, лицо у него было бледное, хмурое, глаза неприветливо смотрели из-под стекол круглых очков. За ним шли его начальник штаба генерал Ю. Данилов, генерал-квартирмейстер Н. Саввич, еще несколько офицеров. Рузского, Данилова и Саввича провели в царский вагон. Открывалась последняя страница истории последнего царствования...

Пока литерные поезда 28 февраля и 1 марта блуждали по железнодорожным путям, Ставка изменила

¹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 36.

² Цит. по: Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. С. 55.

свою позицию, что решающим образом повлияло на ход событий, приведших к падению монархии. Если до сих пор она поддерживала курс на вооруженную борьбу с петроградскими беспорядками и усиленно работала над организацией экспедиции генерала Иванова, то теперь, поздно вечером 28 февраля, генерал Алексеев, на стол которого ложились новые сведения о событиях в Петрограде, все более утверждался в мысли о необходимости соглашения с Временным комитетом Государственной думы.

Алексеев и некоторые другие генералы Ставки в определенной мере уже довольно давно были готовы к такому повороту. Имеется немало свидетельств о недовольстве Алексеева «распутинской» политикой царя и царицы, о его связях с либерально-буржуазной оппозицией, в частности с будущими премьер-министром Временного правительства князем Г. Львовым и военным министром А. Гучковым. Прикомандированный к Ставке историк и литературовед М. Лемке в своей книге «250 дней в царской Ставке» (вышла в 1921 г.) вообще стремился представить дело так, будто Алексеев и другие генералы чуть ли не организовывали некий заговор. Это представляется сильно преувеличенным. Алексеев, выбившийся в верхний эшелон армейского командования собственными талантом и работоспособностью, скорее всего разделял по крайней мере некоторые взгляды тех, кто видел причину бед в заскорузлой, бюрократической системе режима. Теперь либералы уверяли, что выполнение их требований об «ответственном министерстве» остановит волнения и развал власти и позволит, сохранив монархию, продолжать войну с Германией до победного конца. В Ставку одна за другой поступали телеграммы, сообщавшие о переходе все новых и новых войск в революционный лагерь, об аресте министров и других царских чиновников.

Из всей этой информации могло создаться впечатление, что для восстановления порядка сил генерала Иванова может и не хватить. Возникал трудный вопрос о подготовке новых воинских соединений и отправке их на Петроград. По уверению А. Лукомского, на это потребовалось бы не менее 10—12 дней, причем реально вырисовывалась перспектива боевых действий как на фронте, так и в тылу. Ретроспективно оценивая эти расчеты, можно увидеть, что они (если и были в действительности) представляли собой явное преувеличение

либо (если появились *post factum*) служили самооправданием. Есть множество свидетельств большой неуверенности, царившей в Государственной думе и Петроградском Совете. Их страшно пугали слухи о движении карательных войск Иванова, дезорганизация солдатских масс гарнизона, общая неразбериха. Хорошо дисциплинированная боевая часть, вероятно, без особого труда могла бы навести порядок в Петрограде. Но ничего этого в Ставке не знали. Во всяком случае, возможность решить дело мирным путем, предлагаемым думскими лидерами, не могла не выглядеть соблазнительной. Ведь речь шла отнюдь не о свержении монархии и даже пока не об устранении императора, а всего лишь о его уступках общественности.

В ночь на 1 марта Алексеев принял решение пойти навстречу лидерам Думы, предполагая, что большинство главнокомандующих фронтами должны поддержать его. Все еще не имея связи с царем, Алексеев направил в Царское Село телеграмму для вручения генералу Иванову. В ней сообщалось, что в воззвании думского комитета речь идет «о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства». «Если эти сведения верны,— передавал Алексеев,— то изменятся способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу... Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите его величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию»¹.

Рассчитывая, что вскоре после Иванова в Царское Село прибудет и сам царь, Алексеев решил оказать давление непосредственно и на него. В телеграмме, отправленной в Царское Село, он умолял Николая «ради спасения России и династии поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасение»².

---

¹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 31.

² Там же. С. 39—40.

Эту телеграмму царь не получил. Как мы знаем, он не сумел добраться в Царское Село и повернул на Псков. Как только об этом стало известно в Ставке, Алексеев приказал немедленно передать свою телеграмму в Псков. Туда же, в штаб Северного фронта, Ставка оперативно направляла все получаемые ею телеграммы (командующего Балтийским флотом адмирала А. Непенина, главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А. Брусилова, великого князя Николая Николаевича и других), в которых единственным выходом признавалась необходимость пойти навстречу Думе. Находившийся в Ставке великий князь Сергей Михайлович также просил передать Николаю II, что полностью поддерживает Алексеева и считает, что во главе правительства следует поставить Родзянко.

Между тем события развивались невероятно стремительно. Поздно вечером 1 марта, когда царь уже находился в Пскове, Алексеев телеграфировал ему, что нужно даровать не «министерство доверия», а министерство, прямо ответственное перед Думой. «Поступающие сведения,— сообщал генерал,— дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти». Торопясь не упустить момент, Алексеев тут же передавал текст составленного в Ставке манифеста. «Объявляем всем верным нашим подданным: грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей Родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь героической нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нам отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России... Во имя нашей возлюбленной Родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам Господь Бог»¹.

---

¹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 53—54.

Увы, этот манифест безнадежно запоздал. Мы уже знаем, что в Петрограде думские лидеры сделали новый шаг: пришли к мысли о необходимости отречения Николая II в пользу наследника — тринадцатилетнего Алексея при регентстве его дяди — младшего брата царя великого князя Михаила Александровича. В оппозиционных кругах считали, что малолетство нового царя и отсутствие государственного опыта у «слабовольного» Михаила позволит новому, либеральному правительству беспрепятственно проводить свою программу. Как триста лет тому назад один из московских бояр обосновывал избрание на престол Михаила Федоровича Романова: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден...» Но Алексеев и другие генералы, ничего еще не зная об этом, отставали от событий. Мысль об отречении царя им в голову еще не приходила.

Выше уже говорилось, что вплоть до прибытия в Псков царь не получал каких-либо официальных данных, рисовавших обстановку в более грозном свете, чем это представлялось в ночь на 28 февраля, когда литерные поезда ушли из Могилева. Но после того как он не сумел пробиться в Царское Село, у него, возможно, произошел определенный психологический надлом, усиливший сомнения и колебания. Тем не менее, как утверждал генерал Рузский, принятый Николаем II вскоре после прибытия в Псков, на все его просьбы даровать «ответственное министерство» царь и теперь «возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения»¹. На горячие аргументы Рузского, на упоминание, что Алексеев и другие генералы Ставки высказываются за формулу «государь царствует, а правительство управляет», царь отвечал: эта формула ему не понятна, надо было иначе быть воспитанным, переродиться. Он, вспоминал далее Рузский, «высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться с своей задачей»².

События очень скоро подтвердили его опасения. Оставшись без поддержки, один перед «фронтом» высших генералов, буквально бомбардировавших его настойчи-

---

¹ Рузский Н. В. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. // Отречение Николая II. С. 152.

² Там же. С. 153.

выми требованиями уступить Думе, Николай в конце концов сдался. Согласие на «ответственное министерство» по существу означало отказ от экспедиции генерала Иванова, и в 20 минут первого в ночь на 2 марта Николай дал Иванову в Царское Село телеграмму: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать»¹. Основываясь на этом приказе, Ставка приостановила отправку и движение к Петрограду воинских частей Северного, Западного и Юго-Западного фронтов.

Ранним утром 2 марта в телеграмме на имя генерала Алексеева царь сообщал, что «можно объявить представленный манифест (об «ответственном министерстве». — *Авт.*), пометив его Псковом»².

Казалось, свершилось: Россия наконец вступила на путь конституционного, парламентского правления, началась новая эпоха в ее истории. В Ставке и штабе Северного фронта генералы уже вздохнули с облегчением, считая, что дело сделано и все теперь быстро придет к внутреннему миру. С этой надеждой, захватив все необходимые документы, поехал в свой штаб, в город, и генерал Рузский. Отсюда он должен был по прямому проводу сообщить Родзянко, что столь долгожданное согласие царя получено!

Разговор начался в 3 часа 30 минут утра 2 марта и продолжался почти четыре часа, причем его содержание почти одновременно передавалось в Могилев, в Ставку. То, что услышал Рузский от Родзянко, потрясло его до глубины души. В ответ на сообщение, что уже составлен манифест об «ответственном министерстве», о правительстве, ответственном перед Думой, Родзянко заявил: теперь это уже никого не удовлетворит, «настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко»; «народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убивают своих офицеров». Теперь, говорил Родзянко, «династический вопрос поставлен ребром»³.

Сгущал ли Родзянко краски? Днем 2 марта, когда Миллюков, выступая в Таврическом дворце (в это время царь еще не отрекся, но Миллюков знал, что в Псков

---

¹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 53.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 56.

выехали Шульгин и Гучков), заявил, что престол перейдет к наследнику царя Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича, поднялись крики протеста. Антимонархические митинги и собрания действительно проходили и на некоторых заводах и в полках гарнизона. Орган Петроградского Совета газета «Известия» в тот же день писала: «Династия Романовых ныне свержена... к ней возврата быть не должно».

Но было ли это общим мнением? Можно ли было судить об этом наверняка даже по многочисленным резолюциям, постановлениям и обращениям? Ведь ни для кого не было секретом, что они принимались по предложениям партийных лидеров и функционеров в основном активным политическим меньшинством при пассивности или даже равнодушии большинства. «Молчаливое большинство» существовало и в 1917 г. Тогда его называли «безмолвствующим»...

Антимонархические настроения стали усиливаться днем 2 марта, а ночью и ранним утром Родзянко в разговоре с Рузским ничего этого знать, естественно, не мог и, когда говорил, что решение «поставленного ребром» династического вопроса означает отречение в пользу сына при регентстве Михаила Александровича, прежде всего выражал мнение, возобладавшее в самом думском комитете. Напрасно ошеломленный генерал Рузский, который узнал о новой «комбинации» раньше других военачальников, в просительном тоне убеждал Родзянко, что царь пошел на все возможные уступки (отменил карательную экспедицию Иванова, согласился не только на «министерство доверия», но и на «ответственное министерство»), и взывал, чтобы «почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар». Родзянко совершенно определенно дал понять, что только в случае отречения «переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней»¹.

Этот разговор дорого обойдется Родзянко. В эмиграции монархисты будут травить его за то, что он якобы ввел в заблуждение командные верхи и это под его влиянием генералы склонили царя к отречению. Но

---

¹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 59.

В. Шульгин в некрологе бывшему председателю IV Государственной думы напишет: «Главное, что ставят ему в вину,—это, конечно, то, что он советовал государю отречение... А что же, если бы Родзянко не советовал отречься, молчал бы, трон удержался бы?.. Я же думаю и теперь, что иного исхода не было. Чтобы не отречься, надо было залить кровью Петроград. Кто мог это сделать тогда? Где был тот человек и те люди?»¹ В этих словах немало справедливого, но нельзя все же забывать и того, что и сам Шульгин «советовал государю отречение»...

Всего лишь через полтора-два часа после окончания разговора Рузского с Родзянко (в 9 ч. утра) А. Лукомский вызвал к аппарату начальника штаба Северного фронта генерала Ю. Данилова. От имени Алексеева он решительно потребовал, чтобы Рузский немедленно разбудил царя и сообщил ему все, что говорил Родзянко. «Генерал Алексеев,— говорил Лукомский,— убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута, и всякие этикетки должны быть отброшены». От себя Лукомский добавлял, что «выбора нет, и отречение должно состояться».

В ответ генерал Данилов выразил сомнение, что Рузскому удастся быстро получить согласие царя на отречение, так как «весь вечер до глубокой ночи прошел в убеждениях поступиться в пользу ответственного министерства». Лукомский ответил: «Дай бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи»².

Опасаясь категорического отказа царя или его новых колебаний, Ставка решила помочь Рузскому. В то самое время (в одиннадцатом часу утра), когда он направился в царский поезд, чтобы доложить о разговоре с Родзянко, Алексеев подписал циркулярную телеграмму главнокомандующим фронтами и флотами. Вот этот важнейший документ, который повернул стремительный поток событий в новую, неведомую до того сторону. «Теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка,

¹ Русь (Белград). 1924. 21 февраля.

² Февральская революция 1917 г. Документы Ставки.. // Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 74—75.

по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний, повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках петроградского временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. ...Потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и... между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху. 2 марта 1917 г., 10 ч. 15 м. Алексеев»¹.

Это был во всех смыслах блестяще составленный документ, комментировать его нет нужды. Думается, что, подписывая его, Алексеев ни на минуту не сомневался в ответах главнокомандующих, в их «единстве мыслей и целей». Так и произошло.

После революции некоторые монархисты будут обвинять генерал-адъютантов, высказавшихся за отречение Николая II, в сговоре, в измене чести и долгу присяги и в конечном счете в гибели монархии. В эмиграции в 20-е годы вышла брошюра под названием «Генерал-адъютанты — изменники». Такого же рода брошюры выходили за рубежом и много позднее. Например, В. Кобылин в книге, выпущенной в Нью-Йорке в 1970 г., квалифицировал поведение высшего командования в первые мартовские дни 1917 г. как «величайшее преступление», «открытую измену». Так ли это? Конечно, некоторые из высших генералов были недовольны «распутинщиной» или даже имели определенную личную неприязнь к царю. Например, великий князь Николай Николаевич, вероятно, хорошо запомнил ту «боевую кампанию», которую весной и летом 1915 г. вела против него императрица Александра Федоровна, подозревавшая его в намерении сместить Николая II с престола, и которая закончилась переводом великого

---

¹ Цит. по: Отречение Николая II. С. 237.

князя с поста Верховного главнокомандующего на Кавказ.

Есть свидетельства (частично об этом мы уже писали), что не испытывал особых симпатий к царю и генерал Алексеев, считавший, что вокруг него собрался «клубок грязных червей» (Распутин, Вырубова, Штюрмер, митрополит Питирим и другие). Ну а Брусилов или Эверт, которым царь лично вручал генерал-адъютантские погоны и которые коленопреклоненно благодарили его (говорили, что Брусилов целовал царю руку)? Нет, думается, личные моменты все же не играли сколько-нибудь значительной роли в решениях генералов, советовавших Николаю отречься от престола. Определяющими были политические соображения. Замена терявшего авторитет царя другим виделась генералам как спасительное средство успокоения в стране и продолжения войны. Не нужно забывать, что в таком исходе они не только не усматривали возможность крушения монархии, но, напротив, считали его единственным путем к спасению династии, а значит, и монархии. Военные люди, в общем-то далекие от политики, могли ли они тогда, утром 2 марта, заглянуть настолько далеко, чтобы различить все последствия своих «верноподданнических» прошений? Могли ли они представить, что произойдет дальше? Они не знали и не могли знать, что за отречением Николая II последует не точка, а многоточие. Впрочем, этого в те дни не знал никто...

Но пройдет время, и генералы (многие из них станут вождями «белого дела»), так или иначе причастные к псковской драме, будут оправдываться за прошлое. В начале 20-х годов между генералами А. Деникиным и А. Лукомским (который в дни Февральской революции занимал пост генерал-квартирмейстера Ставки и через которого шла связь) развернулась довольно острая полемика о роли, сыгранной Алексеевым в отречении Николая. Полемика шла заочно: генералы обменивались письмами в связи с подготовкой Деникиным его многотомных «Очерков русской смуты». Прочитав рукопись первого тома, Лукомский критически высказался об Алексееве, который якобы мог тогда «подавить петроградское действо», но не сделал этого, «будучи прирожденным соглашателем»¹.

---

¹ ЦГАОР. Коллекция.

Деникин в своем ответе защищал Алексеева. «Нет, не мог, — писал он, — по слабости своего характера и по неустойчивости государственного характера». Но далее он указывал на глубокую противоречивость «антиалексеевской» позиции Лукомского: «Вы же сами пишете, что подавить революцию силой оружия нельзя было... Это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой»¹. В этом замечании Деникина, может быть, и заключается объяснение позиции высших генералов в критические февральские дни. Согласие на «ответственное министерство», а затем и отречение Николая II они рассматривали как дорогую, но все же наиболее приемлемую цену за ликвидацию революционной смуты. Да, Алексей, по характеристике Лукомского, был «соглашателем», но иного пути, кроме как соглашения с думским комитетом, видимо, не было: царского Совета министров в Петрограде уже не существовало, Николай II был отрезан от Петрограда и Ставки. В такой обстановке единственной точкой опоры Алексееву и другим генералам представлялась Государственная дума, ее Временный комитет.

Но это потом белые генералы начнут выяснять, кто из них бросил наиболее «увесистый булыжник в государя», и сожалеть о случившемся в Пскове. А 1 и 2 марта 1917 г., склоняя Николая II к компромиссу с Думой, а затем и отказу от власти, они не колебались в своих намерениях.

К двум часам дня в Ставку начали поступать ответы. В 14 часов 30 минут Алексей сообщил в Псков: «Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученные мною на имя Вашего Императорского Величества телеграммы». Их было три. Главнокомандующий Кавказским фронтом, дядя царя великий князь Николай Николаевич «колениопреклоненно» молил его спасти Россию и наследника. «Осенив себя крестным знаменем, — просил Николай Николаевич, — передайте ему — Ваше наследие. Другого выхода нет». Главнокомандующий Юго-Западным фронтом, герой прорыва летом 1916 г. генерал-адъютант Брусилов просил доложить Николаю II его всеподданнейшую просьбу «отказаться от престола в пользу Государя наследника цесаревича при регентстве великого князя

---

¹ ЦГАОР. Коллекция.

Михаила Александровича. Другого исхода нет; необходимо спешить». Главнокомандующий Западным фронтом генерал-адъютант Эверт, «не находя иного исхода», умолял царя «во имя спасения Родины и династии принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому».

Передавая эти телеграммы в Псков, Алексеев от себя добавлял: «Умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам; промедление грозит гибелью России... Ожидаю повелений».

Уже после этого пришла телеграмма от генерала В. Сахарова, командовавшего русскими войсками на Румынском фронте. Этот генерал продемонстрировал, пожалуй, образец лицемерного словоизвержения для прикрытия той сути ответа, которого от него ждали в Ставке. Сахаров клеймил требование Родзянко как «преступное и возмутительное»; Государственную думу называл «разбойной кучкой людей», которая «предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей», заверял, что душа его не в силах «мириться с возможностью осуществления гнусного предложения», переданного Родзянко. И лишь в конце телеграммы, «рыдая», признавал, что необходимо «пойти навстречу уже высказанным условиям», чтобы не дать пищу еще более «гнуснейшим». Эта телеграмма также была переправлена в Псков.

Итак, главнокомандующие фронтами (великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютанты Эверт, Брусилов, генерал Сахаров) и начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего (генерал-адъютант Алексеев) высказались за отречение Николая II в пользу наследника Алексея¹.

...В 10 часов утра, еще не получив из Ставки телеграмм главнокомандующих фронтами и Алексеева, Рузский направился к царю. По его воспоминаниям,

---

¹ Около 9 часов вечера 2 марта поступила телеграмма от командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. Непенина, который присоединялся к «ходатайствам» главнокомандующих и просил принять «решение» в ближайшие часы. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. Колчак, как он позднее, в 1920 г., показал на допросе в Иркутске, тоже получил телеграмму Алексеева, но, по-видимому, не ответил на нее. «Я,— говорил Колчак,— сейчас же оповестил всех об этой телеграмме» (Допрос Колчака. Л., 1925. С. 50). Так или иначе, ответная телеграмма Колчака Алексею отсутствует.

«стиснув зубы», он положил перед Николаем длинную ленту своего ночного разговора с Родзянко. Царь стоя читал ее. Затем взволнованно стал говорить, что лично он готов «отойти в сторону для блага России», но у него имеются опасения, что «народ этого не поймет». «Мне, — говорил царь, — не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронования; меня обвинят казаки, что я бросил фронт»¹. Как и предвидел генерал Данилов, Николай не решался на новую уступку. По-видимому, не желая брать на себя всю ответственность, Рузский предложил отложить разговор до получения ответов главнокомандующих. Когда он вернулся в штаб, телеграмма Алексеева, содержащая их ответы, уже была там.

Теперь Рузский мог говорить не только от своего имени, но и от имени главнокомандующих. Тем не менее, готовясь вновь встретиться с царем, он решил взять с собой двух помощников — генералов Данилова и Саввича.

Около 3 часов дня три генерала вошли в салон-вагон императорского поезда. Царь принял их стоя, затем сел и предложил сесть вошедшим. Рузский присел напротив, а Данилов и Саввич продолжали стоять навытяжку. Николай II и Рузский закурили. Рузский передал царю телеграммы с ответами главнокомандующих, добавив от себя, что тоже полагает: выход — отречение в пользу наследника Алексея. По воспоминаниям генерала Саввича, Николай прочитал телеграммы, сказал: «Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия»². Тогда Рузский решил прибегнуть к поддержке. «Я, — говорил он царю, — вас прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди». Первым заговорил Данилов, за ним Саввич. Сдерживая страшное волнение, оба прямо высказались за то, что необходимо принять новое предложение Государственной думы. «Наступило, — вспоминал Саввич, — общее молчание, длившееся одну-две минуты. Государь сказал: «Я решился. Я отказываюсь от престола» и перекрестился»³. Перекрестились и генералы.

---

¹ Рузский Н. В. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. // Отречение Николая II. С. 160.

² Саввич С. С. Принятие Николаем II решения об отречении от престола // Отречение Николая II. С. 197.

³ Там же. С. 198.

Днем 2 марта по приказанию царя были составлены две телеграммы. Родзянко сообщалось: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича. Н и к о л а й». Алексееву в Ставку царь телеграфировал: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Н и к о л а й». Казалось, все было кончено, оставалось только отправить телеграммы адресатам, как вдруг в четвертом часу дня последовало неожиданное распоряжение уже отрекшегося царя: отправление телеграммы Родзянко задержать, а телеграмму Алексееву возвратить ему.

Что произошло? Здесь в свидетельствах очевидцев имеются разночтения. Генерал Рузский утверждал, будто именно он предложил царю задержать отправку телеграмм, так как получил сообщение о предстоящем приезде в Псков думских депутатов Гучкова и Шульгина. По словам Рузского, они должны были прояснить обстановку, окончательно определив, «соответствует ли решение государя (об отречении в пользу сына.— *Авт.*) действительно мнению Думы и Временного правительства»¹. Действительно, в 6 часов вечера генерал Данилов телеграфировал в Ставку Алексееву о том, что «приезд депутатов заставляет быть осторожным с выпуском манифеста» (об отречении.— *Авт.*). Из воспоминаний же некоторых членов свиты царя следует, что инициатива задержки телеграмм исходила от них. Вообще свитские, сопровождавшие царя, никогда не вмешивались в политические вопросы; круг их деятельности был строго ограничен непосредственными официальными функциями. Бывший начальник канцелярии министерства двора генерал А. Мосолов писал, что «главной заботой этих лиц было удержаться среди разнообразных и порой противоречивых влияний». Их лозунгами были: «спокойно на своем месте», «не возлагать на себя ответственность, от которой можно укло-

---

¹ Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 206.

ниться»¹. Это, по всей вероятности, вытекало из самой атмосферы царского окружения, насыщенной духом карьеризма, безыдейности и равнодушия ко всему, что не касалось личных интересов.

Но днем 2 марта, когда министр двора старый В. Фредерикс сообщил свитским о решении Николая, они поняли, что дело принимает плохой оборот и для них. Дворцовый комендант Воейков буквально ворвался в царский вагон. «Неужели верно то, что говорит граф (Фредерикс.— *Авт.*), что Ваше величество подписали отречение!» — почти кричал он. Николай ответил, что он оказался в безвыходном положении, поскольку все ему «изменили». Тогда Воейков, как он сам рассказывает, решительно заявил, что «никакое окончательное решение принято быть не может, пока он (Николай II.— *Авт.*) не выслушает находившихся в пути Гучкова и Шульгина»². Таким образом, согласно Воейкову, к задержке телеграмм об отречении царя привел «бунт» свиты. По всей вероятности, эта версия соответствует действительности, но поводом для «бунта» скорее всего стало сообщение о приезде Гучкова и Шульгина. Рузский говорил генералу Данилову, что не отправил телеграммы, так как «государь прислал ко мне Нарышкина (начальник военно-походной канцелярии царя.— *Авт.*) взять назад отданные мне временно на хранение телеграммы. В этом я усмотрел наличие в царском поезде каких-то новых колебаний»³.

Вопрос об отречении, который, казалось, был уже решен, повис в воздухе...

То, что произошло в душе уже отрекшегося царя днем 2 марта, навсегда останется тайной. Но мы знаем, что приблизительно около 4 часов дня состоялся разговор Николая II с лейб-хирургом С. Федоровым, пользовавшимся большим доверием царской четы. Возможно, именно он и повлиял на то решение царя, которое станет известно только поздним вечером, уже в беседе с приехавшими Гучковым и Шульгиным. Здесь надо напомнить, что в телеграмме, направленной Родзянко, в которой царь соглашался на отречение в пользу наследника, особо оговаривалось, что до совершеннолетия

¹ Мосолов А. При дворе императора. Рига, 1934. С. 97.

² Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 212—213.

³ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михайле Александровиче // Архив русской революции (Берлин). 1928. Т. 19. С. 239.

наследник должен оставаться с отцом. Это не очень увязывалось с назначением регента — великого князя Михаила Александровича. Не исключено, что кто-то из свитских указал Николаю на это обстоятельство, заставив его задуматься. Не тогда ли и появился Федоров? О его разговоре с царем известно, в частности, из рассказа генерала А. Спиридовича, которому, по его словам, сообщил о нем сам Федоров летом 1918 г.

«Свита волновалась... Все хотели, чтобы государь взял назад отречение. Федоров пошел к государю, и вот какой произошел у них разговор... На слова удивления по поводу отречения государь сказал: «Вы знаете, Сергей Петрович, что я человек «тэр а тэр» (здесь: простой, приземленный. — *Авт.*)... Я, конечно, не смотрел на Распутина как на святого, но то, что он нам предсказывал, обычно сбывалось. Он предсказывал, что если наследник проживет до 17 лет, то он совершенно выздоровеет. Правда ли это?» Федоров ответил, что не может сказать ничего определенного. Тогда Николай стал говорить, как он будет жить с Алексеем после отречения. Федоров выразил сомнение, что новое правительство согласится на то, чтобы молодой царь оставался в семье отрекшегося императора. Скорее всего, предположил он, ему придется жить в семье регента — великого князя Михаила Александровича. Тогда, по словам Федорова, «государь выразил крайнее удивление, что это может случиться, и затем решительно заявил, что он никогда не отдаст своего сына в руки супруги великого князя, причем выразился о ней очень резко. На этом разговор и кончился»¹.

Можно предположить: мысль, что в случае своего отречения царь будет вынужден расстаться с сыном, выдвигалась Федоровым как аргумент против отречения вообще. То, что это так, находит косвенное подтверждение у некоторых мемуаристов. Мордвинов пишет: «Мы вновь пошли к Фредериксу просить настоять перед его величеством о возвращении этих телеграмм, а профессор Федоров, по собственной инициативе, как врач, направился к государю»². Дубенский же опреде-

---

¹ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция 1914—1917. Нью-Йорк, 1962. Т. 3. С. 297—298. Сходное содержание разговора излагает и флигель-адъютант А. Мордвинов, и также, по его утверждению, со слов Федорова.

² *Мордвинов А. А.* Последние дни императора // *Отречение Николая II*. С. 109.

ленно утверждает, что Федоров пошел к царю и «говорил с ним, указывая на опасность оставления трона для России»¹.

Итак, может быть, именно Федоров и заронил в голову Николая мысль, что ему следует искать иной выход из создавшегося положения. Но какой?

В эмигрантской литературе можно встретить утверждения, что, если бы Николай, находясь во Пскове, обратился к войскам, нашлись бы генералы, верные царской власти². Действительно, есть свидетельства, согласно которым командир 3-го конного корпуса генерал Ф. Келлер и командир одной из гвардейских частей Хан Нахичеванский обращались к Николаю с просьбой не покидать престол. В некоторых воинских частях кем-то распространялись листовки с призывом «грудью защищать веру, царя и отечество». Но все это было уже после псковского решения, а самое главное — Николай II, находясь во Пскове, вряд ли имел возможность обратиться к войскам, поскольку вся связь со Ставкой и фронтами могла осуществляться через штаб генерала Рузского. Позиция же Рузского нам известна, и, в соответствии с показаниями Гучкова Чрезвычайной следственной комиссии, генерал якобы прямо заявил Николаю, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет³. Императрице не без некоторых оснований казалось, что царь попал в западню. Оставался поэтому единственный выход: передать престол брату — великому князю Михаилу Александровичу.

Он был официальным наследником до рождения сына Николая II — Алексея, после чего утратил свои прямые права. Однако на случай смерти царя до совершеннолетия наследника Михаил в 1904 г. особым манифестом был назначен «правителем государства», но через 8 лет лишен этого звания за морганатический брак с Н. Вульферт (впоследствии графиня Брасова), дважды разведенной до вступления в брак с Михаилом. На его имущество наложили опеку⁴.

В годы войны Михаил командовал Кавказской туземной дивизией («дикая дивизия»), а затем получил

---

¹ Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. С. 67.

² См., например: Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Таллинн, 1937. Ч. 1. Кн. 1. С. 37.

³ См.: Падение царского режима. Л., 1926. Т. 6. С. 268.

⁴ ЦГАОР. Ф. 668 (Михаила Романова). Оп. 1. Д. 26. Л. 1—2.

должность генерал-инспектора кавалерии. Хотя за свои боевые заслуги он был во многом прощен, однако по-прежнему никакого отношения к государственным делам не имел. «Михаил Александрович,— писал в своих воспоминаниях В. Зубов (хорошо знавший Михаила),— давно решил не вступать на престол ни при каких условиях»¹.

Позднее управляющий делами Временного правительства, член ЦК кадетской партии юрист В. Набоков размышлял об отречении Николая II: «Отречься можно только за себя. Лишать престола то лицо, которое по закону имеет на него право — будь то совершеннолетний или несовершеннолетний,— отрекающийся император не имеет права... Основываться на предполагаемом согласии тоже нет возможности, раз этому наследнику еще не было полных 13 лет. Но если бы оно и было, и тут оно подлежало бы оспариванию, но тут его не было»².

Таким образом, отречение в обход прав прямого наследника в пользу великого князя Михаила было актом незаконным. Сознавал ли это Николай? Трудно, фактически невозможно допустить, чтобы не сознавал. Это обстоятельство дало некоторым современникам, мемуаристам и историкам (П. Милюкову, В. Чернову и другим) основание предполагать и даже утверждать, что задуманное Николаем II «переотречение» таило в себе элемент коварного политического маневра, было задуманным «особым ходом», с помощью которого он рассчитывал выйти из сложившейся ситуации, по крайней мере, с минимальными потерями. «Отказ в пользу брата недействителен,— писал, например, Милюков,— и это есть трюк, который задуман был и осуществлен в отсутствие царицы... При условии передачи власти Михаилу легче было впоследствии истолковать весь акт как недействительный»³. Думается, однако, что такого рода подозрения под перьями лидеров оппозиции сами имели политическую подоплеку, задним числом возлагая на отрекшегося царя хотя бы часть ответственности за трудности, с которыми действительно столкнулась новая власть.

---

¹ Зубов В. П. Страдные годы России. Мюнхен, 1968. С. 31.

² Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 18—19.

³ Последние новости (Париж). 1924. 23 февраля.

Приняв решение о «переотречении», Николай, по-видимому, еще с некоторой надеждой ждал Гучкова и Шульгина: какова была цель их поездки, что они скажут? Этим ожиданием, возможно, и объясняется то, что он никому не сообщил о своем новом решении.

С еще большей надеждой ждали прибытия думских посланцев и свитские. Не доверяя Рузскому, считая его уже недругом императора, они постарались первыми перехватить Гучкова и Шульгина, чтобы не допустить влияния на них Рузского или чинов его штаба. Флигель-адъютант А. Мордвинов примерно с 7 часов вечера дежурил на платформе, тускло освещаемой двумя-тремя фонарями. Поезда подходили, но не те. В 10 часов показались огни паровоза, который шел прямо на путь, параллельный с царским поездом. Он вел всего два вагона. Мордвинов, не ожидая полной остановки, вскочил на подножку последнего вагона, рывком открыл дверь и прошел в салон. Было темно, горел лишь огарок свечи. У дальней стены с трудом различались две фигуры. «Оба были, видимо, очень подавлены, волновались, — вспоминал Мордвинов, — руки их дрожали, когда они здоровались со мной, и оба имели не столько усталый, сколько растерянный вид».

Мордвинов быстро проводил их в вагон царя. Только в этот момент появился генерал Рузский. Он был раздражен, кому-то ворчливо выговаривал: «Всегда будет путаница, когда не исполняют приказаний. Ведь было ясно сказано направить депутацию раньше ко мне. Отчего этого не сделали, вечно не слушаются»¹.

Имеется немало воспоминаний об исторической встрече Николая II с Гучковым и Шульгиным, но, к счастью, сохранился и официальный документ: протокол отречения царя, составленный начальником военно-походной канцелярии свиты его императорского величества генерал-майором К. Нарышкиным. Этим документом прежде всего, конечно, и следует пользоваться.

В салон-вагоне Николая находились: генерал Рузский, министр двора граф В. Фредерикс, начальник военно-походной канцелярии Нарышкин, Гучков и Шульгин. Всего 6 человек.

Начал Гучков. Он волновался, говорил глухо, не глядя на царя, руки его лежали на столе, как бы ища опору: «Положение в высшей степени угрожающее:

---

¹ ЦГАОР, Коллекция.

сначала рабочие, потом войска примкнули к движению... Москва неспокойна. Это не есть результат какого-нибудь заговора или заранее обдуманного переворота, а это движение вырвалось из самой почвы... Так как было страшно, что мятеж примет анархический характер, мы образовали так называемый Временный комитет Государственной думы... Кроме нас заседает еще комитет рабочей партии, и мы находимся под его властью и его цензурою. Опасность в том, что, если Петроград попадет в руки анархии, нас, умеренных, сметут... Их лозунги: провозглашение социальной республики. Это движение захватывает низы и даже солдат... Пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы...

В народе глубокое сознание, что положение создано ошибками власти и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на сознание народное... Если вы, ваше величество, объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если вы передадите регентство великому князю Михаилу Александровичу... тогда, может быть, будет спасена Россия... Вот, ваше величество, только при этих условиях можно сделать попытку водворить порядок. Вот что нам, мне и Шульгину, было поручено вам передать. Прежде чем на это решиться, вам, конечно, следует хорошенько подумать, помолиться, но решиться все-таки не позже завтрашнего дня»¹.

Точно ли Гучков осветил сложившееся положение в этом своем монологе? В нем, безусловно, было немало правды, но было и такое, что искажало ее. Москва в общем была спокойна. «Комитет рабочей партии», в котором преобладали меньшевики и эсеры, не выдвигал лозунга «социальной республики», напротив, искал соглашения с думским комитетом. 2 марта угроза анархии вряд ли была реальной. Трудно совершенно отрешиться от мысли, что Гучков, выполняя директиву думского комитета, не стремился оказать давление на царя.

Шульгин потом писал, что в тот момент, когда Гучков сказал об отречении в пользу наследника Алексея, Рузский нагнулся к нему и прошептал: «Это уже дело решенное». Он, как и все другие, не знал, что Николай

---

¹ Протокол отречения Николая II // Отречение Николая II. С 219—220.

изменил свое дневное решение и сейчас объявит новое. Заговорил царь: «Ранее вашего приезда... я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что, ввиду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним не могу»¹.

Протокол не передаст того состояния шока, который, по воспоминаниям некоторых присутствовавших, вызвали эти слова. «Все так и были огорчены совершенно неожиданным решением государя,— записал в своем дневнике со слов Рузского великий князь Андрей Владимирович.— Гучков и Шульгин переглянулись удивленно между собой, и Гучков ответил, что такого решения они не ожидали, и просили разрешения обсудить вдвоем вопрос и перешли в соседнее столовое отделение»². По другим свидетельствам, заявление царя после замешательства обсуждалось без перерыва³.

По воспоминаниям Гучкова, думские делегаты отреагировали на слова Николая отрицательно. «Мы с Шульгиным,— рассказывал он,— пробовали возражать, но у нас сложилось впечатление, что наши доводы (какие именно, Гучков не упоминал.— Авт.) на него совершенно не действуют и что принятое им решение окончательно. Это решение мне не нравилось»⁴.

Протокол зафиксировал только слова Гучкова: «Мы учли, что облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти» и Шульгина: «Я не могу дать на это категорического ответа, так как мы ехали сюда, чтобы предложить то, что мы передали». Однако, согласно воспоминаниям, речь все-таки зашла об «Основных законах» Российской империи. Но никто не мог сказать определенно, что говорится в этих законах о престолонаследии. В этот момент К. Нарышкину, по-видимому, было кем-то поручено срочно разыскать том законов и выяснить вопрос.

---

¹ Протокол отречения Николая II // Отречение Николая II. С. 220.

² Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 207.

³ См.: Шульгин В. В. Подробности отречения // Отречение Николая II. С. 171.

⁴ Последние новости (Париж). 1936. 16 сентября.

Мордвинов рассказывал, что он вместе с Нарышкиным отправился в купе военно-походной канцелярии на поиски необходимой книги и что оба они, найдя ее, не обнаружили в ней каких-либо упоминаний о возможности отречения вообще. «Нарышкин торопился... — пишет Мордвинов. — Идя за ним, я, помню, ему говорил: «Хотя в основных законах по этому поводу ничего ясного нет, все же надо непременно доложить государю, что по смыслу общих законов он не имеет права отречься за Алексея Николаевича... Пожалуйста, непременно доложи об всем этом государю»¹.

Ни сам Мордвинов, ни другие мемуаристы, ни протокол, к сожалению, не сообщают, доложил ли Нарышкин царю и думским посланцам результаты своего изучения «Основных законов». Эта важная деталь позволила бы точно определить, насколько Николай II был осведомлен о юридической основе своего нового решения.

Но пока Нарышкин с Мордвиновым лихорадочно листали страницы «Основных законов», Шульгин с Гучковым пришли к заключению, что юридические тонкости в сложившейся ситуации уже ни к чему. Для Гучкова, по его более позднему признанию, важнее было добиться добровольного отречения царя, поскольку он опасался, что в противном случае Николай «будет низложен Советом рабочих и солдатских депутатов»².

Конечно, царь не мог не заметить некоторую растерянность и колебания думских делегатов, да и других присутствовавших. Как отмечено в протоколе, последовал его вопрос, переводивший разговор в ту плоскость, с которой он начался: «Давая свое согласие на отречение, я должен быть уверенным, что вы подумали о том впечатлении, какое оно произведет на всю остальную Россию. Не отзовется ли это некоторою опасностью?» Гучков заверил, что к междоусобице может привести не отречение царя в пользу наследника, а возможное провозглашение республики. Вмешался Шульгин: «В Думе ад, это сумасшедший дом. Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого пужна какая-нибудь почва». Он соглашался на новое отречение царя: «Если ваш брат, великий

¹ Мордвинов А. А. Последние дни императора // Отречение Николая II. С. 118—119.

² Последние новости (Париж). 1936. 16 сентября.

князь Михаил Александрович, как полноправный монарх, присягнет конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, содействующим успокоению».

«Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу не было бы пролито еще лишней крови», — сказал Николай. Он также выразил опасение, что в связи с отречением «в казачьих областях могут возникнуть беспорядки». Шульгин и Гучков попеременно отводили все эти опасения. И все же, как это явствует из протокола, уже напоследок царь спросил: «Хотите еще подумать?» — «Нет, — твердо ответил Гучков, — я думаю, что мы можем сразу принять ваши предложения... Вот проект, который мог бы вам пригодиться, если б вы пожелали из него что-нибудь взять»¹.

Между тем проект манифеста об отречении был уже готов. Его заранее составил в Могилеве начальник дипломатической канцелярии Ставки Н. Базили, утвердил генерал Алексеев, и в конце дня 2 марта он был передан в Исков. Но в нем еще говорилось об отречении «в соответствии с установленным основными законами порядком» в пользу Алексея при регентстве Михаила Александровича. Теперь царь, уйдя в свое купе, собственноручно заменил это место словами о передаче престола Михаилу Александровичу. Шульгин предложил дополнить текст фразой об обязанности Михаила принести всенародную присягу в том, что он будет управлять «в единении» с представителями народа. Николай согласился, но заменил выражение «всенародную присягу» на «ненарушимую присягу». Манифест был переписан набело, царь подписал его и, войдя в салон-вагон, передал Гучкову. Часы показывали 23 часа 40 минут.

В окончательном виде манифест гласил: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до по-

---

¹ Протокол отречения Николая II // Отречение Николая II. С. 220—221.

бедного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном нашим, мы передаем наследие Наше брату Нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

Псков. 2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.»¹.

Ничего не скажешь, нашел Базили не только волнующие слова! Царь слагал с себя власть, чтобы облегчить «единение и сплочение всех сил народных!» Он приносил жертву во имя единства и блага страны. Да, это была запоздавшая жертва, в значительной мере вынужденная, но все равно нельзя не оценить ее не только с точки зрения политической, но и человеческой. В любой жертвенности всегда есть благородство.

Мог ли он отвергнуть отречение? Конечно, это риторический, даже праздный вопрос. Но история имеет право и на него. Если бы Николай II не имел никакой другой возможности, то к чему было столько усилий, чтобы склонить его к добровольному отказу от престола? Нет, будь на месте Николая другой человек, генералы,

---

¹ Манифест отречения Николая II// Отречение Николая II. С. 223.

Гучков и Шульгин не добились бы своей цели так легко и, кто знает, может быть, не добились ее вообще...

Были составлены и подписаны указы Правительствующему Сенату о назначении князя Г. Львова председателем Совета министров, а великого князя Николая Николаевича — Верховным главнокомандующим. Но, как отмечено в протоколе, «чтобы не казалось, что акт совершен под давлением приехавших депутатов и так как самое решение об отречении от престола было принято его величеством еще днем, то днем, по совету депутатов, на манифесте было поставлено при подписи в 3 часа дня, а на указах Правительствующему Сенату в 2 часа дня». Все юридические формальности были соблюдены, официальная часть переговоров окончена. Составили на всякий случай дубликат манифеста, Николай подписал и его, попрощался с Гучковым и Шульгиным, расцеловался с Рузским, ушел к себе. Именно в это время он, вероятно, записал в дневнике: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»¹

Каждый раз, когда читаешь эти слова, думаешь, что отрекшийся царь имел на них моральное право. Пусть не все в них было справедливо, пусть те, кого он, не называя имен, обвинял, действовали под давлением жестких обстоятельств и руководствовались стремлением спасти монархию, — все равно Николай просто по-человечески мог рассчитывать на иное. Его не поддерживал никто. И разве так уж не прав был Л. Троцкий, который в своей «Истории русской революции» писал: «Среди командного состава не нашлось никого, кто вступился бы за своего царя. Все торопились пересечь на корабль революции в твердом расчете найти там удобные каюты. Генералы и адмиралы снимали царские вензеля и надевали красные банты... Штатские сановники и по положению не обязаны были проявлять больше мужества, чем военные. Каждый спасался, как мог»². Сказано жестко, категорично, как почти все, что говорил и писал Троцкий, но безжалостно справедливо.

Было ли все это неизбежным следствием того, что историки называли «разложением монархии», крушением престижа последних Романовых, скомпрометированных

---

¹ Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 137.

² Троцкий Л. История русской революции. Берлин, 1931. Т. 1. С. 112—113.

«распутинщиной»? Вряд ли. Решало не прошлое, хотя и его, конечно, нельзя сбрасывать со счетов полностью. Решало настоящее, «текущий момент», сиюминутный политический расчет. Решала политическая целесообразность, такая, какой она представлялась тогда. Никогда впоследствии Николай в своем дневнике не возвращался к событиям в Пскове. Есть, пожалуй, только одно свидетельство, показывающее, что он внутренне не примирился с тем, что тогда произошло. Воспитатель наследника Пьер Жильяр, пользовавшийся безусловным доверием Романовых, писал позднее, что уже в Тобольске, когда стало известно о провале выступления генерала Корнилова, Николай пожалел о своем отречении 2 марта 1917 г.¹

Выйдя из царского вагона, Гучков и Шульгин тут же телеграфировали в Петроград начальнику Главного штаба о состоявшемся отречении Николая в пользу великого князя Михаила Александровича. Немедленно началась шифрованная передача текста отречения для сообщения Родзянко. Около часа ночи на 3 марта текст этот приняли на телеграфе Варшавского вокзала и попросили немедленно прислать из министерства путей сообщения (там в тот момент находился Родзянко) машину для вручения его адресату. Через некоторое время к вокзалу подошли два автомобиля с двумя офицерами и пятнадцатью солдатами. Временное правительство к этому времени было уже сформировано, заседало, и, как вспоминал Керенский (он стал министром юстиции), «неожиданный шаг царя» произвел на членов правительства и присутствовавших членов Временного комитета Государственной думы шокирующее впечатление. «Наступила мгновенная тишина, а затем Родзянко заявил, что вступление на престол великого князя Михаила невозможно». Собравшиеся не возражали, мнение казалось единодушным². Через некоторое время только Милюков стал доказывать, что «царь на Руси необходим». Его плохо слушали.

Каковы же были мотивы, аргументы против воцарения Михаила? Говорили, что он никогда не проявлял

¹ См.: Жильяр П. Император Николай II и его семья (репринтное издание). М., 1989. С. 187.

² См.: Керенский А. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 133.

интереса к государственным делам, что он состоит морганатическом браке с женщиной, уже дважды разведенной, что несколько дней тому назад, когда, возможно, еще был шанс поправить положение, Михаил фактически уклонялся, во всяком случае вел себя пассивно. Трудно, однако, все это принять в реальный, серьезный расчет. Главное, думается, все-таки было другом.

Если Родзянко вплоть до 2 марта еще боролся за сохранение Николая II на престоле, а Милюков уже шел дальше, требуя отречения царя в пользу законного наследника, то Керенский со своими сторонниками (Н. Некрасовым, М. Терещенко, А. Коноваловым) стояли на республиканских позициях. Учитывая рост революционных и антидинастических настроений и неожиданное отречение Николая, они могли решить, что для них наступил вполне благоприятный момент. Однако непосредственно вступить в переговоры с монархической генеральской верхушкой Керенский не мог: тут нужен был только Родзянко, который поддерживал с генералами контакты с самого начала и которому они еще верили. В 5 часов утра 3 марта Родзянко и премьер-министр Львов срочно поехали к прямому проводу для разговора с Рузским и Алексеевым.

Говорил Родзянко. Волнуясь и торопясь, он утверждал, что решение, принятое в Пскове, неприемлемо. С воцарением наследника Алексея при регентстве Михаила, по его мнению, еще «помирились бы», но с воцарением Михаила, безусловно, не согласятся. Не объясняя, почему дело обстоит именно так, Родзянко сообщил, вероятно, оторопевшему Рузскому, что все дело в том, что неожиданно вспыхнул солдатский бунт, ничего подобного которому он не видел, что к этому бунту присоединились рабочие и уже новая, только что образованная власть повисла на волоске. Тем не менее все же удалось прийти к соглашению с Исполкомом Совета «которое заключается в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления». Успокаивая генералов, Родзянко заверил их, что «при предложенной форме — возвращение династии не исключено», но примерно до окончания войны власть должна остаться у Временного правительства. «Я вполне уверен, — продолжал Родзянко, — что, при таких условиях, возможно быстрое успокоение, и решительная

победа будет обеспечена, так как несомненно произойдет подъем патриотического чувства»¹.

Манифест Николая об отречении в пользу Михаила повисал в воздухе, хотя текст его уже кое-где начал «спускаться» по нижестоящим армейским инстанциям для принятия присяги. Рузский с явной досадой заметил Родзянко, что «депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени осведомлены с той ролью и вообще с тем, для чего приезжали»². Алексеев позднее с раздражением говорил, что все сообщенное «далеко не радостно», потому что «неизвестность и Учредительное собрание — две опасные игрушки в применении к действующей армии»³.

Алексеев (это было около 7 часов утра) направил всем главнокомандующим телеграмму. Если в первой телеграмме (утром 2 марта) он ориентировал их на отречение Николая II в пользу Алексея, то теперь попытался подвигнуть на «стачку», на сопротивление новым петроградским властям. «Из совокупности разговоров председателя Думы с главнокомандующим Северного фронта и мною позволительно прийти к выводам: Первое — в Государственной думе и ее Временном комитете нет единодушия; левые партии, усиленные Советом рабочих депутатов, приобрели сильное влияние. Второе — на председателя Думы и Временного комитета Родзянко левые партии и рабочие депутаты оказывают мощное давление, и в сообщениях Родзянко нет откровенности и искренности...

Получив от его императорского высочества великого князя Николая Николаевича повеление в серьезных случаях обращаться к нему срочными телеграммами, доношу ему все то, испрашиваю указаний, присовокупляя: первое — суть настоящего заключения сообщить председателю Думы и потребовать осуществления манифеста во имя Родины и действующей армии; второе — для установления единства во всех случаях и всякой обстановке созвать совещание главнокомандующих в Могилеве». Алексеев называл примерную дату совещания — 8—9 марта, а затем сообщал сведения, полученные им из Главного морского штаба: «Обстановка в Петрограде

---

¹ Цит. по: Отречение Николая II. С. 242—243.

² Там же. С. 242.

³ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 27.

2 марта значительно спокойней, постепенно все налаживается, слухи о резне солдатами офицеров — сплошной вздор... Следовательно, основные мотивы Родзянко могут оказаться неверными и направленными к тому, чтобы побудить представителей армии неминуемо присоединиться к решению крайних элементов... Коллективный голос высших чинов армии и их условия должны, по моему мнению, стать известными всем и оказать влияние на ход событий»¹.

Генерал Лукомский в своих воспоминаниях сообщает очень важный эпизод. По его словам, передавая эту телеграмму, Алексеев с раздражением сказал: «Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола»².

Добиться полного согласия главнокомандующих Алексееву не удалось. Только что назначенный новый Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич высказался против перехода престола к Михаилу, но в то же время отвергал и идею Учредительного собрания как совершенно неприемлемую «для блага России». Брусилов считал, что задача армии — «охранять грудью матушку Россию» и не вмешиваться в политику. Пожалуй, только Эверт требовал немедленного объявления «высочайшего манифеста». По-видимому, возобладало мнение Рузского, который в эти два дня оказался в центре политических влияний и воздействий. Он полагал, что сбор главнокомандующих «несоответствен», так как они недостаточно ориентированы в обстановке, и главная задача состоит в том, чтобы установить «полный контакт с правительством».

Но, конечно, не срыв «генеральской стачки» решил вопрос о воцарении Михаила. В то время когда Алексеев писал свою телеграмму главнокомандующим, в Петрограде произошли события, сделавшие эту «стачку» ненужной. Примечательно, что ни Алексееву, ни Рузскому ничего сообщено не было. Новая власть, по-видимому, посчитала, что дело сделано и дальнейшее вмешательство армейской верхушки в политику может стать неуместным. Только к вечеру 3 марта Алексееву удалось соединиться с Гучковым. Начальник штаба просил

¹ Цит. по: Отречение Николая II. С. 245.

² Документы к «Воспоминаниям» ген. Лукомского // Архив русской революции (Берлин). 1923. Т. 3. С. 269.

нового военного министра передать Родзянко, что, по мнению командования, выход все же должен быть найден «путем соглашения с лицом, долженствующим вступить на престол». Ради этого Алексеев даже делал шаг навстречу думскому комитету: предлагал указать в манифесте о воцарении Михаила, что «окончательное решение вопросов государственного управления будет выполнено в согласии с народным представительством» позднее, по окончании войны.

То, что услышал Алексеев в ответ, потрясло его. Гучков сообщил, что на совещании с некоторыми министрами Временного правительства Михаил уже отказался от престола. В растерянности Алексеев произнес: «Неужели нельзя было убедить великого князя принять временно до созыва Собрания власть?.. Через полгода же все выяснится ближе, лучше и всякие изменения протекут не столь болезненно, как теперь». — «Вполне разделяю ваши опасения... — говорил из Петрограда Гучков, — в интересах быстрого успокоения страны... явилось бы крайне важным, чтобы престол был безотлагательно замещен кем-либо, хотя бы временно, до санкции Учредительного собрания». К концу дня 3 марта Алексеев все же связался и с Родзянко. Выслушав сообщение председателя Думы об отказе Михаила от престола, он безнадежно заметил: «Прибавить ничего не могу, кроме слов: боже, спаси Россию»¹.

Что же произошло с Михаилом? Напомним, что утром 28 февраля через дворы Эрмитажа и дома великого князя Николая Михайловича его тайно провели из Зимнего на Миллионную улицу, 12, в квартиру княгини О. Пугачиной. Рано утром 3 марта здесь раздался телефонный звонок. Звонил Керенский. Он просил великого князя срочно принять членов Временного комитета Думы и Временного правительства. Михаил, все эти дни поддерживавший связь с Родзянко, решил, что они едут предлагать ему регентство при воцарении Алексея, на что он готов был согласиться.

Около 10 часов утра в квартире на Миллионной появились члены Временного правительства и Временного комитета Думы: Родзянко, Львов, Милюков, Керенский, Некрасов, Терещенко, Ефремов и другие. Следует отметить, что сама по себе эта миссия была не вполне

---

¹ Февральская революция 1917 г. Документы Ставки... // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 41.

правомочной, идущей в обход уже принятых решений. Ведь еще 1 марта думский комитет постановил образовывать Временный общественный Совет министров «впредь до созыва Учредительного собрания, имеющего определить форму правления Российского государства». Затем на переговорах членов думского комитета (Милюков и др.) с членами Исполкома Петроградского Совета (Н. Суханов, Ю. Стеклов и др.) в ночь на 2 марта и 2 марта было достигнуто соглашение, в котором оговаривалось, что его участники вправе агитировать за определенную форму правления.

При этом сторонники республики получали, конечно, преимущество, но все же по букве, да и духу соглашения предрешение формы правления исключалось до Учредительного собрания — это было очевидно. В самом деле, если новое правительство берет на себя созыв Учредительного собрания, которому будет принадлежать последнее слово, тогда зачем нужен новый монарх? Если же, напротив, на престол восходит новый монарх, тогда, в общем-то, теряло смысл решение о созыве Учредительного собрания. Таким образом, делегирование думских лидеров и членов только что сформированного Временного правительства к Михаилу, в сущности, было закулисным маневром, попыткой в обход соглашения с Советом решить вопрос о государственном строе. Правда, не все члены этой делегации занимали одинаковую позицию, но, по свидетельству Милюкова, было признано, что, если Михаил примет решение, ему подчинятся все.

На «благоусмотрение» великого князя было представлено две точки зрения: большинства, считавшего невозможным вступление Михаила на престол, и меньшинства, видевшего в его воцарении единственный шанс на спасение. Позицию большинства излагал все тот же Родзянко. Он говорил, что Михаил процарствует всего лишь несколько часов, так как известие о его восшествии на престол приведет к «огромному кровопролитию», к гражданской войне, которая неминуемо закончится победой восставших. Изменение позиции Родзянко не должно вызывать особого удивления. В этом он был далеко не одинок. Тот же Милюков, уверявший 3 марта, что без монархии Россия обречена на «гибель и разложение», что Михаил — последняя «соломинка», которая не даст России утонуть, ровно через неделю на съезде кадетской партии «глубоко радовался» принятию

кадетами резолюции о введении республики. Все это отражало стремительно менявшуюся обстановку, диктовалось необходимостью приспособливаться к новой политической ситуации. Но было и другое. Многие тогда с легкостью «поступались принципами». «Перевертыши» появлялись как грибы после дождя. Один из современников писал: «Противно делается, когда видишь, как вывертываются и льстят новой силе вчерашние апологеты старой власти». Царские холопы становились холопами революции. Но если бы завтра старая власть вернулась, эти люди опять превратились бы в царских холопов...

Но 3 марта Милюков от имени меньшинства еще уверял, что необходим привычный для масс символ власти, что Временное правительство одно, без монарха «окажется утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений еще до созыва Учредительного собрания»¹.

В этот момент на Миллионную прибыли Гучков и Шульгин, только что вернувшиеся из Пскова. Они были явно взволнованы событием, случившимся с ними на вокзале. Когда Гучков, выступая перед рабочими железнодорожных мастерских, рассказал о поездке в Псков и провозгласил здравицу в честь нового императора Михаила, дело чуть не кончилось арестом думских депутатов.

После небольшого перерыва заседание возобновилось. Заговорил Керенский, который со свойственной ему патетикой стал убеждать великого князя «принести себя в жертву» антимонархическим настроениям масс. В случае отказа Михаила, говорил Керенский, он не сможет поручиться за его жизнь. «Псковский гонец» Гучков пытался повлиять на Михаила в обратном направлении, призывая его к «патриотическому мужеству», к выступлению в качестве «национального вождя», по крайней мере до выборов в Учредительное собрание. Еще раз говорил Милюков, убеждая Михаила, что «вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты великого князя». Он предлагал ему ехать в Москву и оттуда начать действия против революционного Петрограда.

Таким образом, Временное правительство и Временный комитет Государственной думы раскололись

---

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 468.

в вопросе о переходе власти к новому императору — Михаилу. Только что сформированное правительство сразу же оказалось в кризисе: Милюков и Гучков в случае отклонения их требования грозили отставкой. Все это сильно влияло на принятие Михаилом решения: он явно колебался.

После того как все представители сторон высказались, Михаил выразил желание побеседовать наедине с Родзянко и Львовым (по некоторым данным, только с Родзянко). Трое удалились в соседнюю комнату. В мемуаристике нет воспоминаний о том, что там происходило. Можно предположить, что была «заострена» мысль об Учредительном собрании, о котором заходила речь уже во время предварительного обсуждения. Возможно, Михаилу разъясняли, что формула Учредительного собрания, ставшая компромиссом между думским комитетом и Исполкомом Совета, может быть вполне приемлемым компромиссом и между тремя сторонами, участвовавшими в совещании на Миллионной: большинством, меньшинством и самим Михаилом. Ведь юридически она оставляла вопрос о монархии открытым, и таким образом правительственный кризис (возможный уход Гучкова и Милюкова из правительства из-за несогласия с отказом Михаила от престола) мог быть безболезненно преодолен.

Через полчаса Михаил вышел к ожидавшим его решения. По одним свидетельствам, «твердым голосом», по другим — «со слезами на глазах» он заявил, что его «окончательный выбор склонился в сторону мнения, защищавшегося председателем Государственной думы». Впоследствии эмигрантские мемуаристы много спорили о том, что привело Михаила именно к такому решению. Некоторые обвиняли его в трусости, боязни за свою жизнь, другие утверждали, что он был взят «мертвой хваткой» участниками совещания, жаждавшими его отречения.

Дело скорее всего заключалось в том, что те, кто стоял за воцарение Михаила, не предлагали и в сложившихся условиях не могли предложить ему конкретного плана для реализации своей точки зрения. Принять позицию Гучкова и Милюкова означало бы перейти к прямым действиям против революции при явном в данный момент соотношении сил в ее пользу. Согласие с Родзянко и другими, учитывая приемлемую для всех формулу Учредительного собрания, давало (пусть даже

теоретически) возможность выиграть время, надежду на изменение обстановки, на спад революционной волны, когда вопрос о монархии можно будет решать не по «законам» революции, а по законам обычного, мирного времени. Нельзя исключить, что к этим соображениям могла прибавиться и очевидная незаконность отречения Николая II. Так или иначе, можно сказать: судьбу трехсотлетней монархии решили несколько человек в квартире на Миллионной...

Для оформления акта отречения Михаила на Миллионную улицу вызвали юристов-государствоведов В. Набокова и Б. Нольде. В основном их усилиями был выработан манифест, который гласил: «Тяжелое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный одной со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. Михаил. 3/III—1917. Петроград»¹.

Не отречение Николая II, а именно этот отказ Михаила от престола до решения Учредительного собрания формально, да и фактически упразднил монархический строй в России. Ибо, отказавшись от власти лишь условно, Михаил как бы прервал законную «цепь» порядка в престолонаследии. Никто из Романовых теперь не мог претендовать на престол «в обход» Михаила, и тем самым даже юридическая возможность монархической реставрации оказалась парализованной. На протяжении

---

¹ Цит. по: Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. С. 233—234.

марта многие из великих князей заявили о своей полной поддержке Временного правительства.

В ночь на 4 марта в Таврическом дворце были окончательно оформлены для публикации два документа — «Акт об отречении императора Николая II от престола государства российского в пользу великого князя Михаила Александровича» и «Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Государственной думы». Когда на другой день их опубликовали, в Думе началось ликование. Никто еще не знал, что ожидает Россию...

Пять человек оказались предназначенными судьбой для того, чтобы стать ключевыми фигурами в истории финала династии Романовых и российской монархии: М. Родзянко, М. Алексеев, Н. Рузский, А. Гучков и В. Шульгин.

Родзянко после февральских событий еще старался играть политическую роль, но углубление революции, ее быстрая радикализация — все это относило его в сторону, на обочину событий. В гражданскую войну он пытался приобщиться к белому движению, но там не забыли его «революционной деятельности» в дни февральского переворота, возлагали на него ответственность за отречение царя. Родзянко пришлось терпеть тяжелые оскорбления и в эмиграции, вплоть до смерти в 1924 г. в Югославии.

Генерал Алексеев искупил свой «февральский грех», став одним из тех, кто создавал и возглавил Добровольческую армию, «белое дело» на юге страны. Он не дожил ни до его самых больших побед, ни до его полного поражения. После тяжелой болезни умер в сентябре 1918 г. в Новочеркасске.

Трагической оказалась судьба генерала Рузского: летом 1918 г. он был казнен (зарублен) в Пятигорске как заложник по приговору революционного трибунала.

Гучков тоже не прижился в белом движении, но всеми силами помогал ему: находясь за границей, убеждал бывших союзников расширять рамки интервенции против большевистской России. В эмиграции был связан с РОВСом, возглавляемым П. Врангелем, затем А. Кутеповым. Умер в Париже в 1936 г.

Шульгин стал одним из идеологов белого движения, в эмиграции был тесно связан с Врангелем, выступал как публицист и мемуарист. Удар по его деятельности нанесло ОГПУ, когда через созданную чекистами подставную монархическую организацию «Трест» «вывело» его на советскую территорию и даже оказало содействие в написании и публикации его книги «Три столицы». Вскоре «Трест» был разоблачен, а Шульгин — скомпрометирован. Он жил в Югославии, когда туда в 1945 г. пришла Красная Армия. Его арестовали, 11 лет Шульгин провел во Владимирской тюрьме и был освобожден лишь в 1956 г. Он обращался к русской эмиграции с призывом признать и поддерживать Советскую власть, участвовал в фильме «Перед судом истории», в котором большевизм и советская система, представленные старым большевиком Ф. Петровым, должны были продемонстрировать свое превосходство над старой, царской Россией, олицетворявшейся В. Шульгиным. Однако эффект, кажется, получился обратный. Иронично-умный, аристократичный Шульгин вчистую переигрывал тугодумного, невыразительного Петрова. В фильме Шульгин с большим тактом рассказывал и об отречении царя в уже далеком 1917 г., и для многих это было чуть ли не откровением. В архиве Шульгина сохранились письма жене, в которых он писал, что согласился на участие в фильме при условии, что расскажет и о расстреле царской семьи. Ему обещали, но... Этого рассказа в фильме нет, впрочем, фильм скоро сняли с проката. Между тем до самых последних дней Шульгин носил эту рану в своем сердце, считая, что и он виновен в екатеринбургской трагедии. В его рукописях есть кричащая запись: «Мне не удалось спасти царя... Не удалось! Точка. Я завернул в свиток из колючей проволоки, которая ранит меня при каждом к ней прикосновении». Шульгин умер во Владимире глубоким стариком...

Глава 3

«ПРИЗНАТЬ ЛИШЕННЫМИ СВОБОДЫ»

Почти все мемуаристы из числа тех, кто находился с Николаем II в Пскове, утверждают, что, принимая решение об отречении, он предполагал удалиться в Крым (в Ливадию) и жить там как частное лицо. Согласно Воейкову, утром 3 марта, когда литературный поезд, покинув Псков, шел в Могилев, отрекшийся царь не изменил своих намерений. «Я считал долгом коснуться вопроса о необходимости царю с семьей покинуть пределы России,— пишет Воейков,— но государь ответил отрицательно»¹.

Вечером 3 марта поезд бывшего царя подошел к могилевскому вокзалу. Генерал Алексеев, как и прежде, выстроил на перроне почетный караул, но это было последним, что могло напоминать о прежних временах. Прошло всего лишь три дня после отъезда Николая, а город преобразился. Повсюду развевались красные флаги, маршировали воинские части с оркестрами, игравшими «Марсельезу».

В половине десятого бывший император прибыл в Ставку. Здесь Алексеев сообщил ему последние сведения из Петрограда. Реакция Николая зафиксирована в его дневнике. «3-го марта. Пятница... Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» Действительно, Николаю не могло быть неясно, что вопрос о сохранении монархии теперь становился весьма проблематичным. Тогда-то, может быть, и возникла мысль об отъезде в Англию, зароненная Воейковым или кем-либо еще из ближайшего окружения царя и поддержанная начальником английской военной миссии гене-

---

¹ Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 230.

ралом Г. Вильямсом и другими военными представителями союзников при Ставке. По-видимому, уже утром 4 марта через Алексеева Временному правительству была направлена записка с просьбой о гарантиях отправки Романовых в Англию.

Полную поддержку получила поначалу эта идея и у Временного правительства. 6 марта премьер-министр Г. Львов сообщил в Ставку, что правительство примет для отправки Николая Романова в Англию «все меры, имеющиеся в его распоряжении». На другой день, выступая в Москве, министр юстиции А. Керенский заявил, что он лично отвезет Николая в «определенную гавань» и отправит его с семьей в Англию. Предполагалось, что Романовы поплывут на английском корабле из Мурманска, и Керенский будто бы даже имел заверения кайзера Вильгельма II в том, что германские подводные лодки не атакуют корабль. Однако всему этому не суждено было сбыться...

В годы эмиграции Львов, Милюков и Керенский, то есть все те, от кого в силу занимаемого ими тогда положения прежде всего зависело осуществление этого плана, давали не вполне вразумительные, противоречивые ответы. Писали и говорили о непоследовательной позиции англичан, о стремлении Временного правительства избежать возможных «революционных эксцессов», уверяли даже, что по прошествии многих лет просто забывали, что же именно помешало тогда бывшему царю и его семье покинуть Россию. Это спустя годы, а тогда очень скоро выяснилось, что смелые заявления о предстоящем отъезде Романовых носят скороспалительный характер. Становилось все более очевидным, что ситуация не проста и без осложнений такой вопрос не решить, так как не столько Временное правительство контролирует положение, сколько в большей степени Петроградский Совет. А его позиция в вопросе о Романовых была достаточно определенной.

Если верить воспоминаниям члена Исполкома Совета Б. Любарского, уже 1 марта Исполком на закрытом заседании обсуждал вопрос о мерах по отношению к Николаю II и всей царской фамилии. Поручили члену «Союза офицеров-республиканцев» эсеру В. Филипповскому рассмотреть вопрос «в узком кругу». На этом заседании, якобы состоявшемся 3 марта, присутствовало 6 человек — все представители от солдат: Линде, Утгоф, Филипповский, Любарский, Скобейко и еще некий

«неизвестный». Предложение Линде об убийстве царя отвергли, решено было предложить Исполкому Совета арестовать Романовых. Трудно сказать, состоялось ли на самом деле такое совещание, но 3 марта Исполком, еще точно не зная о местонахождении царя, действительно постановил арестовать Романовых. Вот текст:

«1. Довести до сведения рабочих депутатов, что Исполком Совета Р. и С. Д. постановил арестовать династию Романовых и предложил Временному правительству произвести арест совместно с Советом Р. Д. В случае же отказа запросить, как отнесется Временное правительство, если Исполком сам произведет арест. Отчет Временного правительства обсудить вторично в заседании Исполкома. 2. По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым надзору революционной армии. 3. По отношению к Николаю Николаевичу, ввиду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое за ним наблюдение. 4. Арест женщин из дома Романовых производить постепенно, в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти. Вопрос о том, как произвести аресты, и организацию арестов поручить разрабатывать военной комиссии Совета Р. Д. Чхеидзе и Скобелеву поручено довести до сведения правительства о состоявшемся постановлении Исполкома Совета Р. Д.»¹

Как видно из этого текста, решение об аресте бывшего царя и других членов семьи Романовых сопровождалось явными предосторожностями: очевидно, опасались возможного сопротивления монархических сил.

Имели ли такие опасения какую-либо основу? Теперь ясно: нет, не имели. А тогда? Английский историк Т. Карлейль в своей «Истории Французской революции» заметил: «Обратите внимание на то, что из прошлого всегда исключается... один весьма важный элемент: свирепый элемент страха! Теперь нет страха неизвестности, беспокойства, но они были тогда, преследовали, мучили»². Поразительно справедливое замечание. Еще не раз страх, сопровождающий все социальные перевороты и потрясения, все революции, роковым образом отразится на судьбе отрешенного царя.

---

¹ Петроградский Совет р. и с. депутатов. Протокол заседаний Исполкома и Бюро. М.; Л., 1925. С. 9.

² Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 413.

Голоса о необходимости арестовать Романовых звучали сильнее и настойчивее. 7 марта 150 депутатов Петроградского Совета, в который поступали резолюции рабочих и солдатских митингов о немедленном аресте бывшего царя, сделали следующее заявление: «В широких массах рабочих и солдат, завоевавших для России свободу, существует крайнее возмущение и тревога вследствие того, что низложенный с престола Николай II Кровавый, уличенная в измене России жена его, сын его Алексей, мать его Мария Федоровна, а также все прочие члены дома Романовых находятся до сих пор на полной свободе и разъезжают по России и даже на театре военных действий, что является совершенно недопустимым и крайне опасным для восстановления нормального порядка и спокойствия в стране и в армии». В связи с этим в заявлении выражалось категорическое требование арестовать Николая и всех членов его семьи¹. Подобные резолюции принимались многими собраниями и митингами рабочих, солдат и матросов.

Они подталкивали Исполком на более решительные заявления, что, в свою очередь, не могло не влиять и на позицию Временного правительства. Там в вопросе об отправке Романовых в Англию, по-видимому, начались колебания. 6 марта на заседании Исполкома Н. Чхеидзе, докладывая о своих переговорах с правительством о совместном аресте бывшего царя и его семьи, заявил, что «правительство до сих пор окончательно ответа не дало». Но, по всей вероятности, именно в этот день по крайней мере в левой части правительства уже зрели сомнения относительно «английского плана» и мысль о замене его своего рода домашним арестом Романовых.

Думается, однако, что было бы неверным приписывать такую перемену позиции правительства одному только давлению Совета. И в правительстве не могли не сознавать, что вывоз Романовых за границу в определенных кругах может рассматриваться как акт, идущий вразрез с интересами революции, даже как попытка содействовать возможному монархическому реваншу в будущем. В интересах самого Временного правительства было парализовать рост таких подозрений и тем укрепить свой собственный «революционный имидж». Но существовало и еще одно, вполне конкретное

---

¹ Требование народа о заключении Николая Романова в крепость // Красный архив. 1937. № 2 (81). С. 122—123.

обстоятельство, заставлявшее Временное правительство хотя бы на время блокировать немедленный выезд Романовых за рубеж. Еще 4 марта была создана уже упоминавшаяся Чрезвычайная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц старого строя. В сферу ее деятельности предполагалось включить и расследование о «темных силах», подозревавшихся в германофильстве и стремлении к сепаратному миру с Германией. Эта часть следствия не могла не коснуться и самих Романовых, особенно Александры Федоровны, которую в канун переворота открыто обвиняли в измене. Русская революция с самого начала обнаружила стремление рядиться «в костюмы» Французской революции, искать и находить в себе ее «чертежи». Искали придворную камарилью, подготовлявшую сепаратный мир, искали измену двора и особенно, конечно, Александры Федоровны — «российской Марии-Антуанетты».

Поощряемые сверху, подозрения захватили низы. Доносительство разрасталось, подобно снежному кому. Вот один из примеров добровольного разоблачительства. В первых числах марта в штаб одного из батальонов 1-го стрелкового полка (дислоцировался в Царском Селе) поступило сообщение, что бывший помощник начальника военно-походной канцелярии Николая II капитан Ден хочет вывезти из Екатерининского дворца какие-то ящики. Сам Керенский проявил к этому сообщению повышенное внимание. В предписании на имя капитана Аксюты приказывалось доставить «4 железных ящика, содержащие секретные документы (?)», в его личное распоряжение». Ящики следовало везти на автомобиле под охраной, ключи к ним держать в «запечатанном конверте»¹.

Что было в ящиках и куда они делись из министерства юстиции — так и осталось неизвестным. Но важно другое: история с ящиками (как и доходившие из Царского Села сведения, что там жгут какие-то бумаги) усиливала подозрения и настораживала. Расчет на обнаружение компрометирующих Романовых документов казался обоснованным. Казался... А что же на самом деле? Касаясь обвинений, возводимых на последних

---

¹ См.: ЦГВИА. Ф. 366 (Кабинет военного министра). Оп. 23, Д. 1. Л. 13—17.

Романовых и царских министров, И. Бунин писал: «Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома,— сколько откроется темного, греховного, несправедливого, какую ужасную картину можно нарисовать, и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить в строку!

Так врасплох, совершенно врасплох был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись!.. Что открыли? Изумительно, ровно ничего!»¹

7 марта Временное правительство приняло постановление, пункт 1-й которого гласил: «Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село»². Но постановление это, действительно приведшее к аресту Николая и Александры Федоровны, все же не означало полного отказа от плана отправки Романовых в Англию. Он лишь откладывался, и, как мы увидим дальше, вплоть до конца июня Временное правительство не прекращало секретных переговоров о его реализации в подходящий, благоприятный момент... Только потом, уже после екатеринбургской трагедии, некоторым мемуаристам, причастным к эпопее отречения царя и деятельности Временного правительства первых послефевральских дней, стало ясно, что первый «узел» этой трагедии завязался именно тогда, в событиях, связанных с отречением и больше всего — с арестом Николая и его семьи. Оставление бывшего царя в стране, свергнувшей царизм, не было ли первым шагом в подвал ипатьевского дома?

Первой была арестована находившаяся в Царском Селе императрица. Сделал это генерал Л. Корнилов, который в конце августа 1917 г. возглавит военный путч, а после Октября встанет во главе белой Добровольческой армии. Напомним, что еще 2 марта царь (до своего отречения) по просьбе Родзянко и с согласия генерала

---

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1991. С. 102.

² Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта.

Алексеева назначил Корнилова командующим Петроградским военным округом (вместо отозванного в Могилев генерала Н. Иванова), и 5 марта тот прибыл с фронта в Петроград. Пресса рекламировала его как «первого революционного командующего округом», и, по-видимому, для поддержания этого образа военный министр Гучков приказал Корнилову лично арестовать бывшую императрицу¹.

7 марта Корнилов назначил полковника Е. Кобылинского, служившего в лейб-гвардии Петроградском полку и после ранения лечившегося в царскосельском госпитале бывшей императрицы², начальником Царскосельского гарнизона. Одновременно комендантом Александровского дворца — резиденции Романовых — был назначен ротмистр П. Коцебу, принадлежавший к аристократическим кругам; его брат долгое время состоял адъютантом великого князя Николая Николаевича. Утром 8 марта Корнилов, его начальник штаба генерал Рубец-Массальский, Кобылинский и Коцебу прибыли в Царское Село. Приказав всем остаться за дверью, Корнилов вошел к Александре Федоровне и объявил ей об аресте.

По свидетельству некоторых придворных, Корнилов держался с большой светскостью, уверял, что арест — чисто предупредительная мера, действующая только до момента предстоящего отъезда в Англию, и т. п. Александра Федоровна выразила надежду, что Корнилов понимает ее положение, так как сам долгое время был лишен свободы, находясь в австрийском плену³. Но в интервью, опубликованном в газетах (например, в «Русской воле»), Корнилов (или журналист?) изображал эту акцию в иных красках: рассказывал, как он «сурово» объявил распоряжение и как «бились в истерике» императрица.

7 же марта Временное правительство направило в Могилев за отрекшимся императором четырех своих ко-

¹ См.: ЦГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Ч. 1. Л. 2.

² Во время войны в Царском Селе было создано множество госпиталей, находившихся под патронажем жен аристократов и промышленников. Некоторые госпитали патронировали императрица и четверо ее дочерей — великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Все они ухаживали за ранеными как простые сестры милосердия.

³ Весной 1915 г. раненый Корнилов попал в плен, после того как его 48-я пехотная дивизия была окружена. Летом 1916 г. Корнилов сумел бежать из плена, что способствовало росту его популярности. Это обстоятельство содействовало и назначению его командующим округом в февральские дни.

миссаров — членов Государственной думы А. Бубликова, С. Грибунина, В. Вершинина и С. Калининна.

Ставка устроила Николаю Романову торжественные проводы, по-видимому, еще не зная, с чем едут правительственные комиссары. В помещении дежурного генерала были собраны офицеры и солдаты, к которым царь обратился с прощальной речью. В ней он подчеркнул, что решение об отречении принято им «бесповоротно». Эта сцена в Ставке в общем идентично описывается разными мемуаристами. Многие пишут, что Николай не сумел закончить положенного обхода всего строя. На глазах его заблестели слезы, он остановился, сделал общий поклон и быстро пошел к выходу. Перед отъездом из Ставки он подписал свой последний приказ по армии. Вот его текст:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского власть перешла к Временному правительству... Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага... Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник отечества, его предает. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог, и да ведет вас к победе Святой великомученик и победоносец Георгий... Николай»¹.

В ночь на 8 марта по распоряжению Алексеева этот приказ был передан в штабы армий, но дальше них в большинстве случаев он не пошел. Получив копию документа, военный министр Гучков распорядился остановить передачу его в войска. На первый взгляд, это трудно объяснить: ведь приказ призывал армию «повиноваться Временному правительству». По-видимому, опасение возможных всплесков монархической контрреволюции не покидало новую власть.

---

¹ Цит. по: Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1951. С. 39—40.

Днем 8 марта комиссары Временного правительства, приняв Николая II и 47 сопровождавших его лиц, двинулись в обратный путь, в Царское Село. «При отъезде поезда,— сообщали они в докладе Временному правительству,— не было ни приветствий, ни враждебных возгласов»¹. С момента отъезда из Могилева комиссары со всех станций телеграфно сообщали Временному правительству о движении поезда.

В пути в вагон комиссаров приходили депутации, вручавшие пожертвования «на пользу революции». Такие пожертвования сделали даже бывшая царская прислуга и чины дворцовой полиции, ехавшие в поезде вместе с отрекшимся царем. Еще несколько дней тому назад холуйствовавшая перед Николаем Романовым, эта мелкая царедворческая сошка сегодня уже заискивала перед новыми властями. Впрочем, не только лакеи и охранники бросили своего вчерашнего повелителя. Точно так же вскоре поступили и высокие царедворцы. Когда утром 9 марта поезд с арестованным Николаем пришел в Царское Село, бывшие свитские, по словам Кобылинского, «посыпались на перрон и стали быстро, быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо проникнутые чувством страха, что их узнают... Сцена была весьма некрасивая»². Но можно ли строго судить этих людей? Слаб человек... Екклесиаст говорил: «Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них».

Слухи об аресте бывшего царя Временным правительством подлили масла в огонь. Видимо, в растревоженных революционных кругах заподозрили правительство в двойной, закулисной игре. По Петрограду распространился слух, что посланцы правительства везут Николая в Царское Село для последующей отправки с семьей за границу. 8 марта Исполком Совета вновь постановил арестовать царскую семью и для ареста направить собственную делегацию. На следующий день Исполком Петроградского Совета разослал радиотелеграмму по всем железным дорогам и другим путям

---

¹ ЦГИАЛ. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 1354. Л. 24--26; Новое время (Петроград). 1917. 10 марта.

² Из показаний Е. Кобылинского следователю Н. Соколову в апреле 1919 г. // Соколов Н. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 18—19.

сообщения, всем комиссарам, местным комитетам, воинским частям. «В сем сообщается вам,—говорилось в ней,— что предполагается побег Николая II за границу. Дайте знать по всей дороге вашим агентам и комитетам, что Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов приказывает задержать бывшего царя»¹.

Одновременно Исполком вынес постановление о занятии революционными войсками всех вокзалов, а также о посылке своих комиссаров с чрезвычайными полномочиями на станции Царское Село, Тосно и Званка. «Местом водворения Николая Романова,—объявлялось в постановлении,— решено назначить Трубецкой бастион Петропавловской крепости, сменив для этой цели командный состав последней. Арест Николая Романова решено произвести во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом отношений с Временным правительством». Для выполнения постановления в Царское Село направлялся специальный отряд во главе с членом Военной комиссии эсером левого толка С. Мстиславским и членом «Союза офицеров-республиканцев» А. Тарасовым-Родионовым².

Если верить более поздним описаниям С. Мстиславского, вообще явно склонного к некоторой беллетризации событий, его отряд двигался в Царское Село как на боевую операцию: никто точно не знал, как поведут себя стрелки царской охраны. Мстиславский вспоминал, что на последних перегонах к Царскому Селу солдаты сурово замолкали, крестились, примыкали к винтовкам штыки³.

Ранним утром 9 марта в напряженной тишине подъехали к вокзалу. Оставив солдат на станции, Мстиславский с Тарасовым-Родионовым отправились в городскую ратушу, а затем в Александровский дворец. В архиве сохранилось донесение Керенскому (от 10. марта 1917 г.) от коменданта царскосельского дворца ротмистра Коцебу, в котором, в частности, говорится: «Доносу Вашему превосходительству, что 9-го сего марта в 4 ч. дня прибыл в Александровский дворец полковник Масловский (Мстиславский.— *Лвт.*), предъявил предписание на бланке комитета рабочих и солдатских депутатов за подписью члена Государственной думы Чхендзе,

¹ Петроградский Совет р. и с. депутатов. С. 29.

² См. там же. С. 28.

³ См.: Мстиславский С. Пять дней. Пг., 1922. С. 84.

в коем было указано, что отреченного императора Николая II надлежит немедленно выдать и препроводить под охраной полковника Масловского и прибывшей с ним команды из 100 нижних чинов при нескольких пулеметах в город Петроград. Полковник Масловский заявил мне, что в Петрограде распространился слух о побеге отреченного императора, что нет секунды на размышление, солдаты взбунтовались, вышли частью из казарм и заняли вокзал. Ежеминутно на улицах может вспыхнуть мятеж, и всякое промедление грозит новым кровопролитием»¹.

Начальник Царскосельского гарнизона полковник Кобылинский впоследствии несколько иначе высказался о цели миссии Мстиславского: «Назвавший себя Масловским заявил мне, что по поручению Исполнительного комитета он должен сейчас же взять государя и доставить его в Петропавловскую крепость»². Но до этого дело не дошло. Командованию охраны дворца все же удалось убедить Мстиславского, что Романовых не следует никуда переводить, так как и здесь их караулят достаточно надежно. В этом посланцев Совета уверяли и солдаты. Чтобы Мстиславский и Тарасов-Родионов могли удостовериться в том, что Николай здесь, было решено провести бывшего императора в нескольких шагах от них. В воспоминаниях Мстиславского, содержащих, как уже отмечалось, сильный налет революционной беллетризации, это описывается так. Дверь одной из комнат отворилась, и Николай Романов двинулся по коридору навстречу Мстиславскому, который запомнил его «застылый — желтый, как у усталого, затравленного волка, взгляд». Этот взгляд «вдруг оживился: в глубине зрачков — словно огнем полыхнула растопившая свинцовое безразличие их — яркая, смертная злоба... Николай приостановился, переступил с ноги на ногу и, круто повернувшись, быстро пошел назад, дергая плечом и прихрамывая». Возможно, драматичность обстановки, а также яркое изображение и нарисовали Мстиславскому такую картину, но другая сторона изображает эту сцену совершенно иначе. Кобылинский, например, утверждал, что выход Николая был организован им и Коцебу таким образом, что посланцы Совета видели его, а он их нет.

---

¹ ЦГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 1. Л. 4—5.

² Историк и современность. Берлин, 1924. Т. 5. С. 173.

«Живописания» Мстиславского можно и не брать на веру, однако они все же свидетельствуют об атмосфере подозрительности, недоверия, опасений и даже страха, которая складывалась вокруг всего, что было связано с только что отрекшимся царем.

Возвратившись в Петроград, Мстиславский и Тарасов-Родионов информировали Исполком Петроградского Совета, что, по их мнению, Николай и его семья находятся под надежной охраной и что перевода их в Петропавловскую крепость не требуется. Исполком принял к сведению это сообщение, постановив, что «вопрос о выезде Николая и других членов императорской фамилии за границу будет разрешен не иначе как по согласованию между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов»¹. В результате Романовы избежали Петропавловской крепости, но и вопрос об их отъезде за границу был по крайней мере отодвинут, в некоторой неопределенности как бы повис в воздухе. Как заявил А. Керенский (которому, как он утверждал позднее, было поручено наблюдение за императорской семьей), вопрос о дальнейшей судьбе Николая Романова, его жены и детей будет в ближайшее время выяснен, и о решении «русский народ будет немедленно извещен официальным сообщением Временного правительства». Но никакого официального сообщения так и не последовало. Неясность политических перспектив определяла уход от решения судьбы бывшего царя...

9 марта 1917 г. Николай записал в своем дневнике: «Скоро и благополучно прибыл в Царское Село... Но, боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики!»²

Здесь, в Александровском дворце, под охраной часовых и «каких-то прапорщиков», царской семье предстояло провести около пяти месяцев, до конца июля 1917 г., когда по распоряжению Временного правительства она была отправлена в далекий Тобольск. Царскосельский период был, конечно, лучшим в жизни отошедших от власти Романовых, хотя тяжелые, неприятные эксцессы случались и здесь. Нередко кучки людей собирались

---

¹ Известия Петроградского Совета. 1917. 10 марта.

² Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 138.

у решеток парка и при появлении бывшего царя раздавался свист, бранные выкрики. Часовые нет-нет да и не удерживались от фривольных словечек о прогуливавшихся царских дочерях. От грубости, а скорее бестактности караульных солдат не всегда был избавлен даже тринадцатилетний больной цесаревич. Но это были все же отдельные случаи. Тюрьма в Александровском дворце была скорее «позолоченной клеткой». Письма Николая, Александры Федоровны и их детей, несмотря на нотки естественной грусти, в общем-то подтверждают это. Вот характерное письмо старшей дочери Ольги Николаевны (ей тогда было 22 года) к тетке — великой княгине Ксении Александровне в Крым: «Мы все хотели написать — да не знали можно ли и как. — Т. к. учителям к нам нельзя ходить, то уроки идут домашним способом. — Мама и Папа тогда нам дают... С Настенькой (фрейлина А. Гендрикова. — *Авт.*) читаем и играем на рояле. Гуляем с Папой утром час и днем все вместе и Мама от 2—5. Мы ходим в лес, где Папа с нашими людьми спиливает сухие деревья и колет на дрова... Эта работа уже около 2-х месяцев, а раньше сами копали грядки, и вышел очень хороший огород... По вечерам Папа нам каждый день читает вслух»¹.

Если судить по дневниковым записям Николая Романова (а он вел их почти ежедневно с педантичной пунктуальностью), события, потрясавшие Петроград да и всю страну, проходили мимо него и мало его интересовали. Действительно, день за днем они фиксируют состояние погоды, прогулки в саду, занятия с детьми и тому подобные подробности семейного быта. По-видимому, это обстоятельство дало основание для возникновения более поздней версии, по которой после отречения царь превратился в некоего добродушного обывателя, чуть ли не наслаждавшегося долгожданным освобождением от столь тяжелой для него шапки Мономаха. Вот ее образчик. Сменовеховец И. Василевский писал о Николае: «Отпустите его! Дайте ему уйти из дворца, представьте ему скромную подходящую должность, и всю жизнь он не сделает никому никакого зла, не вызовет ни малейшего упрека, и, если доживет до революции, — он и после переворота будет скромно продолжать свое дело под надзором комитетов и комиссаров Времен-

---

¹ Письма царской семьи из заточения. Джорданвилл, 1974. С. 92.

ного правительства. И если доживет он до Октябрьского переворота, он, можно поручиться, не станет и помышлять о саботаже, и будет терпеливо сидеть в очереди за своим пайком из воблы и восьмушки хлеба, и окажется хорошим спецом на службе рабоче-крестьянского правительства и ни на минуту не помыслит о каком-нибудь заговоре, ему и в голову не придет оттачивать «нож в спину пролетариата»¹.

Поскольку в дальнейшем последние Романовы практически надолго ушли из исторической литературы, такого рода оценки как будто преобладали в расхожих исторических представлениях. Пожалуй, только в конце 70-х годов М. Касвинов в «Двадцати трех ступенях вниз» дал прямо противоположную трактовку личностей отрекшегося царя и его супруги. У него Романовы — неразоружившиеся враги революции, проникнутые «жаждой мщенья, тоской по утраченной власти», которые «удесятеряют их активность». «Если им удастся выбраться из-под стражи, они неизбежно станут знаменем контрреволюции, центром консолидации ее самых свирепых элементов».

В тираде Василевского, конечно, не содержалось ничего, кроме весьма распространенного в те годы стремления еще раз унижить последнего царя. Но что давало основания утверждать, будто Николай II был проникнут «жаждой мщенья» и «тоской по утраченной власти»? Те, кто часто видел его во время царскосельского заточения (Коцебу, воспитатель наследника П. Жильяр и другие), рассказывали, что на молитвах, когда священник поминал Временное правительство, Николай набожно крестился. Однако если бы монархисты действительно разрабатывали какие-либо серьезные планы реставрации, настроения отрекшегося императора мало бы повлияли на них. Но таких планов практически не существовало не только непосредственно после падения монархии, но и позднее, уже во время гражданской войны. Лишь небольшие и маловлиятельные группы в России и за рубежом, «теоретически» определяя перспективы возможного поражения революции, брали во внимание «незаконность» отречения Николая II 2 марта 1917 г. в обход прав прямого наследника — цесаревича Алексея. Из этих кругов, а вернее сказать кружков, выходили даже «записки», обосновывавшие

---

¹ Василевский (Не-буква) И. Николай II. Б. м., 1923. С. 9.

необходимость возвратить Николая II на престол с тем, однако, чтобы он тут же «по закону» переотрекся в пользу сына... Это будет все же позднее, а тогда, ранней весной 1917 г., планы монархической реставрации были просто неосуществимы.

Если Николай, судя по всему, примирился с тем, что произошло, то этого, кажется, нельзя сказать об Александре Федоровне. По словам Керенского, который как министр юстиции не раз посещал Романовых в Царском Селе, бывшая императрица «остро переживала потерю своей власти и не могла примириться со своим положением». Обер-гофмейстерина Е. Нарышкина в начале мая 1917 г. записала в своем дневнике: «Позднее пришла императрица и пробыла у меня 2 часа... Все еще надеется на контрреволюционную реакцию»¹.

Конечно, вряд ли эти надежды строились на каких-то определенных данных. Александра Федоровна скорее всего исходила из убеждения, что Россия «не может быть без царя», что революцию совершила чуждая «исконно национального духа», «развращенная» интеллигенция, что народ лишь временно «сбился с пути», но неминуемо рано или поздно вновь обратится к «помазаннику божьему».

И все-таки не исключено, что, находясь в Александровском дворце, Романовы получали какие-то обнадеживающие сигналы с воли. Не все отказались от них. Кто-то находил пути, чтобы высказать человеческие слова поддержки и надежды. Но при этом всегда нужно принимать во внимание стремление обанкротившихся «спасителей» задним числом приукрасить свои действия и хотя бы так реабилитировать себя в глазах белоэмигрантов-монархистов да и в собственных глазах.

Страхом перед какой-то глухой монархической интригой, завязывавшейся вокруг арестованных Романовых уже весной 1917 г., по-видимому, объясняется устранение коменданта Александровского дворца ротмистра Коцебу. Как следует из дневника Нарышкиной, он подолгу беседовал с еще находившейся во дворце и выздоравливавшей после кори Вырубовой (она переселилась сюда после убийства Распутина). Е. Кобылинский позднее показывал, что о длительных беседах коменданта с Вырубовой узнали солдаты охраны. Волнения еще усили-

---

¹ Нарышкина Е. С царской семьей под арестом // Последние новости (Париж). 1936. 28 июня.

лись, когда стало известно, что в царских покоях жгут бумаги. Прибыл сам Керенский. Переворошили золу в печах, ничего не установили, но решено было на какое-то время «развести» Николая II и Александру Федоровну, позволив им встречаться только в столовой.

Слухи о Вырубовой и Коцебу были проверены и подтвердились, о чем было доложено непосредственно командующему Петроградским военным округом генералу Корнилову. В конце марта Коцебу был уволен и заменен подполковником (бывшим присяжным поверенным) П. Коровиченко, состоявшим в давних дружеских отношениях с Керенским. Несравненно больше пострадала Вырубова. Из Александровского дворца ее перевезли в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Весь гнев и презрение к царской чете, которую молва накрепко связала с похождениями Распутина, здесь, в Трубецком бастионе, обрушились на Вырубову. Карательные солдаты, считавшие ее любовницей Гришки и царя, унижали, оскорбляли ее. Заботами М. Горького, проявлявшего интерес к истории последних дней монархии, в конце июня она была переведена в тюремную больницу, а затем и освобождена, стала бывать у него в квартире на Кронверкском проспекте. Александра Федоровна (уже из Тобольска) писала Вырубовой ободряющие письма¹.

Живя в Александровском дворце, царская семья вряд ли знала, что вокруг нее все еще бушуют политические страсти. В Исполком Петроградского Совета продолжали поступать телеграммы от разного рода собраний, съездов, сходов, обществ с категорическими требованиями перевести Романовых в Петропавловскую крепость, конфисковать их имущество и капиталы, учинить над ними суд, посадить на арестантский паек. В телеграмме Александропольского Совета рабочих депутатов презри-

---

¹ Любопытно, что к знакомству Вырубовой с Горьким бывшая императрица отнеслась с неодобрением. Позднее, уже в январе 1918 г., она писала Вырубовой: «Что ты познакомилась с Горьким, меня так удивило — ужасный он был раньше, веморальный, ужасные, противные книги и пьесы писал — неужели это тот? Как он против Папы (царя.— *Авт.*) и России все воевал, когда он в Италии жил. Будь осторожна, дорогая... Я очень беспокоюсь о Bitter (Горьком.— *Авт.*) — он издает ужасную газету («Новая жизнь».— *Авт.*) и писал столько гадких пьес грязных и книг. Ничего серьезного при нем не говори... «Bitter» настоящий большевик» (Письма царской семьи из заточения. С. 242, 250).

тельно говорилось о личности Николая, «которую революционная Россия заклеила позором преступления». Солдаты-артиллеристы Очаковской крепости требовали преследовать Романовых и всех «сочувствующих им как изменников свободы и Российского государства»¹. Так было...

Между тем началась скрытная работа небольших групп монархистов, главным образом из бывшего близкого окружения царской семьи. Постепенно в нее стали втягиваться офицеры, ранее служившие в «собственных полках их величеств» или лечившиеся в роскошных царско-сельских госпиталях (их тут было более шестидесяти). Вполне естественно, что прежде всего они «зацепились» за проживавшую теперь на даче в Финляндии Л. Ден, доверенную подругу императрицы.

Проторили сюда тропинку и члены бывших черносотенных организаций, погребенных под февральским обвалом, в том числе Н. Марков 2-й. Круглое лицо, торчащие усы, черные кудрявые волосы придавали ему некоторое внешнее сходство с Петром I. Нагловатый и прямолинейный, не лишенный ораторского дара, Марков 2-й, кажется, уверовал в то, что он именно та личность, которая должна искупить общую вину перед Романовыми.

К концу июня 1917 г. Марков 2-й под именем «тетушки Иветты» наладил через Л. Ден контакт с Николаем II. По рассказу самого Маркова 2-го, в коробку папирос, переданную в Александровский дворец, была вложена папироса с запиской. «Мы,— писал Марков 2-й,— спрашивали государя, разрешит ли он начать дело восстановления империи. Если разрешает, пусть благословит дело святой иконой. В ответ была прислана икона святого Николая Мирликийского Чудотворца с пинциалами государя и государыни»². Вряд ли отсюда следует делать вывод, что отрекшийся царь, получив «запрос» Маркова 2-го, решил «переиграть» события Февраля 1917 г. и призвал к борьбе за восстановление монархии. Важно отметить, что, в то время когда Марков 2-й вспоминал о своей инициативе лета 1917 г., он, находясь в Берлине, возглавлял Высший монархический совет и его воспоминания могли иметь определенное «политически-целевое» назначение...

¹ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 19. Л. 79.

² Вестник Высшего монархического совета (Берлин). 1924, 28 апреля.

Мы не знаем точно, от чьего имени Марков 2-й обращался к Николаю за благословением. Лишь в мемуарах бывшего корнета Крымского конного полка (его шефом была императрица Александра Федоровна) Сергея Маркова (однофамильца Маркова 2-го) содержатся некоторые сведения о «марковской организации», к сожалению, плохо поддающиеся проверке. Но то, что оба Маркова летом 1917 г. были тесно связаны, подтверждает их острая полемика (порой переходившая в перебранку) уже в годы эмиграции. Один Марков обвинял другого в том, что именно он помешал освобождению Романовых летом 1917 г. и позднее. С. Марков («Марков-маленький», как звала его Александра Федоровна) уверял, что только пассивность Маркова 2-го и его организации обрекала на неудачу «спасение Романовых»¹. Марков 2-й со своей стороны клеймил младшего однофамильца как авантюриста, способного только погубить «дело», требовавшее терпения и подготовки².

Так или иначе, но Николай и его семья, по-видимому, были осведомлены о каких-то замыслах на воле. В дневнике Е. Нарышкиной имеется следующая запись от 4 (17) июля: «Только что ушла княгиня Палей (жена великого князя Павла Александровича.— *Авт.*). Сообщила по секрету, что партия молодых офицеров составила безумный проект: увезти их (царскую семью.— *Авт.*) ночью на автомобиле в один из портов, где их будет ждать английский пароход... Нахожусь в несказанной тревоге»³. Не отголосок ли это заговорщических планов «Маркова-маленького», возможно, решившегося действовать самостоятельно, так как, по более позднему утверждению Маркова 2-го, до сентября 1917 г. он лично не ставил вопроса об организации освобождения царя и его семьи?

Тем временем, как уже отмечалось, по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии на поруки была освобождена А. Вырубова. К ней почти сразу же потянулись «марковцы». Когда в начале августа (в это время семейство Романовых уже находилось в Тобольске) Сергей Марков посетил квартиру Вырубовой, то здесь, по его словам, он «застал целое общество, в большинстве мужчин, среди которых преобладал военный

¹ Марков С. Покинутая царская семья. Вена, 1928. С. 160.

² См.: Вестник Высшего монархического совета (Берлин). 1924. 24 июня.

³ Последние новости (Париж). 1936. 5 июля.

элемент»¹. Был здесь кое-кто и из промышленных воротил. В числе присутствовавших С. Марков называл, например, «нефтяного короля» Манташева. В руки Вырубовой стали стекаться некоторые денежные суммы, предназначенные для оказания помощи царской семье, причем большинство жертвователей по понятным причинам старались остаться анонимными.

В середине мая Временное правительство командировало в Европу своего эmissара С. Сватикова, который должен был обследовать русскую заграничную агентуру. Сватиков выполнил поручение, но подготовка доклада потребовала длительного срока, и он представил его в МИД лишь в начале октября. Однако основные факты его расследования были известны уже к лету 1917 г. Полученные, как писал Сватиков, из достоверных источников, они свидетельствовали о довольно активной деятельности русских «сторонников старого режима», живших в странах Западной Европы еще до Февральской революции. Это, вероятно, не могло не внушать опасений новым российским властям.

Мы уже знаем, что мартовский этап переговоров Временного правительства с английским правительством об отъезде Николая и его семьи в Англию не дал результата: Романовы остались в России. Но вопрос этот не был снят с повестки дня. Приблизительно в середине мая начался новый — летний этап переговоров. От имени Временного правительства через английского посла Дж. Бьюкенена их вел преемник Милюкова на посту министра иностранных дел М. Терещенко. Но и эти переговоры ни к чему не привели: до самого конца июля Романовы оставались в Царском Селе, а затем были отправлены в Тобольск. Отъезд в Англию оказался миражем, и этот «английский мираж» обернулся сибирской тайгой...

Позднее в эмиграции история «английского миража» неоднократно вызывала горячую полемику. Она, естественно, обострялась сознанием того трагического финала, который постиг бывшего царя и его семью в Екатеринбургe летом 1918 г. Похоже, что все так или иначе причастные к страшной судьбе Романовых после отречения Николая от престола стремились отмежеваться даже от тени своей причастности к этому финалу. Бывшие министры Временного правительства (Керенский, Милюков,

---

¹ Марков С. Покинутая царская семья. С. 171.

Терещенко) доказывали, что со своей стороны они делали все, чтобы вывезти Романовых, и если этого не случилось, то основная ответственность лежит на английской стороне (особенно Д. Ллойд Джордже), которая вначале (в марте) выразила готовность предоставить убежище свергнутому царю, а затем изменила свое решение¹. «Наши усилия,— писал Терещенко,— закончились столь же неудачно, как шаги, предпринятые... в марте 17 года. В конце июня или начале июля, точно не помню, получился окончательный отказ»².

Напротив, бывшие английские политики разъясняли, что их позиция в общем оставалась неизменной. Однако поскольку Временное правительство «не сумело стать хозяином в собственном доме» и не решилось отправить царя за границу, правящие круги Англии вынуждены были считаться с этим³. Таковую же точку зрения разделяли и некоторые эмигранты-монархисты, в частности бывший царский премьер-министр В. Н. Коковцов. Он считал, что ответственность за судьбу Романовых несет Временное правительство, «оказавшееся во власти Совдепа»⁴.

Но кто же был прав? Представляется, что ответ на вопрос, почему бывший русский царь не был отправлен за границу, следует искать не в позднейших спорах отставных «вершителей судеб», а в реальной обстановке тех дней, как им она тогда представлялась.

Потом уже в ходе полемики Керенский утверждал, что летом 1917 г. «человек улицы почти перестал интересоваться Романовыми» и напряженность вокруг них явно спадала. Если бы это было и так, то изменение статус-кво арестованных Романовых, отъезд их за границу, который многие все же склонны были рассматривать как организованное бегство, не повлияло бы на позицию «человека улицы». Для него Романовы продол-

---

¹ См.: *Керенский А. Ф.* Отъезд Николая II в Тобольск // *Воля России* (Прага). 1921. 28 августа; *Его же.* Еще об отъезде Николая II в Тобольск // *Воля России*. 1921. 16 сентября; *Его же.* Екатеринбургская трагедия // *Последние новости* (Париж). 1932. 17 июля.

² *Терещенко М.* Письмо в редакцию // *Последние новости* (Париж). 1932. 21 июня.

³ См.: *Роль Ллойд Джорджа* // *Последние новости* (Париж). 1932. 12 июня; см. также: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1936. Т. 3. С. 393; *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 234—235.

⁴ *Коковцов В. Н.* Было ли возможным спасти государя и его семью // *Возрождение* (Париж). 1936. 22 января.

жали оставаться символом царского режима, символом ненавистного прошлого, разрушенного революцией, но прошлого еще слишком близкого, слишком живого, чтобы смотреть на него как на безвозвратно канувшее в Лету. Для правительства (и прежде всего для Керенского, становившегося в нем центральной фигурой) царскосельские арестанты стали теперь такой картой, неосторожный или неудачный ход которой мог бы нарушить шаткий баланс проводимой им политики лавирования, движения «посредине».

Отправить Романовых за границу значило бы вызвать новые вспышки протеста левых кругов, что, в свою очередь, могло бы активизировать и консервативные элементы. Короче говоря, «передвижка» Романовых за рубеж в определенной мере могла дестабилизировать ситуацию перед готовившимся наступлением на фронте. Что это так, подтверждает, например, сугубо частное письмо русского посла в Испании А. Неклюдова премьер-министру Г. Львову, переданное через Терещенко в начале июля. В письме Неклюдов сообщал, что испанский король Альфонс XIII в беседе с ним поднял вопрос о личной безопасности Романовых, на что он, Неклюдов, дал следующий ответ: «Всякие ходатайства извне в его (бывшего царя. — *Авт.*) пользу могут лишь причинить затруднения Временному правительству и осложнить положение, уже и без того трудное». Поэтому утверждение Керенского, что Терещенко вел переговоры об отправке Романовых в Англию с «большей настойчивостью», чем его предшественник Милюков, вызывает некоторое сомнение. Летом эти переговоры скорее должны были носить характер пожеланий, предположений, вряд ли более того. Русское правительство, может быть, само давало англичанам шанс мягко уклониться от своего мартовского согласия на приезд Романовых в Англию. А этот шанс и им был весьма кстати...

В правящих кругах Англии, конечно, хорошо понимали, что политическая ситуация в России чревата переменами, способными по меньшей мере серьезно поколебать Временное правительство. Содействие его укреплению было одной из важнейших задач союзных миссий, устремившихся в Россию весной и летом 1917 г. В составе этих миссий находились и социалисты (француз А. Тома, англичанин А. Гендерсон и другие). Именно через них правящие круги Запада пытались добиться от Исполкома Петроградского Совета, а затем и ВЦИК

первого созыва всемерной поддержки политики Временного правительства. Но предоставление Романовым убежища в Англии могло внести немалый диссонанс в декларируемую ею политику поддержки «обновленной России», единства с ее новым, демократическим курсом.

В эмиграции в ходе уже упоминавшейся нами полемики о причинах невыезда Романовых в Англию милюковская газета «Последние новости» опубликовала выдержку из лондонской «Дейли телеграф», которая проливает свет на позицию английских «верхов» в этом вопросе. «Мы искренне надеемся, — писала газета, — что у британского правительства нет никакого намерения дать убежище в Англии царю и его жене. Во всяком случае, такое намерение, если оно действительно возникло, будет остановлено. Необходимо говорить совершенно откровенно об этом. Если Англия теперь даст убежище императорской семье, то это глубоко и совершенно справедливо заденет всех русских, которые выпущены были устроить большую революцию, потому что их беспрестанно предавали нынешним врагам нашим и их... Мы говорим теперь совершенно откровенно и прямо: об убежище не может быть речи, так как для нас опасность слишком велика»¹.

Как следует из некоторых архивных документов, использованных английскими авторами А. Саммерсом и Т. Мэнголдом, именно под давлением левой общественности английское предложение о предоставлении убежища Романовым (официальное решение об этом было принято в двадцатых числах марта) к середине апреля начало «тихо испаряться»². Бьюкенену было предложено сообщить в Петрограде о предпочтительности отправки Романовых в другую страну, например во Францию. Соответствующие указания получил и английский посол в Париже лорд Берти, но ответил, что приезд Романовых во Францию также не будет приветствоваться. И в начале мая Бьюкенен заявил Временному правительству, что до конца войны приезд царской семьи в Англию нежелателен³. В последующие три месяца, пишут А. Саммерс и Т. Мэнголд, вопрос о предоставлении Романовым убежища в Англии исчезает

¹ Последние новости (Париж). 1932. 12 июня.

² *Summers A., Mangold T. The File on the Tsar. L., 1976. P. 251. См. также: Мэсси Р. Николай и Александра. Пер. с англ. М., 1992. С. 441—444.*

³ *Ibid. P. 251; Керенский А. Издалека. Париж, 1922. С. 189.*

из официальной переписки. Так называемая реальная политика, ее жесткий диктат взяли верх...

Но если в силу политических соображений Англия или какая-либо другая страна для Романовых отпадали, то такие же соображения не позволяли продлить их пребывание и в «позолоченной клетке» Александровского дворца, вблизи бурлившего Петрограда. К концу июня Временное правительство и поддерживавший его ВЦИК Советов совершили, пожалуй, свой самый большой политический промах. Рассчитывая впечатляющей военной победой добиться ощутимого перелома в борьбе за стабилизацию внутреннего положения, они предприняли наступление на фронте, хотя для многих было ясно, что быстро разлагавшаяся армия не выдержит сколько-нибудь серьезных испытаний. Так оно и произошло. После некоторого успеха на Юго-Западном фронте (особенно 8-й армии генерала Л. Корнилова), не выдержав германского контрудара, русские войска начали беспорядочное, порой паническое отступление. Оно сопровождалось погромами, мародерством, грабежами. Воспользовавшись разногласиями по вопросу об украинской автономии, кадеты вышли из Временного правительства, усугубив тяжесть разверзшегося политического кризиса.

Реакция радикализованной массы, прежде всего солдат Петроградского гарнизона, постоянно опасавшихся отправки на фронт, была мгновенной. Начались митинги и демонстрации, в том числе и вооруженные. Левацкие настроения били через край. Демонстранты чуть ли не силой вынуждали некоторых членов ВЦИК Советов брать власть. Большевистское руководство колебалось: возглавить это движение и свергнуть Временное правительство или сдержать всплески социальной стихии? Опасение, что периферия и, главное, фронт не поддержат выступление в столице, заставили ЦК большевиков быть сдержанным. Но было уже поздно. Чтобы парализовать большевистское и анархистское влияние, министр юстиции П. Переверзев дал санкцию на публикацию документов Петроградской контрразведки, якобы уличающих некоторых большевистских лидеров в связях с германским Генштабом. Политическая атмосфера в Петрограде быстро и резко изменилась. Те, кто еще вчера готовы были идти за большевиками, сегодня так же готовы были обрушиться на них. Была разгромлена «Правда», арестованы большевистские руководи-

тели, В. Ленин и Г. Зиновьев ушли в подполье. В разных местах города демонстранты и митингующие оказались под обстрелом. А вскоре в Петроград вступили войска, прибывшие с фронта.

Июльские события явили собой первые грозные раскаты надвигающейся гражданской войны. Позднее Керенский уверял, что эти события внушили ему беспокойство за судьбу царской семьи и, опасаясь какой-либо новой революционной вспышки, он решил отправить ее в более безопасное место. Нетрудно видеть, что это утверждение находится в некотором противоречии с его же утверждением о том, что «человек улицы» якобы перестал интересоваться Романовыми. Но Керенский, пожалуй, прав в другом: «человек улицы», обыватель вряд ли испытывал кровожадные чувства к свергнутому царю. Зато, как мы видели, к лету вокруг Александровского дворца несколько активизировалась деятельность монархических элементов. Однако главное было даже не в них.

В середине июля Керенский уже располагал некоторыми данными о крепнувших антиправительственных настроениях в Ставке и справедливо не исключал, что они, в частности, подогреваются и монархистами. Его подозрения особенно вызывала деятельность Главного комитета «Союза офицеров армии и флота», группировавшегося вокруг нового Верховного главнокомандующего — генерала Корнилова¹. Поэтому есть основания предполагать, что решение Керенского вывезти Романовых из Царского Села было продиктовано боязнью не столько революционных «осложнений», сколько тех правых элементов, которые набирали силу в корниловском движении. Одно из свидетельств тому — отказ переправить Романовых в Крым, куда они хотели уехать.

В Крыму уже находились некоторые члены бывшей императорской фамилии, в том числе мать Николая II Мария Федоровна, бывший Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре Николая II Ксении, и другие. Семья Николая поддерживала с ними связь. У местных властей это вызывало немалые подозрения, и в центр шли тревожащие донесения.

---

¹ Члены Главного комитета «Союза офицеров армии и флота» тесно сотрудничали с Корниловым, и по некоторым сохранившимся воспоминаниям часть их организовала конспиративную группу, состоявшую из офицеров-монархистов.

Еще в апреле 1917 г. в Ялту из Севастополя приезжала следственная комиссия в сопровождении матросов и солдат. Были произведены обыски в имениях великих князей, временно отключены телефон и телеграф.

По-видимому, учитывая все это, Керенский в конце концов отверг вариант отправки Романовых в Крым, на что они очень рассчитывали. Позднее, в сентябре 1917 г., Николай писал сестре Ксении: «Я тоже надеялся, что тебе тогда удастся заехать к нам до Крыма (летом 1917 г.— *Авт.*). А как мы надеялись, что нас отправят куда же и запрут в Ливадии, все-таки ближе к вам. Сколько раз я об этом просил Керенского»¹. Керенский отклонил эти просьбы. Остановились на далеком сибирском городе Тобольске, находившемся на расстоянии около 250 км от ближайшей железнодорожной станции Тюмень.

По имеющимся в литературе сведениям, это решение было принято не без влияния известного церковного деятеля Гермогена, которого после Февральской революции «революционный» обер-прокурор Синода В. Львов назначил тобольским епископом. Прибыв в Тобольск, Гермоген якобы завязал переписку с Временным правительством, предлагая перевести Романовых в Тобольск². В конце июля в Петроград на съезд губернских комиссаров Временного правительства приезжал тобольский губернский комиссар В. Пигнатти. Тогда, по-видимому, и были согласованы конкретные вопросы, связанные с переездом Романовых. Но почему именно в Тобольск? В основе этого выбора лежал, конечно, и политический расчет. Тобольск — это Сибирь, а Сибирь — это ссылка, и потому, отправляя туда бывшего царя, Керенский, очевидно, рассчитывал «набрать очки» в левых кругах. Вместе с тем, выводя Романовых из зоны наибольшего революционного кипения, он мог надеяться, что в правом лагере «тобольский вариант» будет понят как проявление заботы об их безопасности.

Как писал в своих воспоминаниях гофмаршал П. Бенкендорф, перед отъездом Романовых в Сибирь он спросил у Керенского, как долго царская семья пробудет в Тобольске. Тот доверительно сообщил, что

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 123.

² См.: *Быков П.* Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 64.

сразу же после Учредительного собрания, которое соберется в ноябре, Николай и его родные смогут свободно вернуться в Царское Село или выехать в любое место, куда пожелают¹. Сам Керенский позднее также писал, что, по его предположениям, весной 1918 г. Романовы из Тобольска смогли бы уехать за границу, первоначально в Японию². Благими намерениями дорога действительно оказалась выстлана в ад...

Несмотря на строжайшую секретность предстоящего отъезда Романовых, английский посол Бьюкенен все же знал о нем уже в середине июля. В телеграммах министру иностранных дел Бальфуру он сообщал, что министр иностранных дел Терещенко информировал его о предстоящем отъезде царской семьи в Сибирь, где она будто бы «будет пользоваться большой личной свободой», и о том, что бывший царь «остался доволен предложением переменить место жительства». Английский посол объяснял, что причиной переезда, по словам Терещенко, стала «растущая среди социалистов боязнь контрреволюции». «Я,— писал Бьюкенен далее,— сказал министру иностранных дел, что, по моему мнению, эта боязнь неосновательна, поскольку дело идет о династии». Однако после этого добавлял: «Правда, существует движение в защиту порядка и сильной власти, но... это совершенно другое дело»³.

Семье не говорили, куда ее повезут из Царского Села. Но секрет не мог, конечно, удержаться, так как много людей были причастны к организации отъезда. Уже 30 июня полковник Кобылинский сообщил о нем воспитателю наследника П. Жильяру. Перед самым отъездом Александра Федоровна писала А. Вырубовой: «Нам не говорят, куда мы едем (узнаем только в поезде) и на какой срок, но мы думаем, это туда, куда ты недавно ездила — святой зовет нас туда и наш друг⁴. Не правда ли, странно, и ты знаешь это место. Дорогая, какое страданье наш отъезд, все уложено, пустые

---

¹ См.: *Benkendorf P. Last Days at Tsarskoe Selo. L., 1927. P. 107.*

² См.: *Bulygin P., Kerensky A. The Murder of Romanovs. N. Y., 1935. P. 118.*

³ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. № 5(24). С. 151—152.

⁴ В 1915 г. А. Вырубова и Л. Ден ездили в Тобольск на поклонение мощам святого Иоанна Тобольского. «Наш друг» — это Г. Распутин, дом которого находился в селе Покровском под Тобольском.

комнаты — так больно, наш очаг в продолжение 23-х лет...»¹

По плану Николай II и его семья должны были поездом ехать до Тюмени, а оттуда пароходом по Туре и Тоболу до Тобольска. В секретной телеграмме, которая 31 июля за подписью Керенского была направлена в Тюмень, Тобольск и Омск, сообщалось: «Экстренный поезд известного вам назначения выбывает 31 июля и прибудет 3-его [в] Тюмень. [К] тому же дню приготовьте пароход и соответственно помещение [в] Тобольске»².

Багаж Романовых был внушителен. Помимо необходимых вещей они везли с собой много ценностей: старинную мебель, ковры, картины, а также фамильные брильянты. Их сопровождали 45 человек свиты и прислуги. Многие из бывшего окружения царя отказались ехать в Сибирь, но были все же и проявления поразительной преданности. Сохранилось письмо, которое следует, пожалуй, привести полностью как ее образец: «Господин министр! Желаю быть назначенным на должность воспитателя-инструктора гимнастики или на подходящую должность к великому князю Алексею Николаевичу и идти с ним не только в ссылку, но и на эшафот, если придется. О чем прошу сделать мне счастье, дав свое согласие. Штаб-ротмистр лейб-гвардии Гродненского гусарского полка князь Эристов. 1 августа 1917 г.»³.

Охрану нес отряд особого назначения, сформированный под личным наблюдением Керенского из солдат-фронтовиков (преимущественно георгиевских кавалеров), 1, 2 и 4-го Царскосельских гвардейских стрелковых полков (всего 330 солдат и 8 офицеров). Отряд был заново вооружен (в том числе пулеметами), обмундирован, каждому солдату обещано высокое жалованье. Во главе отряда был поставлен полковник Кобылинский. Комиссаром отряда Временное правительство утвердило П. Макарова. Сопровождающими ехали депутат Государственной думы В. Вершинин (арестовывавший царя в Могилеве) и представитель Царскосельского Совета прапорщик Ефимов. По приезде в Тобольск эти двое тут же должны были возвратиться для предоставления доклада.

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 104.

² ЦГВИА. Ф. 366 (Кабинет военного министра). Оп. 2. Д. 1. Л. 23.

³ ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 2. Д. 50. Л. 1,

В первом поезде размещались царская семья, свита и прислуга, во втором — солдаты отряда особого назначения. Оба поезда шли под флагами японского (по другим данным — американского) Красного Креста, с тем чтобы избежать возможных инцидентов в пути. Впрочем, инцидент (правда, единственный и небольшой) возник уже в самом начале. Железнодорожные рабочие на станции Александровской, откуда Романовы должны были выезжать, вдруг что-то заподозрили и задержали подачу паровозов. Керенскому пришлось лично улаживать возникший конфликт. Разрешил он и встречу бывшего императора с несостоявшимся императором великим князем Михаилом Александровичем, демонстративно показав при этом, что полностью доверяет Романовым. Е. Нарышкина сделала следующую запись в дневнике: «Приехал Михаил, Керенский его впустил, сел в угол, заткнул уши и сказал: «Разговаривайте!»¹

Керенский сам написал инструкцию для охраны, сопровождавшей Романовых в Тобольск, и на всем пути следования до Тюмени лично получал телеграммы от Кобылинского, Макарова и других.

На рассвете 1 августа поезда двинулись в путь. Судя по дневниковым записям Николая и Александры Федоровны, все прошло без происшествий. Особой телеграммой Керенский поблагодарил Кобылинского и других «за труды и порядок, которыми сопровождалось следование особых поездов из Царского Села в Тобольск»².

Но не все, однако, было так безоблачно. 5 августа из Екатеринбургского окружного Совета во ВЦИК поступила тревожная телеграмма. В ней сообщалось, что движение поезда с Романовыми вызывает «брожение среди населения», так как распространяются слухи, согласно которым поезд «имеет наряд Николаевск — Харбин»³. Окружной Совет телеграфировал Красноярскому, Новониколаевскому и Иркутскому Совдепам «проверить слух и принять меры в случае надобности». Совет также просил информировать, известны или нет ВЦИКу обстоятельства отправки Романовых Временным правительством в Тобольск. В связи ли с этой телеграммой или по другой причине, но 10 августа ВЦИК командировал своего члена В. Ивановского в

¹ Последние новости (Париж). 1936. 19 июля.

² ЦГВИА. Ф. 366 (Кабинет военного министра). Оп. 2. Д. 1. Л. 28.

³ ЦГАОР. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 53. Д. 19. Л. 91.

Тобольск «для ознакомления с организацией охраны» Романовых. Командировка эта затем, по-видимому, была отменена вмешательством Керенского.

В Тюмень прибыли глухой ночью, слегка накрапывал дождик, черные облака низко неслись над мертвенно тихим городом. Составы отвели на ветки, примыкающие к пристани. Утром погрузились на пароход «Русь» и поплыли к Тобольску. Когда проплывали мимо села Покровского — родины Распутина, вышли на палубу, смотрели в бинокли на скрывавшееся за поворотом реки село...

Несколько дней Романовы прожили на пароходе «Русь», а затем их разместили в специально отведенном доме, ранее принадлежавшем тобольскому губернатору Ордовскому-Танаевскому. Часть свиты и прислуги поселилась с ними, но большинство — в доме купца Корнилова, расположенном напротив. Это создавало благоприятную возможность для общения с арестованными Романовыми, поскольку некоторым членам свиты и прислуге (бывшему генерал-адъютанту И. Татищеву, доктору В. Деревенко и другим) разрешалось свободно передвигаться по городу и посещать губернаторский дом. По утверждению председателя солдатского комитета П. Матвеева, согласно инструкции Временного правительства отряду особого назначения предписывалась не столько охрана царской семьи, сколько обеспечение ее личной безопасности в таком отдаленном от революционной напряженности городе, как Тобольск, вплоть до окончательного решения их судьбы Учредительным собранием. И хотя некоторые солдаты отряда настаивали на ужесточении инструкции, прибывавшие в Тобольск люди довольно широко использовали возможности практически почти свободных контактов с Романовыми.

Настороженность и подозрительность, связанные с царской семьей, находившейся уже в далеком Тобольске, не оставляли власти, кажется, ни на минуту. И тут дело подчас доходило до конфуза.

Во второй половине августа, как раз перед корниловским мятежом, нашумело так называемое «дело Хитрово», многое в котором, правда, осталось не вполне ясным. Маргарита Хитрово — молодая фрейлина бывшей императрицы, близкая подруга старшей дочери Николая II Ольги, в середине августа решила ехать из Петрограда в Тобольск. Она везла с собой довольно обширную почту для царской семьи. Нет никаких указа-

ний на связь М. Хитрово с организацией Маркова 2-го или группой А. Вырубовой. Впоследствии многие эмигранты-монархисты утверждали, что Хитрово «уехала самостоятельно, не по поручению каких-либо организаций»¹. Тем не менее все же трудно допустить, что по крайней мере Вырубова ничего не знала о ее поездке.

Согласно официальным газетным версиям, М. Хитрово была арестована по неопытности. Уже с дороги она писала своей матери письма, в которых сообщала, что население в Сибири якобы сочувствует бывшему императору, что организация помощи ему идет хорошо. Не больше опытности проявила будто бы и старшая Хитрово. Своему старому знакомому, члену нижегородского суда, она «по секрету» рассказала о какой-то казачьей организации, готовящей освобождение царской семьи, причем сообщила, что ее дочь уехала в Тобольск с соответствующей корреспонденцией для Николая II. Доносчиков и осведомителей хватало, и эти сведения очень скоро стали достоянием прокурора московской судебной палаты А. Стааля, имевшего тесные деловые отношения с Керенским.

Сама М. Хитрово позднее дала несколько иную версию своего ареста, чем та, которая содержалась в августовских газетах 1917 г. Она утверждала, что после раскрытия подпольной организации, распространявшей воззвания о сборе средств для Романовых, были произведены обыски и аресты в Петрограде и Москве. «Обыск в родственном мне доме, — писала Хитрово, — обнаружил мою поездку, и, поставивши ее в связь с разговором, послали телеграмму о моем аресте»².

В это время в Москве закончилось Государственное совещание, на котором Керенский намеревался добиться вотума доверия от «всей земли». Этого, однако, не случилось. Государственное совещание фактически раскололось. Его левая часть (меньшевистско-эсеровская, большевики в совещании не участвовали) отстаивала завоевания Февральской революции, созданные ею революционно-демократические структуры (Советы и пр.) и выдвигала социально-экономическую программу (так называемую программу «14 августа»), предусматривавшую проведение социальных реформ. Правая часть

¹ См.: Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 39.

² Эрдели (Хитрово М.). Разъяснение о моей поездке в Тобольск // Двуглавый орел. 1922. Вып. 30. С. 10.

совещания, спланивавшаяся вокруг Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, настойчиво требовала установить в стране «сильную власть» власть «твердой руки», при которой революционно-демократические организации, созданные Февралем, фактически должны были быть сведены на нет. Сторонники этой точки зрения не требовали, конечно, возврата царизма, но если бы она возобладала, крайне правые, монархические элементы, конечно, увеличили бы свой шанс.

«Линия» Керенского на Государственном совещании заключалась в том, чтобы по-прежнему «идти посреди», попытаться умерить конфронтацию сторон. Результатом, однако, стало то, что он быстро терял поддержку и слева, и справа. В такой ситуации «дело Хитрово» было как бы на руку Керенскому. Оно давало ему возможность продемонстрировать свое отмежевание от крайне правых сил, снять с себя подозрения в потакании им, показать, что он и его правительство стоят на какой-либо партийной, а на внеклассовой, государственной позиции...

М. Хитрово добралась до Тобольска 18 августа и тут же на имя Кобылинского поступила телеграмма с личным распоряжением Керенского арестовать ее, отобрать все письма, вещи и под надежной охраной доставить в Москву. Приказано было также арестовать в случае прибытия в Тобольск еще каких-то «десять лиц» из Пятигорска, подозревавшихся в намерениях связаться с царской семьей. Они, однако, не были обнаружены Тобольске, и Хитрово пришлось одной под стражей двинуться в обратный путь. А в Москве и Петрограде тоже уже шли аресты.

20 августа Временное правительство постановило заключить под стражу брата Николая — великого князя Михаила Александровича, его жену графиню Брасову, великого князя Павла Александровича, его жену княгиню Палей и их сына Владимира Палея. Управляющий военным министерством Б. Савинков отдал соответствующие распоряжения командующему Петроградским военным округом. В каждом из них указывалось, что лица, подлежащие аресту, представляют угрозу «обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе». Другим постановлением правительства от того же 20 августа за границу высылались генерал В. Гурко, «распутинцы» — А. Вырубова, тибетский врач П. Бадмаев, И. Манасевич-Мануйлов, редак-

тор черносотенной газеты «Земщина» С. Глинка-Янчевский, штаб-ротмистр Г. Эльвенгрэн и некий В. Диц¹.

Впрочем, арестованных вскоре выпустили; драматичнее оказалась судьба высланных. Эта история стоит того, чтобы, забегаая вперед, о ней немного рассказать. Известие о высылке лиц, тесно связанных со «старым режимом», вызвало острое недовольство среди рабочих, солдат и матросов Финляндии. Почти на всех узловых станциях собирались толпы людей, поезд задерживали, возникали эксцессы. О масштабах стихийного протеста говорит тот факт, что 26 августа вопрос о «высылке за границу Вырубовой, Гурко и других» обсуждался на экстренном заседании Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии.

Вопреки юзограмме ВЦИК, требовавшего исполнить постановление Временного правительства, Областной комитет 9 голосами против 2 высказался за задержание всех высылаемых. Показательна мотивировка принятой резолюции. В ней отмечалось, что «в настоящий момент при наличии обострившейся хозяйственной и финансовой разрухи и тяжелого положения на фронте всякое контрреволюционное движение, направленное к восстановлению монархического строя, способствует гибели революции и России» и для пресечения такого рода движений необходимы все меры, «вплоть до применения смертной казни»².

Вся группа уезжавших была задержана в Свеаборге (позднее некоторые из них, в том числе Вырубова, вынуждены были вернуться). Лояльная к Временному правительству пресса подняла страшный шум о «произволе Гельсингфорсского Совета». Но комиссар Временного правительства С. Сватиков, командированный за границу для обследования деятельности русской заграничной охраны, уведомляя в своем докладе о зарубежной монархической контрреволюции, признал, что «юридически возмутительный акт Гельсингфорсского Совета С. и Р. Д. (задержка высланных в Свеаборге.— Авт.) был продиктован правильным политическим пониманием вредности высылки за границу активных представителей черной сотни»³.

¹ См.: ЦГВИА. Ф. 366 (Кабинет военного министра). Оп. 2. Д. 15. Л. 45—49, 61.

² ЦГАОР. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 460. Л. 34, 34 об.

³ Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 37—38.

Такая реакция — яркий пример того, каких масштабов иногда достигал мираж монархической опасности даже летом 1917 г. Он рождался во взбудораженных умах из подозрительности, неуверенности в завтрашнем дне, просто из страха возможных перемен. Все в стране было зыбко, неустойчиво.

Но вернемся к «делу Хитрово». 22 августа газеты («Известия» и другие) объявили «о раскрытии контрреволюционного заговора против республиканской власти в России» и об арестах в связи с этим в Москве, Петрограде, на юге России, а также в Сибири, точнее, в Тобольске, где была арестована М. Хитрово. Выяснилось, что по приезде в Тобольск она виделась с врачом царской семьи Е. Боткиным и фрейлиной Александры Федоровны графиней А. Гендриковой, которой и передала около 15 писем для Романовых. Письма эти были у Гендриковой изъяты, однако произвести обыск в губернаторском доме полковник Кобылинский не разрешил. В то же время он подтвердил, что нелегальная передача писем в губернаторский дом не исключена. Попутно выяснилось, что комиссар Временного правительства Макаров, сопровождавший царскую семью в Тобольск, вообще передавал им письма без предварительной цензуры.

Под охраной, как уже отмечалось, М. Хитрово была отправлена в Москву и заключена под стражу в здании судебных установлений в Кремле¹. Затем была арестована и ее мать, на допросе указавшая на некоего офицера, который проживал в Режице и был, по ее словам, чуть ли не душой заговора. Офицер этот был арестован; им оказался прапорщик Б. Скакун, член «Союза казачьих войск». У него была обнаружена печать этого «союза» и списки лиц — как считали, жертвователей «в пользу тайного общества, поставившего своей целью возврат к павшему строю»². Как следует из сохранившегося в архиве канцелярии Керенского письма матери Скакуна, этот прапорщик был связан с Хитрово какими-то финансовыми отношениями. «Дело моего сына в связи с делом Хитрово, — писала мать Скакуна Керенскому, — но разница та, что у него ничего нет политического, а обвиняют его в вымогательстве денег у Хитрово. Но рассудите сами, г-н министр как сын мог

¹ См.: *Орем С.* Заговор. Белград, 1931. С. 18.

² Известия, 1917, 8 сентября.

насиленно взять у нее деньги? Она дала добровольно не только деньги, но и письмо своему родственнику. Дала она сыну 1000 рублей»¹.

23 августа «Известия» поместили заметку о беседе с прокурором Стаалем. «На наш вопрос,— говорится в ней,— основательны ли слухи, по которым целью заговора было простое желание освободить бывшего императора в Тобольске, А. Ф. Стааль заявил: «Это абсолютно неверно. Цель заговора — чисто политическая. Заговор возник до отъезда бывшего государя в Тобольск и имел целью ниспровержение существующего и восстановление старого строя». Пока шло следствие (его вел помощник Стааля следователь по особо важным делам П. Александров), в печать стали проникать сенсационные сведения, что нити заговора тянутся чуть ли не в разные города, что в него вовлечены некоторые из великих князей, приближенных Николая II и другие люди.

Определенный свет на это странное дело проливают воспоминания самой Хитрово о ее поездке в Тобольск, опубликованные в 1922 г. Они противоречивы. С одной стороны, она утверждает, что поехала в Тобольск «не по поручению какой-либо организации, а по собственной инициативе и исключительно из желания быть ближе к арестованной царской семье». С другой же — пишет, что во время допроса в Кремле поняла, что «власти напали на следы действительно существовавшей организации, имевшей целью освобождение царской семьи и возникшей еще во время пребывания царской семьи в Александровском дворце». И далее Хитрово свидетельствует: «Я знала и раньше об этой организации, но вследствие моих отношений с дворцом, а впоследствии намерения поехать в Тобольск я, боясь навлечь подозрения на царскую семью, не принимала в ней активного участия, полагая, что, находясь вблизи царской семьи, я всегда смогу ориентироваться, сообщать нужные сведения и вообще в решительную минуту оказать действительную помощь»².

Трудно сказать, где тут правда, а где вымысел, продиктованный эмигрантскими угрызениями совести, порожденными сознанием бессилия монархистов, не проявивших сколько-нибудь серьезной готовности бороться

¹ ЦГАОР. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 361. Л. 295.

² *Эрдели (Хитрово М.). Разъяснение о моей поездке в Тобольск // Двуглавый орел. 1922, Вып. 30. С. 6, 10.*

за спасение монарха. Что-то, вероятно, все-таки было нет дыма без огня...

История с М. Хитрово не осталась без последствий для тобольских узников. Как только началось расследование по этому делу, в отряд особого назначения прибыли новый комиссар Временного правительства (вместо уехавшего ранее Макарова) В. Панкратов и его заместитель прапорщик А. Никольский.

Имя Василия Панкрата было тогда широко известно. Рабочий, народоволец, он был приговорен к двадцати годам Шлиссельбургской крепости (при задержании, спасая свою соучастницу, оказал вооруженное сопротивление и убил полицейского). Срок потом скостили до четырнадцати лет, которые Панкратов отбыл одиночке, а затем его отправили на поселение в Сибирь. Вернулся в Москву в 1905 г., примкнул к эсерам, участвовал в вооруженном восстании на Пресне. Потом ушел в подполье, снова уехал в Сибирь, с геологами исходил пешком всю Якутию. В 1917 г. вновь вернулся в Петроград, где по рекомендации хорошо знавшего его Керенского стал заведовать культурно-просветительным отделом в штабе Петроградского округа. Панкратов имел безупречную репутацию и, конечно, не случайно был выбран для того, чтобы, по замыслу министра юстиции Переверзева, сыграть в трудные июльские дни чуть ли не главную роль в антибольшевистской кампании.

Этот эпизод деятельности Панкрата известен мало. Между тем именно он был одним из тех двоих (вторым стал бывший большевик и депутат II Государственной думы Г. Алексинский), кто 4 июля подписал следующее сообщение в Комитет журналистов при Временном правительстве: «Мы, нижеподписавшиеся: Алексинский, член 2-й Думы от рабочих, и Панкратов, член партии с.-р., пробывший 14 лет в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, считаем своим революционным долгом опубликовать выдержки из только что полученных нами документов, из которых русские граждане увидят, откуда и какая опасность грозит русской свободе, революционной армии и народу... Требуем немедленного расследования»¹ Далее следовали показания прапорщика Д. Ермоленко, якобы переброшенного немцами через линию фронта для пропаганды в пользу сепаратного мира наряду с некоторыми другими германскими

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), Ф. 17, Оп. 1. Д. 377. Л. 1.

агентами, в том числе и... Лениным. Ленин и его окружение, утверждал Ермоленко, получают деньги от германского Генштаба через третьих лиц: А. Парвуса, Я. Ганецкого, М. Козловского, Е. Суменсон и других.

Показания Ермоленко сыграли свою роль: под их воздействием началась «дебольшевизация» части гарнизона и рабочих Петрограда.

Теперь Панкратов должен был выполнить еще одно важное задание. Эсеровские вожди уговаривали его. «Бабушка русской революции» Е. Брешко-Брешковская убеждала: «Тебе необходимо ехать (в Тобольск.— *Авт.*). Кому же больше? Ты сам много испытал и сумеешь выполнить задачу с достоинством и благородно. Это — обязанность перед страной, перед Учредительным собранием»¹. И вот со стереотипной точки зрения, казалось бы, малообъяснимый феномен: профессиональный революционер, пострадавший от царизма и вроде бы имевший моральное право ввергнуть царя в состояние, хоть в чем-то сходное с тем, в котором он сам когда-то находился, — этот самый революционер нашел в себе силы для снисхождения и гуманности. Прибыв в Тобольск в начале сентября, он на первом же собрании солдат отряда особого назначения заявил: «На нас возложено ответственное дело перед родиной до созыва Учредительного собрания, которое решит дальнейшую судьбу бывшего царя, вести себя с достоинством, не допуская никаких обид и грубостей с бывшей царской семьей. Всякая бестактность с нашей стороны только легла бы позором на нас же. Грубость с безоружными пленниками не достойна нас... Нам не дано право быть судьями вверенного нам бывшего царя и его семьи»². Строго выполняя все пункты инструкции, подписанной самим Керенским, Панкратов решительно, насколько мог, охранял своих подопечных от провокаций, назойливого вмешательства в их жизнь, грубых оскорблений всегда находившихся «охочих людей» из местного населения и гарнизона³. С «панкратовским феноменом» мы еще встретимся...

---

¹ Панкратов В. С царем в Тобольске. М., 1990. С. 7.

² Там же. С. 16.

³ Иначе проявил себя помощник Панкратова, тоже эсер А. Никольский. По свидетельствам тех, кто находился с Романовыми в Тобольске, он вел себя надменно, грубо, всячески подчеркивая свою власть (см.: Соколов Н. Убийство царской семьи, С. 44—45).

В Тобольске контакты Романовых с внешним миром осуществлялись в основном двумя путями: через разрешенную переписку, а также через прислугу и свитских, которые могли выходить из губернаторского дома. Одна из приближенных бывшей императрицы — Е. Шнейдер записала в дневнике: «Солдатам надоело нас сопровождать на прогулках... они хотели лишить нас вовсе прогулок, но потом разрешили нам выходить на 2 часа раз в неделю без солдата» ¹.

Многое из переписки сохранилось, позднее было издано и представляет собой ценные документы. Они позволяют взглянуть на бывшего царя и царицу, их детей в новом, скорбном бытии. Вот в сентябре 1917 г. Александра Федоровна пишет А. Сыробоярскому, вспоминая свою работу в царскосельском госпитале: «Так странно раненых не видеть, быть без этой работы. 15-го августа было бы три года, как работали в лазарете, но наша отставка все испортила. Но мне всегда хочется надеяться, что вдруг, если много работы будет и не хватит рук, опять вернуть на место... Но это фантазия — не сбудется» ². Еще более впечатляюще письмо жене Сыробоярского, тоже сентябрьское. Сетую на контроль и проверку, которым подверглась их переписка, вообще вся их жизнь, Александра Федоровна писала: «Никто никому не верит, все следят друг за другом. Во всем видят что-то ужасное и опасное. О, люди, люди! Мелкие тряпки. Без характера, без любви к Родине, к Богу. Оттого Он и страну наказывает... Но не хочу и не буду верить, что Он даст им погибнуть» ³.

Осенью 1917 г. с разрешения Временного правительства в Тобольск на жительство прибыли: сын и дочь выехавшего ранее вместе с Романовыми доктора Е. Боткина, учитель англичанин С. Гиббс, фрейлина С. Буксгевден и некоторые другие. Приезжали в Тобольск и временные посланцы, например придворный зубной врач Кострицкий и чиновник гофмаршальской части Царскосельского дворца барон де Боде, привезший дополнительный царский багаж. Но, видимо, одновременно установилась и негласная связь: уже осенью 1917 г. в Тобольске начали появляться специальные «курьеры», которых конспиративные монархические группы тайно

---

¹ Дневник Е. Шнейдер // Архив русской революции (Берлин). 1926. Т. 17. С. 303.

² Письма царской семьи из заточения. С. 127—128.

³ Там же. С. 135—136.

направляли сюда для наблюдения и установления необходимых контактов.

Благоприятствовала Ромаповым и политическая обстановка, сложившаяся в Тобольске. Власть здесь принадлежала кадетско-меньшевистскому Временному комитету общественного спасения. Меньшевистско-эсеровский Совет рабочих и солдатских депутатов сколько-нибудь серьезного влияния не имел. Большевиков в городе вообще было мало, буквально единицы, к тому же входили они в организацию, объединенную с меньшевиками.

Один из тобольских большевиков — И. Коганицкий вспоминал: «Я и еще некоторые товарищи написали в Тюмень и Омск. Пока же надежда была только на преданную нам группу гвардейцев из 12—13 человек во главе с подпрапорщиком Матвеевым, которая на одном из неофициальных собраний большевиков дала клятву, что она сама погибнет, но ни одному из членов семьи не дадут выйти живыми, и для этого в каждой смене караула были вкраплены свои люди»¹. Если все это действительно так и было, то, конечно, отряд особого назначения не мог контролировать положение. Несмотря на то что в Тобольске был введен особый паспортный режим и у всех приезжавших проверялись документы, в городе проживало немало неизвестных лиц. В самом Тобольске и округе появлялись листовки с призывом «помочь царю-батюшке постоять за веру русскую, православную», распространялись разного рода будоражающие слухи. В сентябре Тобольский исполком социалистической учащейся молодежи издал даже специальную прокламацию, в которой призывал население не верить тем, кто утверждает, что «все бедствия из-за того, что нет царя», а о людях, которые будут «убеждать против нового правительства и за старого царя», сообщать местным властям².

Ничего этого в губернаторском доме, переименованном теперь в «дом Свободы», конечно, не знали. Время здесь тянулось медленно: прогулки во дворе, редкие выходы в Благовещенскую церковь, чтение вслух, игра в домино и в безик. О будущем старались не думать, а оно уже приближалось во всем своем трагизме...

¹ Коганицкий И. 1917—1918 гг. в Тобольске // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 9.

² Известия Тобольского Временного комитета общественного спасения, 1917. 23 октября.

Глава 4

«ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ?»

Есть свидетельства, что несмотря на понятную личную неприязнь к Керенскому¹ Николай II высказывался за максимальное укрепление его власти. Чем больше у него теперь будет власти, говорил он, тем лучше. Но события как бы пошли по кругу: к концу своего царствования Николай II оказался в фактической изоляции, в такую же изоляцию к концу режима «керенщины» быстро входил и Керенский. Появились совершенно не свойственные ему ранее неторопливость, даже пекая вялость. Он все чаще старался избегать ситуаций, в которых от него требовались четкие решения, часто менял свое мнение, по свидетельствам некоторых министров, на его обещания уже не всегда можно было положиться.

Да и на всю деятельность Временного правительства легла печать чуть ли не оцепенелости. Один из современников с черным юмором писал, что на министрах Временного правительства, как ему казалось, даже брюки сидели, как на покойниках.

Но когда же все это началось для «бурпопламенного импрессиониста» (по определению Н. Суханова), каким был Керенский еще год назад? Не с роковых ли июльских событий, с того несчастного для армии и для всей страны наступления на фронте, закончившегося ужасным тарнопольским прорывом немцев? Керенский был тогда военным министром, находился на фронте и в тот момент не колебался. Пропагандистским маневром (обвинение Ленина и других большевиков в связях с германским генштабом) и силовым давлением (вызовом

---

¹ В обширном архиве Николая II можно найти бездарные и даже нецензурные куплеты о Керенском и других революционно-демократических лидерах. Кто-то заботливо присылал их царю.

войск с фронта) власть отсекала тогда большевизирующую часть революционной демократии. В целом же большевики как партия не были разгромлены, напротив, сравнительно быстро начали восстанавливать свои силы. Почему? У власти не хватило решимости? Что помешало?

Как юрист, адвокат, как человек, уже в силу этого преданный принципам права, Керенский понимал, что обвинения против большевиков (в связях с немецким генштабом и причастности к июльским событиям) необходимо еще доказать законным следственным образом. Однако не это все-таки было главным. Поддерживавшие Керенского эсеры и меньшевики смотрели на большевизм пусть как на крайнюю, экстремистскую, но все же органическую часть социал-демократии, революционной демократии. Поэтому удар по ним, приведя к ослаблению революционно-демократического лагеря, мог быть отрицательно воспринят ВЦИК Советов.

Но и это не все. Имелось еще одно важное обстоятельство, определявшее сдержанность Керенского, не говоря уже о ВЦИК в июльские дни. Разрушение крайне левой части революционной демократии, ослабление ее неминуемо должно было привести к укреплению и консолидации правых сил, также неоднородных по своему составу. Так оно в действительности и произошло. Именно после июльских событий началось возвышение генерала Корнилова, который стараниями помощников Керенского Б. Савинкова и М. Филоненко, вознамерившихся укрепить власть, соединив красный флаг премьер-министра с крепкой генеральской рукой, в 20-х числах июля стал Верховным главнокомандующим.

Корнилов и его окружение выдвигали собственную программу — «программу трех армий»: армии на фронте, армии в тылу, армии на железных дорогах. Это была программа милитаризации страны, фактически предрешавшая разгон Советов, других революционно-демократических организаций и радикальную перестройку власти — либо с включением в нее политиков правого толка, либо построенную как военная диктатура. Корниловская программа означала откат от демократических завоеваний Февральской революции. Это было тем более ясно, что так же, как в рядах революционной демократии существовали крайне левые, большевизированные силы, точно так же в правых, корниловских рядах были крайне правые, промонархические элементы. Керенский

не мог не знать об этом: соответствующая информация поступала к нему по разным каналам, усиливая подозрения и опасения. Если в июле главной представлялась (и в действительности была) левая опасность, то, во всяком случае, к середине августа главной становилась правая угроза.

Корреспондент газеты «Русское слово» И. Жилкин писал с Государственного совещания: «Слева с горячностью упрекали, что правые требуют от власти расправы с революцией, взывая: «Распни ее!» Правые доказывали, что слева натравливают власть на измышляемую контрреволюцию с подстрекательством: «Распни ее!»¹

Но Керенский упорно хотел сохранять позицию центра. Возможно ли это было? Зинаиде Гиппиус и ее мужу Дмитрию Мережковскому он с горечью жаловался: «Мне трудно потому, что я борюсь с большевиками левыми и большевиками правыми, а от меня требуют, чтобы я опирался на тех или других. Или у меня армия без штаба, или штаб без армии. Я хочу идти посередине, а мне не помогают»².

Левые и правые вели ожесточенную политическую борьбу, Керенский пытался гасить ее, а страна стремительно шла к катастрофе. Как писал один из журналистов того времени, «вспыхнули тысячи appetitов. Появились тысячи сепаратизмов. Каждый appetit заявлял себя суверенным. Каждый требовал удовлетворения... Всякий требовал, требовал и требовал». В результате ухудшалось все: и экономическое, и политическое, и военное положение. Разочарование, опустошенность, апатия и злоба заполняли души. В канцелярию Керенского валом шли письма. Писали: берите назад вашу свободу, при царе хоть хлеб был. Вот, пожалуй, одно из типичных писем. «Вами опозорена Россия, опозорено русское имя... Вы сеяли ветер и заставляете всех нас пожирать бурю... Что же дальше думаете Вы делать с Россией, какие еще эксперименты?... не пора ли Вам понять, что из того состояния анархии и произвола, в котором очутилась Россия, из состояния полной потери и совести, и разума единственный выход — диктатура. Конечно, диктатура не пролетариата, не охлократии. Я не монархист, но не боюсь сказать, что нужна диктатура военная, что необходимо участие в ней непременно воен-

¹ Цит. по: Лидер. 1990. № 10. С. 32.

² Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. 1917—1918. Белград, 1929, С. 174.

ного и твердого человека. Вы хотите поменьше крови, но не обольщайтесь мечтами... Дождетесь диктатуры Советов, затем социалистической или немецкой... Если будет продолжаться истерическое метанье из стороны в сторону и полное несоответствие между словами о «свободе», «великой революции», «мире всего мира», «новой правде» и т. п. и делами, в коих нет и тени ни красоты, ни правды, ни пользы, то монархическая реакция будет также неизбежна в сердце народа-простака, как неизбежен день после ночи...

Никакого духа реакции, особенно же в пользу Романовых и сугубо в пользу Николая II не только в народе, но и в т. н. «обществе» нет никакой, но это не значит, что и республиканский режим не кончит таким же самоубийством, как и самодержавный»¹.

Страшась реальной анархии больше, чем проблематичного монархизма, Керенский после Государственного совещания двинулся вправо. У Корнилова была армия, и с нею, держа Корнилова под контролем, он мог рассчитывать на блокировку левых и стабилизацию власти. Важно было только сдержать Корнилова и тех, кто стоял за ним, в приемлемых, допустимых для Керенского и демократии рамках. Однако с каждым днем становилось яснее, что именно это-то и составляет труднейшую задачу. Августовская «правая волна» становилась все более крутой. И как в июле правительство решилось остановить левую атаку, так теперь, в конце августа, Керенский попытался затормозить правую. 27 августа, используя подходящий предлог (встречу с В. Львовым, явившимся к нему из Ставки), он разорвал свой, казалось бы, налаженный альянс с Корниловым.

Корниловские войска под командованием генерала Крымова и по согласованию с Савинковым (управляющим военным министерством) уже двигались к Петрограду, чтобы обеспечить там военное положение, когда Керенский внезапно для всех объявил Корнилова изменником и сместил его с поста Верховного главнокомандующего. Наверняка победа над Корниловым не далась бы Керенскому столь легко, если бы его неожиданное решение не получило полную поддержку всей революционной демократии и даже (условно) ее крайне левой части — большевиков. Но произошло именно так. В критическую минуту борьбы с правыми Керенский

---

¹ ЦГАОР. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 973. Л. 145—148.

прибег к помощи левых и выиграл. На пользу ему пошла и некоторая нерешительность Корнилова в критический момент. Застрелившийся Крымов будто бы даже сказал перед смертью: «Если бы мне попался з руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил». Это похоже на правду. Известно, что Корнилов уничтожил полученную им предсмертную записку Крымова и никому никогда не говорил о ее содержании¹. Корниловцы и все поддерживавшие их были разгромлены без единого выстрела, фактически рассеяны и деморализованы. Сам Корнилов и его сторонники оказались под арестом.

Увы, это была пиррова победа Керенского. Как в июле он затормозил победу правых сил, не дав им добить большевиков, так и теперь, в начале сентября, пытался ограничить победу левых, не допустив тотального разгрома прокорниловских сил. Керенский сужал следствие над корниловцами, препятствовал вводу в него представителей Советов, объявлял о юридической невиновности корниловских войск, которые, по его утверждению, были обманно двинуты против правительства. Он назначил в сущности корниловца генерала Алексеева начальником штаба Ставки, рассчитывая, что это успокоит правых. Вместе с тем, не дожидаясь Учредительного собрания, провозгласил Россию республикой: это должно было внести успокоение в другой лагерь — в ряды революционной демократии. Как и в июле, теперь, в сентябре, он лихорадочно стремился сохранить баланс сил. Напрасно. Левые, и прежде всего большевики, в минуту общей опасности, казалось, вставшие на сторону Керенского, не простили ему ни июльских дней, ни его прокорниловского альянса, ни тех тяжелых минут, которые им пришлось пережить в момент движения войск генерала А. Крымова к революционной столице. Совместные намерения Керенского и Корнилова по обузданию «революционной анархии» ни для кого не составляли секрета; газеты теперь широко писали об этом.

Ситуация снова коренным образом изменилась. Левые силы, революционная демократия, в которой удельный вес большевиков значительно возрос, торжествовали победу. Политический кредит почти полностью пере-

---

¹ См.: Александр Иванович Гучков рассказывает. Беседа А. И. Гучкова с Н. А. Базили // Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 196.

шел к социалистическим партиям — меньшевикам, эсерам и большевикам, поскольку кадеты, заподозренные в связях с корниловщиной, стушевались. Настал момент, когда революционным демократам, социалистам впору было примерять шапку Мономаха на себя.

Но провал выступления Корнилова усилил анархию в стране, особенно в армии. В середине сентября ВЦИК Советов и Исполком Совета крестьянских депутатов созвали Демократическое совещание, чтобы обсудить вопрос о создании новой, демократической власти, формировании правительства, практически состоявшего из представителей социалистических партий и тех общественных организаций, которые готовы были их поддержать. Если бы представители социалистических партий и других революционно-демократических организаций на Демократическом совещании достигли единства, выработав согласованную программу (или приняв программу «14 августа»), однородное социалистическое правительство, возможно, было бы сформировано. Но Демократическое совещание раскололось, пожалуй, еще больше и еще глубже, чем Государственное совещание.

Конечно, затягивание бесплодных споров о власти на Демократическом совещании влияло на Керенского. Но главное было в ином. Точка зрения правого крыла совещания, точка зрения И. Церетели и Н. Чхеидзе, выступавших за возобновление коалиции с кадетами, была близка и ему. Он сам был человеком центра, компромисса, коалиции, без которой не мыслил себе создания демократической России. Он все еще стремился идти посередине, хотя практически этой середины уже не существовало. На правой стороне находился разваленный «корниловский фланг», которому (как показали дальнейшие события) потребовалось немало времени для восстановления; на левой — фланг революционно-демократический, пребывавший, однако, в глубоком расколе. Российские демократы оказались не на высоте: им не хватило государственного мышления. А ведь именно об этом на Объединительном съезде РСДРП (август 1917 г.) говорил ветеран социалистического движения А. Потресов. Обращая внимание на то, что Россия «идет навстречу колоссальному банкротству, что она вот-вот «превратится в какой-то осколок, воспоминание от страны», он сказал: «Именно теперь партия пролетариата должна вспомнить, что она в этом смысле есть партия развития, партия государственная,

что в этой заботе о государственности лежит ее первейший классовый интерес и что обеспечение ее классового интереса возможно с обеспечением государства, с обеспечением развития общественного целого... Вот то основное, что мы должны иметь в виду»¹. Увы, то, что заботило Потресова, если и не ушло из виду, то все-таки отошло на второй план.

В этих условиях Керенский не нашел ничего лучшего, кроме повторения ходов. В двадцатых числах сентября при поддержке сторонников Церетели и Чхеидзе он сформировал еще одно, третье по счету коалиционное правительство, состоявшее из 6 кадетов, 3 меньшевиков, 4 эсеров и трудовиков, 4 независимых

Это означало, что власть после потрясения корниловщиной оставила в «низах» убеждение, что она оказалась способной лишь вернуться «на круги своя». Доверие к власти стремительно падало. Существовать ей оставалось около месяца...

Хотя Ленин утверждал, что после первой вполне возможна и вторая корниловщина, это скорее всего могло быть лишь пропагандистским маневром: развал армии шел теперь неудержимым темпом. Сил на вторую корниловщину у правых пока не было. Ленин также сознавал, что новое правительство Керенского в критический момент не получит прочной поддержки и слева, поскольку, как показало Демократическое совещание, революционная демократия расколота и разъединена.

Конечно, эта ситуация могла сравнительно быстро измениться, как быстро менялось все в ходе революции, и Ленин считал, что действовать нужно без промедления, которое «смерти подобно».

7 октября большевистская фракция покинула Предпарламент, созданный Демократическим совещанием для поддержки Временного правительства. После этого дальнейшие намерения большевиков уже не составляли секрета. 10 и 16 октября состоялись два заседания большевистского ЦК, на которых Ленину с его почти гипнотической волей не составило большого труда преодолеть колебания и противодействия некоторых своих соратников. Он рвался в бой, понимая, что благоприятный момент может и не повториться. На заседаниях 10-го и 16-го он не мог спокойно слушать речи Каменева, Зиновьева и других, выступавших проти

---

¹ РЦХИДНИ. Ф. 275, Оп. 1. Д. 2, Л. 14—15.

восстания или сомневавшихся в его успехе. Он выходил в другую комнату, возвращался, когда начинали говорить сторонники восстания. Прислонившись к дверям, внимательно слушал, иногда прерывая говоривших возгласами: «Правильно!», «Совершенно верно!», «Так!», а иногда по-немецки: «Sehr richtig!» И становился оживленным, даже веселым¹. Вооруженное восстание против Временного правительства было поставлено в известку дня...

А Керенский вызывал уже чуть ли не всеобщую ненависть в политически активных кругах. От былых восторгов не осталось и следа. Правые о нем не могли спокойно говорить. Сохранился дневник монархически настроенного чиновника (к сожалению, анонимного), ярко характеризующий эти настроения. «Я об одном мечтаю,— записано в дневнике,— видеть Керенского повешенным». В «низах», в том числе и меньшевистских, Керенского презирали. О нем распространялись анекдоты, говорили, что он уже метит в цари и потому спит в царской постели, окружил себя мальчишками-юнкерами и бабами-ударницами. «Про Керенского распускают самые дикие слухи,— записал в свой дневник уже упоминавшийся Г. Князев.— И еврей-то перекрещенный он, и пьянствует в Зимнем дворце, валялся на кровати Александра III... и развелся со своей женой, жевая на артистке Тиме, и свадьба их была в дворцовой церкви, причем над ними держали те самые венцы, которые употреблялись при царском венчании... И эти дикости повторяют всюду и даже интеллигенты»².

Анекдоты и слухи — плохой признак для власти в России. Они почти всегда свидетельствуют о начале падения ее престижа в обывательской среде, традиционно привыкшей смотреть на нее если не с почитанием, то с признанием и покорностью. Анекдоты о «Николашке» и «Сашке» перед Февральской революцией были тревожным звоночком для династии Романовых. Теперь этот звонок звенел для Керенского и его режима. Власть, как и перед Февралем, полностью утратила свой авторитет. Кадетский публицист А. Изгоев, как бы

---

¹ См.: Из воспоминаний А. А. Иоффе. Канун Октября. Заседание в «Лесном» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 202—203.

² Князев Г. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции. 1915—1922 // Русское прошлое. № 2. С. 170—171.

подытоживая настроения, распространившиеся тогда в России, писал: «Над Россией повис рок, и пусть скорее придут большевики» так как царствие их «будут считать если не неделями, то месяцами». А что будет потом? Для многих измученных, настрадавшихся людей чуть ли не светлой музыкой звучало слово «порядок». Ведь так всегда кончаются революции, «если стране, на которую они обрушились, не суждено погибнуть», — писал Изгоев¹.

Безрезультатно лидеры меньшевиков и эсеров из ВЦИК и Предпарламента убеждали Керенского схватиться за последнюю соломинку, попытаться в самый последний момент «выбить почву» из-под ног большевиков, перехватив их притягательные для «низов» лозунги мира и земли. Керенский даже в момент большевистского восстания отвел эти советы. Меньшевик Ф. Дан вспоминал: «Керенский, производивший впечатление человека, до последней степени измотанного и измученного, относился к нашим аргументам с крайним раздражением и высокомерно заявил под конец, что правительство в наставлениях и указаниях не нуждается что теперь — время не разговаривать, а действовать»². Поздно...

26 октября 1917 г. в результате действий вооруженных отрядов солдат, матросов и части рабочих Петрограда, руководимых Военно-революционным комитетом большевистского Петроградского Совета, Временное правительство было свергнуто. Уникальный период в истории страны — существование свободной, демократической России — кончился. Уже тогда для многих было ясно (и не пужно было быть особенно прозорливым), что на страну надвигается гражданская война.

Почему же потерпел поражение Керенский, оказался неудачным его центристский курс? Высказывалась мысль, что Россия, лишенная прочных демократических традиций, была чуть ли не обречена на торжество одно из двух возможных диктатур: либо диктатура контрреволюционной военщины, либо диктатура большевистская. Это — главная мысль Ленина и... Милюкова. И

---

¹ Изгоев А. Пять лет в Советской России // Архив русско революции (Берлин). 1925. Т. 10. С. 15, 13, 16.

² Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция. Мемуары. М.; Л., 1926. С. 13

ней немало правды. Но вся ли и так ли она бесспорна? Федор Степун, в 1917 г. человек, близкий к Керенскому и Савинкову, а впоследствии, в эмиграции, философ, социолог, публицист, обдумывая прошлое, приходил к выводу, что «срединный», центристский курс Керенского все же мог привести и к успеху. «Керенский проиграл революцию,— писал Степун.— И тем не менее я продолжаю, как и 20 с лишним лет тому назад, настаивать на том, что линия Керенского была единственно правильной. Общая воля России была скорее с Керенским, чем с большевиками или правыми... Вина Керенского, и очень большая вина, не в том, что он вел Россию по неправильному пути, а в том, что он недостаточно энергично вел ее по правильному»¹.

В значительной степени это тоже представляется справедливым. Если Керенский считал себя демократом, он должен был прекратить колебания и идти с демократией. Но куда девалась, куда исчезала его энергия? Есть видимое отличие политики от политиканства. Керенский был политик с усиливавшимися элементами политиканства. В «минуты роковые» требовалась, возможно, более крупная личность, способная своими решениями впечатлять и склонять к подчинению. В действиях Керенского в последний период заметны черты политической суетливости, даже конвульсивности. Но и это, может быть, полбеда, не имей он на обоих флангах, с которыми боролся, таких мощных противников, как Корнилов и особенно Ленин. Корнилов был храбрым солдатом, хотя далеко не лучшим политиком и дипломатом. Он действовал решительно, но слишком прямолинейно и, стремясь установить «порядок», лишь привел к усилению развала и анархии, чем и воспользовались большевики. Ленин был выдающимся политиком, обладавшим огромной волей и целеустремленностью, сочетавшимися с поразительной тактической гибкостью. Он терпеливо, не страшась временных поражений, дожидался подходящего момента, чтобы нанести противнику нокаутирующий удар.

Можно многое анализировать, определяя разные причины поражения Керенского и победы Ленина, но в том, что произошло в действительности, все-таки не заключалось ничего фатального. Соперничали и боролись люди. Выиграть мог любой, в том числе (прав

---

¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 2. С. 115, 116.

Ф. Степун) и Керенский. Дорога к демократии России не была заказана. Керенскому не хватило политической энергии и политического искусства в борьбе с ненадежными союзниками и искусными противниками...

Остальное известно: поездка Керенского в Псков, попытка организовать движение войск Северного фронта на Петроград, поход казачьих сотен генерала Краснова, поражение, отступление в Гатчину. Впоследствии в своих мемуарах Керенский стремился несколько романтизировать события в Гатчинском дворце: после разговора с Красновым он и его личный секретарь молодой Н. Виннер побратались и решили не сдаваться живыми, покончив жизнь самоубийством, «как только враги подойдут к двери». Но самоубийства не произошло. Решено было бежать. Керенский утверждал, что это решение пришло почти внезапно («я ушел, не зная еще за минуту, что пойду») ¹. Но так ли было? Мысль о побеге у Керенского или у людей из его окружения могла появиться сразу после устроенного им еще 30 октября военного совета. Тогда обсуждался один вопрос: продолжать борьбу или соглашаться на перемирие, предложенное Викжелем ². Большинство высказалось за перемирие, и Керенский не мог не понимать, что «крысы» вот-вот побегут с корабля. Так и случилось. Даже Савинков, которого Керенский назначил командующим обороной Гатчины, потребовал подписать ему бумагу командировке в Ставку для организации подкреплений, получил ее и убыл. После отъезда Савинкова и некоторых других (В. Станкевича, В. Войтинского) постепенно начало рассеиваться и «свитское» окружение Керенского.

---

¹ Керенский А. Гатчина // Октябрьская революция. Мемуары. С. 202.

² Всероссийский исполком союза железнодорожников. Под угрозой стачки призывал обе стороны прекратить военные действия. Это не дало результата. Поэтесса З. Гиппиус писала в эти дни в стихотворении «Сейчас» (см.: Знамя. 1990. Л. 5. С. 140):

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только выются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель — пути...

Разговор с Красновым, по-видимому, окончательно укрепил Керенского во мнении, что уходить надо немедленно. Вопрос о том, каким образом ему удалось ускользнуть из Гатчинского дворца, до сих пор не вполне ясен. Как позднее писал сам Керенский, к нему в комнату неожиданно вошли «некто гражданский», которого он знал раньше, и «матрос Ваня». Керенского перекроили в матросскую форму, на глаза надели «автомобильные консервы». Не спеша, чтобы не привлекать внимания, он и его спутники вышли из комнаты в коридор, а затем из дворца. До Китайских ворот доехали на извозчике, там ждал автомобиль. Керенский сел рядом с шофером, сзади — охрана: матрос и несколько солдат с гранатами. Помчались к Луге. У Керенского стало в памяти, что шофер насвистывал песенку Александра Вертинского¹.

Сохранился неполный листок бумаги, на котором охоразборчивым почерком Керенского были набросаны слова о сложении им постов премьер-министра и верховного главнокомандующего. (Власть главы правительства переходила к членам Временного правительства, подпольно еще действовавшим в Петрограде, верховное командование — к начальнику штаба Главкоерха генералу Н. Духонину.)

В Петрограде еще шли переговоры между большевиками-победителями, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами — с другой, о создании однородного социалистического правительства; еще Викжель угрожал абастовкой, если между ними не будет достигнуто соглашения, но все это уже было обречено. Власть находилась в руках большевиков, и ни Ленин, ни Троцкий не намерены были ею делиться. Троцкий уже произнес свою крылатую фразу, что меньшевиков и эсеров следует отправить в мусорную корзину истории.

Перед решающим выступлением он — этот главный мотор» большевистского восстания — напутствовал меньшевиков — делегатов II Всероссийского съезда Советов: «Если вы не дрогнете, гражданской войны не будет, наши враги сразу капитулируют, и вы займете место, которое вам по праву принадлежит»². Действительно ли Троцкий был убежден в том, что говорил, или инстинктивно подбадривал революционных бойцов? Ему

---

¹ См.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. № 84

² Троцкий Л. Моя жизнь. Берлин, 1930. Ч. II. С. 48.

ли не было ясно, что восстание — это и есть акт, начало гражданской войны? Но так или иначе, в этих его словах ощущался динамизм большевистской воли, и преклонная вера в то, что силовым рывком они прорвутся к победе социалистической революции. Дух якобинства витал над ними. Все это было в молодом предоктябрьском и октябрьском большевизме, и все это таило в себе магнетическую притягательность для тех кому действительно нечего было терять, кто исповедовал «безумство храбрых» жаждал действия. Но и тогда, минуту, может быть, своего наивысшего триумфа, то молодой большевизм словно сумел заглянуть в будущее. Троцкий вспоминал момент, который сегодня воспринимается как предвидение: «Когда я доложил о свершившейся ночью смене власти, воцарилось на несколько секунд напряженное молчание. Потом пришли аплодисменты, но не бурные, а раздумчивые. Зал переживал и выжидал... Когда мы шагнули через порог власти, нерассуждающий энтузиазм сменился тревожным раздумьем»¹. Когда шагнули за порог власти...

Ф. Степун писал позднее: «Монументальность, с которой неистовый Ленин... принялся за создание коммунистического общества, сравнима разве только с сотворением мира, как оно рассказано в книге Бытия. Но... «Но в ответ на ленинское «да будет так», жизнь отвечала не библейским «и стало так», но всероссийским «и не стало так»². Марксистской идеей Ленин намеревался перевернуть Россию, в корне перестроить ее жизнь, но жизнь коржила, перевертывала эту идею

Началось, по словам В. Бонч-Бруевича, «страшно в революции»: пьяные погромы, разгул анархии. Забастовали служащие большинства учреждений; новая власть грозил паралич. Политические партии и группы враждебные большевикам, развернули против них яростную борьбу через еще не запрещенную печать, еще не подавленные Советы и другие демократические организации. Внутри самой большевистской партии развился кризис. Часть наркомов и членов ЦК требовала соглашения с другими социалистическими партиями создания коалиционного социалистического правительства. Лишь воля Ленина, энергия Троцкого и, может

---

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Ч. II. С. 48.

² Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 200, 201.

быть, излишний ультиматизм меньшевиков и эсеров сломили оппозицию в большевистских рядах. Но генеральное сражение большевикам готовилось теперь в Учредительном собрании, где они оказались в явном меньшинстве. Часть боевого офицерства тайно уходила на Дон, к генералу Алексееву, формировавшему Добровольческую армию. Стремительно разваливалась армия: потоки солдат устремлялись в тыл, грозя смести все на своем пути.

Казалось, большевики обречены. Некоторые из них и сами считали дни, не веря в прочность и длительность своей власти. До сих пор силой своей энергии большевики творили события, теперь эти события начинали переделывать и творить их. Большевики во многом становились заложниками дела рук своих. Они оказались перед дилеммой: власть или поражение. Они не отступили, решив идти до конца. Из арсенала революционных методов, уже опробованных во Французской революции, они готовы были взять самое страшное оружие — террор.

В начале ноября генерал Духонин, заменивший Керенского на посту Верховного главнокомандующего, отклонил требование Совета Народных Комиссаров немедленно начать переговоры о перемирии на фронте, за что был смещен с поста главноверха. Новым Верховным главнокомандующим стал прапорщик Н. Крыленко. С отрядом революционных солдат и матросов он двинулся к Могилеву. Сознавая, что Ставка обречена, Духонин совершил шаг, оказавшийся для него роковым.

Как можно предполагать с более или менее достаточным основанием, по предварительному соглашению между прокорниловским «Совещанием общественных деятелей» (собиралось в Москве), донским атаманом А. Калединым, Корниловым и другими мятежными генералами (они находились под арестом в Быхове, недалеко от Могилева) решено было начать создание антибольшевистской, антисоветской базы на калединомском Дону. В октябре 1927 г. газета П. Струве «Возрождение» поместила статью, посвященную десятилетию возникновения «белого движения». Автором ее, как можно думать, был сам Струве, тесно связанный с этим движением практически с самого начала. В статье

отмечалась почти полная синхронность победы Советской власти (7 ноября н. стиля) и возникновения Добровольческой армии на Дону (15 ноября н. стиля). «Сама краткость промежутка между этими событиями,— говорилось в статье,— определенно показывает, что они подготовлялись одновременно. Несомненно, что основатель Добровольческой армии генерал Алексеев отлично знал, куда ему надо идти, чтобы противостоять тому, что готовилось России... Несомненно, что и генерал Корнилов, покидая во главе своих текинцев быховскую тюрьму... тоже знал, куда он идет, знал, где начнет движение против красных»¹.

В воспоминаниях члена Чрезвычайной комиссии по делу о мятеже Корнилова полковника Н. Украинцева подтверждается факт сговора корниловцев о создании базы на Дону. Когда Украинцев вскоре после Октября в очередной раз прибыл в Быхов, его попросили зайти к Корнилову. «Корнилов,— пишет Украинцев,— сказал, что все узники скоро уйдут отсюда». На удивленный вопрос «куда» Корнилов ответил: «Уйдем мы на Дон,— туда рука большевиков не дотянется... На Дону мы начнем собирать силы против большевиков»². С ведома Духонина уход корниловцев на Дон подготовлялся втайне.

18 ноября быховская тюрьма опустела. Переодевшись в солдатские шинели и штатские пальто, отправились на Дон А. Деппин, А. Лукомский, И. Романовский и С. Марков. Туда же походным порядком во главе нескольких эскадронов верного ему Текинского полка двинулся и сам Корнилов.

В Могилеве, в Ставке, также готовились к эвакуации: уже начали погрузку эшелонов на Киев, но было поздно. Отряд Крыленко вступал в Могилев. Как только разнеслась весть о бегстве корниловцев, к поезду нового главковерха (в который перевели Духонина) бросилась толпа солдат и матросов. Взобравшись на площадку вагона, какой-то человек в матросской форме хрипло кричал: «Керенский уже удрал, Корнилов удрал, Краснов также... Всех выпускают, но этот (Духонин.— *Авт.*) не должен уйти!» По некоторым воспоминаниям, Крыленко и комиссар отряда С. Рошаль пыта-

---

¹ Возрождение (Париж). 1927. 22 октября.

² ЦГАОР. Коллекция (*Украинцев Н. У* колыбели контрреволюции. Рукопись. 1922—1933 гг.).

лись охладить ярость собравшихся. Оттолкнув «матроса», заговорил Крыленко. Он убеждал не пятнать честь Советской власти самосудом и убийством. Духонин, говорил он, будет доставлен в Петроград и предстанет перед судом. И когда казалось, что худшее уже позади, с противоположной стороны на площадку вагона ворвалась группа солдат и матросов. Через мгновение произошла трагедия. Духонин был сброшен с площадки на поднятые солдатские штыки.

А в Петрограде двенадцать оставшихся на свободе членов бывшего Временного правительства (главным образом заместители министров) опубликовали заявление, что именно они и есть «единственная в стране законная верховная власть», и для устранения Совета Народных Комиссаров призвали сплотиться вокруг Учредительного собрания. Затем последовало их постановление об открытии Учредительного собрания 28 ноября, в 2 часа дня, в Таврическом дворце.

Идея борьбы с большевиками на Учредительном собрании крепла. С ней связывал свои надежды и Керенский, который после бегства из Гатчины скрывался сначала в одной из деревень под Лугой, а затем перебрался под Новгород. Через тайно навещавших его эсеров В. Зензинова, Б. Моисеенко и В. Фабриканта он добивался санкции эсеров на свое появление в Учредительном собрании с призывом к борьбе против Советской власти. Но правоэсеровская фракция предпочитала выступать теперь без Керенского. Ему рекомендовали оставаться в подполье (вскоре он нелегально уехал в Финляндию, а ранней весной также нелегально приехал в Петроград, затем в Москву).

Советское правительство открыло Учредительное собрание 5 января 1918 г. Обстановка в Таврическом дворце была ужасающей. Яростные крики, свист, проклятия, угрозы. Атмосфера накалялась еще и из-за того, что демонстрации рабочих и служащих в поддержку Учредительного собрания были безжалостно разогнаны властями с применением оружия. Улицы Петрограда облились кровью. Российская демократия переживала шок.

Горький в статье «9 января — 5 января» с болью писал: «Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания, — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею

погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи... «Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т. д. ...5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных»¹. Избранным еще по дооктябрьским спискам депутатам, большинство которых составляли эсеры и меньшевики, от имени ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов было предложено в первоочередном порядке рассмотреть «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Собрание уклонилось от этого, исходя из уже утвержденной повестки дня. Тогда большевистская фракция обнародовала следующее заявление: «Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению... Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»².

Но заседание Учредительного собрания продолжалось. Его председатель, лидер партии эсеров В. Чернов внес предложение: «Учредительное собрание не расходится, пока не постановит своего решения по обоим вопросам: о мире и земле». Всеми голосами против пяти это предложение было принято. Теперь предстояло поименное голосование по этим законам. Под невероятный шум, крики протеста одних (это были еще не ушедшие левые эсеры), аплодисменты одобрения других Чернов начал читать проект закона о земле: «Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется...» Именно в этот момент к трибуне подошел начальник охраны матрос Анатолий Железняков. «Я, — сказал он, — получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все при-

¹ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 232.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 227—228.

сутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал».

Последнее, о чем успел сказать Чернов, было его сообщение, что следующее заседание Учредительного собрания назначается на 6 января, в 5 часов вечера.

Стали расходиться. Секретарь Учредительного собрания Марк Вишняк писал в своих мемуарах: «Медленный поток выносит взволнованную толпу из зала. Спускается с помоста и В. Чернов, свертывая на ходу бумажки в трубочку. Вместе проходим к вешалкам с платьем... Не чувствуется усталости. Грызет тоска и возмущение. На душе сумрачно и тревожно. Что готовит грядущий день России? Учредительному собранию? Его членам?»¹

6 января ВЦИК Советов принял постановление о роспуске Учредительного собрания. Ленин требовал безопасности депутатов. Увы, призывы и приказы часто повисали в воздухе. Революционная стихия, провоцируемая проповедью классовой войны, приносила свои страшные плоды. В ночь с 6 на 7 января были убиты два арестованных ранее члена кадетского ЦК, паходившиеся в Марининской больнице, Ф. Кокошкин и А. Шингарев.

Получив сообщение об этом, Ленин распорядился разыскать преступников². Была создана следственная комиссия: В. Бонч-Бруевич, наркомюст левый эсер И. Штейнберг и нарком по морским делам П. Дыбенко. Но преступники ушли от ответственности. Да и могло ли быть иначе, когда страна все стремительнее входила в ситуацию, в которой главное слово уже отдавалось «товарищам маузерам»?

Но как ни драматически складывалась борьба Советской власти с Учредительным собранием, судьба большевистской революции в эти первые месяцы больше зависела от решения вопроса: война или мир? Сразу же после прихода к власти Советское правительство обратилось ко всем воюющим державам с предложением заключить мир без аннексий и контрибуций. Правительства Антанты отвергли это предложение. Правящие круги Четверного союза во главе с Германией, вынужденного вести изнурительную войну на двух фронтах, откликнулись. Но очень скоро стало ясно, что

---

¹ Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1956. С. 38.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 50. С. 26.

правительство Вильгельма II думало не о прекращении войны и не о справедливом мире, а о захвате максимально большой территории бывшей Российской империи, об экономическом ограблении ее, чтобы усилить свою боевую мощь и продолжить войну на западе до победного конца. Большевицкая власть оказалась перед альтернативой: либо подписать грабительский, как его называл Ленин, «похабный» мир, либо оказаться перед лицом многократно превосходящего врага.

Левые эсеры, вместе с большевиками входившие в Советское правительство, и «левые коммунисты», образовавшие в январе 1918 г. свою фракцию, выступили против подписания мира. Они требовали революционной войны против империалистической Германии и ее союзников, заявляя о «принципиальной недопустимости» мира с империалистами. Независимо от того, что «левые коммунисты», даже по признанию Ленина, действовали, «исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций»¹, их позиция могла привести к крушению Советской власти. Большевицкая Россия не в состоянии была выдержать столкновение с германскими дивизиями.

Ленин, вчера еще, в дни Октября, фактически сам «левый коммунист», теперь повернул вправо. В вопросе жестокого выбора: сохранение власти большевиков или тяжелейшие территориальные, материальные и людские потери для России — у него не было сомнений. Сохранение власти важнее всего! Необходимо любыми жертвами удержать ее до того, как ситуация в мире изменится: грянет европейская революция. Вся жизнь Ленина, как писал он сам, была «боевыми кампаниями, одна за другой». Брестская кампания, кажется, оказалась самой тяжелой. Он был близок к поражению, но вновь воля, твердость, неоспоримые качества лидера, вождя привели его к победе. «Левкоммунистические романтики» потерпели поражение. Ленинский политический прагматизм взял верх.

Россия теряла огромную территорию, огромные людские и материальные ресурсы. Ленин называл Брестский мир «несчастливым», и это была более точная характеристика, чем «похабный». Если разгон Учредительного собрания и расстрел демонстраций в его поддержку шокировал демократические круги общества, то

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 253.

Брест произвел, пожалуй, еще больший шок. Выступая против подписания Брестского мира, Л. Троцкий в обоснование своей позиции приводил и такой аргумент: согласием на грабительские условия немцев большевики косвенно сыграют на руку тем, кто муссирует версию о них как о германских агентах. Так оно в значительной мере и произошло: Брестский мир потряс патриотизм людей разных социальных слоев. В Бресте жизнь, пожалуй, впервые жестоко поломала доктрину, с помощью которой большевики ломали жизнь. Брест дал сильнейший толчок консолидации военных, прокорниловских сил, которые осенью 1917 г. были разгромлены общими действиями демократического фронта. Даже после Октября формирование белогвардейских отрядов не получило достаточно широкого развития. Только после Бреста началось быстрое наращивание сил белого движения. Борьбу с большевиками рассматривали здесь как возобновление и продолжение войны с Германией за интересы национальной России. Это не могло не встретить поддержки белого движения Антантой, и таким образом Советская власть вместо войны с Германией фактически получала войну с бывшими союзниками России. Увы, подписание Брестского мира, положившего конец войне Советской России с кайзеровской Германией, не означало, что борьба завершилась и между ними. И дело не только в том, что, пользуясь своим превосходством, немцы бесцеремонно нарушали условия мира. Сам мир висел на волоске, создавая атмосферу готовой ежеминутно возобновиться войны...

«Большинство буржуазных партий Германии,— говорил Ленин,— в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но которое, конечно, очень радо «улучшить» его и получить еще несколько аннексий за счет России... С другой стороны, мы имеем военную партию, которая не раз проявляла себя в Брестском договоре и которая, естественно, существует во всех империалистических державах,— военную партию, которая говорит себе: силой надо пользоваться немедленно, не считаясь с дальнейшими последствиями»¹.

Непрекращающаяся борьба двух партий, двух группировок германского империализма политически и дипломатически выливалась в некую равнодействующую,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, С. 333.

которую один из германских дипломатов назвал «двухколейной». Одна «колея» — это официальные отношения германских правящих кругов с правительством большевистской России, основанные на опасении, что любое другое правительство (кроме большевиков) отвергнет Брестский мир и станет проантантовским. Другая «колея» — это негласная, даже конспиративная связь с различными антибольшевистскими подпольными группировками в Петрограде и Москве на случай падения большевиков. Еще в начале 1918 г. генерал Э. Людендорф писал в Берлин: «Хотя мы теперь официально ведем переговоры только с Советским правительством, мы в то же время должны поддерживать отношения с другими движениями в России для того, чтобы вдруг не обнаружить себя опоздавшими. Мы не можем полагаться на сторонников Керенского, т. к. ими руководит Антанта. Мы должны установить контакты с правыми монархическими группами и влиять на них так, чтобы монархическое движение соответствовало нашим желаниям и намерениям»¹.

Подпольные германофильские организации, в которых группировались правые, монархические элементы, довольно быстро нашли ход к главам и членам германских миссий, которые начали прибывать в Петроград для решения различных вопросов, связанных с подписанием мира, еще в декабре 1917 г. Позднее члены этих организаций стали проникать через демаркационную зону, установленную между советскими и германскими оккупационными войсками. В дневнике начальника штаба Восточного фронта генерала М. Гофмана есть записи о его контактах с русскими монархистами².

Гофман не игнорировал просьбы о помощи для восстановления монархии в России. По его записям, у него даже возник план занять из Пскова «линию Смоленск — Петербург, образовать в Петербурге новое правительство, которое должно было пустить слух, что наследник — цесаревич — жив, назначить последнему регента и привезти временное правительство в Москву»³.

После установления официальных дипломатических отношений связи с немцами расширились. Как только

---

¹ Germany and the Revolution in Russia. 1915—1918. L., 1956. P. 136.

² См.: Гофман М. Записки и дневники. 1914—1918. Л., 1929. С. 242—243.

³ Там же. С. 141.

германское посольство, прибывшее в Москву в двадцатых числах апреля, разместилось в отведенном для него особняке в Денежном переулке, монархисты потянулись сюда.

Представитель германского командования при посольстве в Москве майор Ф. Ботмер записывал в своем дневнике, что монархисты буквально не давали прохода немецким дипломатам и военным, стремясь «излить сердце» и уговорить Германию «ввести в игру немецкие штыки»¹. Но немцы не решались на политическую переориентировку. Их правящие круги колебались в вопросе о том, наступил ли уже момент для разрыва с Советской Россией и открытого блока с внутренними антибольшевистскими силами. Но Германия не предпринимала все же активных действий, стремясь извлечь все выгоды из Брестского мира, и, кроме того, не была уверена в политической представительности тех антибольшевистских элементов, с которыми она поддерживала связь.

Мирбах и его сотрудники обоснованно сомневались в реальной значимости правого крыла российского антибольшевизма. В одном из донесений рейхсканцлеру Г. Гертлингу Мирбах писал: «Многочисленные праздношатающиеся личности, носители древних фамилий и бывших титулов, владельцы крупных фирм или латифундий ежедневно появляются здесь. Они клянутся в своих германофильских чувствах и вымаливают помощь против большевиков... Сами по себе они едва ли заслуживают серьезного внимания; неспособные к действию, к организации, к дерзанию, они отнюдь не производят впечатления людей, способных вырвать власть из рук Ленина»². Мирбах рекомендовал: «Связь с политическими партиями, которые намереваются перетянуть Россию в лагерь наших противников, разумеется, уже а priori исключается: это в первую очередь с головой продавшиеся Антанте эсеры, а также кадеты более старого и строго правого направления. В то же время другая группа кадетов, известная сейчас под названием «монархистов», могла бы быть присоединена к тем элементам, которые, возможно, составят ядро будущего нового порядка... Если мы уже сейчас постепенно,

---

¹ *Bothmer F. Mit graf Mirbach in Moskau. Tübingen, 1922. S. 35—36.*

² Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 126.

с должными мерами предосторожности и соответственно замаскированно, начали бы с предоставления этим кругам желательных им денежных средств... то тем самым был бы уже установлен какой-то контакт с ними на случай, если они в один прекрасный день заменят нынешний режим»¹.

Ранней весной 1918 г. германские представители в Петрограде и Москве установили контакты с подпольной организацией, называвшей себя «Правый центр». На первых порах он держался антантофильской ориентации и его представители вели переговоры с французами о совместных действиях по свержению Советской власти. Довольно скоро, однако, в «Правом центре» стала выкристаллизовываться и усиливаться германофильская группа. По прибытии в Россию германских представителей члены этой группы наладили с ними контакт. В материалах осведомительного отдела Добровольческой армии, с которой «Правый центр» (а до него «Совещание общественных деятелей») поддерживал тесные связи, сохранилась записка под названием «Общеполитические сведения. Москва», в которой идет речь об этих контактах. Там говорится, что «Правый центр» под фирмой Кривошеина, при участии Гурко и других направил к Мирбаху некоего Брянского «для предварительного выяснения возможности впоследствии вести переговоры». С Брянским беседовали германские дипломаты — помощники Мирбаха. Выяснились обоюдные условия: русских — свержение большевиков, отмена Бреста, воссоединение России, монархия; немцев — установленная с их помощью власть должна сразу же заявить «о нейтралитете и невмешательстве в войну». Кроме того, немцы требовали для себя фактически неограниченной экономической экспансии².

По-видимому, с этого момента в «Правом центре» начался раскол. Кадетская его часть отвергла германские претензии и осталась на антантофильских позициях; правые элементы «центра» открыто повернули к германофильству.

Провозглашение «монархического принципа» ставило вопрос и о кандидатуре будущего монарха — вопрос для монархистов крайне запутанный. Осложнялся

¹ Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 125.

² См.: ЦГАОР. Коллекция (Сводки осведомительного отдела Добровольческой армии 1 (14) июля 1918 г.).

он рядом причин: отречением Николая II за себя и за сына — законного наследника Алексея, отказом брата царя великого князя Михаила Александровича от престола до решения Учредительного собрания, отсутствием непосредственных претендентов (Николай с семьей находился в Tobольске, местопребывание Михаила добровольцам весной вряд ли могло быть известно), а также неопределенностью внешнеполитической ориентации будущего монарха.

Среди уже упоминавшихся нами материалов осведомительного отдела Добровольческой армии сохранилась записка, датированная серединой мая 1918 г. и освещающая различные монархические прикидки «Правого центра». В записке отмечается, что в кругах, группирующихся «на крайне правой», существуют две точки зрения относительно будущего монарха. Сторонники одной из них высказываются за полное «уничтожение акта отречения Николая II» и возвращение бывшего царя на престол. Сторонники другой считали это невозможным (из-за добровольности отречения Николая) и полагали, что если Николай Романов и может вернуться, то только для того, чтобы затем законно передать престол либо своему сыну Алексею, либо брату Михаилу. Некоторое предпочтение все же отдавалось Алексею, поскольку «несовершеннолетний царь был бы неответственным за все то, что будет сделано от его имени», что обеспечит «развязанные руки» на будущее: всегда можно будет отказаться от обещаний, данных либо немцам, либо Антанте (в зависимости от того, кто будет способствовать реставрации — союзники или немцы). Но во всех случаях, подчеркивал автор записки, «было бы в высшей степени выгодно, если бы члены императорской фамилии или по крайней мере ближайшие к престолу находились в одном месте, и притом в таком, где бы они были в безопасности от большевиков»¹.

На переговорах с немцами некоторые члены «Правого центра» поднимали вопрос и о содействии освобождению Романовых. В Петроград по поручению «центра» выезжал сенатор Д. Нейдгардт, где он встретился с бывшим председателем Совета министров А. Треповым. Решено было просить бывшего гофмар-

¹ ЦГАОР. Коллекция (Сводки осведомительного отдела Добровольческой армии 1 (14) июля 1918 г.). См. также: *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. Берлин, 1924. Т. 3. С. 56, 77.

шала П. Бенкендорфа обратиться к Мирбаху со специальным посланием, содержащим призыв о помощи в освобождении царской семьи. Такое послание было написано, и Нейдгардт, возвратившийся в Москву в конце апреля (по другим данным — в начале мая), вручил его германскому послу¹.

Существует версия, согласно которой немцы не только откликнулись на эти призывы, но чуть ли не составили специальный план вызволения царя, план, который был якобы частью более широкого проекта: ликвидации Советской власти и восстановления монархии. По этой версии, и сами Романовы «уповали на спасительную помощь потсдамского кузена»². Но нет убедительных фактов, подтверждающих эту версию.

Германский министр иностранных дел К. Ягов еще в 1935 г. опубликовал статью, в которой на основе всех имевшихся в его распоряжении документов показал, что немецкая дипломатия устранилась от вопроса о судьбе бывшего царя и все ее усилия ограничились лишь несколькими строго официальными представлениями о «принцессах немецкой крови»³. Запросы эти действительно имели место, но, получая неопределенные ответы от советского НКВД (наркома Г. Чичерина, его заместителей К. Радека и Л. Карахана), германская сторона, кажется, и не очень стремилась к большей определенности.

Многие монархисты-эмигранты, прежде всего те, кто так или иначе был тогда причастен к этому делу, подтверждали не только сдержанную, но и отрицательную позицию немцев в вопросе помощи по освобождению царской семьи. Им либо говорили, что они должны иметь терпение, что Романовы находятся под «немецким наблюдением» и меры будут приняты в надлежащий момент, либо (в случае особо назойливых требований вмешаться немедленно) отвечали: «Невозможно! Исключается!»⁴ Как когда-то (весной и летом 1917 г.)

---

¹ См.: Боткин Г. Что было сделано для спасения царской семьи // Русская летопись (Париж). 1925. Кн. 7. С. 211.

² См., например: Касвинов М. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 35, 39.

³ Jagow K. Die Schuld am Zaremord // Berliner Monatshefte. 1935. Mai 13 Jahrgang. N 5. S. 391—392.

⁴ См.: Двуглавый орел. 1920. 14 (27) сентября. С. 7; Генерал Леонтьев. Открытое письмо Вильгельму II. Париж, 1918. С. 7—8; Боткин Г. Что было сделано для спасения царской семьи // Русская летопись (Париж). 1925. Кн. 7.

английские правящие круги по соображениям реальной политики тихо уклонились от предоставления убежища Романовым, так и теперь (зимой и весной 1918 г.) в силу сходных соображений германское правительство явно не торопилось выручать русского царя и его семью. Это определялось «двухколейной» политикой Германии в русском вопросе: необходимостью сохранения Бреста в настоящем и возможностью свержения Советской власти при благоприятных обстоятельствах в будущем. Германские власти, поддерживая связь с монархическим подпольем, могли, по-видимому, проявлять некоторый интерес к семье Романовых, но вряд ли стремились к его форсированной реализации. К. Ягов приводил в своей статье ответ Вильгельма II на обращение датского короля Христиана, датированное серединой марта 1918 г. Христиан просил германского кайзера «вмешаться в разрешение судьбы низложенного монарха и его семьи».

Ответ Вильгельма показателен: соображения реальной политики в нем категорически отодвигают соображения о человеколюбии, сочувствии и т. п. Вильгельм прямо указывал, что его вмешательство невозможно, ибо оно может быть истолковано как стремление восстановить Романовых, что в данный момент нежелательно для Германии. Романовы были «отыгранной картой» и в глазах политиков, пожалуй, уже «мелкой монетой» для того, чтобы разменивать ее на такой куш, каким для немцев был Брест.

Но если позиция Германии в отношении арестованной и сосланной царской семьи еще, может быть, и допускает какое-то дискутирование, то утверждение, что царская семья уповала на помощь Вильгельма, опровергается однозначно. В опубликованных письмах бывшей императрицы из Тобольска имеется на этот счет вполне определенный ответ. Она неоднократно повторяла, что самым ужасным было бы принятие помощи от вчерашнего врага, в марте 1918 г. писала А. Вырубовой: «Боже, как родина страдает!.. Бедная родина, измучали внутри, а немцы искалечили снаружи, отдали громадный кусок, как во времена Алексея Михайловича, и без боя во время революции. Если они будут делать порядок в нашей стране, что может быть обиднее и унижительнее, чем быть обязанным врагу — Боже, спаси»¹.

---

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 300.

Глава 5

«С РОДИНОЙ ВСЕ ПЕРЕЖИВАЕМ»

Новая власть почти сразу же обратила на Tobольск свое внимание. Непосредственным поводом для этого, возможно, послужили сообщения, которые в конце октября — начале ноября 1917 г. публиковали на своих страницах правые газеты «Русское слово», «Новое время» и др. В них говорилось о якобы происходящих в Tobольске монархических демонстрациях, о скором освобождении Романовых и т. д. Все эти сведения носили, в сущности, провокационный характер и были рассчитаны, по-видимому, на то, чтобы усилить неуверенность в прочности новой власти и антибольшевистские настроения среди населения.

Уже 2 ноября Петроградский Военно-революционный комитет заслушал сообщение Э. Дрезена о содержании семьи Романовых в Tobольске и постановил опубликовать в газетах полученное оттуда письмо. Оно появилось в печати 7 ноября под названием «Тобольские узники». Один из офицеров отряда особого назначения (помощник Кобылинского), капитан Аксюта, опровергал сообщения правых газет и заверял, что в Tobольске «никаких монархических движений и агитации не слышно», «никаких демонстраций и даже попыток к ним не было». Но ВРК, очевидно, не склонен был доверять такого рода опровержениям бывшего гвардейского офицера. Примерно через неделю по его указанию в Гатчине был арестован брат Николая великий князь Михаил Александрович. Спустя некоторое время ВРК обратился в Совнарком с предложением перевести Романовых под охрану в Кронштадт.

21 ноября Петроградский ВРК предписал Севастопольскому ВРК арестовать великого князя Николая Николаевича и «других контрреволюционеров», находившихся в Крыму. В конце ноября «Известия» поме-

стили статью «Черная сотня шевелится», в которой, в частности, говорилось: «Союз монархистов (о каком «Союзе монархистов» идет речь, неизвестно.— *Авт.*) выпустил воззвание, в котором высказывает убеждение, что Учредительное собрание, выбранное при других условиях, высказывалось бы за восстановление в России монархии... Оказывается, что черная сотня питает еще надежды, что для нее вернутся красные денечки. Она рассчитывает, видимо, на то, что кадеты и корниловцы готовят для нее почву. Вместе с тем она надеется использовать классовую борьбу пролетариата и буржуазии»¹.

В конце ноября — начале декабря 1917 г. по Петрограду поползли слухи о бегстве царя из Тобольска. 30 ноября Совнарком обсуждал вопрос «О переводе Николая II в Кронштадт», вынесенный в связи с соответствующей резолюцией некоторых кораблей и частей Балтийского флота. В протоколе заседания значится: «Признать перевод преждевременным»². Вслед за тем было опубликовано несколько опровержений о бегстве Романовых на основе полученных в начале декабря сообщений из Тобольска. Позднее, уже 2 мая 1918 г., Я. Свердлов, выступая на заседании СНК с «внеочередным сообщением», говорил, что вопрос о бывшем царе ставился в Президиуме ВЦИК еще в ноябре — декабре, с тех пор поднимался неоднократно, но был «отсрочен ввиду ряда событий». Каких? Решено было предварительно ознакомиться с тем, как содержится бывший царь, насколько надежна охрана и т. п.

Но существовали и другие причины. В Президиуме ВЦИК и Совнаркоме еще с января 1918 г. начала обсуждаться возможность открытого суда над Николаем II. В протоколе заседания Совнаркома 29 января (протокол № 59) записано: «Слушали: о переводе Николая Романова в Петроград для предания суду. Постановили: поручить Н. Алексееву (левый эсер, заместитель наркома земледелия.— *Авт.*) представить в СНК к среде все резолюции крестьянского съезда по этому вопросу»³.

В феврале, 20-го, СНК вновь вернулся к этому вопросу. В протоколе заседания (№ 66) зафиксировано:

¹ Известия. 1917. 31 ноября.

² ЦГАОР. Ф. 130. Д. 2 (Протоколы СНК). Л. 28об. (Протокол № 15).

³ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 89; Оп. 23. Д. 7. Л. 170.

«Поручить комиссару юстиции и двум представителям крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о перевозе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совнаркоме. Места суда не предугадывать пока»¹.

Тем временем положение большевистской власти почти катастрофически ухудшалось. 23 февраля 1918 г., на другой день после опубликования знаменитого воззвания «Социалистическое отечество в опасности!», продиктованного начавшимся наступлением германской армии, «Правда» напечатала статью «Немецкий император и русский царь». «Германский император идет походом на русскую революцию,— говорилось в ней.— Сердца Романовых в Тобольске... радостно бьются при известиях о продвижении немецких войск. Мы говорим: необходимы экстренные меры. Необходимо перевести Романова в надежное место. Необходимо целиком лишить его всякой свободы сношений с кем бы то ни было. Необходимо заключение его в тюрьму и немедленное назначение суда над ним».

Это важно отметить: когда в феврале 1918 г. германский меч, казалось, уже был занесен над головой большевиков, они тут же подумали о возможном топоре над головой отреченного царя. Правда, жила идея суда, и суда голько над одним Николаем II, но и боязнь монархизма продолжала жить. От Временного правительства она по наследству переходила к большевикам, может быть, еще более усиливаясь.

Германская угроза была отведена. В марте Брестский мир был подписан и ратифицирован IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов...

Между тем жизнь Романовых, их окружения и обслуги в Тобольске протекала довольно спокойно. Тобольский обыватель проявлял к неожиданным для их захолустья «высочайшим гостям» не более чем любопытство. Комиссар В. Панкратов свидетельствовал, что распространявшиеся во многих газетах слухи о якобы каких-то паломничествах «с коленопреклонениями и без оных» никогда не происходили. «Все, что можно было заметить и наблюдать,— писал он,— так это простое любопытство, и то в ближайшие месяцы, и вздохи

---

¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 135.

каления с нелестным упоминанием Гришки Распу-
та»¹. Но со всех концов страны Романовым поступа-
большая корреспонденция, и Панкратов писал, что
«никогда в жизни не приходилось читать такие от-
ветительные порнографические письма... И вся эта
грязь адресовалась на имя Александры Федоровны
и на имя Николая II»². Ничего этого царская семья
не знала. Панкратов сдавал почту полковнику Кобы-
линскому, и она отправлялась в печь.

Жизнь семьи, казалось, шла по накатанной коле-
е, работа во дворе губернаторского дома, молит-
ы, походы (под охраной) в церковь (пока их не зап-
тили). Мемуары многих из тех, кто находился с цар-
й семьей в Тобольске, фиксируют по большей части
у бытовую сторону и в общем почти ничего не рас-
казывают о том, что думали о событиях, проходив-
их в стране. Пожалуй, мало что добавляют и дневники
(опубликованные) Николая II и дневниковые записи
(неопубликованные) Александры Федоровны. Но изда-
на переписка, главным образом с Вырубовой, с родны-
ми в Крыму или людьми из когда-то близкого окруже-
ния, и она дает возможность представить себе настрое-
ния и мысли бывших властителей России в тяжелое для
них время.

Некоторые письма отправлялись «официально» че-
рез Панкратова и Кобылинского и, конечно, просматри-
вались. Но имеются и такие, которые, вероятно, че-
рез входивших в дом духовных лиц или прислугу (нап-
ример, священника А. Васильева, горничных Уткину и
Романову, некоего Кирпичникова) передавались пос-
танцам Вырубовой, Маркова 2-го и других приез-
ших в Тобольск. Ценность писем — в их сугубо част-
ном, даже интимном характере: авторы, естественно,
не могли предположить, что их когда-нибудь прочтут
не только те, кому они предназначались. Писем Ни ко-
ля II мало, единицы, да и в них он сдержан так же,
как и в былые времена. Но однажды в январском пись-
ме 1918 г., отправленном сестре — великой княгине
Ксении в Крым, он, кажется, выразил свое отношение
к тому, что происходит в стране. «Телеграммы, — писал
царь, — получают здесь продаются на улице не
каждый день, а из них узнаешь только о новых ужасах

¹ Панкратов В. С царем в Тобольске. С. 22.

² Там же. С. 25.

и безобразиях творящихся в нашей несчастной России становится от мысли о том, как должны помогать нас наши союзники»¹

Александра Федоровна, в отличие от мужа, много и охотно. Наиболее длинные ее письма — русские. Из этих, как и из других писем, передвстает образ глубоко религиозной женщины, порывающейся до экзальтации, что многим из нас просто трудно понять. Но савозь эту экзальтацию, сквозь эти молитвы не реч пробивается голос человека, трезво охватывающего политические процессы, поднимющегося порой до предсказаний. В письме от 29 ноября 1917 г. А. С. Сыроярскому: «Вам уже сознаются, что все было — утопия, химера. И аллы, пырыты грязью позором ни хорошей вещи не случились. Родины — свобода — руха — анархия... Лишь о себе думаю, думаю, — все слов»².

Александра Федорова находила в себе силы продолжать страшную горечь случившегося. Тому же А. С. Сыроярскому она писала в декабре 1917 г.: «Как я слышу, что мы не за границей, слышу (одиноко Авт.) все переживаем... Чувствовала себя сломанной, как мать, чтобы потерять это чувство, — составляем, делим горе и счастье только нам, сделана, о дела, оклеветала. Д., о мы ее в е-так, лу око и хотим ее выздоровления»³.

С февраля 1918 г. одной из душевных болей Александры Федоровны становится Брест. Какое сокрушающее и сповоужение легло о «царце-немке», готовившей измену России, содержат эти письма! 1. февраля. Александра Федоровна писала Сыроярскому: «...цы у Ис. М. т заключен на самых ужасных условиях, позорных, оельных для России условия. В лосы дыбы, ста о тся»⁴. 6 марта 1918 г. же Сыроярскому: «Как времена? Что дель? Позорный. Ас од, до чего о н год дошел. Только в аз пил... едь, о, б под н мцев — ху тата с тог та»⁵. Александра Федоровна мучилась о ра, а о п чинах случившегося с Россией. «И к

¹ Письмо Сыроярскому от 29 ноября. С. 209

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 178.

Там же. С. 178.

Там же. С. 310.

ставляет ее (Россию.— Авт.) страдать,— пишет она
Ден в марте 1918 г.,— кто проливает кровь?.. Ее
ственные сыновья. Боже мой, какой это невероят-
ужас». И тогда же А. Вырубово: «Верь народу,
ка, он силен и молод как воск в руках. Плохие
и схватили»¹. Вера в будущее, однако, не покидала
вшую императрицу. Тому же Сыроболярскому писа-
«Другие страны пережили такие времена в других
летиях и вышли. Все повторяется. Ничего нового
... Но верим, Родина моя ода, ренесет страш-
болезнь»².

Вообще с Александрой Федоровной произошло уди-
тельное превращение. Находясь на вершине в ас-
не отличалась ни твердостью, ни спокойствием ду-
и, ни умением реально оценить происходящее. Это
шло тогда, когда она вместе с мужем оказалась низ-
рнутой с высоты «во прах». Как заклинание повто-
та она в письмах слова своего любимого святого Се-
фима Саровского: «Укоряемы — благословляйте, го-
мы — терпите, хулим — утешайтесь, злословимы —
дуйтесь». «Вот наш путь с тобой — писала она Выру-
вой.— Претерпевший до конца спасется».

Хотя Советская власть в Тобольске окончательно о-
становилась только в начале апреля 1918 г., отъ-
евистское влияние и в городе да и в отряде особого
азначения росло уже с конца 1917 г. Командир Вре-
енного правительства В. Панкратов с падением этого
равительства практически утратил связь с Петрогра-
ом. «Никакой переписки,— писал он,— ни офици-
альной, ни неофициальной, с новой властью у меня не
было»⁴.

А обстановка в городе становилась все напряженнее.
По улицам бродили группы подозрительных солдат,
сильвались слухи о несметных богатствах, привезен-
ных Романовыми в Тобольск, все чаще на улицах ско-
пывались В. Панкратова приходили угрожающие пись-
ма. «Грозили,— вспоминал он,— даже послать целую
дивизию за то, что я «распустил» царскую семью, то
была возможность даже убежать царю с одной из до-
черей... Все эти угрозы основаны
на той гетной спекуляции, которую всегда тлеча-
лись некоторые российские органы лишь бы распрода

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 3.

² Там же. С. 278.

³ Там же. С. 321.

⁴ Панкратов В. С царем в Тобольске. С. 50.

побольше номеров»¹. Панкратов рассылал опровержения, но это мало помогало. Слухи ширились.

За установление контактов с новой властью взяли сами солдаты отряда особого назначения. Вначале обратились с письмами в Петроград и Царское Село (к командованию своих частей), а затем, в декабре 1917 г. — январе 1918 г., по инициативе отрядного комитета отправили в Петроград делегацию. Делегаты бывали в Совнарком и ВЦИК, где их принял Свердлов. Одним из последствий поездки отрядных делегатов по-видимому, стало смещение комиссара В. Панкратова и его помощника А. Никольского. В конце января еще удерживавшийся губернский комиссар Временного правительства Пигнатти писал Ялуторовскому уездному комиссару, что сделано это «под влиянием пропаганды большевистских идей»². В сообщении о смещении Панкратова, которое председатель отрядного комитета Киреев направил в Совнарком, содержалась просьба о назначении нового «полномочного комиссара». Упомянутый Матвеев, находившийся в составе делегации, утверждал, что в Петрограде им было приказано «не выдавать Романовых без ведома особого на то предписания ВЦИКа и Совнаркома». Ясно было, что так предписание мог передать только «полномочный комиссар»³.

Довольно свободный режим содержания Романовы постепенно становился более строгим. Был ограничен доступ в губернаторский дом лиц свиты и прислуги проживавших напротив в доме купца Корнилова, значительно сокращались средства на содержание царской семьи. Находившиеся под стражей, в том числе и Николай II должны были снять погоны. Это требование вызвало особо резкую реакцию бывшего царя. Он долго сопротивлялся и уступил только просьбам родных. Желая, видимо, как-то успокоить Николая, унтер-офицер Ф. Шакунов стал говорить, что это, мол, к лучшему, что все будут себя чувствовать будто равными, на что получил ответ: «Нет Шакунов не по душе мне это».

¹ Панкратов В. С царем в Тобольске. С. 48.

² Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920). Сб. документов и материалов. Свердловск, 1967. С. 146.

³ Царское Село — Гобольск — Екатеринбург. Записки и воспоминания о Николае Романове П. М. Матвеева // Уральский рабочий (Свердловск). 1990. 16 сентября.

все мы как какие-то арестанты без погон»¹. «Этого я им не прощу», — записал Николай в дневнике. Погоны малинового цвета и нашивки, однако, были сняты. Оставили только боевые кресты.

К концу зимы 1918 г. под влиянием большевистской агитации развернулась борьба за установление в Тобольске единовластия Советов. В середине февраля съезд советов солдатских и крестьянских депутатов семи восточных Тобольского уезда принял обращение, в котором говорилось: «Товарищи! Революционная Россия проходит мимо нас! Сознательные рабочие, солдаты и крестьяне соседних губерний (Омск, Екатеринбург) с сожалением смотрят на нашу черносотенную окраску... Поддержим товарищей-российцев!»²

Но Екатеринбург и Омск, в которых Советская власть уже установилась, отнюдь не ограничивались тем, что «с сожалением» смотрели на Тобольск. Еще осенью 1917 г. партийные организации этих городов установили связь с тобольскими большевиками. Сведения от них поступали тревожные. Насколько же они были оправданны? Увы, лишь по разбросанным, отрывочным, к тому же мемуарным эмигрантским свидетельствам можно попытаться воссоздать какую-то картину событий «романовских шуанов» в Тобольске. Попытаться, но без больших претензий на достоверность...

Один из офицеров, некий К. Соколов, впоследствии в описании своего участия в попытке освобождения царской семьи якобы по поручению подпольной монархической организации, во главе которой стоял «присяжный поверенный П.», связанный, как пишет Соколов, «с дуновением мира»³ эту организацию будто бы входил епископ Нестор Камчатский, имевший контакт с тобольским епископом (Гермогеном). Первая встреча К. Соколова с «присяжным поверенным П.» и с Нестором Камчатским состоялась в декабре 1917 г. в Москве.

Вот как описывает ее Соколов: «Мы сели. Задав несколько вопросов о моей биографии, П. замолчал. Затем поднялся и сказал: «Надо спасать царя медлить нельзя, он в опасности»³.

¹ Царское Село — Тобольск — Екатеринбург. Записки и воспоминания о Николае Романове П. М. Матвеева // Уральский вестник (Свердловск). 1990. 16 сентября.

² Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. С. 150

³ Соколов К. Попытка освобождения царской семьи // Архив русской революции (Берлин). 1926. Т. 17. С. 284.

В конце декабря руководители этой организации устроили Соколову встречу с курьером, который прибыл из Тобольска и должен был соответственно ориентировать Соколова. Встреча состоялась в помещении госпиталя на Яузском бульваре, а курьером оказался поручик лево-гвардии Московского полка «Р.» (Раевский. — Ав.). Этот поручик сообщил, что «он и его брат были отправлены в Тобольск Пуришкевичем еще за 2—3 месяца до большевиков»¹.

В январе 1918 г. Соколов в сопровождении еще двух офицеров (он называет их «М.» и «Г.»), а также курьера поручика Раевского, уехал в Тобольск. По словам Соколова, согласно его заданию, предполагалось везти семью в Троицк, занятый оренбуржцами Дуто (атаман Оренбургского казачьего войска. — Ав.). Для этого предполагалось стянуть в район Екатеринбург — Тюмени — Омска до 150 офицеров и юнкеров.

Прибыв на место, Соколов и его помощники установили контакт с местными монархистами (в том числе с епископом Гермогеном, который согласился разместить ожидавшихся офицеров в одном из монастырей семи верстах от Тобольска), разведал даже расположение постов у губернаторского дома и вошли в связь с Николаем. Он (Николай), пишет Соколов, передает, что «знает о нашем прибытии и цели и согласен, но при условии выполнения всех состоящих при нем»².

План заговорщиков, однако, сорвался, так как будто бы неожиданно были арестованы брат Раевского и некоторые из офицеров, сопровождавших Соколова, к тому же Троицк, куда предполагалось отправить царскую семью, уже был освобожден от дутовцев красными войсками.

Соколову и другим офицерам удалось выбраться из Тобольска, а затем и из Тюмени, где они были задержаны моряками-балтийцами Северного летучего отряда мичмана С. Попова, прибывшего из Петрограда бороться с дутовщиной. «Нам, — писал Соколов, — бегшим на месте, было видно, что наша цель была вполне осуществима, что не хватало органа затвора и средств»³.

¹ Соколов К. Попытка освобождения царской семьи // Архив русской революции (Берлин). 1926. Т. 17. С. 282. В. Пуришкевич — один из лидеров черносотенцев в IV Государственной думе, участник убийства Г. Распутина. Еще до Октябрьской революции создал конспиративную монархическую организацию.

² Там же.

³ Там же. С. 286.

ких людей, как мы, для разведки, информации и боя ашлись бы сотни»¹ Нашлись бы?..

Другая группа, якобы включавшаяся в дело освобождения Романовых, сформировалась вокруг бывшего сенатора Туган-Барановского, который еще осенью 1917 г. посылал своих людей в Тобольск. Упоминанный нами С. Марков в книге «Покинутая царская семья» писал, что когда он в начале зимы 1918 г. готовился к поездке в Тобольск, его знакомые сообщили ему о деятельности Туган-Барановского и о том что «он (Туган-Барановский. — *Авт.*) предполагает отправить туда еще несколько человек»². «Действует ли он по поручению какой-либо организации, — писал С. Марков, — или свой страх и риск, мне мои знакомые сказать не могли, но факт отправки людей в Сибирь был им доподлинно известен, и они рекомендовали мне обратиться к нему для получения информации»³.

По словам С. Маркова, осенью 1917 г. Туган-Барановский будто бы вел переговоры с французским послом Нулансом и английским поверенным Лиделем об оказании «всяческой поддержки» царской семье. Переговоры эти, однако, не дали результата.

Как уверял в своих воспоминаниях «секретарь» Г. Распутина А. Симанович, группа Туган-Барановского действовала весьма активно. Ее люди якобы приобщены к практической организации побега. «Близость до заключения царской семьи, — пишет Симанович, — и нанят лабаз, в котором для отвода глаз была устроена пекарня. Из подвала пекарни были начаты работы по прокладке подземного хода к дому заключения. События развивались так быстро что этот план мог быть осуществим»⁴. В это сообщение, однако, трудно поверить, учитывая совершенно хлестаковский характер как самого Симановича, так и его «мемуара». Более всего в данном случае мы имеем дело с отрывными слухами, которые, по словам Кобылинского, но время действительно циркулировали в Тобольске от асно которым под губернаторским домом где жили Романовы, велся тайный подкоп.

¹ Соколов К. Попытка освобождения царской семьи // Архив русской революции (Берлин). 1926. Т. 17. С. 282.

² Марков С. Покинутая царская семья. С. 194—195; Мельк Боткина Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до революции. С. 44—45.

³ Марков С. Покинутая царская семья. С. 195.

⁴ Симанович А. Распутин и евреи. М., 1991. С. 165.

Зимой 1918 г. как будто бы активизировалась и уже известная нам организация Маркова 2-го, поддерживавшая связь с Тобольском через А. Вырубову. Марков 2-й уверял, что в его распоряжении находилось более 100 офицеров, готовых выехать в Тобольск, но что отстановка выходила только из-за нехватки денег. Впоследствии, уже в эмиграции, Марков 2-й, выставивши себя чуть ли не основной фигурой в попытках освобождения Романовых, также сетовал на то, что у него «уходили целые месяцы, пока удавалось наскрести сколько-нибудь значительную сумму»¹. Однако это самооправдание Маркова 2-го не увязывалось с другими эмигрантскими свидетельствами. Граф П. Бенкендорф писал в своих воспоминаниях, что крупные суммы (более 200 тысяч рублей), предназначавшиеся для бывшего царя, стекались к нему (Бенкендорфу) с разных сторон, в том числе и от иностранных послов (имен их мемуарист называет). Большую часть этих денег, по словам Бенкендорфа, он переслал через некоего «Х.» в Тобольск², но, конечно, не исключено, что другая их часть могла оказаться и в руках тех, кто готовил побег Романовых.

Еще одним пунктом сбора средств для царской семьи были московские группы. Один из их руководителей — А. Кривошеин впоследствии показал, что для Романовых были собраны 250 тысяч рублей и через доверенное лицо (бывшего могилевского вице-губернатора В. Штейна) вручены в Тобольске И. Татищеву В. Долгорукову. Через них было установлено и письменное общение с узниками³.

Активно занималась сбором средств для Романовых и сама Вырубова. Главным источником ее доходов были предпринимательские круги. Особенно щедрым оказался банкир К. Ярошинский. Как делец и финансист он появился на петроградском горизонте в начале мировой войны. К началу Февральской революции уже хозяйничал в некоторых банках и на сахарных заводах. Располагая огромными средствами, этот человек укреплял свое положение и благотворительность

¹ Вестник Высшего монархического совета (Берлин). 1911 (23) мая.

² Benkendorf P. Last Days at Tsarkoe Selo. P. 129—1. В январе 1918 г. Александра Федоровна отметила в своем дневнике, что «Х.» деньги привез (ЦГАОР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 3.). Упоминается «Х.» и в ее письмах к Вырубовой.

³ Кривошеин К. А. В. Кривошеин; его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973. С. 298.

В частности, финансировал царскосельские лазареты, которые патронировали великие княжны Мария и Анастасия — дочери Николая II. По некоторым данным, он был связан и с Г. Распутиным и, вероятно, через него познакомился с Вырубовой, откуда уже был прямой ход в Александровский дворец. В дневнике Александры Федоровны есть пометка, что она принимала Ярошинского в Царском Селе 5 ноября 1916 г. Находясь в Тобольске, бывшая императрица знала о продолжавшихся связях Вырубовой с Ярошинским. В январе она писала Вырубовой из Тобольска: «Нежно благодарим, несказанно тронуты Ярошинским. Правда, ужасно трогательно и мило, что и теперь нас не забывал. Дай бог, чтобы его имение не трогали бы, и благослови его господь»¹. По некоторым данным, Ярошинский передал Вырубовой 175 тысяч рублей.

Таким образом, позднейшие жалобы Маркова 2-го на нехватку денег для его «спасательных операций» кажутся не очень убедительными. Единственное, что можно предположить, — это то, что если Марков 2-й действительно испытывал нужду в деньгах, то, по-видимому, потому, что ему не очень доверяли. Во время одной из его встреч с Вырубовой она согласилась финансировать поездку в Тобольск лишь трех офицеров, в том числе и самого Сергея Маркова, которого знала лично. Кроме того, вслед за ним должны были отправиться двое «марковцев»: ротмистр Грипвальд и сын бывшего члена Государственного совета С. Андреевский. Эта небольшая группа по прибытии на место должна была установить связь с двумя ранее приехавшими в Тобольск посланцами Маркова 2-го и Вырубовой: штаб-ротмистром Н. Седовым² и поручиком Б. Соловьевым (доверенное лицо Вырубовой).

На личности Соловьева следует остановиться подробнее. Он был сыном казначея святейшего Синода, действительного статского советника Н. Соловьева, состоявшего в тесной дружбе с Г. Распутиным. В сводке полицейского наблюдения за Распутиным его имя (и имя жены — поклонницы Распутина) встречается

---

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 242.

² Н. Седов был, как и С. Марков, офицером Крымского колного ее величества полка. После возвращения из Сибири в Петроград и окончания гражданской войны он эмигрировал, принял монашеский постриг, стал архимандритом и умер в Иерусалиме.

неоднократно¹. Из отрывочных сведений, имеющихся в эмигрантской и иностранной литературе, следует, что Борис Соловьев учился в Берлине, затем как секретарь какого-то немецкого коммерсанта побывал даже в Индии, где некоторое время посещал одну из «теософических школ», основанных в конце XIX века знаменитой Е. Блаватской.

В начале мировой войны Б. Соловьев — в России. По-видимому, благодаря связям отца он в чине поручика был зачислен во 2-й запасный пулеметный полк, расквартированный в Петрограде. В то же время при помощи «секретаря» Распутина А. Симановича вошел в распутинско-вырубовский кружок, в котором его теософические познания, вероятно, произвели впечатление. В дни Февральской революции Б. Соловьев неожиданно оказался в рядах думских революционеров. Впоследствии (в 1919 г.) в показаниях, данных колчаковскому следователю Н. Соколову, Соловьев уверял, что солдаты «притащили его в Думу»². Так это или нет, но он попал в военную комиссию Временного комитета Государственной думы.

Летом 1917 г., после освобождения Вырубовой из Петропавловской крепости, бывшие распутинцы вновь потянулись к ней. Вероятно, именно с этого времени Соловьев становится одним из главных агентов Вырубовой: он отправляется в Тобольск следом за царской семьей, устанавливает с ней и с епископом Гермогеном связь и в начале октября 1917 г. возвращается в Петроград. Здесь в цепи его жизни появляется еще одно звено: он женится на старшей дочери Распутина Марене (Маре).

В то время это был несомненно смелый шаг (имя Распутина окружало всеобщее презрение), но Соловьев почти наверняка сделал его с определенной целью. Породнившись с семьей Распутина, с «незабвенным Григорием», он мог рассчитывать на особое доверие тобольских узников, и прежде всего бывшей императрицы. Когда в январе 1918 г. Соловьев с женой прибыл на родину Распутина, в село Покровское, а затем под именем Станислава Корженевского поселился в Тюмени, он, по существу, превратился в одну из ключевых фигур, через которую царская семья поддерживала связь с внеш-

¹ См.: Распутин в освещении охраны // Красный архив, 1924. № 5. С. 273, 276 и др.

² Соколов Н. Убийство царской семьи, С. 116.

ним миром. Его имя неоднократно упоминается в дневнике Александры Федоровны в связи с записями об отправке и получении корреспонденции¹. Встречается оно и в письмах бывшей императрицы к А. Вырубовой. 20 марта 1918 г. Александра Федоровна писала: «Бориса взяли; это беда, но не расстреляли,— он знал, что будет так». 8 апреля: «Борис, вероятно, все еще там, хотя свободен»². Сохранились два письма Александры Федоровны лично Б. Соловьеву. В одном из них она пишет: «Сообщите мне, что вы думаете о Нашем положении. Наше общее желание — это достигнуть возможности спокойно жить, как обыкновенная семья, вне политики, борьбы и интриг». В другом письме (по-видимому, ответном) Александра Федоровна пишет: «Вы говорите о чуде, но разве уже не чудо, что Господь послал сюда к нам вас? Храни Вас Бог»³. Связь с царской семьей Соловьев поддерживал через А. Васильева — священника тобольской Благовещенской церкви и двух человек из прислуги.

Эмигрантские и иностранные авторы много писали о Соловьеве, который представлялся им одной из наиболее таинственных фигур, встретившихся на пути отреченного царя. Одни утверждали, что Соловьев был не кем иным, как провокатором, даже агентом ЧК, якобы создавшим организацию-«ловушку», в которую один за другим попадались направлявшиеся в Tobольск монархисты. «Петроградской и московской организации,— писала Т. Мельник-Боткина,— Соловьев и Васильев давали все время сведения о сильной организации в Tobольске, состоящей из 300 офицеров, не требующей новых лиц, а исключительно только денежного пособия. Всех же все-таки стремившихся проникнуть к их величествам Соловьев задерживал в Тюмени, пропуская в Tobольск или на одну ночь, или совершенно неспособных к подпольной работе людей. В случае же неповиновения ему он выдавал офицеров совдепам»⁴. Соловьев, таким образом, становился чуть ли не тем, кто, собственно, в основном и был ответствен за провал освобождения царской семьи. Однако другие эмигрантские авторы отвергали эту версию, считая, что легенда

¹ См.: ЦГАОР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332.

² Письма царской семьи из заточения. С. 321, 340 и др.

³ Там же. С. 260, 263. Необходимо отметить, что сами составители «Писем» высказали сомнение в аутентичности этих двух писем.

⁴ Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье... С. 44—45.

о провокаторстве Соловьева придумана для оправдания тех, кто взялся за спасение Романовых, но так ничего и не сделал¹. Третьи видели в Соловьеве человека, который будто бы служил «немецким проводом в Тобольск», «контролировал» там положение царской семьи и каким-то путем информировал германскую агентуру и германское посольство в Москве².

Уже после перевода Романовых в Екатеринбург, оказавшись на территории, занятой белыми, Б. Соловьев некоторое время жил по подложному паспорту во Владивостоке, а затем в начале 1919 г. был арестован (вместе с женой) и в Чите допрошен колчаковским следователем Н. Соколовым. Из отобранных у него и его жены (впоследствии частично опубликованных) дневников можно составить представление о Соловьеве как о малопочтенной личности. Поэтому ко многим версиям о нем можно добавить и еще одну: не стремился ли он использовать свое особое положение «наследника Распутина» и нажиться на организации «спасения» Николая II и его семьи? Отступая вместе с разбитыми колчаковскими войсками, Соловьев с женой уехал из Маньчжурии в Европу, где довольно долго влачил жалкое существование...³

Но вернемся в Тобольск конца зимы и ранней весны 1918 г. В это время сюда прибыл посланец Маркова 2-го и Вырубовой — уже знакомый нам корнет Сергей Марков. Бывшая царица зафиксировала его прибытие в своем дневнике. 12 марта 1918 г. она записала: «Сидела на балконе. Видела, как прошел мой экс-крымец Марков и также Штейн»⁴. Прибытие С. Маркова в Тобольск отметил в своем дневнике и Николай II.

В Тобольске С. Марков встретился со священником А. Васильевым и через него передал Романовым письмо, в котором сообщал, что «тетушка Иветта» (Марков 2-й) не забывает «их величества». Через Васильева С. Маркову были переданы сувениры от «шефа» (Александра Федоровна была шефом Крымского конного полка, в котором служил С. Марков) и совет ехать в Пок-

¹ См.: *Марков С.* Покинутая царская семья. С. 356—357.

² См.: Новое время (Белград). 1925. 13 марта. Так считал и следователь Соколов (*Соколов Н.* Убийство царской семьи. С. 134).

³ По некоторым данным, он умер во Франции в 20-х годах. Его жена — дочь Распутина — сделала карьеру цирковой дрессировщицы. Написала и издала в США книгу об отце.

⁴ ЦГАОР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332.

ровское, а затем в Тюмень, где находились Б. Соловьев и агент Маркова 2-го Н. Седов.

Вопреки утверждению Т. Мельник-Боткиной и других, позднее обвинявших Соловьева в измене «монархическому делу», ни Н. Седов, ни С. Марков в «ловушку», якобы расставленную Соловьевым для приезжавших офицеров-монархистов, не попали. Напротив, сумев легализоваться в Тюмени (вступив в формировавшийся здесь красногвардейский отряд), С. Марков поддерживал с Соловьевым тесные отношения.

Обсудив положение, Соловьев, Седов и Марков установили, что ко времени прибытия Маркова в Тобольск, то есть к марту 1918 г., для освобождения Романовых было сделано следующее: налажена связь с заключенными в губернаторском доме; в Тобольске и ближайших к нему окрестностях сформированы группы верных людей и от Тобольска до Тюмени созданы перевалочные пункты на случай побега; установлен контроль над телефонами Тобольского Совета и отряда особого назначения¹. Насколько все это соответствовало действительности, сказать трудно.

Конспираторам помогал тобольский епископ Гермоген². Он наладил контакт с местным «Союзом фронтовиков», во главе которого стоял некий Летемин. В кассу «союза» Гермоген пожертвовал 4 тысячи рублей. «Союз», вспоминал тобольский большевик И. Коганицкий, «заял по отношению к Совету (тогда еще меньшевистско-эсеровскому) определенно враждебную позицию, угрожая арестовать исполком и захватить власть в свои руки, а Совет распустить»³. С другой стороны, Гермоген поддерживал контакты с некоторыми церковными сановниками в Москве и Петрограде, в том числе и с патриархом Тихоном. Еще в ноябре 1917 г., сразу же после избрания Тихона на патриарший престол, Гермоген просил его поддержки в деле помощи царской семье. По воспоминаниям С. Маркова, Тихон тогда ограничился передачей своего благословения бывшему императору. Но некоторые данные говорят о том, что

¹ См.: *Марков С.* Покинутая царская семья. С. 239; см. также: *Последние новости* (Париж). 1924. 30 марта.

² Гермоген был арестован в Тобольске в апреле 1918 г., отправлен в Екатеринбург, в тюрьму. В июне того же года его повезли в Тобольск на суд, но по пути из Тюмени он с камнем на шее был сброшен в Туру.

³ *Коганицкий И.* 1917—1918 гг. в Тобольске // *Пролетарская революция*. 1922. № 4. С. 7.

он все же был связан с теми людьми, которые тянулись к Тобольску, и с некоторыми из великих князей, сосланных на Урал. В частности, состоял в переписке со старшей сестрой бывшей императрицы — Елизаветой Федоровной.

Об этой благородной женщине здесь следует сказать хотя бы несколько слов. Она была женой великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, в феврале 1905 г. разорванного бомбой эсеровского боевика И. Каляева в Кремле. Елизавета Федоровна нашла силы простить Каляева, которого посетила в камере и который в слезах умолял понять его. Она обратилась к царю с просьбой о помиловании Каляева. Просьба была отклонена. В Москве Елизавета Федоровна возглавила Марфо-Мариинскую обитель — приют для бедных, сирот, больных и раненых. Во время войны, когда в Москве начались погромы и грабежи магазинов, владельцы которых имели немецкие фамилии, Елизавета Федоровна не раз подвергалась поношениям и оскорблениям. Пускали слухи, что в обители она укрывает германских пленных и выселяет оттуда русских. Она терпела... В начале 1918 г. обитель фактически была закрыта, а Елизавета Федоровна сослана на Урал.

Николай II и Александра Федоровна знали о Тихоне, Гермогене и, естественно, об Алексее Васильеве. 23 января 1918 г. Александра Федоровна писала Вырубовой: «Священник этот (А. Васильев.— *Авт.*) энергичный, преданный, борется за правду, очень милое лицо, хорошая улыбка... Он известен среди хороших людей, потому его от нас убрали, но может быть и лучше, так как он может больше делать теперь. Епископ (Гермоген) за нас и патриарх в Москве тоже, и большая часть духовенства»¹. За день до этого бывшая царица писала Вырубовой о Гермогене: «Гермоген каждый день служит молебен у себя для Папы и Мамы (для Николая и Александры Федоровны.— *Авт.*)»².

По мнению некоторых лиц из окружения царской семьи в Тобольске, уже в первые месяцы 1918 г. обстановка здесь была такова, что бегство бывшего царя не представляло особых трудностей. «Никогда еще,— писал П. Жильяр,— обстоятельства не были более благоприятными для побега, т. к. в Тобольске еще нет

---

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 250.

² Там же. С. 242.

представителя правительства большевиков... Было бы достаточно несколько энергичных людей, которые действовали бы снаружи по определенному плану и решительно. Мы неоднократно настаивали перед государем, чтобы держаться наготове на случай всяких возможностей. Он ставит два условия, которые сильно осложняют дело: он не допускает ни того, чтобы семья была разлучена, ни того, чтобы мы покинули территорию Российской империи». Жильяр не сомневался в том, что с помощью полковника Кобылинского нетрудно «обмануть наглый и в то же время небрежный надзор наших стражей»¹. Такого же мнения придерживалась и Т. Мельник-Боткина, дочь упоминавшегося нами царского врача Боткина, также жившая в Тобольске. По ее свидетельству, дело якобы дошло до того, что солдаты одного из взводов отряда особого назначения сообщили Кобылинскому, что в свое дежурство они «дадут их величествам безопасно уехать»².

Получая сообщения о появлении монархистов в самом городе и вокруг него, обеспокоенные уральские и омские большевики решили помочь Тобольску установить Советскую власть и пресечь всякую возможность монархических заговоров и выступлений.

В начале марта в Тобольск из Омска приехал комиссар Запсибсовдепа В. Дуцман, а вскоре вслед за ним сюда прибыл красногвардейский отряд (около 100 человек) во главе с уполномоченным этого Совета А. Демьяновым, который по выданному ему мандату назначался чрезвычайным комиссаром города и уезда.

Положение в Тобольске тревожило и уральских большевиков. В окрестности и в сам город секретно были направлены небольшие группы, которые должны были контролировать положение, а также дороги и таким образом предупредить, как казалось, возможное бегство Романовых.

Одна из таких групп была послана в Березов, чтобы в случае необходимости отрезать путь на Обдорск и далее на север. Другая осела в селе Голышманово, наблюдая за трактом Тобольск — Ишим, третья образовала заставу на дороге Тобольск — Тюмень, блокируя движение на восток. Наконец, специальная четвертая группа из 16 человек с особыми предосторожностями

---

¹ Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921 (перепеч. М., 1990). С. 196.

² Мельник-Боткина Т. Воспоминания о царской семье... С. 46,

направилась в Тобольск¹. Первой из этой группы в городе появилась уроженка Тобольска Т. Наумова, вслед за ней под видом ее жениха — бывший балтийский матрос, комиссар Петроградского ВРК, а в то время уральский чекист П. Хохряков. Прибыли другие екатеринбургские большевики, в том числе А. Авдеев и С. Заславский. В помощь им в Тобольск из Екатеринбурга небольшими группами направлялись красногвардейцы, которые образовали здесь довольно значительный отряд, находившийся в распоряжении Хохрякова.

Прибывшие в Тобольск соблюдали строгую конспирацию, что объяснялось отрицательным отношением местного Совета, настороженностью, подозрительностью части отряда особого назначения, а также отсутствием точных сведений о монархических силах в городе. Сказывалась и определенная разобщенность между Екатеринбургом и Омском, Советы которых (как и некоторые другие Советы того времени) почти открыто проявляли местнические, сепаратистские тенденции. В апреле 1918 г. на заседании ВЦИК В. И. Ленин говорил об этом: «Советы, которые являются властью на местах, в настоящее время не связаны между собою. С одной стороны, этим самым они оторваны от центральной власти, а с другой стороны, Советы не организованы настолько, чтобы они имели возможность фактически провести то, что будет выработано нами здесь»².

Насколько неопределенной была обстановка, в которой приходилось действовать, свидетельствует провал двух уральских застав в Березове и Голышманове. Группа, посланная в Березов, уже вскоре была арестована по распоряжению местной городской думы. В Голышманове в вооруженном столкновении два человека из екатеринбургской группы были убиты.

И в самом Тобольске между омским и екатеринбургским отрядами начались довольно серьезные трения. По существу, это были соединения партизанского характера, в которые попало немало анархистствующих, а то и уголовных элементов, пошедших служить за неплохую плату и проднаек. «Между прибывшими омичами и уральцами, — вспоминал позднее А. Авдеев, — не сразу установились отношения»³. Этой осторожной оценкой

¹ См.: Роцевский П. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959. С. 99.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 226.

³ Авдеев А. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 189.

он явно хотел сгладить враждебность омского и уральского отрядов, готовую перерасти в прямое столкновение.

Под давлением уральских большевиков, главным образом Хохрякова, в начале апреля прошли перевыборы Совета, которые дали большинство большевикам, а 9 апреля состоялось первое заседание нового исполкома Совета, председателем которого стал П. Хохряков. Комиссар Временного правительства Пигнатти был арестован, местные дума и земство распущены.

Знакомство новой власти с положением дел в отряде особого назначения показало, что, несмотря на некоторый рост большевистского влияния, значительная часть его солдат настроена антибольшевистски. Через одного из солдат охраны удалось выведать, что монархические заговорщики будто бы готовили бегство Романовых весной 1918 г. Предполагалось использовать при этом шхуну «Святая Мария», стоявшую в Тобольском речном порту на зимовке. «Мы знали,— писала в своих воспоминаниях Т. Наумова,— что, как только вскрыются реки, царская семья может убежать. Для этого, как потом стало известно, была приготовлена морская шхуна английского происхождения — «Святая Мария», — команду ее монархистам удалось подобрать целиком из приверженцев царя, они собирались уплыть из России через устье Оби и Карское море; позднее их шхуна участвовала в боях против нас на стороне белых»¹.

Достоверность этого сообщения как будто бы подтверждается и другой стороной — эмигрантской литературой. Марков 2-й писал: «Нашелся шкипер, который брался в начале лета на шхуне в устье Оби и в определенном месте ждать беглецов. Кроме того, был разработан план прекращения на время бегства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно к местам действия стягивались отдельные группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петрограде была образована офицерская группа генерала «Х.», которая должна была явиться на месте ядром спасательного отряда»². Но все это были (если были) лишь планы, а скорее всего благие намерения...

---

¹ Уральский следопыт. 1959. № 7; Захаров С. Последний путь последнего царя // Октябрь. 1967. № 3. С. 204.

² Вестник высшего монархического совета (Берлин). 1924. 28 апреля (11 мая); Марков С. Покинутая царская семья. С. 427—428.

Тревожная обстановка в Тобольске ощущалась всеми, но разногласия между омичами, екатеринбуржцами и тобольчанами не прекращались. Еще 29 марта председатель Западносибирского (Омского) Совета В. Косарев телеграфировал в Москву, прося заменить старую охрану омскими красногвардейцами Демьянова. 13 апреля с такой же просьбой о замене старой охраны, но екатеринбургскими отрядами, подчиненными Хохрякову, Заславскому и Авдееву, в Совнарком обратился Уралоблсовет (телеграмму подписал заместитель председателя Исполкома Совета Б. Дидковский). Дидковский ходатайствовал об экстренном «разрешении тобольского вопроса». «В Тобольске разложение,— телеграфировал он.— Там омский комиссар Демьянов с отрядом отказывается подчиниться местному исполкому. Боимся вооруженного столкновения части его отряда и солдат Керенского с нашими латышами и матросами». Дидковский просил о переводе Романовых в более надежное место: он предлагал Урал или другое место, назначенное Совнаркомом. В те же дни и Тобольский исполком направил в Москву просьбу подчинить всю охрану Романовых ему. В противном случае исполком снимал с себя «ответственность за могущие произойти события». Наконец, в начале апреля, как об этом сообщал Я. Свердлов на уже упоминавшемся заседании Совнаркома 2 мая, во ВЦИК побывали представители отряда особого назначения, сообщившие, что «с охраной обстоит не все благополучно»¹.

В конце апреля 1918 г. в Москве в «Правом центре» была получена шифрованная телеграмма из Тобольска. Она гласила: «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаю поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное». Как сообщил впоследствии Н. Соколову (напомним, он расследовал дело Романовых в Екатеринбурге) один из руководителей «Правого центра», А. Кривошеин, стало ясно, что власти куда-то переводят Романовых. В Тобольск пошел следующий ответ: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне труд-

---

¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 5—6, 14—15об., 10—11; Д. 1. Л. 344—345.

но, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей». Спустя короткое время, показывал далее Кривошеин, из Тобольска тем же порядком пришел ответ: «Необходимо подчиниться врачам»¹.

Что же произошло в далеком Тобольске?

Мы же знаем, что 2 мая в Москве на заседании Совпаркома с внеочередным сообщением выступал Я. Свердлов. Поскольку для нашей темы это заявление имеет важное значение, процитируем его возможно более полно по протокольному варианту. «Месяц тому назад, — говорил Свердлов, — в Президиум ЦИК явился делегат от охраны бывшего царя и сообщил, что с охраной обстоит не все благополучно, часть охраны разбежалась, окрестные крестьяне подкуплены. По всем сообщениям, доходившим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Н. Романов не получит возможности скрыться из Тобольска. Были получены разные сообщения, что некоторые подготовительные шаги в этом направлении отдельными группами монархистов затеваются. Исходя из всех указанных сообщений, Президиум ВЦИК Советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей находится в Екатеринбурге Пермской губернии, надзор за ним поручен областному Совдепу Урала»².

За этими словами Я. Свердлова, сообщившего членам ВЦИК о переводе Романовых в Екатеринбург, стояли поистине драматические события, которые долгое время вызывали большой интерес в зарубежной литературе о Февральской революции и конце царизма. Он объясняется прежде всего личностью и судьбой человека, который по поручению ВЦИК доставил Романовых из Тобольска на Урал.

Речь идет о Василии Васильевиче Яковлеве, «загадочном», «тайнственном» Яковлеве, как окрестили его некоторые эмигрантские, иностранные, да и наши, историки. О его «одиссее» выдвигались самые различные версии и гипотезы. Одни считали, что Яковлев по распоряжению ВЦИК должен был вывезти Романовых в

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 136.

² ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 344—345; Д. 84. Л. 36; см. также: Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2. С. 195—196.

Москву или в какой-нибудь другой город европейской России, но вынужден был подчиниться «превосходящей силе» уральских большевиков, заставивших его «выдать» Романовых Екатеринбург. Другие утверждали, что Яковлев вообще был тайным «монархическим рыцарем», пытавшимся по собственной инициативе спасти царскую семью. Третьи объявляли его «секретным агентом» Германии, имевшим конспиративное задание вызволить бывшего царя и его семью и увезти их на территорию, оккупированную Германией по Брестскому миру.

Четвертым представлялось, что под давлением германского посла Мирбаха Советское правительство вынуждено было будто бы согласиться на вывоз Романовых из Сибири в зону, достижимую для «германского влияния» (на случай свержения большевиков и установления в какой-либо форме прогерманского монархического строя), для чего Яковлев и направлялся в Тобольск. Но в то же время Москва, опасаясь освобождения Романовых, приказала екатеринбургским большевикам не пропускать Яковлева. Яковлев, таким образом, представляется сознательным или бессознательным орудием в какой-то игре Москвы с Берлином.

Есть и пятая версия, согласно которой Яковлев был английским агентом типа Р. Б. Локкарта, С. Рейли и действовал по поручению английской разведки, стремившейся спасти Романовых во искупление «греха» правительства Англии, отказавшегося предоставить им убежище весной и летом 1917 г. Не исключается при этом, что Яковлев был даже двойным агентом, работая одновременно на Англию и Германию. Не разобрался в Яковлеве и до сих пор для многих непревзойденный авторитет в истории трагического конца Романовых колчаковский следователь Н. Соколов. «Оценивая все поведение Яковлева,— писал он,— я мыслю следующее: комиссар Яковлев, скрываясь под маской большевика, был враждебен их целям. Его действия координировались с действиями других лиц одной общей волей». Соколов, кажется, готов согласиться с Николаем: этой «волей» были немцы, и Яковлев стал их посланцем...¹

---

¹ См.: *Соколов Н.* Убийство царской семьи. С. 72. Соколов вообще рассматривал трагический финал истории последних Романовых сквозь «немецкую призму», чуть ли не повсюду видел «немецкую руку». Это понятно: представлявшему антантофильское белое движение следствию политически важно было

Я не знал, что С. Мельгунов, эмигрантский историк, труды которого были под строгим запретом и которые теперь свободно (правда, не все) приходят к читателю, ближе всех подошел к разгадке Яковлева в книге «Судьба императора Николая II после отречения», вышедшей в Париже в 1951 г. Все попытки пробиться к этой книге кончались неудачей, а затем даже угрожающими намеками. Один из спецхрановских начальников наконец сказал мне: «Вы эту книгу не увидите никогда и поэтому перестаньте ее требовать». И я отступил. До сих пор не понимаю, почему именно эта работа приравнивалась чуть ли не к военной тайне.

Но я продолжал идти по следам Яковлева, с трудом обнаруживая их в малоизвестных периферийных изданиях, посвященных, как правило, другим событиям и другим людям. По крупицам складывалась его подлинная биография, но ее «здание» постоянно рушилось из-за нехватки больших или маленьких «блоков». Только потом, узнав жизнь Яковлева вплоть до ее трагического конца, я понял, почему и некоторые наши авторы либо умалчивали о нем, либо повторяли версии, имеющие мало общего с действительностью.

В 1987 г. в одной из газет была опубликована моя статья о трагическом конце бывшего царя и его семьи. Она не заслуживала бы упоминания, если бы... Через некоторое время после выхода газеты раздался телефонный звонок. Говорили из Свердловска. Женщина назвалась внучкой Яковлева! А оказалось, что жива и благоденствует и его дочь — Людмила! Это было почти потрясение. До сих пор Яковлев виделся мне почти нереальным человеком, во всяком случае, из давно ушедшего, потонувшего мира, таким же далеким, недостижимым, как и сами Романовы. И вдруг история обернулась действительностью, чуть ли не нынешним днем. Произошла вспышка, как будто сомкнувшая связь времен. Ощущение прошлого стало иным. Так я познакомился с семейным архивом, в значительной мере открывшим наконец «загадку Яковлева», а вместе с тем сделавшим, пожалуй, еще более загадочным финал ис-

---

связать убийство царской семьи в большевистском застенке с «германской интригой». На это обращал внимание еще С. П. Мельгунов. Любопытно, что при издании книги Соколова (в 1925 г.) редакция указала ему на эту «немецкую акцентацию». Соколов, учитывая замечание, ослабил ее (ЦГАОР. Ф. 6959. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—2).

тории последнего царя.

Непродолжительное общение царской семьи с Яковлевым в далеком, заброшенном в сибирских лесах Тобольске было, в сущности, второй непосредственной встречей с представителями тех сил, которые опрокинули монархию и вырывали теперь ее корни. Первым, как уже отмечалось, был Василий Панкратов, бывший народоволец, враг царя, но и враг Ленина, большевизма, оказавшийся все-таки выше чувства реванша и мести. Теперь, в апреле 1918 г., путь бывшего царя пересекся с путем большевика, большевика-ленинца. В этом пересечении, скрещении судеб — огромный поучительный интерес. Яковлев не был последним большевиком на скорбном пути царской семьи. Последними оказались Я. Юровский, Г. Никулин, другие, спустившие царскую семью в подвал Ипатьевского дома. Кто из них являл собой подлинный лик революции? Все?..

Колчаковский следователь Соколов, несмотря на все свои старания, так и не добрался до Яковлева. Но он знал, что осенью — зимой 1918 г. тот остался на территории, захваченной чехами и колчаковцами, и даже якобы просил припать его в ряды белых войск. «Ему ответили согласием, — писал Соколов, — и он перешел к нам. В дальнейшем с ним поступили неразумно и неосторожно. Он тут же был арестован и отправлен в Омск в распоряжение военных властей. Не дали надежного караула, и он вместо генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, по ошибке якобы конвоира, попал к некоему полковнику Зайчеку. Здесь он и пропал»¹. Мы еще вернемся к этому рассказу, но здесь важно сказать, что, вероятно, исходя из этого, некоторые авторы без каких-либо сомнений писали в дальнейшем о гибели, о расстреле Яковлева в колчаковской или чешской контрразведке. Точка была поставлена. Но Соколов скорее всего был введен в заблуждение. Яковлев не пропал. Он был жив еще целых двадцать лет и оставил после себя множество документов: автобиографию, воспоминания, перечень событий своей удивительной жизни, объяснения, письма.

Его подлинное имя Константин Алексеевич Мячин.

---

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 71.

Глава 6

«ГРУЗ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОСТАВЛЕН ЖИВЫМ»

Тот, кто прикасался к документам департамента полиции начала века, знает, что это имя — Мячин (он же «Тормаза», он же «Александр Васильевич», он же «Николай», он же «Антон», он же «Андрей», он же «Сотник» и т. д.) в то время редко сходило с циркуляров и донесений жандармских управлений уральских губерний и Петрограда. Мячин — из крестьян Оренбургской губернии, родился в 1886 г. в селе Шарлык. С 11 лет пошел в люди, работал «мальчиком» в магазине, учеником сапожника, часовщика, потом слесарем в железнодорожных мастерских. Все — в Уфе. Что же дальше? Как рассказать о вступлении крестьянского и рабочего паренька на жестокий, суровый путь революции? Сохранился составленный им самим длинный перечень — «эпизоды из революционной деятельности». Это ценный документ.

1903 г., Уфа. Первое конспиративное знакомство с революционной прокламацией, появившейся в сапожной мастерской; 1904 г. Вступление в революционный кружок, чтение революционной литературы, связь с рабочими железнодорожных мастерских; 1905 г. Участие в организации дружин по борьбе с черной сотней, перевозка бомб с дачи «Золотое место» в город, охрана митингов, собраний, нелегальных квартир. В этом перечне «эпизодов» 1905 г. Яковлеву запомнился и, казалось бы, не слишком значительный: «участие в бросании жребия, кому метать бомбы в казаков. Жребий пал на меня». Жребий пал на него. Не тот ли жребий окончательно и определил путь-дорогу Константина Мячина? Дальше... Дальше — сражение с казаками в Уфе у железнодорожных мастерских 9 декабря 1905 г., метание бомб. С этого момента в яковлевском перечне словарь боевых терминов стремительно разрастается.

Теперь он — активный член, а вскоре и один из руководителей «Боевого отряда народного вооружения» (БОНВ). 1906 г. Попытка бросить бомбу в полицмейстера, подготовка к взрыву казарм с казаками и солдатами, метание бомбы в квартиру предводителя черносотенцев, экспроприация шрифта в типографии Зайцева, захват токарного станка в уфимских железнодорожных мастерских для «точки бомб».

1907 г. не меняет характера деятельности Мячина, но растут ее масштаб и уровень. Нападение на типографию Соловьева, взрыв бомбы в помещении охранников, попытка нападения на губернскую типографию, организация боевой дружины в Екатеринбурге, снабжение оружием, военной литературой, организация боевой дружины в Златоусте, «лекции о гражданской войне», саперные и строевые занятия, организация боевых дружин на уральских заводах, конференция уральских боевых организаций на Александровской сопке. Жандармы, бегство с документацией. Захват оружия на военном складе, динамитного склада в Котав-Ивановском заводе (взято несколько пудов динамита, капсулы гремучей ртути и пироксилиновые пашки). Первое неудачное («благодаря моей оплошности», — добавляет Яковлев) нападение на поезд. Отступление. Второе нападение на почтовый поезд на станции Воронки, взято 25 тысяч рублей. Перевозка динамита в Уфу на паровозе с машинистом Трегубовым...

Из этих записей совершенно очевидно: в 1907 г. К. Мячин — уже полностью сформировавшийся боевик, действующий не словом, а бомбой и динамитом, готовящий себя и других к гражданской войне. Он, конечно, не рабочий: для обычной работы в мастерских времени нет. Теперь К. Мячин — профессиональный революционер. На революцию нужны деньги. В среде революционеров, конечно, должны были найтись люди, которые с уверенностью, без колебаний могли сказать: силой добудем их у врага, тем более что они заработаны потом и кровью народа.

Так в годы первой российской революции стали практиковаться экспроприации — «экссы», а попросту сказать — грабежи. Занимались ими и большевики. Пожалуй, самым знаменитым большевиком, вышедшим из экспроприаторской среды, был Сталин. Но были и другие. На Урале выделялся Константин Мячин. Много позднее в своих неопубликованных воспоминаниях он

писал: «Начиная с первого же моего выступления 5 года, пуля и намыленная веревка неотступно по пятам преследовали меня». Понимали ли участники «экс», какую реакцию вызывала их деятельность? Понимали. Но тот же Мячин писал: «По отношению к врагу все средства были хороши, и его мнение о нас было для нас безразлично...»

На Урале экспроприаторские взрывы и выстрелы гремели, пожалуй, дольше других. В 1907 г. группа боевиков, среди которых находился и Мячин, совершила дерзкий «экс» на станции Дема. «Взято,— отмечал Яковлев в перечне своих «эпизодов»,— 200 тыс. рублей». Этот и другие уральские «эксы» М. Горький впоследствии описал в «Жизни Клима Самгина». Некоторых уральских боевиков и К. Мячина он знал лично. По их рассказам, возможно, и писал...

Но демский «экс» был, кажется, лишь разминкой. В 1908 и 1909 гг. Россию облетела весть о еще двух «эксах» — на станции Миасс.

В материалах департамента полиции имеется пухлое дело «О разбойном нападении 1 октября 1908 г. на почту близ станции Миасс Троицкого уезда Оренбургской области». Из него следует, что 1 октября в 6 часов вечера с Миасского завода была отправлена пароконная почта в сопровождении трех почтовых служащих и двух стражников. Везли кожаную сумку, в которой, наряду с различными документами, находилось 40 тысяч рублей кредитными билетами. В 4—5 км от Миасса «из кустов впереди по обеим сторонам дороги раздались учащенные выстрелы, а под лошадей, везших почту, был брошен разрывной снаряд». Тяжело ранен был один из сопровождавших. Грабителям — а их было шесть человек — удалось обезоружить стражников, «вытащить сумку, где были деньги и документы, и разбежаться». Розыски успехом тогда не увенчались.

Попались они только через год, после совершения на станции Миасс в августе 1909 г. второго, еще более крупного «экса». На этот раз участие в нем принимал целый отряд из семнадцати человек. Удалось сначала арестовать двоих — В. Терентьева и А. Юрьева. Через них вытянули и всю цепочку. Выяснилось, что и первым и вторым «эксами» руководил Константин Мячин.

Наиболее полное описание второго миасского «экса» содержится в показаниях Василия Терентьева. Все его

участники, рассказал Терентьев, составляли совершенно самостоятельную «Уральскую боевую организацию РСДРП». Во главе находилось бюро: Мячин, Кривов, Алексахин, Хрущов, Алексеев. Главным был К. Мячин.

Готовились долго. Выстроили в лесу «балаган», ставший базой операции. Изготовили 5 бомб большой разрушительной силы. Вечером 25 августа Хрущов и еще один из участников ходили на Миасский завод, вернулись и сообщили, что идут ценности в 80 тысяч рублей. Двинулись к станции. Лица у всех были вымазаны черной краской. Мячин и еще трое вошли в поезд, в почтовый вагон. Другие направились в зал III класса и в телеграфную комнату.

Кому-то показалось, что устроена засада, начали стрелять... В это время раздался взрыв пироксилиновой шашки, которым Мячин взломал двери в почтовом вагоне.

Захватили паровоз, к которому был прицеплен товарный вагон. Принесли почтовые чемоданы, четверо поднялись в кабину машиниста. Отъехав от Миасса, сошли с паровоза, тихим ходом пустили его обратно (он сошел с рельсов и упал под откос) и пошли по тракту к Златоусту. Светало, был сильный туман...

По данным полиции, почта на станции Миасс была ограблена на 86 тысяч 565 рублей 42 копейки. Погибло семь полицейских и чинов жандармской администрации. В сентябре 1910 г. в Челябинске проходило слушание дела о миасских «эксах». Привлечено было 24 человека. Но четверо, пожалуй, самых активных участников, в том числе Мячин, на скамье подсудимых отсутствовали. Им удалось скрыться¹.

30 сентября 1910 г. был объявлен приговор военного суда. Семерых приговорили к повешению, еще семерых — к каторжным работам на срок от 4 до 20 лет, двоих — на поселение, восьмерых оправдали. Однако смертный приговор вскоре заменили каторжными работами — вследствие несовершеннолетия приговоренных. Столыпин утвердил помилование.

По-разному отнеслись к суду над «миассцами» в русском обществе. Крайне правая газета «Русское знамя» 20 ноября 1910 г. писала: «При такой мягкости

---

¹ См.: ЦГАОР. Ф. 102 (Особый отдел, 1910). Д. 9. Ч. 86А. Л. 59—62об.

к преступникам успокоения никогда не будет. Такие шайки нужно вешать до единого, а не миловать». По-инному реагировала на суд левая общественность. Лучшие адвокаты, в том числе А. Керенский, защищали подсудимых. Группа русских писателей, живших тогда в Европе, опубликовала обращение к «честным людям мира». В нем говорилось: «Неумолимый суд царя, не знающий меры в своей услужливости правительству и ненависти ко всему, что находится под подозрением протеста против абсолютизма, уже готов устроить массовые избиения. Разыграна комедия суда. Палачи уже намыливают 30 петель... Мы, группа русских писателей, делаем последнюю попытку, чтобы пробудить вас от позорного индифферентизма. Историк будущего поколения не должен, стыдясь своих отцов, говорить: они все знали и остались спокойными»¹. Обращение нашло широкую поддержку, хотя вряд ли повлияло на исход суда и на решение о помиловании семерых, приговоренных к смертной казни. Те, кто подписал это обращение — М. Горький, А. Луначарский и другие, — могли бы быть довольными: историки не обвиняют их в молчании о царском суде.

То, что Константину Мячину (как и еще троим участникам миасских «эксов») удалось скрыться, избежать ареста, породило, видимо, какие-то подозрения у уральских большевиков. Подполье, нелегальщина... Они неизбежно рождали недоверие и подозрения.

Миасские деньги решено было передать для организации и поддержки партийных школ в Италии. В «эпизодах революционной борьбы» Яковлев позднее записал: «Моя командировка за границу на Капри к Горькому».

Видимо, именно с этого момента Константин Мячин исчезает (не из полицейских документов, конечно) и появляется Василий Васильевич Яковлев. Таким он стал по паспорту, купленному у некоего студента для переезда через границу. Жизнь боевика и экспроприатора круто изменилась. Когда читаешь автобиографию и записки Яковлева, порой кажется, что погружаешься в мир его фантазий. Но нет, все проверяемо, он достоверен, точен, почти пунктуален.

В партии — раскол, борьба «ликвидаторов» с «отзовистами». Между ними — ленинская группа. Яковлев

---

¹ Pester Lloyd (Будапешт). 1910. 30 сентября.

и по характеру, и по всей своей боевой деятельности на Урале — «отзовист»: большевики, несмотря на отсутствие революционной ситуации, должны отозвать своих представителей из легальных организаций, продолжать нелегальную борьбу, включая «военно-технические» методы. Богданов, Луначарский, Алексинский, Лядов при поддержке Горького организовали партийную школу на острове Капри для обучения «кадров», прибывающих из России. Школа, по замыслу, должна была быть свободна от фракционности, но довольно скоро и в ней произошел раскол. Пятеро из тридцати учеников поддержали Ленина. Основатели же школы, как сообщал в охранку один из ее учащихся, «оказались левее большевиков и настаивали, в частности, на необходимости спешной военно-технической работы»¹.

Так возникла отзовистская группа «Вперед», основавшая свою новую партийную школу в Болонье. В записке, представленной начальнику петербургского охранного отделения и освещавшей «болонскую школу», между прочим, отмечалось: «С самого начала занятий между учениками школы происходят настоящие ссоры. Ученики с Урала, пользуясь сплоченностью своей группы и сознанием, что школа обязана главным образом своим существованием миасским деньгам, держат себя по отношению к другим слушателям крайне вызывающе. Обладая средствами, происхождение которых не скрывают, они не стесняются в расходах»².

Итак, миасские «эксы» пошли на поддержку «отзовистов» и их школы в Болонье. Там обучалось, согласно списку, имевшемуся в охранке, 23 человека, среди них несколько участников «эксов» на станции Миасс: «Антон» (Константин Мячин), «Василий» (Т. Кривов), «Борис» (И. Хрущов), «Мишель» (П. Гузаков) и другие. В яковлевских «эпизодах революционной борьбы» все это отражено очень конспективно. Жизнь в Италии совместно с А. Луначарским и М. Лядовым. Партийные занятия, знакомство с Л. Троцким, А. Коллоптай, В. Менжинским, А. Богдановым, М. Покровским и другими лидерами партии. Чему учили этих рабочих

---

¹ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского охранного отделения. М., 1990. С. 77.

² Там же. С. 103—105. О Болонской школе см.: Пролетарская революция. 1926. № 3 (50).

парней? Простым ответам на вопросы либо вообще неразрешимые, либо решаемые столь сложно, что этим парням тогда и не дано было понять.

В 1910 г. Яковлев через Швецию и Финляндию возвратился в Россию, в Петроград, где его едва не арестовала следившая за ним охранка. Он бежал в Финляндию; там, в Мустамяках, была перестрелка с полицией: кто-то выдал его конспиративную квартиру. Бегство в Бельгию. Шел 1911 год...

Кажется, с этого времени жизнь революционера и экспроприатора К. Мячина начинала входить в более или менее тихие берега. Во всяком случае, и автобиография, и «эпизоды революционной борьбы» относительно скупое рассказывают о его жизни в долгой эмиграции. «Жизнь эмигрантом в Брюсселе с 1911 по 1917 г., — отмечено в «эпизодах». — Приобретение квалификации электромонтера. Работа на заводах в течение 5 лет... Участие в работе профсоюзных организаций. Интернирование немцами». И — все.

Яковлев вернулся в Россию только в 1917 г., с одной из многочисленных групп русских эмигрантов, возвращавшихся на родину после Февральской революции. Несколько дней в совершенно неузнаваемом Петрограде — и он выехал на родину, на Урал. Партийная и советская работа на уральских заводах длилась недолго. Уже в сентябре Яковлев — делегат от уральских большевиков на Демократическом совещании в Петрограде. Здесь он, по-видимому, и задержался по просьбе Я. Свердлова. Свердлов лучше многих в партии знал «кадры», лично, еще по временам первой революции, был знаком и с Яковлевым, ценил его как человека, способного на выполнение и «особых поручений». В «эпизодах революционной борьбы» Яковлев позднее записал: «Поездка по поручению т. Свердлова в Торнео и Гельсингфорс на предмет переправки оружия; перевозка оружия из Сестрорецкого завода».

В дни большевистского восстания Яковлев — в числе комиссаров Петроградского ВРК. Большевистская фракция II съезда Советов назначила его комиссаром «телефонных и телеграфных станций Петрограда». Во главе отряда матросов Яковлев захватил телефонную станцию на Мойке, отразил атаку юнкеров, пытавшихся отбить станцию; из свеаборгских стрелков организовал группу «слухачей» для замены забастовавших телефонисток.

Когда началось пьянство участвовавших в восстании матросов солдат и просто обывателей, Яковлев с тем же отрядом уничтожал винные погреба. Об этой странице истории Октября В. Бонч-Бруевич позже расскажет в своих воспоминаниях «Страшное в революции», но имени Яковлева в них нет, как вообще его упоминания о нем в книгах об Октябрьском восстании. Лишь трехтомная фондовая публикация документов Петроградского ВРК обнаруживает следы комиссара Яковлева как активного участника Октября. Ленин тогда уже знал Яковлева. В начале ноября написал ему для памяти: «5.30, телефон Яковлева комиссара».

Постановлением Совнаркома Яковлев был выделен в пятерку по организации ВЧК. В пятерке — Дзержинский, Ксенофонтов, Ильин, Петерс и он, Яковлев. Это подтверждается документально, а если верить автобиографическим запискам Яковлева, то на организационном совещании чекистов он был избран даже заместителем председателя. Чекистская его работа непродолжительна, но весома: арест собрания группы учредителей, выключение по личному указанию Ленина всей телефонной сети в момент разгона Учредительного собрания. Тут Яковлев мог бы стоять где-то рядом с А. Железняковым, но нет: его имя в истории «учредилки», как и в истории Октября, отсутствует, оно снова забыто.

С чекистской работы Яковлева перебрасывают на военную. Теперь он в новой «обойме» партийцев: родик, Крыленко, Подвойский, Гусев, Лащевич, Мехонишин. Нет прямо-таки бешеная работа по созданию вооруженных сил новой власти.

В конце января 1918 г. — новый поворот. Центр назначает Яковлева военным комиссаром на Урал. Но места «плохо подчинялись «центру», а то и не подчинялись совсем. Повсюду — «суверенные» республики, области, регионы, свои совнаркомы, своя власть. Уральским военным комиссаром Уралсовет уже назначил Ф. Голощекина — человека известного в партии меньше, чем Яковлев.

Как это произошло — мы не знаем, но председателем Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии Н. Подвойский аннулировал выданный Яковлеву мандат. Гажали ли на него уральцы, желавшие иметь военным комиссаром «своего» Голощекина, или восстали против Яковлева, к которому, возмущенные, к

испытывали какую-то неприязнь со времени миасских «эксов», когда ему удалось избежать скамьи подсудимых,— трудно сказать. Второй вариант представляется более верным, но, так или иначе, столкновение будет иметь последствия, повлияет и на судьбу царской семьи. Многое связано в истории...

Яковлев, человек с честолюбивым характером, склонный к командным действиям, покинул Екатеринбург раздосадованным и уязвленным. Ранней весной приехал в родную Уфу, однако пробыл там недолго. Уже в середине марта по поручению уфимского Совета сопровождал поезд (40 вагонов) с хлебом в голодный Петроград. Двигались с боями, отбиваясь от вооруженных групп и банд. В Петрограде Яковлев загрузил поезд оружием и боеприпасами, получил у наркома финансов В. Менжинского несколько миллионов рублей на формирование в Уфе красногвардейских отрядов для борьбы с атаманом Дутовым и двинулся в обратный путь через Москву. Туда только недавно переехало Советское правительство, и Яковлев хотел повидаться с партийными руководителями, получить директивы. В Кремле зашел к председателю ВЦИК Я. Свердлову...

Теперь рассказ о жизни Яковлева вплотную подвел нас к событию, в котором произошло пересечение, казалось бы, двух непересекаемых судеб: царя и революционера-большевика. В последние годы наша историческая литература и публицистика в справедливой, но запоздалой экзальтации во всех деталях буквально расписала трагический конец царской семьи в подвале Ипатьевского дома. Пала завеса многолетнего молчания. Каждый шаг обреченных, каждое движение и чуть ли не каждый жест их убийц, кажется, различим теперь во всей ужасающей реальности. Но остановки нет. Публицисты, писатели, кинематографисты идут все дальше, ищут новые штрихи и детали, стремятся прояснить страшную картину казни до полного натурализма. Что движет их стремлениями? Много лет спустя Троцкий, уже изгнанный Сталиным из Советской России, обращаясь к теме убийства Романовых, записал в свой дневник: «В «Последних новостях» (газета П. Миллюкова, выходившая в Париже.— Авт.) я читал... описание расстрела, сожжения тел и пр. Что во всем этом верно, что вымышлено, не имею ни малейшего представления, т. к. никогда не интересовался тем, как

произведена была казнь, и, признаться, не понимаю этого интереса»¹.

Троцкий не понимал, мы это понимаем лучше, но и в его замечании есть какая-то правда. Душа нормального человека не может непрерывно содрогаться перед картинами ужаса, кровавой работы палачей. Способен ли один только ужас принести чувства очищения и покаяния? Крестный путь последнего царя, его родных должен быть прослежен весь. Но трагическая история царской семьи все-таки подтверждает истину: до самого конца жизнь может стать сильнее обстоятельств, сильнее властей, политических режимов. Шанс на спасение, кажется, существовал. Он мог быть связан и с Яковлевым...

К моменту, когда Яковлев посетил Свердлова в Кремле, ВЦИК уже вынес два постановления о пребывании Романовых в Тобольске. Постановлением от 1 апреля комиссару по военным делам поручалось «немедленно сформировать отряд в 200 человек (из них 30 человек из Партизанского отряда ВЦИК, 20 — из отряда левых эсеров) и отправить их в Тобольск для подкрепления караула, и в случае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву». «Настоящее постановление,— отмечалось в протоколе заседания Президиума ВЦИК,— не подлежит оглашению в печати»².

Но 6 апреля ВЦИК «в дополнение к ранее принятому постановлению» поручил Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбург и Омском, сообщить им о назначении подкрепления в Тобольск и «о перевозе всех арестованных (Романовых.— *Авт.*) на Урал»³. Что-то, выходит, изменилось за прошедшие пять дней. Мы не знаем что. Первое постановление (от 1 апреля) оставляло возможность отправки Романовых в Москву, во втором (от 6 апреля) — речь уже идет об Урале. Можно предположить, что между первым и вторым постановлениями состоялись какие-то переговоры «центра» с уральцами, и «центр» уступил: согласился на отставку царской семьи на Урал.

Но был ли он признан постоянным местопребыванием Романовых? Или только тем временным пунктом,

¹ Троцкий Л. Дневники и письма. Тензифли, 1986. С. 101.

² ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 9—13.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 8. Л. 4.

который должен был помочь немедленно разорвать во многом мнимую тобольскую монархическую сеть? А может быть, «договаривавшиеся стороны» имели в виду каждый свое? Сепаратизм Екатеринбурга был широко известен в партийных кругах. Леснин не раз получал телеграммы от различных эмиссаров «центра» о том, что Екатеринбург своей «сепаратно-централистской» политикой временами приносит большой вред революции — производит конфискации, накладывает контрибуции и т. д.». Уральские «леваки», успокаивая «центр», могли уверять его в том, что хотя бы временно возьмут ответственность за Романовых на себя, а «центр», не желая обострять отношений с Уралом, мог согласиться на Екатеринбург как местопребывание бывшего царя до принятия новых решений. Дальнейшая история, связанная с перевозом Романовых из Тобольска на Урал, как представляется, может подтвердить это предположение...

Уже отмечалось, что Свердлов хорошо знал Яковлева. Вооруженные уфимские красногвардейцы в его эшелоне, только что прибывшем из Петрограда, позволяли оперативнее решить вопрос о формировании отряда, который должен был вывезти Романовых из Тобольска. Яковлев получил соответствующие документы, по его утверждению и утверждениям некоторых мемуаристов, входивших в яковлевский отряд, подписанные Свердловым и Лениным¹. В них, однако, из конспирации не упоминалось ни о Романовых, ни о Тобольске.

В мемуарах, впервые опубликованных в журнале «Урал» лишь в 1988 г., Яковлев писал, что Свердлов особо подчеркнул: «Совет Народных Комиссаров постановил вывезти Романовых пока на Урал». «В Тобольске, — говорил Свердлов, — такая каша, надо ее скорее расхлебать... Тебе предстоит все это уладить. А самое главное — это то, что ты должен выполнить свою миссию чрезвычайно быстро. Скоро будет распутица, а если тронется лед, тогда придется отложить перевозку до установления пароходного сообщения с Тюменью, а это ни в коем случае нежелательно... Уральскому Совету я сообщу о твоём назначении. В Омский Совет я дам тебе письмо... Все уральские и омские отряды будут в твоём распоряжении, а также и тобольский гарнизон.

---

¹ См.: Яковлев В. Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7. С. 152.

В Тобольск я дам специальную телеграмму, а приедешь, покажешь им свой мандат... Итак, запомни твердо: Совет Народных Комиссаров назначает тебя чрезвычайным комиссаром и поручает тебе в самый кратчайший срок вывезти Романовых из Тобольска на Урал. Тебе даются самые широкие полномочия — остальное должен выполнить все самостоятельно. Во всех твоих действиях — строжайшая конспирация. По всем вопросам, касающимся перевозок, обращай исключительно ко мне. Вызывай по прямому проводу». «Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мною инструкций, — пишет Яковлев, — я спросил: «Груз должен быть доставлен живым?» Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил: «Живым»¹.

В середине апреля 1918 г. Яковлев прибыл в Уфу. Здесь он явился к председателю губчека П. Зенцову, которого знал еще по боевым организациям Урала в годы первой российской революции и позднее. Сообщив ему о своей чрезвычайной миссии, потребовал, чтобы местные власти сформировали подкрепления для его специального отряда. Зенцов выполнил распоряжение центра. Цель поездки держалась в тайне.

В отряд Яковлева было включено 15 кавалеристов, около 100 пехотинцев при четырех пулеметах, 2 телеграфиста и сестра милосердия. После ухода отряда из Уфы вдогонку были посланы дополнительные подкрепления под командованием П. Гузакова. Командиром отряда Зенцов назначил Д. Чудинова («Касьяна»), которого хорошо знал и которому доверял. Еще со времен миасского «экса» знал Чудинова и Яковлев. Конным отрядом командовал брат П. Зенцова Г. Зенцов².

Во время пребывания Яковлева в Уфе сюда же из Екатеринбурга приехал уральский военный комиссар Ф. Голощекин. Он распорядился подчинить Яковлеву всех уральских красногвардейцев, уже находившихся в Тобольске. Из воспоминаний Чудинова, Г. Зенцова и других следует, что вплоть до самого отъезда из Уфы соблюдалась строгая тайна.

В Екатеринбурге отряд ненадолго задержался. Исполком Уралоблсовета не ставил под сомнение полно-

---

¹ Яковлев В. Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7. С. 151—152.

² См.: Зенцов Г. Поездка за Николаем Романовым в Тобольск // Уфимский Октябрьский сборник. 1917—1918. Уфа, 1920. № 2. С. 116.

мочия Яковлева. Перед его прибытием в город заместитель председателя исполкома Б. Дидковский по прямому проводу передавал Свердлову: «Просьба распорядиться немедленно о подчинении начальника охраны (отряда особого назначения.— *Авт.*) Тобольскому исполкому до прибытия вашего Яковлева, который сегодня днем выезжает из Уфы»¹. Вместе с тем в исполкоме Уралоблсовета все же чувствовались обеспокоенность, недоверие к нему. Еще за день-два до прибытия Яковлева в Екатеринбург отсюда в Тобольск был направлен красногвардейский отряд под командованием Брусяцкого (или Бусяцкого), у которого по пути происходили вооруженные столкновения с крестьянами.

Отправка нового екатеринбургского отряда в Тобольск вполне могла насторожить Яковлева. Как он писал в своих мемуарах, его разговоры с Дидковским с самого начала носили напряженный характер, возникали недоразумения. Дидковский, по уверению Яковлева, пытался навязать ему свой план действий в Тобольске, на что получил ответ: не подобными ли советами руководствовались уральцы в Тобольске, результатом чего стал лишь отказ отряда особого назначения выдать Романовых? Яковлев твердо заявил, что будет действовать только по инструкциям центра. «За то, что «груз» привезу, и притом привезу живым, я ручаюсь головой,— заявил он.— И как это будет сделано, об этом я извещу центр по возвращении в Москву». В конце концов Яковлев все же пообещал, что «поскольку Екатеринбургский Совет подчинен Москве... никаких противоречивых распоряжений Уралсовету не будет, а этим самым не должно между нами возникать никаких недоразумений».

На этом как будто бы согласились. Однако для связи Яковлева с уральцами, уже находившимися в Тобольске, ему был придан представитель Уралоблсовета А. Авдеев, по характеристике Яковлева, «товарищ с лисьей вытянутой физиономией». Авдеев, правда, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1928 г., утверждает, что встретился с Яковлевым в Тюмени, когда возвращался из Тобольска в Екатеринбург, а Яковлев двигался в Тобольск.

Тюмень, как мы уже знаем, была последним железнодорожным пунктом на пути к Тобольску. Дальше —

---

¹ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 23. Д. 558. Л. 13об.

проселочные дороги, распутица, грязь. Нужно было сделать все возможное, чтобы обратный путь из Тобольска до Тюмени — путь «с грузом» — удалось пройти как можно быстрее. Яковлев установил контроль над телеграфом, основные силы отряда оставил в городе, с тем чтобы блокировать подход к нему любых других вооруженных групп, и выслал вперед людей из отряда Г. Зенцова, чтобы они заранее готовили по деревням необходимый транспорт. «Опыт пришедших в Тобольск уральских и омских отрядов, которых крестьяне зачастую встречали огнем, не давали продуктов, не говоря уже о лошадях, я должен был учесть, — писал Яковлев. — Вот почему я заинтересовал ямщиков деньгами. И стоило лишь нам показаться на селе, уже 20 тарантасов стояли и нетерпеливо ожидали нашего приезда. Едва мужики пронюхали, что комиссар Яковлев платит наличными, да еще новенькими романовскими деньгами... а если быстро промчишь, то даст и чаевые, — этого было достаточно, чтобы мы никогда не получали отказа в лошадях, продуктах, квартирах, в лучших тарантасах»¹.

Верстах в 80—90 от Тобольска Яковлев догнал отряд Бусяцкого. Как пишет Чудинов, его люди будто бы заявили, что тоже направляются за Романовыми, а затем некоторые из них предложили следующий план: «Во время перевозки нами (отрядом Яковлева. — *Авт.*) Романовых их отряд делает фиктивный палет на наш, отбивает Николая или убивает его»². В этом сообщении много непонятного, но оно все же смутно отражает обстановку недоверия и подозрительности вокруг Романовых, которая сложилась в связи с распространявшимися слухами о сосредоточении монархических сил вокруг Тобольска, о предполагаемом бегстве царской семьи и неопределенностью положения в самом городе.

Вообще же возможность таких намерений, о которых в передаче Д. Чудинова говорили люди из отряда Бусяцкого (отбить или убить Николая), исключить нельзя. В красногвардейских отрядах того времени (весна 1918 г.), как уже отмечалось, не было твердой армейской дисциплины, царили анархические настроения. В докладах советских военных специалистов (Н. Подвойского, М. Тухачевского и других) весной

¹ Яковлев В. Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7: С. 153—154.

² Чудинов Д. Особое задание // За власть Советов. Сб. воспоминаний. Уфа, 1961. С. 99.

1918 г. неоднократно говорилось о необходимости покончить с «иррегулярностью отрядов». Тухачевский прямо писал во ВЦИК, что некоторые из них «создают дух бесчинства и развала»¹. В таких отрядах было множество анархистских, босяцких и уголовных элементов, которые под влиянием крикливой ультрареволюционной пропаганды легко могли пойти на любой шаг. Большевики еще не взяли, по выражению Л. Троцкого, «в железо» революционную вольницу, гулявшую по российским городам и весям. Это «железо» было еще впереди. Надо помнить и об экстремистских настроениях уральских рабочих, многие из которых были возмущены сведениями, поступавшими из Тобольска, и требовали суровой кары для Романовых. Г. Зенцов пишет, что во время пребывания отряда Яковлева в Екатеринбурге, когда в Уралсовете обсуждалось положение дел в Тобольске, «слышались выкрики: «Прикончить палача, а не возиться с ним!»²

Каким образом Яковлеву удалось урегулировать отношения с Бусяцким, неизвестно. Сам он об этом не упоминает.

22 апреля небольшой отряд Яковлева подходил к цели своего пути. Стояла отвратительная погода. «Шедший крупчатый снег,— позднее вспоминал Яковлев,— хлестал в лицо, и вся верхняя и даже нижняя одежда промокла у всех насквозь. Колеса тарантасов погружались в глубокую жидкую грязь... Путь был действительно тяжелым, но обещания «на водку» действовали на ямщиков весьма благотворно, и мы быстро продвигались к Тобольску... В полдень переправились через Иртыш, благополучно миновав все опасные полыньи, и попали на грязные улицы Тобольска». Яркая зарисовка. Глушь. Снег пополам с дождем. Непролазная грязь. Вереница утопающих в ней тарантасов с людьми в длинных серых шинелях, с винтовками за плечами и револьверами на поясных ремнях. Они едут за российским царем, сосланным в эту глушь из Северной Пальмиры. Не так ли, не в такую ли непогоду три века тому назад ехало за царем Михаилом Федоровичем Романовым в глухую Кострому московское посольство, чтобы отвезти его в Москву и посадить на Московское царство? Куда и зачем повезут теперь бывшего царя потомки

¹ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 7. Л. 29—29об.

² Зенцов Г. Поездка за Николаем Романовым в Тобольск // Уфимский Октябрьский сборник. 1917—1918. № 2. С. 117.

бывших холопов из богом забытого Тобольска? Стояла глухая таежная тишина. Безжалостно нахлестывали лошадей сибирские ямщики в предвкушении получить «хорошие деньги на водку»...

Мы уже знаем, что обстановка в Тобольске была напряженной. Большая часть отряда особого назначения во главе с полковником Кобылинским решительно противилась передаче Романовых под контроль Тобольского исполкома и под охрану находившихся в городе омских или екатеринбургских красногвардейцев. При этом командование отряда исходило из того, что поскольку охрана бывшего царя поручена отряду центральной властью, то местным властям (Екатеринбургу, Омску или Тобольску) он подчиняться не обязан. Положение усугублялось тем, что между омичами и екатеринбуржцами отношения были весьма натянутыми. Дело однажды дошло даже до ареста Хохрякова, и, как пишет П. Быков, только переговоры по прямому проводу с Уралсоветом, подтвердившим особые полномочия Хохрякова, «спасли последнего от расстрела»¹.

В такой обстановке Яковлев действовал осторожно, но и необходимо было спешить, так как санный путь между Тобольском и Тюменью (откуда уже можно было двинуться поездом) вот-вот мог оказаться совершенно невозможным: распутица усиливалась с каждым днем.

Утром 23 апреля Яковлев явился к начальнику охраны полковнику Кобылинскому и предъявил свои документы, которые предписывали беспрекословно подчиняться всем требованиям чрезвычайного комиссара, выполняющего поручение особой важности. Невыполнение распоряжений грозило расстрелом. Со всей определенностью Кобылинский позднее заявлял, что «о сущности же поручения в документах не говорилось»² и он вначале решил, что Яковлев прибыл вместо бывшего комиссара Панкратова и останется в Тобольске.

Яковлев стремился привлечь симпатии стрелков отряда особого назначения. По его просьбе Кобылинский и исполнявший обязанности председателя отрядного комитета Матвеев собрали членов комитета. Но еще до этого у Яковлева состоялся тяжелый разговор с С. Заславским, начальствующим над уральскими отрядами в Тобольске. Заславский утверждал, что солдаты отряда

---

¹ Быков П. Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921. С. 9.

² Историк и современность. Т. 5. С. 194.

особого назначения все равно не выдадут Романовых и потому придется «силой напасть на охрану, разоружить ее». Иначе может быть поздно: как только тронутся реки, «будет совершена попытка похитить Романовых», — утверждал Заславский. Однако Яковлев, поддержанный председателем Тобольского Совета П. Хохряковым, решительно отклонил эти предложения. На собрании членов отрядного комитета он заявил, что по распоряжению Москвы «должен всю семью Романовых перевезти на Урал», что все тобольские отряды, в том числе и отряд особого назначения, обязаны подчиняться только ему, что по указанию центрального правительства он, Яковлев, выплатит солдатам и офицерам охраны все причитающееся, но давно задерживаемое жалованье. Большинство членов комитета остались довольны этой встречей.

На следующий день состоялось собрание стрелков отряда. На него Яковлев пригласил Заславского и представителя омских красногвардейцев Дегтярева, чтобы подчеркнуть их подчиненность. «Я пристально вглядывался в лица солдат, — вспоминает Яковлев. — Очевидно, Керенский произвел специальный подбор этих статных, сильных красавцев. Большинство с открытыми, чистыми русскими лицами, приветливо, но и тревожно посматривали в нашу сторону». Разговорились не сразу. Стрелки явно не одобряли Заславского, утверждая, что уральцы под его руководством будто бы собираются напасть на губернаторский дом и силой захватить Романовых. Заславский в свою очередь твердил о готовящемся выступлении монархистов для освобождения Романовых и твердо заявил, что он этого ни при каких обстоятельствах не допустит.

Справедливо считая, что поддержка стрелков охраны для него важнее всего (именно они должны были передать ему Романовых), и учитывая недоверие к нему уральцев, Яковлев принял сторону стрелков. Отношения между ним и представителями Екатеринбурга явно портились.

23 апреля Яковлев «со свитой» явился в губернаторский дом. В тот же день Александра Федоровна писала Вырубовой: «Новый комиссар из Москвы приехал, какой-то Яковлев. Ваши друзья сегодня с ним познакомятся... Вашим все говорят, что придется путешествовать или вдали, или в центр. Но это грустно и нежелательно и более чем неприятно в такое время». И в самом

конце письма — приписка: «Видели нового комиссара — неплохое лицо»¹. Николай II записал в дневник: «В 10¹/₂ часа утра явились Кобылинский с Яковлевым и его свитой... Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, спросил, доволен ли я охраной и помещением... Через полчаса он снова явился, чтобы представиться Аликс, опять поспешил к Алексею и ушел вниз»². Сходная запись имеется и в дневнике П. Жильяра. Он обратил внимание на то, что Яковлев был обеспокоен болезнью Алексея, который лежал в постели, и, когда вторично посетил его, привел с собою Авдеева, чтобы тот мог убедиться в болезни младшего Романова³.

25 апреля Яковлев еще раз побывал в губернаторском доме. Николай записал в дневнике: «После завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря куда»⁴. Похожую запись находим и в неопубликованном дневнике Александры Федоровны: «12(25) апреля, четверг. После ленча пришел комиссар Яковлев... Он объявил приказ своего правительства (большевики), что он должен увезти нас (куда?)»⁵. На вопрос Николая, куда его собираются перевезти, Яковлев будто бы ответил, что сам пока этого не знает и что распоряжение о новом местопребывании бывшего императора и его семьи получит в пути.

Несмотря на уклончивость этих ответов, у Романовых и некоторых из их приближенных возникло предположение, что цель Яковлева, скорее всего, — Москва. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Александры Федоровны, Николая и других. Скорее всего, первым такую мысль подал полковник Кобылинский. Произошло это после посещения Яковлевым Романовых, когда выяснилось, что Алексей из-за болезни не сможет выехать из Тобольска. Яковлев, как свидетельствуют Авдеев и другие, на какое-то мгновение заколебался.

Действительно, это было непредвиденное обстоятельство, и без совета с Москвой Яковлев поступать не

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 348—349.

² Дневник Николая Романова // Красный архив. 1928. № 2 (27). С. 124.

³ Жильяр П. Император Николай II и его семья. С. 199—200.

⁴ Дневник Николая Романова // Красный архив. 1928. № 2 (27). С. 125.

⁵ ЦГАОР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332.

решался. «Вызвать Свердлова,— вспоминал он,— мне не удалось, к аппарату подошел Теодорович (бывший нарком по делам продовольствия.— *Авт.*). Я просил его передать Свердлову, что сын Николая Романова Алексей совершенно болен и везти его по распутице очень неудобно из-за возможных частых остановок для оказания ему медицинской помощи. Прошу разрешения вывезти сперва Николая и Александру Романовых, а за остальными вернуться, как только возобновится паромное сообщение. Попутно я просил дать распоряжение... чтобы мне не оказывали на местах противодействия... На другой день меня вызвал Кремль. У аппарата был Теодорович и сообщил следующее: «Говорит Теодорович по поручению Свердлова... Вывозите главную часть. Невскому и Курскому дадим соответствующие распоряжения»¹.

И Яковлев принял решение немедленно уехать из Тобольска с одним Николаем, о чем и сообщил Кобылинскому, добавив, что через определенное время вернется за остальными. По расчетам Кобылинского, указанный Яковлевым срок требовался как раз для поездки в Москву и обратно, и он немедленно поделился своими соображениями с Николаем и Александрой Федоровной. Оба предположили, что новая власть вывозит их в Москву для каких-то политических целей, связанных с уже заключенным Брестским миром. «Я чувствую,— говорила Александра Федоровна П. Жильяру,— что они хотят заставить подписать мир в Москве. Немцы требуют этого, зная, что только мир, подписанный царем, может иметь силу и ценность в России». Она опасалась, что, оставшись один, без ее поддержки, Николай II, как в марте 1917 г. в Пскове, проявит слабость и уступит давлению.

Конечно, это было странное предположение. Однако после заключения Брестского мира некоторые антибольшевистски настроенные круги в стране были твердо убеждены, что большевики — немецкие агенты — вот-вот обанкротятся окончательно и уступят власть своим «хозяевам», которые посадят на престол царя-германофила. Экзальтированная Александра Федоровна, очевидно, тоже допускала такую возможность и, чтобы предотвратить это, пожелала ехать с мужем. Решено было также, что с отцом и матерью отправятся одна

---

¹ Яковлев В. Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7. С. 159—160.

из дочерей — Мария, а также доктор Боткин, Долгоруков, камердинер Чемадуров, горничная Демидова лакей П. Седнев.

Догадками, что их, очевидно, повезут в Москву, Романовы поделились не только со свитой, но даже с некоторыми из прислуги; узнали о них и в отряде собого назначения. Тревожные слухи дошли, конечно, до уральцев, еще более усилив их подозрительность и недоверчивость. Для обсуждения создавшегося положения и необходимых мер они собрались на отдельное совещание. Наиболее резко против Яковлева выступил Заславский. Он требовал, чтобы после отъезда Яковлева из Тобольска уральцы неотступно следовали за ним, не выпуская из-под своего наблюдения. Предложил также организовать засаду на пути к Тюмени (у села Яково), которая в случае необходимости могла бы остановить отряд Яковлева с Романовыми. Кроме того он настаивал, чтобы представители Екатеринбурга постоянно находились рядом с Яковлевым.

Сведения об этом совещании дошли до Яковлева. Вызвав Авдеева, он потребовал рассказать ему всем, что там говорилось, и сообщил, что «уже о нем приказ об аресте Заславского и его друзей». Приказ этот, однако, не был выполнен: Авдеев дал знать о Хохрякову и самому Заславскому.

Поздно вечером 25 апреля, когда в губернаторском доме уже все было готово к отъезду, Яковлев сказал стрелкам охраны, что должен увезти бывшего царя. Часть солдат потребовала, чтобы их допустили в сопровождающий конвой, но Яковлев согласился принять лишь нескольких представителей. К 4 часам утра 26 апреля все обитатели дома были на ногах. Яковлев вспоминал: «Дочери Романовых и весь их придворный вышли на крыльцо. Николай Романов как-то растерянно переходил от одного к другому и какими-то судорожными движениями крестил своих дочерей. Его падшая жена сдерживала слезы дочерей. Каждый ее и с каждое слово говорили о том, что не надо показывать своей слабости перед «красным врагом»¹. Печальная картина. Впервые после ухода от власти семья вынуждена была разделиться.

В 4 часа утра «поезд», состоявший из 19 пар запряженных кошевок под охраной кавалерист

Яковлев В Последний рейс Романовых // Урал, 1988. С. 161.

Г. Зенцова и вооруженных пулеметами пехотинцев поину Тобол с . В официальном сообщении «Известий Тобольского Со раоочнх, солдатских и крестьянских путатов» говорилось: «В ночь с 25-го а 26-е из Дома ободы (так по л революции назывался губернарк " дом.— Авт.) был увезен к миссаром тов. Яковл м бь шп" царь Николай Романов, с ним пожелала лат бывшая царица и дочь Мария, а также добро ольн по ледовавш е за ними в ссылку гражда е Татищев Долгоруков¹. Отъезд был обставлен хорошо, и все ошлось б з л шнего шума. Комиссар ов. Яковл в т самые широкие полномочия из Москвы от Со нар-а»².

От Тобольска до Тюмечт, где находилась железнодорож а станция, отряду предстояло пройт около 1 километров. Дорога была тяжелая: весна шла уже широким фронтом, приходилось и реезжать Тоб л по у, в некоторых местах зал тому одой. Бросали доски и н м гуськом перебирал ись на другую сторону.

Яковлев торопился, спешил скорее достигнуть Тюмечни. Он явно опасался возможных осложнений не только от уральце , но и от тех, кто, по имевшимся агентурным данным, мог по п итаться похитить Романовых. Примечательна запись, которую сделала Александра Федоровна в дневнике 27 апреля: «В селе Борили шли чай... в крестьянском доме. Покинув деревню, рт встретили на дороге Седова!»³ Это имя нам уже известно. Напомним, что Седов — тот самый офицер, который по поручению Маркова 2-го еще осенью 1917 г. ехал в Тобольск для разведки и связи с царской мье" и который установил контакты с Борисом Соловьевым, а затем с приехавшим Тобольск по поручению Вырубовой Сергеем Марковым. Случайной ли была эта встреча на глухом сибирском тракте? И следовательно Н. Соколов, и многие эмигрантские авторы троили много предположений, намекая на возможную язь Седова и Соловьева с... Яковлевым, но это всего . шь домыслы⁴.

¹ Сообщение об отъезде Татищева было ошибочным.

² Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. С. 162.

³ ЦГАОР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332.

⁴ Основанием для домыслов стал и факт ареста Соловьева в Тюмени во время пребывания Яковлева в Тобольске. Но арест т был связан с какими-то коммерческими делами Соловьева. Ничего более за этим не стояло

Отметим, впрочем, что сразу же после отъезда Яковлева из Тобольска там был арестован епископ Гермоген, который как мы уже знаем действительно был связан с Б. Соловьевым. «Известия Тобольского Совета» по этому поводу сообщали: «Чрезвычайный комиссар Совета Народных Комиссаров В. В. Яковлев предложил исполнительному комитету выяснить причастность епископа Гермогена к политическому движению против Советской власти путем осмотра его бумаг и переписки»¹. В ночь с 26-го на 27-е у Гермогена был произведен обыск, а на другой день его арестовали и увезли из Тобольска.

Но, конечно, Яковлева больше беспокоило другое. Не доверявшие ему уральцы, по существу, взяли его в окружение. Впереди, выйдя из Тобольска несколько раньше, двигался отряд Заславского, позади — другой отряд уральцев под командованием Бусяцкого. Конфликт чуть было не произошел у села Ивлево, когда у уральцев, кажется, уверовавших в «ненадежность» Яковлева, появилась мысль отбить у него Романовых. Конфликт по-видимому, назревал, так как Яковлев арестовал одного из людей Бусяцкого; вскоре, правда, выпустил его. Обе стороны старались все-таки избежать открытого столкновения... Тем не менее здесь, в Ивлеве, Яковлев произвел некоторую перестановку в командном составе. Командиром сводного отряда он назначил П. Гузакова, догнавшего их как раз в Ивлеве. Чудинов стал его заместителем.

От Ивлева до Тюмени — та же непролазная грязь. Постоянно меняли лошадей. Верст за 30 до Тюмени встретили вооруженных красногвардейцев во главе с председателем Тюменского Совета А. Немцовым и наконец часов в восемь вечера 27 апреля прибыли на железнодорожную станцию Тюмень. Состав уже стоял, и всех быстро перевели в приготовленный вагон.

Гузаков остался с отрядом на станции, а Яковлев, как он пишет, пошел на телеграф для переговоров со Свердловым. Из сохранившейся ленты телеграммы, переданной им в Москву, видно, что столкновения с уральцами уже навели его на мысль изменить маршрут. Возможно, впрочем, что до того дошли какие-то слухи о новом решении Москвы или даже была откуда какая-

---

¹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. С. 169.

то неизвестная нам телеграмма. Яковлев запрашивал: «Маршрут остается старый (то есть Екатеринбург. — Авт.) или ты его изменил? Сообщи немедленно Тюмень. Еду по старому маршруту. Ответ необходим немедленно»¹. Текст этой телеграммы дает основание предположить, что еще при назначении Яковлева чрезвычайным комиссаром в Москве не исключалась перемена маршрута в случае возникновения осложнений в пути. Из этого же текста, с другой стороны, видна готовность Яковлева выполнять «екатеринбургскую директиву» центра и изменять ее только по его указанию. Из Москвы последовал ответ: «Маршрут — старый. Сообщи, груз везешь или нет. Свердлов»².

К сожалению, всеми телеграммами, которыми обменивался Яковлев со Свердловым, мы не располагаем. Некоторые, вероятно, утрачены или уничтожены. Однако воспоминания Яковлева, кажется, дают следующее звено в ускользающей цепи событий. Он писал, что после разговора со Свердловым связался с Екатеринбургом, но смог лишь передать туда просьбу об «обуздании екатеринбургских отрядов». Ни председателя Уралоблсовета А. Белобородова, ни военного комиссара Ф. Голощекина у аппарата не было: они в это время вели переговоры с Москвой. О чем — мы не знаем. «На телеграфе я пробыл около пяти часов, — пишет далее Яковлев, — пока определенно не сговорился со Свердловым, который дал мне инструкцию немедленно ехать в Омск»³. К сожалению, телеграммы с этой инструкцией тоже нет.

Действительно ли Свердлов разрешил изменить маршрут? Не исключено, что во время пятичасового пребывания на телеграфе, ожидания ответов Свердлова, переговаривавшегося и с Тюменью, и с Екатеринбургом, Яковлев получал какие-то новые сведения о замыслах уральцев против него, в том числе и о том, что у железнодорожного моста в районе станции Поклевская якобы готовится взрыв его поезда. Если Яковлев сообщил все это в Москву, то разрешение Свердлова на перемену маршрута (движение на Омск) представляется вполне возможным. А содержание дальнейших переговоров подтверждает это предположение...

¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 54.

² Там же.

³ Яковлев В. Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7. С. 162.

Яковлев, по его словам, немедленно вернулся станцию, вызвал начальника и под условием строжащей конспирации заявил ему, что меняет направление вместо Екатеринбурга двинет поезд в сторону Омска. Однако для дезориентации поезд вначале должен пойти на Екатеринбург, затем на второй от Тюмени станции прицепить другой паровоз и «с потушенными огнями» повернуть на Омск. Все было выполнено с максимальной точностью. По новому маршруту поезд пошел почти без остановок.

О том, что произошло дальше, свидетельствует следующая телеграмма, посланная вечером 28 апреля из Екатеринбурга в Москву Ленину и Свердлову. «Ваш комиссар Яковлев привез Романова в Тюмень, посадил его в поезд, направился в Екатеринбург. Отъехав один вагон, изменил направление. Поехал обратно. Теперь поезд с Николаем находится около Омска. С какой целью это сделано — нам неизвестно. Мы считаем такой поступок изменническим. Согласно вашего письма 9 апреля Николай должен быть в Екатеринбурге. Что это значит? Согласно принятому общепартийному и общесоюзному решению, сейчас отдано распоряжение задержать Яковлева и поезд во что бы то стало, арестовать и доставить вместе с Николаем в Екатеринбург. Ждем у аппарата ответ. Белобородов, Соколов» Сообщив о происшедшем в Москву и не дожидаясь ее окончательного решения, уральцы двинули в Тюмень Яковлеву специальный поезд.

Одновременно в Омск и другие железнодорожные пункты пошла телеграмма: «28 апреля омской дорожкой отправился экстренный поезд под начальством комиссара Яковлева, конвоирующего бывшего царя Николая Романова. Комиссар Яковлев имел поручение всесоюзного Совнаркома доставить бывшего царя из Тюмени в Екатеринбург, сдать его в распоряжение областного Совета РКС депутатов Урала согласно постановлению ЦИК Свердлову 9 апреля. Без приказа центра бывший царь не должен был никуда уезжать в другое место, мы таких указаний не получали. Увезя Романова из Тюмени, комиссар Яковлев поезд из Тюмени направил в Екатеринбург, на ближайшем разъезде изменил направление, направил поезд противоположное направление, на восток, к Омску. Областной Совет р., к. и с. депутатов, обсудив поведение комиссара Яковлева единогласным решением видит

нем прямую измену революции, стремление с неизвестной целью вывезти бывшего царя вне пределов революционного Урала вопреки точному письменному указанию председателя ЦК К. Это является актом, ставящим комиссара Яковлева вне рядов революционеров. Областной Совет предлагает всем советским революционным организациям, в особенности Омскому Совету, принять самые решительные, экстренные меры, включить в их применение вооруженной силы, для останкиица бывшего царя. Комиссар Яковлев имеет с своим вооружением вооруженную силу до 100 чел. приблизите к Омску. Комиссар Яковлев должен быть арестован вместе с теми лицами его отряда, которые будут сопровождать его. Весь конвой должен быть заменен новыми, вполне надежными людьми; арестованные вместе с Николаем Романовым должны быть доставлены в Екатеринбург, сданы Облсовету. Предлагаем не обращать внимания на разные документы, которые будет предъявлять Яковлев, на них не входить, ибо все его предыдущие шаги бесспорно свидетельствуют о преступном замысле, осуществляемом Яковлевым по поручению других лиц. Областные комитеты партий коммунистов — большевиков, левых эсеров и максималистов считают выполнение постановления Облсовета обязательным для членов этих партий. О принятых мерах так же о последствиях просим немедленно телеграфировать Екатеринбург, Облсовет. Председатель Уральского совета р., кр., солд. депутатов Александр Белоборов»¹.

А. Авдеев вспоминал: «С этой телеграммой Яковлев в сильно возбужденном состоянии вбежал ко мне и стал кричать, что все там с ума сошли» По словам Авдеева, Яковлев стал уверять, что «увоз царя по направлению к Омску означал только лишь гарантию полного выполнения возложенной на него директивы. Он хотел его (Николая.— Авт.) вначале увезти на Южный Урал, а затем уже сговориться с центром»².

Между тем поезд приближался к Омску. Получив сведения, что на станции Куломзино, откуда открывался путь на Челябинск, поезд с Романовыми будет остановлен омскими красногвардейцами, Яковлев на станции

¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 18; Ф. 601. Оп. 2. Д. 35. Ч. 5.

Авдеев А. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 196.

Люблинская отцепил паровоз и сам поехал на нем в Омск. На станции, оцепленной красногвардейцами, его встретил председатель Омского Совета В. Косарев — знакомый еще по школе на Капри. Он рассказал Яковлеву о телеграмме уральцев, объявившей его «вне рядов революционеров», и о том, что он заподозрен в каких-то замыслах, неизвестных Москве. На автомобиле отправились на телеграф. Долго не было связи с Москвой. Наконец к аппарату подошел Свердлов. Яковлев начал передавать. Текст его довольно длинной телеграммы настолько важен, что его следует привести полностью.

Яковлев сообщал: «Несомненно, я подчиняюсь всем приказаниям центра. Я отвезу багаж туда, куда скажете. Но считаю своим долгом еще раз предупредить Совет Народных Комиссаров, что опасность вполне основательная, которую могут подтвердить как Тюмень, так и Омск. Еще одно соображение: если вы отправите багаж в Симский округ (Уфимской губернии.— *Авт.*), то вы всегда и свободно можете его увезти в Москву или куда хотите. Если же багаж будет отвезен по первому маршруту (Екатеринбург.— *Авт.*), то сомневаюсь, удастся ли вам его оттуда вытащить. В этом ни я, ни Гузиков, ни екатеринбуржец Авдеев — никто из нас не сомневается; так же как не сомневаемся в том, что багаж всегда в полной опасности. Итак, мы предупреждаем вас последний раз и снимаем с себя всякую моральную ответственность за будущие последствия. Еду по первому маршруту. Сейчас же выезжаем. Напоминаю, что при переговорах по аппаратам все время недоразумения. Подбельский (нарком почт и телеграфов.— *Авт.*), кажется, запретил переговоры, а они для меня, как видите, очень существенны. Передай также Невскому (нарком путей сообщения.— *Авт.*), чтобы он строгой телеграммой дал наказ всем железнодорожным начальникам не давать по телеграфу никаких других сведений, кроме тех, чтобы наш поезд шел без остановки и останавливался только для технических исправлений. Итак, еду по первому маршруту. Багаж сдам. Поеду за другой частью. Прощай. Будь здоров. Яковлев, Гузиков»¹.

Текст этой телеграммы подтверждает предположение, что главная задача Яковлева как чрезвычайного комиссара ВЦИК заключалась в доставке Романовых в

---

¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 16—17.

«надежное место», надежное с точки зрения их недостижимости для антисоветских сил. Таким местом еще в начале апреля признавался Екатеринбург. Однако не исключалось, что если бы какие-то обстоятельства осложнили и затруднили «екатеринбургский вариант», то Яковлев (как это вытекает из его переговоров со Свердловым) мог по согласованию с центром искать и иные пути для выполнения своей главной задачи. Но к моменту получения «омской телеграммы» Яковлева Свердлов уже располагал и «екатеринбургской» информацией.

Представители Уральского облсовета еще раз связались по прямому проводу с Москвой и вновь сообщили следующее: «Вашим комиссаром Яковлевым Николаем Романов был привезен из Тобольска в Тюмень сегодня утром (ошибочная датировка.— Авт.). Яковлев направил поезд в Екатеринбург, но с первого разъезда повернул его обратно и повел на Омск. Письмом 9 апреля т. Свердлов заявил, что Романов будет привезен в Екатеринбург, сдан под ответственность областного Совета. Видя, что сегодня поезд с Урала ускользает по неизвестным нам причинам явно вопреки распоряжению Свердлова, мы отдали распоряжение Омску и всей Сибирской магистрали поезд задержать, Яковлева арестовать и вместе с Николаем доставить в Екатеринбург. Об этом одновременно сообщили Свердлову. Его ответ нас чрезвычайно удивил и возмутил. Оказывается, что Яковлев гонит поезд на восток согласно его распоряжений и он просит Яковлеву не чинить препятствий. На основании первоначального письма Свердлова мы должны были быть поставлены в известность об изменении намерений Совнаркома относительно Романова, но этого сделано не было. Распоряжение Свердлова было отдано сегодня в 4 часа утра, и за это время можно было поставить нас в известность. Около 3 часов тому назад мы передали Свердлову записку (телеграмму.— Авт.), где указывали на единственный выход из создавшегося положения — отдать в Омск, в адрес Яковлева распоряжение направить поезд Николая обратно в Екатеринбург. В противном случае конфликт может принять острые формы, ибо мы считаем, что гулять Николаю по сибирским дорогам не нужно, а он должен находиться в Екатеринбурге под строгим надзором»¹.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 74. Л. 1—2.

В другой телеграмме руководство Уралоблсовета не без раздраженной иронии запрашивало: «Разрешите вас спросить, из каких высоких соображений поезд с Николаем Романовым проделывает неожиданные эволюции, заставляющие нас, несмотря на все наше доверие центральной власти, усомниться в безопасности Романова... Яковлев своими донесениями вам, очевидно, не сообщал истинного положения дел и во взаимоотношении с уральскими отрядами и нашими представителями. В этом заключается причина происшедшего конфликта. Необходимо в этом направлении условиться о взаимоотношениях Яковлева с вами и облсоветом... Необходимо знать определенно: какие распоряжения дадите Яковлеву?»¹

Судя по содержанию дальнейших телеграмм Уралоблсовета (ответов ему, к сожалению, мы не обнаружили), Москва отвечала не очень определенно, и Екатеринбург продолжал категорически настаивать на своем. «Только при полном подчинении Яковлева областному Совету и ведении всего дела через облсовет можно довести предприятие до успешного конца. Иначе дезорганизация будет все увеличиваться. Давайте прямой и ясный ответ». Дальше тон уральцев становился еще более решительным и напористым: «Мы считаем недопустимым принятый вами способ объяснений. Яковлев делает колоссальную глупость, с вашего разрешения угнавши в Омск груз. Он должен доставить его нам, в Екатеринбург, в чем мы должны получить полную гарантию от вас. В случае вашего благоприятного ответа утром вышлем отряд навстречу поезду»².

Свердлов отдал распоряжение о возвращении поезда Яковлева в Екатеринбург, но, как это следует из ответа уральцев, потребовал гарантий, что Романовы будут доставлены туда живыми и невредимыми. «При условии, если все дело будет вестись через областной Совет, даем зависящие от нас гарантии», — заверяли уральцы³. Только после этого Свердлов сообщил уральцам текст своего распоряжения Яковлеву: «Немедленно двигаться в Тюмень. С уральцами договорились — приняли меры, дали гарантии, передай груз в Тюмени представителю Областка Уральского. Так необходимо. Поезжай сам вместе. Оказывай полное содействие пред-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 74. Л. 3—5.

² Там же. Л. 6.

³ Цит. по: *Городецкий Е., Шаранов Ю.* Свердлов. С. 312.

ставителю. Задача прежняя». «Я полагаю,— сообщал Свердлов членам исполкома Уралсовета,— что при этих условиях вы можете взять на себя всю ответственность. Что скажете?» Из Екатеринбурга последовал ответ: «Согласны»¹.

Процитированные телеграммы дают основание считать, что донесения Яковлева не вызывали у Свердлова каких-либо подозрений в «измене» и что действия уральцев не казались ему однозначно правильными. В противном случае становится непонятным его требование к уральцам о гарантиях. Но эти телеграммы помогают не только выяснить суть конфликта между Яковлевым и уральцами или даже осветить всю историю последнего рейса Романовых. Нельзя не обратить внимания на фразу из телеграммы исполкома Уралоблсовета, которую, на наш взгляд, следует считать ключевой: настаивая на доставке бывшего царя в Екатеринбург, уральские руководители особо подчеркивали, что с согласия Москвы они берут это под свою *ответственность*. К тому же содержание и, что не менее существенно, сам тон екатеринбургских телеграмм еще раз довольно убедительно подтверждают: отношения Уралоблсовета и центра отнюдь не были такими однолинейными, как нам это может представляться сегодня. Уральцы, кажется, демонстрировали свою «самостийность», во всяком случае, отнюдь не выражали готовность держать «руки по швам». Все это нельзя не учитывать, размышляя о том, что произошло в Екатеринбурге и в дальнейшем...

Получив указание Свердлова и гарантии уральцев, Яковлев из Омска вернулся на станцию Люблинская, где стоял его поезд. Двинулись назад к Тюмени; там уже находился отряд Бусяцкого. После прохождения поезда Яковлева он немедленно погрузился в другой состав и двинулся вслед.

Николай II знал, что на Урале отношение к нему было очень плохим. В воспоминаниях П. Матвеева, сопровождавшего бывшего царя в составе яковлевского отряда как один из представителей отряда особого назначения, есть такой эпизод. Когда поезд стал замедлять ход перед Екатеринбургом, бывший царь спросил:

---

¹ Цит. по: *Рощевский П.* Победа Советской власти и ликвидация монархического заговора в Тобольске // Материалы научной конференции, посвящ. 100-летию Тобольского историко-архитектур. заповедника. Свердловск, 1975. С. 154,

«Петр Матвеевич, что, вопрос определенно решен, что я останусь в Екатеринбурге?» Когда Матвеев ответил утвердительно, Николай сказал: «Я бы поехал куда угодно, только не на Урал». Он говорил, что по газетам знает, что Урал «настроен резко против него»¹.

Дальше рассказывает Яковлев: «30 апреля утром без всяких приключений мы прибыли в Екатеринбург. Несмотря на раннее наше прибытие, екатеринбургские платформы были запружены народом. Как это вышло, что население узнало о нашем предстоящем приезде, мы не знали. Особенно большие толпы любопытных были сосредоточены на товарных платформах, куда пододвинули и наш состав. Поезд стоял на пятой линии от платформы. Когда нас увидели, стали требовать вывести Николая и показать им. В воздухе стоял шум, то и дело раздавались угрожающие крики: «Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!» Стоявшая на платформе охрана весьма слабо сдерживала натиск народа, и беспорядочные толпы начали надвигаться на мой состав. Я быстро выставил свой отряд вокруг поезда и для острастки приготовил пулеметы. К великому моему удивлению, я увидел, что во главе толпы каким-то образом очутился сам вокзальный комиссар. Он еще издали громко закричал мне: «Яковлев! Выведи Романовых из вагона! Дай я ему в рожу плюну!» Положение становилось чрезвычайно опасным»².

Вид пулеметов, однако, охладил пыл толпы, и станционное начальство по приказу Яковлева и Чудинова успело поставить между платформой и составом товарняк, а затем отвезти поезд с Романовыми на станцию Екатеринбург-2. Примерно через полчаса сюда прибыли председатель исполкома Уралоблсовета А. Белобородов, его заместитель Б. Дидковский и военный комиссар Ф. Голощекин. Николай, его жена и дочь были доставлены в Екатеринбург и сданы под расписку исполкому Уралсовета, о чем свидетельствует телеграмма Ленину и Свердлову, подписанная председателем Уралоблсовета Белобородовым. Вот текст телеграммы:

«30 апреля в 11 ч. я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царницу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены в особняк, охраняемый караулом. Ваши

¹ См.: Уральский рабочий. 1990. 16 сентября.

² Яковлев В. Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7. С. 163.

запросы, разъяснения телеграфируйте мне»¹. В тот же день Ромаповы были помещены в доме инженера Ипатьева, получившем позднее название дома особого назначения. Здесь снова стала сгущаться толпа, но после грозного окрика Голощекина: «Чрезвычайка, куда вы смотрите?!» — быстро рассеялась.

Вечером 30 апреля Яковлев отчитывался перед исполкомом Уральского областного Совета. По словам Авдеева, он «старался себя оправдать и всю вину свалить на партизанские действия уральцев... говорил, что у него не было другого намерения, кроме как сохранить бывшего царя по директиве ВЦИК»². В подтверждение Яковлев представил исполкому ленты своих телеграфных разговоров с Москвой. Присутствовавший на этом заседании член коллегии ЧК Уралоблсовета и будущий комендант дома особого назначения Я. Юровский вспоминал впоследствии (в 1934 г.), что, оправдываясь, Яковлев давал искаженную характеристику поведения командиров уральских отрядов в Тобольске и на пути в Тюмень. Между тем они, по уверениям Юровского, во-первых, не доверяли Яковлеву, а во-вторых, главное, боялись «каких-либо случайных нападений с целью отбить Николая». Во время обсуждения, вспоминал далее Юровский, «досталось и Голощекину». Особенно нападали на него члены Уралоблсовета Сафаров и Войков. Они даже высказывали подозрение в том, что он мог быть «заодно с Яковлевым» и содействовал ему в стремлении увезти бывшего царя «в центр». Его называли «верноподданным Москвы», упрекали в том, что он готов был идти против своей уральской организации. В этом, как говорил Юровский, проявлялось отношение людей, «настроенных сепаратистско-местнически» к «государственному центровику». (Важное замечание для понимания роли Голощекина в последующих трагических событиях.)

1 мая на имя Белобородова, Голощекина и других членов исполкома Уралоблсовета поступила телеграмма из Москвы: «Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 часа утра

¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 21.

² Авдеев А. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь. 1928. № 5. С. 199.

указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов»¹. Из Екатеринбурга Свердлову протелеграфировали, что, хотя у них с Яковлевым «произошли довольно крупные объяснения», уральцы «резолуцией его реабилитировали», признав «наличность излишней нервозности» и «необоснованных страхов». «Он теперь на Ашabalашовском заводе. Сегодня ему телеграфируем выезд окончательно за выполнением задачи»². 3 мая Белобородов получил из Москвы телеграмму: «Предлагаю содержать Николая самым строгим порядком. Яковлеву поручается перевозка остальных. Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караул. Сообщите подробности условий нового содержания»³.

Читая все эти телеграммы, летевшие между Тюменью, Екатеринбург, Омском и Москвой на исходе апреля 1918 г., невозможно отделаться от мысли о каком-то умственном затмении многих из тех, кто их передавал. Недоверие, подозрительность, озлобление и поиск врага, поиск повсюду, даже среди своих. Яковлев был, пожалуй, абсолютно прав, когда, узнав о том, что Екатеринбург объявил его «вне рядов революции», в негодовании закричал: «Они все там с ума сошли!»

Яковлев, как предполагалось, уже не вернулся в Тобольск, выехал в Москву. Вероятно, это был компромисс между Москвой и Екатеринбург.

В двадцатых числах мая переезд трех дочерей бывшего царя, сына Алексея и части их окружения из Тобольска в Екатеринбург осуществил председатель исполкома Тобольского Совета, бывший матрос с бронепосца «Заря свободы» Павел Хохряков. Из Тобольска Кобылинский и Матвеев телеграфировали в Москву Ленину и Свердлову: «Оставшиеся члены семьи Романова переданы уполномоченному Хохрякову. Наш отряд заменен уральцами».

16 мая «Известия» поместили интервью своего корреспондента с Яковлевым. Оно не лишено интереса. Яковлев сообщал, что отношение красногвардейцев к Романовым «их сильно озадачило». «По-видимому, они опасались вначале грубостей, насилий и оскорблений с

¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 22—23.

² Там же. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 5. Л. 176.

³ Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 24; Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36, Л. 108.

нашей стороны. Но весь отряд держался по отношению к Романовым вполне корректно, не позволил ни одного невежливого или оскорбительного слова...

Из Тюмени мы отправились поездом. Здесь охрана была уже увеличена до 160 человек. Путь от Тюмени до Екатеринбурга был совершен без каких-либо инцидентов». И ни слова о той драме, которая разыгралась между Тюменью, Омском и Екатеринбургом...

Пора прощаться с Яковлевым. Больше пути его не пересекутся с царской семьей. Ей останется жить два с половиной месяца, жизнь Яковлева продлится еще 20 лет и будет наполнена не менее драматическими событиями, чем в дореволюционное время и в революционных 1917-м и 1918-м. И хотя это уведет нас в сторону, все же стоит хотя бы вкратце рассказать о дальнейшей судьбе этого необычного человека. Он прошел через всю историю нашей несчастной революции, а она прошла сквозь него, оставив в душе горечь разбитых надежд. Как писал Л. Троцкий, «революция — великая пожирательница людей и характеров». В конце концов она «пожрала» и Яковлева, и потому его жизнь и смерть — это не скорбный ли путь революции?

Вскоре после возвращения из Екатеринбурга в Москву Яковлев (в середине мая 1918 г.) был назначен главнокомандующим Урало-Оренбургским фронтом, действовавшим против войск атамана Дутова (его помощником стал Гузаков). Мандат был подписан Троцким. В Самару поезд Яковлева со штабом прибыл 17 мая, и в тот же день здесь вспыхнул мятеж матросов-анархистов. Вытребовав отряды из Уфы и других городов, Яковлев подавил мятеж. Однако ситуация была запутанной: вторым фактическим главкомом отрядов этого фронта был В. Блюхер, который руководил ими еще в период зимней кампании против дутовского мятежа. Повторялась история с назначением Яковлева уральским военным комиссаром. Уральцы (военком Урала С. Анучин и председатель исполкома Уралоблсовета А. Белобородов) настаивали на отзыве Яковлева. Его «мелкосамовлюбленное поведение» и «пачальственный тон», телеграфировали они в Москву, не позволяя найти с ним общий язык и возможность совместной работы¹. Но фактически Яковлев так и не успел

---

¹ См.: ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 44—45.

вступить в права главкома, хотя донесения его шли в центр еще и в июне 1918 г.

В мае в Поволжье, на Южном Урале и в Сибири вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса. Растянувшись в эшелонах чуть ли не по всей Транссибирской магистрали, он должен был через Владивосток эвакуироваться на Западный фронт. В середине мая на станции в Пензе произошел инцидент между чехословацкими солдатами и германскими военнопленными. Из их эшелона кто-то бросил камень в эшелон чехов. Тот, кто видит в истории цепь случайностей, вправе сказать, что этот камень и послужил началом полномасштабной гражданской войны. Чехословацкие legionеры высыпали из вагонов, началось вооруженное столкновение. Попытка местного Совета восстановить положение не удалась.

Москва, возможно, допустила промах: не учитывая, что большевики в провинции не имеют сколько-нибудь серьезных сил, самонадеянно отдала приказ о немедленном разоружении чехословаков, лишь укрепляя у них подозрение в том, что большевики действуют по указке немцев. Чехословацкий мятеж был тут же поддержан подпольными антибольшевистскими организациями. Советская власть на востоке страны стала рассыпаться, как карточный домик. В середине июня Москва начала создавать Восточный фронт в составе четырех армий во главе с М. Муравьевым. Командиром одной из армий — 2-й, действовавшей в районе Уфы и Оренбурга, был назначен Яковлев. Но июнь — август принесли крупные неудачи войскам фронта, вызванные, в частности, и организационной неразберихой. Главком Муравьев, прибыв на фронт, произвел перестановку командования: командующим 2-й армией назначил бывшего полковника Ф. Махина, который был внедрен в Красную Армию эсеровским руководством¹. Яковлева отозвали в штаб фронта. А затем началась полоса тяжелейших поражений и провалов. Сдав Уфу, перешел на сторону образовавшегося в Самаре Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) Махин². На его место был назначен другой командующий — А. Харченко; поли-

---

¹ См: ЦГАОР. Коллекция (Зензинов В. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 г. Воспоминания).

² Впоследствии Махин, живя в Югославии, стал коммунистом, сражался в рядах партизан против немцев, стал генералом югославской армии.

тическим комиссаром при нем стал Яковлев. По вскоре изменил и Харченко (его дальнейшая судьба нам неизвестна). А 10 июля поднял мятеж сам главком М. Муравьев. Он был объявлен изменником революции и погиб при попытке оказать сопротивление в момент ареста. Авантюра Муравьева была ликвидирована, но она, конечно, усугубила тяжелое положение фронта...

Неудачи, поражения, измены, свержение Советской власти на огромной территории от Волги до Дальнего Востока (где возникали эсеровские правительства: Комуч в Самаре, Временное Сибирское правительство в Омске и другие) создавали гнетущую атмосферу. Как следует из уже цитировавшихся нами яковлевских «эпизодов революционной борьбы», сам он в это время пытался создавать на Южном Урале базы для развертывания нелегальной партизанской борьбы, считая, по-видимому, что Советская власть на этой территории потерпела поражение. Возможно, на этой почве начались и усилились его конфликты с прибывшими сюда для укрепления фронта Кобозевым, Благодоровым, Подвойским. Когда в начале июля пала Уфа, Яковлев со своими штабными отступил в Сарапул. «Сарапульское совещание боевиков перед отъездом в тыл противника», — записал он в своих «эпизодах». И затем: «Переход на подпольную работу. Отъезд в Уфу через фронтную полосу, нелегальная жизнь в Уфе в семье тов. В. Горелова. Разведка в Уфимском районе. Сведения о катастрофе со складами оружия в Симском округе».

Была уже осень 1918 г. В Уфе власть находилась в руках Совета управляющих ведомствами — исполнительного органа Комуча. Но 7 октября Красная Армия отбила Самару, и столицей Комуча стала Уфа...

В поябре к управляющему внутренними делами Комуча эсеру П. Климушкину явился офицер и потребовал секретной беседы. Он сказал, что пришел по поручению бывшего «крупного большевика», который готов перейти «на нашу сторону», поскольку изжил идею большевизма, но предварительно хотел знать возможную реакцию Совета управляющих. Офицеру было заявлено, что «ни суда, ни мести не будет», но «крупный большевик» должен открыто, публично заявить о мотивах своего перехода на сторону Комуча. Через неделю офицер явился снова с... Яковлевым, а еще через несколько дней комучевские газеты поместили сенсационное обращение к «Солдатам Красной Армии».

Его следует привести полностью. Может быть, это один из первых документов с обвинениями большевизму самим большевиком.

В нем говорилось: «К вам обращаюсь я с этим письмом, к вам, рядовые солдаты, а не к вашим безответственным руководителям, которые по своему произволу вершат судьбы нашей бедной истерзанной страны.

Знаю я, красноармейцы, что многие из вас, уже настроенные против меня своими вождями, совсем, может быть, не хотят прочесть этого письма и будут обвинять меня за то, что я изменил свои убеждения и отдался во власть Учредительного собрания. Но я знаю также, что мой долг как бывшего вашего начальника сказать правду, которая ускользает от ваших обманутых глаз.

Еще когда я был на Советской территории, мне, безусловно, хотелось кликнуть клич среди вас, красноармейцы: «Довольно крови, напрасной крови, бессмысленной нам, борьба напрасна, бесполезна». Но что я мог сделать. Ведь стоило заикнуться о том специфическом насаждении социализма посредством искоренения тех несчастных крестьян и рабочих, для которых, собственно, и сулят этот социализм, — как перед вами встали бы тени членов Чрезвычайной комиссии для отправки в тюрьму, а затем как высшая награда социализма — расстрел. И все те, с которыми я делился своими мыслями и от них не скрывал своей глубокой грусти по поводу того, что творится в Советской власти, поймут, что если я решился окончательно уйти из лагеря большевиков несколько месяцев тому назад, то на это были глубокие причины, и что я пришел сюда именно в тот момент, когда войска Учредительного собрания отступали от Казани (10 сент.) и Самары (3 окт.), лишний раз подтверждает. Подумайте и вы, солдаты Красной Армии, над этим и вслушайтесь в то, что я буду говорить вам. Советская власть, желая перешагнуть через законы, по которым идет развитие народов, и желая дать разом царство земное — социализм, приносит лишь царство небесное всем тем, кто хоть на иоту верит иначе, чем приверженцы Советской власти. Забывши все законы, Советская власть все разрушает на своем пути, губит страну своими опытами.

Развились звериные инстинкты, развилась каста людей, опьяненная этой властью, и вместо лучезарного царства социализма воцаряется грубый произвол наследников царского режима. Вам говорят о скорой

победе Советской власти. Это неправда. Советская власть ни в коем случае не будет терпима ни одним из государств, которые окружают ее. Немцы с нею заигрывают только до тех пор, пока могут использовать для своих корыстных целей, да и к тому же они сами накануне окончательного разгрома. А твердое решение союзников покончить с большевизмом вам должно быть известно. Советская Россия уже на краю окончательной гибели, и надвигаются еще более черные дни, чем те, что пережиты в это кошмарное время. Народ ропщет, протестует, бьется в предсмертных судорогах и то там, то тут вспыхивают восстания, берутся за оружие и при первой возможности свержают для них ненавистную власть. Идет ужасная гражданская бойня — жизнь человеческая ценится ни во что, и не осталось на Руси ни одного свободного гражданина, который был бы уверен в завтрашнем дне... И как в последние дни самодержавия перед его падением носились грозные признаки конца народного терпения, так и теперь скоро вспыхнет все против Советской власти, и рухнет она, раздавивши вас всех своей собственной тяжестью.

Помните, красноармейцы, наступил момент грозный, со всеми губительными для каждого русского человека последствиями, и если не произойдет объединение со сторонниками Учредительного собрания, то наша страна будет окончательно поработана и погибнут тогда все завоевания Русской революции. Наступил момент, когда каждому нужно задуматься над тем, какая участь готовится нашей истерзанной России. Теперь для России — вопрос жизни и смерти. Вы должны сами решить участь Советской России и протянуть руку сторонникам Учредительного собрания. Не бойтесь: она не будет оттолкнута, и всякий, кто бы из вас захотел открыто и честно заявить об этом, то встретил бы на территории Учредительного собрания лишь одно полное сочувствие. Вам все время говорят о тех насилиях, которые творятся тут властями Учредительного собрания. Это неправда. Вы боитесь чехословаков, о которых вам неустанно твердят как о врагах Русской революции. Это тоже неправда. Всякий, кто только сталкивался с представителями этой армии, невольно проникался к ним глубоким уважением и убеждался, что они рыцари чести и свободы. Это оплот русской демократии и истинные защитники ее идеалов.

Я знаю, что многие из вас хотели бы вернуться в свои родные места, откуда бежали вы, боясь тех расстрелов, о которых вам неустанно твердят, я знаю, что многие из вас давно уже изменили свои убеждения и остаются там лишь потому, что боятся жестокой расправы со стороны власти Учредительного собрания. Военные и гражданские власти Учредительного собрания уже давно выпустили к вам воззвание, где заявляют, что все те, кто вернется и открыто и честно заявит о своем переходе, тот вполне может считать себя свободным и ему не нужно будет бояться за свою неприкосновенность, и не было еще ни одного случая, чтобы власти нарушили данное ими слово.

Вот, солдаты Красной Армии, то, что заставил меня сказать вам мой долг, долг бывшего вашего начальника.

Бывший главнокомандующий большевистским Урал-Оренбургским фронтом *В. Яковлев*»¹.

Переход Яковлева к сторонникам борьбы за восстановление власти Учредительного собрания, разогнанного Советской властью в январе 1918 г., до сих пор остается некой загадкой. Впоследствии, после добровольного возвращения в СССР из китайской эмиграции и находясь под судом, а затем и в заключении, Яковлев давал разные объяснения своего поступка. Говорил и писал о «роковой ошибке», вызванной поражениями Красной Армии и своими усталостью, болезненным состоянием, давал понять, что, уходя к учредилловцам, намеревался организовать борьбу у них в тылу, намекая на то, что имел специальное задание, и т. п. Эти версии встречаются и сегодня в некоторых публикациях. Но данных в их пользу нет; исходить надо из яковлевского обращения.

Оно оставляет противоречивое впечатление. С одной стороны, написанное довольно тусклым, а порой и просто вялым языком, оно кажется продиктованным документом. В нем нет той эмоциональности, искренности, которые, по-видимому, должны быть свойственны человеку, решившемуся столь круто повернуть всю свою жизнь, свою судьбу. Но, с другой стороны, обращение Яковлева, бесспорно, отражает то, что уже созрело и

---

¹ Со ссылкой на партархив Башкирского обкома КПСС (Ф. 1832. Оп. 2. Д. 33. Л. 2) опубликовано в газете «Наука Урала» 27 декабря 1990 г. (№ 49). См. также: Рифей-Уральский краеведческий сборник. Челябинск, 1990. С. 187—188; Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. Свердловск, 1991. С. 40—42.

жило в мыслях части людей, ранее шедших в революционных рядах,— разочарование в революции, в большевизме. Ведь уже было слишком многое: прогрессирующая экономическая разруха, голод, бесчинства продотрядов, забастовки рабочих, крестьянские восстания, расстрелы, красный террор... Этого оказалось вполне достаточно, чтобы даже такому человеку, как Яковлев, в послужном списке которого числилось и личное участие в разгоне Учредительного собрания, задуматься над вопросом о правильности своего пути.

И все-таки, судя по «Обращению», в нем не было твердой убежденности в том, на что он решился пойти. Как можно думать, основываясь на имеющихся материалах, повлияли на Яковлева и обстоятельства личного характера. Живя в Уфе, он в октябре 1918 г. женился на сестре своего товарища по боевой работе в 1905—1909 гг. В. Алексеева. Участник миасских «эксов», Алексеев после каторги отошел от революционной и вообще политической борьбы и, вероятно, сильно влиял на Яковлева в том же направлении.

Комучевцы не доверяли Яковлеву. По свидетельству того же Климушкина, за ним был установлен секретный надзор, чтобы выявить его возможные связи с большевиками. Мы не знаем, были они выявлены или нет. Известно лишь, что нелегально прибывший в Уфу старый товарищ Яковлева Алексахин встретиться с ним отказался. Вскоре Яковлева арестовали. На запрос Климушкина из штаба чешского генерала Яна Сырового ответили, что Яковлев лишь «удален из полосы фронта», но за Челябинском он может проживать свободно.

Между тем положение на территории, где управляли эсеровские правительства, провозглашавшие власть Учредительного собрания, круто изменилось. В ноябре 1918 г. в Омске произошел военный переворот, в результате которого проэсеровская Директория, претендовавшая на всероссийскую власть, была свергнута. Верховным правителем стал адмирал А. Колчак. Эсеровская демократия кончилась. Сибирь вплоть до Урала почувствовала руку диктатора.

Чехословацкие войска, поддерживавшие эсеров и русскую демократию в лице Учредительного собрания, уходили с фронта, отводились в тыл, на охрану Сибирской магистрали. Сражаться против большевиков на стороне, как они считали, военной диктатуры и монархической реакции не хотели. Уходя в глубь Сибири,

чехословаки эвакуировали многих арестованных и интернированных. Среди них был и Яковлев с женой и сестрой матери. В неопубликованных воспоминаниях жены Яковлева Ольги Ильиничны рассказывается о тяжелом пути к Омску, об угрозах расстрела, о глубоких переживаниях мужа. Он не спал ночами, часто с тоской говорил: «Что я наделал!»

В Омске колчаковская контрразведка требовала выдачи Яковлева: следователь Н. Соколов разыскивал его по всей Сибири. По не вполне проясненным причинам Яковлев, однако, сумел уйти от контрразведчиков. Чехи (не исключено, что с помощью вознаграждения) выпустили Яковлева на поруки, и в начале 1919 г. вместе с женой и теткой он бежал в Харбин.

Началась новая полоса в его невероятной жизни. Как когда-то в 1909 или 1910 г. исчез Константин Мачин и появился Яковлев, так теперь перестал существовать Яковлев и появился Стоянович.

Теперь уже немало известно и о китайском периоде жизни Яковлева. В двадцатых годах он активно участвовал в революционном движении на КВЖД и в Китае. Когда в 1923 г. в Китай в качестве советника Сунь Ятсена из Москвы прибыл М. Бородин, Яковлев стал работать в его аппарате, руководить информационным бюро. Позднее вместе с советским журналистом С. Голяновским организовал журналистское агентство «Китсовжур», которое снабжало советскую прессу сведениями о положении в Китае. Стоянович посылал свои очерки в журналы «Прожектор», «Красная новь» и другие. По обвинению в распространении агитационной большевистской литературы он и Голяновский были арестованы. Три месяца Яковлев находился в тюрьме, ждал даже расстрела.

Вероятно, тогда он решил вернуться в Советский Союз. А там его отступничество осенью 1918 г. было молчаливо, но сурово осуждено, осуждено со всей большевистской беспощадностью. Более того, этот поступок бросил «обратный свет» и на тюменско-екатеринбургскую историю весны 1918 г. Некоторые уральские большевики, еще тогда обвинявшие Яковлева в измене, теперь получили в свои руки, казалось, неопровержимые доказательства. А. Авдеев, П. Быков и другие в своих воспоминаниях изображали действия Яковлева на пути из Тюмени в Екатеринбург как следствие каких-то сомнительных, если не прямо предательских замыслов..

15 марта 1928 г. Яковлев написал письмо И. Сталину и председателю ОГПУ В. Менжинскому. В нем он излагал основные вехи своего жизненного пути; писал об участии в боевых организациях до революции, в Октябрьском вооруженном восстании, о работе в ЧК, о специальном секретном задании Свердлова по перевозке Романовых на Урал, о деятельности на Урало-Оренбургском фронте, о «грехопадении» осенью 1918 г.

Объяснил это так: «Будучи совершенно оторван от товарищей, чувствуя себя разбитым физически и морально и загнанным постоянными преследованиями и угрозами, я окончательно потерял голову. В результате мое нелегальное пребывание в Уфе только усилило мое упадочное настроение, и под влиянием его мне показалось, что дальнейшая борьба с учредилловцами приведет лишь к победе реакции, все сильнее укреплявшейся в Сибири. И вот здесь я совершил роковой для себя шаг, обратившись в учредилловку с письмом о легализации. Большую также роль в этом моем поступке... сыграла личная сторона моей жизни (женитьба)». Рассказывал Яковлев и о своей жизни и работе в Китае, о преследованиях его китайскими военными властями и английской полицией по подозрению в шпионаже и коммунистической пропаганде. «Будучи еще в китайской тюрьме,— писал Яковлев,— я окончательно решил вернуться в СССР, чтобы покончить со своим бедственным положением, из-за которого я долгие годы переживал мучительные моральные пытки»¹.

Ему было разрешено вернуться. Началось следствие по его делу, закончившееся приговором к расстрелу, замененному затем десятилетним заключением. Соловки, Беломорско-Балтийский канал. Не раз он обращался в партийные инстанции, к старым товарищам, просил помочь освободиться из лагеря, из среды «шпаны и каэров». Его выпустили досрочно, в августе 1933 г., «за самоотверженную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала им. тов. Сталина» со снятием судимости и восстановлением в гражданских правах. До 1938 г. Яковлев работал в системе органов НКВД, затем поступил на завод в Ворсме Горьковской области. Вскоре его арестовали.

Таков был характер, и такова была эпоха. Эпоха авантюр, подозрений, расстрелов...

¹ Как и другие, эти яковлевские документы и материалы любезно предоставлены Л. К. Карповой — дочерью В. В. Яковлева, за что автор приносит ей глубокую благодарность.

Глава 7

«МЫ ОКАЗЫВАЛИСЬ МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ»

В те самые дни, когда чрезвычайный комиссар Яковлев со своим отрядом двигался к Тобольску за царской семьей, в Москве, куда еще в марте переехало Советское правительство, закончились выборы в новый состав Моссовета. 23 апреля в Моссовете выступил Ленин. Он, в частности, заявил: «Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена. Конечно, отдельные стычки будут, в некоторых городах вспыхнут кое-где на улицах перестрелки, вызванные частичными попытками reactionеров опрокинуть силу революции — Советскую власть, но нет сомнения, что на внутреннем фронте реакция бесповоротно убита усилиями восставшего народа»¹.

Но сразу же после Октября антибольшевистские силы просто не могли хоть сколько-нибудь консолидироваться и развернуться. Провал корниловского выступления в конце августа значительно ослабил, деморализовал и обезглавил правый, консервативный фланг. В момент самого большевистского восстания он попросту не в состоянии был оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Потрясенные и оскорбленные «предательством» Керенского, неожиданно объявившего Корнилова изменником, правые не без некоторого злорадства наблюдали, как большевики готовятся разделаться с агонизирующим Временным правительством. Мало кто среди них верил в то, что большевики — серьезная сила и продержатся сколько-нибудь длительный период. Уже упоминавшийся кадетский публицист А. Изгоев писал о предоктябрьских настроениях в этих политических кругах: «России было бы гораздо лучше пережить господство социалистов и большевиков без этого ужас-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 233—234.

ного, гнилого коалиционного промежутка»¹. Правые, таким образом, по существу, «пропускали» большевиков к власти.

По разным причинам, но тоже достаточно пассивно во время практически открытой подготовки «большевистского рывка» к власти, да и самого этого «рывка» вели себя демократические силы. Приверженные политическим методам борьбы и считавшие большевиков пусть заблуждающейся, но все же составной частью социалистической, революционной демократии, они все-таки не решались противодействовать им военным путем. Однако это объяснялось не только неприятием мысли вложить оружие в руки социалистов и обратить его против социалистов же и пошедших за ними рабочих и солдат. Во ВЦИКе хорошо понимали, что подавить большевиков могут только фронтовые части, введенные в Петроград. А страх перед армией, вернее, перед армейским командованием, подозревавшимся в стремлении к военной диктатуре, никогда не покидал революционно-демократические ряды. Этот страх терзал души их вождей, становился причиной многих заблуждений и бед...

Но удар по большевикам даже в силу инерции, действительно, мог продлиться и превратиться в удар по всей революционной демократии. В результате — торжество реакции. Можно согласиться с С. Мельгуновым, который считал, что тактика революционной демократии в критические октябрьские дни определялась двумя посылами: оценкой большевистского выступления как авантюры и страхом перед возможной контрреволюцией². Разгром большевистского восстания, считали здесь, пойдет на руку контрреволюции, правым.

Однако из этого отнюдь не следовало, что режим наибольшего благоприятствования для большевиков, сложившийся в дни октябрьского переворота, мог удержаться и в дальнейшем. Как раз весной 1918 г. политический паралич в антибольшевистских рядах начал проходить. Бытует мнение, что этому способствовал майский шок от вооруженного выступления Чехословацкого корпуса, поддержанного Антантой. Это справедливо в основном для восточного региона страны. В юго-западном же регионе оживлению и активизации

---

¹ Изгоев А. Пять лет в Советской России // Архив русской революции (Берлин). 1926. Т. 10. С. 15.

² См.: Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. Париж, 1953. С. 36.

антибольшевистских сил помогла германская оккупация, вызванная Брест-Литовским мирным договором. Но она же во многом и определила линию раздела внутри антибольшевистского лагеря.

Во внутренней политике главный спор разгорелся по вопросу об Учредительном собрании. Эсеры, меньшевики и энесы (в марте 1918 г. создавшие межпартийное объединение — «Союз возрождения России») с теми или иными оговорками выступали за восстановление Учредительного собрания, разогнанного в январе 1918 г., и за формирование именно им будущих органов власти. Это ставило их (преимущественно эсеров, имевших наибольшее влияние в уже ощутивших жесткий большевистский пресс крестьянских массах и к тому же наиболее боевых) во главе того, что И. Майский назвал «демократической контрреволюцией»¹. На деле же это было антибольшевистское движение, которое, отвергая Октябрь, ставило своей целью возрождение февральской демократии.

Вчерашние монархисты и повернувшие к монархизму некоторые правые кадеты (объединившиеся в «Правом центре») отвергали правомочность январского 1918 г. Учредительного собрания, выдвигали лозунг военной диктатуры и реставрации монархии. Этот лозунг поддерживала и консервативная среда, для которой неприемлем был не только Октябрь, но и демократические завоевания Февраля.

На первых порах объединяла эти «две контрреволюции» не только вражда к большевизму, но и более конкретная причина — та реальная боевая сила, на которую они могли поначалу опереться: в большинстве своем промонархически настроенное офицерство. В демократическом варианте оно на первых порах готово было поддержать и эсеров из-за отсутствия иной, достаточно внушительной антибольшевистской политической силы. В правом же варианте существовало почти полное единение монархистов и части кадетов с офицерской массой.

Во внешней политике практически до конца 1918 г. (до капитуляции Германии) линия раздела проходила между германофилами, искавшими у Германии полити-

---

¹ Таково название книги И. М. Майского, вышедшей в Москве в 1923 г., после того как ее автор, осудив меньшевизм, «учредил» и «Комуч», в котором он возглавлял ведомство по труду, примкнул к большевикам.

ческой и военной поддержки в борьбе против Советской власти, и антантофилами, в той же борьбе ориентировавшимися на союзников России по мировой войне. Германофильские настроения наиболее полно выражал октябристско-кадетский «Правый центр»; антантофильские — эсерово-меньшевистский «Союз возрождения России», а с лета 1918 г. — и прокадетский «Национальный центр».

В соответствии с политической программой и внешнеполитической ориентацией произошло и приблизительное географическое размежевание антибольшевистских сил.

Германофильски настроенные элементы из «Правого центра» и близких к нему групп и организаций устремились в западном направлении — на территорию, которая по Брестскому миру вошла в оккупационную зону германских войск. Антантофилы (меньшевики, эсеры и некоторые кадеты) потянулись на север и восток, где ожидалась антантовская интервенция и восстановление антигерманского Восточного фронта.

О политике, которую Германия после Бреста проводила по отношению к России, мы уже писали. Напомним: отражая борьбу двух «германских партий» в русском вопросе (стоявшей за сохранение «завоеваний Бреста» и стремившейся на «основе Бреста» к свержению Советской власти), эта политика была «двухколейной». Поддерживая отношения с Советским правительством, немцы в то же время исподволь искали и осторожно поддерживали те антибольшевистские силы, с помощью которых они могли бы восстановить в России нужный ей порядок в случае крушения власти большевиков.

Это происходило как в Москве, Петрограде, так и на протяжении всей оккупационной зоны — от Прибалтики и северо-запада России до юга Украины, Донской области и Крыма — и подогревалось еще и возможностью воссоздания Восточного фронта, чего очень опасалась Германия. Работа по созданию такого фронта действительно активизировалась после восстания Чехословацкого корпуса. В ней участвовала антантовская агентура, проэсеровски настроенные русские военные, представители «Союза возрождения России». Все это, конечно, не могло остаться незамеченным германскими агентами, и, как пишет Л. Троцкий в «Моей жизни», немецкое командование дало ему «через своего военного представителя понять, что, если белые будут

приближаться к Москве с востока, немцы будут приближаться к Москве с запада, со стороны Орши и Пскова, чтобы не дать образоваться новому Восточному фронту». Не исключено, что это было лишь демаршем, рассчитанным на то, чтобы надавить на Советское правительство и принудить его усилить борьбу с антантофильским антибольшевизмом. Но игнорировать демарш, реальность содержащейся в нем угрозы в Москве, конечно, не могли. «Мы,— писал Троцкий,— оказывались между молотом и наковальней»¹. Брест продиктовал большевикам «стратегию отчаяния». Из равноправно воюющей стороны она превратилась в страну, открытую «для битвы» как вчерашними противниками, так и вчерашними союзниками.

Политическим центром сосредоточения русских германофилов весной и летом 1918 г. стала Украина, точнее, Киев. И выбор этот не был случайным. Напомним лишь основные факты, хронологически несколько отойдя назад.

В начале февраля 1918 г. советские войска взяли Киев. Созданная еще в марте 1917 г. и провозглашавшая автономию Украины Центральная рада вынуждена была бежать. Но незадолго до того в Брест-Литовске ее делегация подписала мирный договор с Германией. ЦИК Всеукраинского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов немедленно направил в Брест свою делегацию, уполномоченную заявить, что все обязательства Рады не признаются украинским народом и установленной на Украине Советской властью, что делегация новой, Советской Украины будет действовать совместно с делегацией российского Совета Народных Комиссаров.

Немцы, конечно, отказались признать советскую украинскую делегацию: достаточно сказать, что по мирному договору с Радой Германия должна была получить миллионы пудов хлеба и другого продовольствия. Со своей стороны Центральная рада обратилась к Германии с призывом помочь восстановить ее власть. «Мы собираем новые силы...— говорилось в этом обращении.— В этой тяжелой борьбе за наше существование мы ищем помощи. Мы глубоко уверены, что немецкий

---

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Ч. II. С. 124.

народ, любящий мир и порядок, не отнесется равнодушно к нашей беде и немецкая армия своим наступлением поможет защитить наши северные границы от дальнейшего нашествия врага»¹.

В середине февраля германские и австро-венгерские войска вместе с отрядами Центральной рады двинулись на Украину. Советские войска пытались сопротивляться, но силы оказались неравны.

Киев пал; немцы помогли восстановить власть Центральной рады. На Украине начался организованный и неорганизованный грабеж сырья и продовольствия для отправки в Германию. Но покорно, молчаливо обеспечивать бесперебойную перекачку товаров в Германию Рада не хотела. До сих пор (по нашей литературе) не вполне ясно, как конспиративно подготавливался переворот, который должен был устранить демократическую, социалистическую Раду и заменить ее «сильной властью» правых элементов. Среди материалов политической канцелярии Особого совещания (своего рода правительства при Добровольческой армии) сохранилась, в частности, анонимная записка, которая как будто бы приоткрывает завесу над истоками переворота. В записке излагаются две версии. В соответствии с одной из них заговор созрел в конспиративной офицерской организации Киева, возглавлявшейся графом Кочубеем; по второй версии (на наш взгляд, менее вероятной) центр этой офицерской организации находился в Москве, во главе его стоял один из великих князей, возможно, двоюродный брат бывшего царя — Александр Михайлович. Так или иначе, по утверждению автора записки, именно эта организация будто бы «вошла в соглашение с немцами» на условиях восстановления ими монархического строя в России в обмен на некоторые территориальные уступки и прогерманскую ориентацию².

К заговору затем был привлечен Союз хлеборобов, объединявший и крупных земельных собственников, который должен был обеспечить перевороту политическую основу. Находившийся в то время в Киеве В. Шульгин (он возглавлял там организацию, связанную с проантантовским «Национальным центром», и секретную

---

¹ Цит. по: *Владимирова О.* Годы службы «социалистов» капиталистам. М.; Л., 1927. С. 173.

² См.: ЦГАОР. Коллекция (Краткая записка о положении на Украине. Лето 1918 г.).

организацию «Азбука», добывавшую информацию для Добровольческой армии) в неопубликованной статье «Начало гетманшафта» писал, что «нежные отношения» этого союза с немцами стали налаживаться уже в начале апреля. Союзом руководили крупнейшие помещики, монархисты — граф Гейден, Вишневецкий, граф Тышкевич и другие. Именно они и выдвинули П. Скоропадского, также крупного помещика, бывшего флигель-адъютанта Николая II и бывшего командира 34-го армейского корпуса; Скоропадский к тому же имел то преимущество, что был отдаленным потомком украинских гетманов.

Сам Скоропадский (в 20-х годах он жил в Германии, в местечке Ванзее) неохотно вспоминал о том, кто и как посадил его на гетманство весной 1918 г. Впрочем, десять лет спустя в газете украинских эмигрантов-самостийников «Сичь» он напечатал воспоминания, которые прокомментировала также эмигрантская берлинская газета «Слово». Согласно «Слову», переговоры о политической перемене на Украине начали два сотрудника разведотдела германского штаба — майор Гассе (или Гаазе) и майор Ярош. Примечательно, что германские офицеры якобы расспрашивали Скоропадского о его отношении к бывшему царю и, по-видимому, на основании полученных ответов судили о его политической значимости. Именно Гассе и Ярошу Скоропадский сообщил свой план переворота, который должен был санкционировать начальник штаба германских оккупационных войск генерал Гренер. По словам Скоропадского, противниками его плана были австрийцы, ибо у них имелся свой кандидат на «киевский престол» — Вильгельм Габсбург, уже называвший себя «Василием Вышеваным»¹. Но, по саркастическому выражению одного из агентов шульгинской «Азбуки», информировавшего о гетманском перевороте штаб генерала Деникина, Скоропадский, этот «немецкий пудель», одолел «австрийского пуделя» — Василия Вышеванного...

Переворот не потребовал длительной и тщательной подготовки, так как бывшая опора Центральной рады — германское Oberkommando на Украине все свои симпатии целиком и полностью отдало «переворотчикам». На одно из заседаний созванного при покровительстве немцев съезда Союза хлеборобов в сопровож-

---

¹ См.: Слово (Берлин). 1928. 18 ноября,

дении группы офицеров явился Скоропадский. Шульгин описывал ход этого «переворота» с тем же сарказмом: «Конечно, было налажено представление... но все это был цирковой спектакль: недаром же этот съезд хлеборобов происходил в цирке. Правда, были маленькие различия в подробностях: вместо легковых автомобилей у здания цирка пыхтели немецкие броневики, звери были не на арене, а в ложах и первых рядах партера... Хор артистов и зрителей подхватил заключительную фразу последнего оратора: «Нам треба гетмана!»¹

Тут же было объявлено о создании гетманского правительства и упразднении Центральной рады. 29 апреля два немецких офицера с группой солдат явились на заседание Малой рады и бесцеремонно выдворили всех ее депутатов и министров, запретив собираться вновь...

Гетманский переворот на Украине вызвал сильнейшее беспокойство в Москве. В «Тезисах о современном политическом положении», написанных в середине мая 1918 г., Ленин отметил, что это переворот монархический, и, главное, усмотрел в нем по замыслу не только местное, но и всероссийское значение². Было ли это преувеличением, продиктованным сознанием осажденных? Но в Киев действительно хлынуло множество людей, ободренных легкостью переворота и уверовавших, что он с помощью немцев может стать начальной точкой сходного по своей политической сущности всероссийского процесса.

Однако, как следует из многочисленных донесений агентов шульгинской «Азбуки» в Новочеркасск генералу Деникину, все эти люди учинили в своей среде политическую грызню, сопровождаемую выдвижением фантастических проектов и распространением политических мистификаций. А большинство из них старалось парализовать «широе украинство» Скоропадского, склонить его к участию в осуществлении антибольшевистских планов во всероссийском масштабе. И надо сказать, что Скоропадский проявлял некоторую склонность к двойной политике. С одной стороны, учитывая волю тех, кто посадил его на гетманство, и уступая давлению украинских самостийников, он демонстрировал

---

¹ ЦГАОР. Коллекция.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 322—323.

сепаратизм, а с другой — менее заметно, осторожно, но все же подыгрывал «великодержавникам», сторонникам монархической реставрации в России.

Министр внутренних дел в гетманском правительстве бывший царский прокурор В. Рейнбот в своих воспоминаниях так характеризовал ситуацию: «Справа (от гетмана. — *Авт.*) были русофилы, аристократы, по своему прежнему положению и духу близкие гетману, слева — опирающиеся на военное министерство украинские деятели... глубоко преданные идее самостийной Украины»¹. В Новочеркасск из Киева и «подпольной» Москвы шли сведения о том, что Скоропадский «в четырех стенах клянется положить Украину к ногам его величества, публично же клянется в верности самостийности»². В какой-то мере это отражало еще не полностью откристаллизованную политику самой Германии как в украинском, так и в русском вопросе. В. Шульгин в своем кругу попросту говорил, что немцы вели политику «на две стороны, принимая и украинцев, и монархистов, говоря одним: «Видите, сколько мы для вас сделали», а другим: «Неужели вы думаете, что мы можем мириться с этой дрянью?»³

В первый период гетманства, когда положение немцев на Украине казалось достаточно прочным, самостийная тенденция в политике Скоропадского превалировала над русофильской. Позднее, когда четче стала вырисовываться перспектива военного поражения Германии, у гетманского правительства и лично Скоропадского усилилось русофильство. Это, в частности, выразилось в увеличении помощи деньгами, оружием и иными материалами Добровольческой армии, прочно приверженной Антанте, единой и неделимой России и отвергавшей сепаратизм и самостийность. В ходе секретных встреч с представителями Добровольческой армии Скоропадский уверял их, что он ничем не связан с Берлином и в будущем готов подчиниться законному монарху. Но все это произойдет позднее, а пока, весной и летом 1918 г., различные русофильские группировки изыскивали способы, чтобы надавить на Скоропадского.

¹ См.: ЦГАОР. Коллекция (*Рейнбот В. Е.* Четыре месяца в кресле гетманского правительства. 1918 г. Рукопись).

² Там же (Сводки осведомительного отдела Добровольческой армии).

³ ЦГАОР. Коллекция (*Милюков П. Н.* Киев — Екатеринбург. Май 1918 — октябрь 1918 г. Воспоминания. Рукопись).

В этих кругах упорно циркулировали слухи о якобы секретных контактах немцев (и даже самого кайзера!) с находившимся уже в Екатеринбурге Николаем Романовым и чуть ли не о достигнутом между ними соглашении о восстановлении монархии во всероссийском масштабе. Потом, когда придет известие о расстреле бывшего царя, некоторые русские монархисты в Киеве будут даже говорить и писать, что это — всего лишь сознательная мистификация, что государь-император на самом деле жив и скрывается, что в Киев ожидается прибытие наследника престола Алексея с матерью и его объявят царем.

Москва не могла промолчать, и 31 августа 1918 г. появился бюллетень Бюро печати ВЦИК, где говорилось: «Украинская пресса мулсирует слух о спасении Н. Романова. Цели этого слуха объясняются стремлением контрреволюции собрать вокруг подготовляемого самозванца темные силы»¹. Но существовала, на наш взгляд, и еще одна, может быть, более важная причина распространения этих слухов: фактически бросившие бывшего царя «верпоподданные» хотели, вероятно, оправдать себя в собственных и чужих глазах.

Топ в Киеве задавали монархисты преимущественно черносотенной окраски, такие, как бывший предводитель дворянства Киевской губернии Ф. Безак, бывший командир Кавалергардского полка князь Долгоруков, помещик Тверской губернии князь Волконский, братья герцоги Лейхтенбергские, князь Туманов, генерал Шиллинг, генерал Бискупский и другие. Они создали так называемое «Особое политическое бюро на Украине», действовавшее в контакте с германским командованием.

Другая монархическая организация (тоже черносотенной окраски), обосновавшаяся в Киеве, — союз «Наша родина», в котором председательствовал бывший правый член IV Государственной думы В. Бобринский. Этот союз выпускал газету под тем же названием. Она клеймила антантофильских добровольческих вождей, особенно генерала Алексеева, который якобы в начале марта 1917 г. устроил Николаю II ловушку в Пскове, нападала на антантовских союзников, «подстроивших» в России революцию, предрекала неминуемое восстановление монархии.

---

¹ ЦГАОР. Коллекция (Из дозесений киевской «Азбуки». Октябрь 1918 г.),

К «Нашей родине» была близка группа монархистов, возглавляемая Алексеем Бобринским, которая стремилась несколько умерить черносотенный пыл В. Бобринского и его друзей. А. Бобринский резонно говорил, что он «боится не столько левых, сколько крайне правых, которые, еще не победив, проявляют столько зверской злобы и нетерпимости, что становится жутко и страшно»¹. Чтобы соблюсти политическую «благопристойность», часть монархистов в Киеве объединилась в так называемый «Монархический блок», возглавляемый бывшим националистом П. Балашовым и тем же Владимиром Бобринским. Еще более «левой» группой было так называемое «Совещание членов Государственного совета и Государственных дум всех созывов». Сюда, помимо крайне правых (В. Пуришкевича и других), входили октябристы и некоторые кадеты — главным образом из «Правого центра», — переехавшие в Киев из Москвы. Большинство членов «Совещания» высказывалось за восстановление конституционной монархии².

Ни одна из киевских монархических групп не могла выдвинуть фигуру, которую германские оккупационные власти сочли бы достаточно представительной для серьезных политических акций. Действительно, кто мог стать такой фигурой? Мало кому известный Ф. Безак? Князь Долгоруков? В. Бобринский? Эти и им подобные люди могли оказать немцам примерно такую же «услугу», какую Марков 2-й или Пуришкевич на самом деле оказали монархии в период ее кризиса и крушения...

Но вот в конце мая (начале июня по новому стилю) в Киев из Ростова прибыл некий профессор Иванов — широкоплечий, крепко сбитый человек с бритыми головой и лицом. Только немногие из киевских кадетов (входивших в министерство Скоропадского) знали, что профессор Иванов — не кто иной, как изменивший внешность лидер партии П. Милюков. Приезд его в оккупированный немцами Киев был неожиданным. Ярый германоборец, человек, которому преданность Антанте в апреле 1917 г. фактически стоила поста министра иностранных дел Временного правительства, теперь совершил политический вольт.

¹ ЦГАОР. Коллекция (Из донесений киевской «Азбуки». Октябрь 1918 г.).

² См.: Рейн Г. Из пережитого. 1902—1918. Берлин, б. г. Т. 2. С. 285.

Миллюков прожил долгую жизнь, немало интересно-го и ценного написал в эмиграции о прошлом, но о своем «киевском сидении» летом 1918 г. если публично и вспоминал, то глухо. Этого «сидения» ему не забыли в верхах антантофильского белого движения, да и в правящих кругах Антанты оно серьезно подорвало его престиж. Миллюков был не только историк по профессии, но, как о нем говорили, «сам себе историк»: он постоянно вел пространные записи (дневники) обо всех политических заседаниях, совещаниях, переговорах, в которых принимал участие. Вел он их и в Киеве. Позднее они были объединены в рукописи под названием «Киев — Екатеринодар, май 1918 — октябрь 1918 г.». Рукопись эта, кажется, публиковалась лишь частично. Но еще находясь в Киеве, Миллюков на основании своих дневниковых записей составил записку для «Правого центра» (данные из которой уже в эмиграции попали в «Очерки русской смуты» А. Деникина). Миллюковская записка — «подработанный материал»: автор выглядит в ней стойким борцом за «русское дело»; дневниковые же записи освещают позицию Миллюкова в более реальном свете. Благодаря им можно почти стенографически восстановить содержание киевских миллюковско-германских переговоров. И перед нами предстанет еще один образчик «реальной политики» в исполнении одного из крупнейших российских политических лидеров...

Миллюков направился в Киев не только по собственной инициативе, а, возможно, и по поручению германофильской части «Правого центра». Во всяком случае, во время пребывания на Украине его постоянно информировали о деятельности этого центра в Москве. Одна из записей, например, гласит: «Германское посольство ведет переговоры с русскими офицерами через заведующего обменом (военнопленными.— *Авт.*) Рейхенфельса о свержении большевиков переодетыми в русских солдат военнопленными под руководством русских офицеров. В деньгах на подкуп латышских стрелков и на приобретение оружия приказано не стесняться. План будет обсужден с двумя офицерами германского генштаба, которых командируют Гинденбург и Людендорф для организации предприятия. Русские офицеры с германскими пленными захватят все пункты и продержатся сутки, пока из Орши придут германские войска»¹.

---

¹ ЦГАОР. Коллекция.

Этот план, судя по записям Милюкова, был отложен из-за разногласий в германских верхах, но такого рода сведения все же стимулировали миссию Милюкова в Киеве.

«Завязка» произошла на квартире одного из гетманских министров — кадета П. Василенко. Он сообщил Милюкову, что на обеде у командующего германскими войсками на Украине генерала Эйхгорна у него произошел важный разговор с неким майором Гаазе. Это имя нам уже встречалось в связи с историей гетманского переворота (по словам Милюкова, «Гаазе» — псевдоним... принца Гессенского, брата Александры Федоровны). Теперь майор Гаазе поставил перед Василенко вопрос о перспективах восстановления единства России, подчеркнув, что в решении его немцы могут «иметь дело только с монархическими партиями». Василенко уже знал, что Милюков в Киеве, и дипломатично ответил, что теперь в антибольшевистском лагере — многие монархисты, в том числе и сам Милюков.

Выслушав Василенко, Милюков сказал, что «тут будет удобный базис для беседы», и было решено, что Василенко сообщит о Милюкове майору Гаазе.

Беседа состоялась 8 (21) июня. Ее содержание, почти стенографически записанное Милюковым, распадается на три части: выяснение взаимных намерений сторон, выработка условий возможного соглашения и определение его политической базы.

Гаазе заявил, что свое окончательное отношение к России Германия может выявить только по окончании войны, но уже теперь она хотела бы выяснить позиции антибольшевистских сил, чтобы иметь определенные гарантии. Милюков изложил свой план: необходимо сделать хотя бы вид, что Москва будет освобождена усилиями самих русских, — эту роль можно поручить Добровольческой армии, которую немцы снабдят оружием и перебросят на кратчайшее расстояние к Москве, в район Воронежа или Курска; германские же войска прикроют западный фронт Московской области и будут грозить вторжением оттуда.

Судя по записям, Гаазе в принципе вполне благосклонно отнесся к плану, но выразил сомнение в достаточной силе Добровольческой армии и в сочувствии германцам ее командования, в частности генерала Алексева. Милюков сказал, что на основании своей переписки с Алексеевым он может думать, что генерал «уже

не так чужд мысли о необходимости считаться с объективными фактами». Впоследствии, в эмиграции, вопрос о сношениях Милюкова с Алексеевым летом 1918 г. (во время пребывания в Киеве) вызвал довольно острую полемику¹. Алексеева, правда, уже давно не было в живых (он умер в сентябре 1918 г.), но бывшие добровольцы обвиняли Милюкова в попытке исказить позицию Алексеева, приписав ему германофильские колебания. Скорее всего, дело было не в колебаниях, а в прагматизме Алексеева и всего добровольческого командования, вынужденных считаться с соседством германских войск и возможностью получать через них оружие и боеприпасы.

Выяснив намерения Милюкова, Гаазе перешел к вопросу об условиях возможного соглашения. Больше всего, как мы уже знаем, немцев волновала судьба Брестского договора, точнее, огромных территориальных и других выгод, которые они по нему получили. «Нам будет трудно отказаться от того, что составляет цену принесенных нами жертв», — заявил Гаазе.

Милюков, ярый противник Бреста, в принципе соглашался на необходимое «исправление» границ в пользу Германии (особенно в Прибалтике), соглашался даже на превращение Украины в государство типа Баварии. Но главную компенсацию немцам он видел в предоставлении им экономических выгод в «восстановленной» ими России.

Затем возник вопрос о политическом характере возможного соглашения. «Для похода на Москву, — заявил Гаазе, — надо идти объединенными. Можете ли вы, кадеты, идти вместе с монархистами?» Ответ Милюкова, по существу, был положительным, хотя он старался подчеркнуть, что есть монархисты — сторонники абсолютной (самодержавной) монархии и монархисты-конституционалисты, к которым он, Милюков, и принадлежит. Он говорил, что вопрос о том, кто из них возьмет верх, решит будущее: «Если впоследствии ход истории нас ототрет от главного курса — это дело истории», но пока без нас (то есть кадетов) обойтись нельзя, ибо «мы главные *staatbildene Elemente* (здесь: государственники. — *Авт.*)».

Далее, в соответствии с записями Милюкова, Гаазе повел конкретный разговор о возможных кандидатах

---

¹ См.: Последние новости (Париж). 1924. 3—6 апреля.

на престол. «Кого вы имеете в виду? — задал он вопрос Милюкову. — Одни говорят об Алексее (сыне Николая Романова. — *Авт.*), а другие о Михаиле Александровиче». Милюков прямо высказался в пользу последнего. По его словам, при Алексее, во-первых, «к престолу приблизились бы личности, которые и прежде вызывали *Deutschenhaas*», то есть ненависть к немцам, а во-вторых, его выдвижение потребовало бы регента, кандидатура которого вызвала бы новые споры. Что же касается великого князя Михаила Александровича, то он, как человек слабый, оказался бы под влиянием тех, кто будет около него. Когда Гаазе посетовал, что оба кандидата находятся в руках большевиков или могут попасть к антантовским союзникам, Милюков продемонстрировал «великолепный цинизм». По его выражению, все это вообще «вопрос техники». В крайнем случае, небрежно сказал он, «возьмите Дмитрия Павловича (великий князь, один из убийц Г. Распутина. — *Авт.*) и жените его на Ольге (старшей дочери Николая. — *Авт.*)».

Беседа была закончена. «Я передам это в высшее место», — сказал на прощание Гаазе, подчеркнув особое значение состоявшейся встречи...

Из тех же записей Милюкова мы узнаем о причинах, по которым его киевские переговоры не имели практических последствий. В Киев из Москвы приехал некий лейтенант Масленников с письмами. Из его рассказов, а также из писем, врученных Милюкову, выяснилась картина раскола «Правого центра», который, может быть, и поручал Милюкову вступить в контакты с немцами. Сделанные Милюковым по этому поводу записи содержат в себе весьма ценные сведения. Это (раскол в «Правом центре»), записал Милюков, «устроили союзники (англичане), показав Степанову (один из кадетских лидеров. — *Авт.*) документы о сношениях Гурко и Кривошеина, а также обоих Трубецких... с германцами. После выхода (кадетов из «Правого центра». — *Авт.*) стали откровеннее, стали говорить о предстоящей после 25 июня высадке японцев, о том, что движение чехословаков — их дело. Составился новый «левый центр» («Национальный». — *Авт.*) от Степанова до Савинкова, у которого 5 тысяч офицеров. Теперь они (союзники. — *Авт.*) дают деньги» ¹.

---

¹ ЦГАОР. Коллекция,

Милюкову нетрудно было понять, что такая информация, попав в штаб Добровольческой армии, укрепит ее антантофильскую ориентацию и, следовательно, ослабит его, Милюкова, позицию на переговорах с немцами. Но он все же попытался обратить и эту информацию себе на пользу, нажав на немцев. 14 (27) июня в ходе встречи с германским послом Муммом и еще одним немцем, «говорящим по-русски», он обратил внимание на то, что успехи чехословаков и высадка японцев могут серьезно осложнить положение, и это «еще раз доказывает, что надо спешить с походом на Москву, который должен с германской помощью быть сделан Добровольческой армией». Разговор коснулся бывшего царя, Мумм заявил, что у германской стороны о нем нет никаких сведений, а Милюков, как и в разговоре с майором Гаазе, вновь высказался в пользу великого князя Михаила Александровича.

А 21 июня (4 июля) Милюкова постигло более сильное разочарование. Добровольческий офицер привез письмо от генерала Алексеева. Прочитав его, Милюков записал: «На моем плане приходится поставить временно крест... Добровольческая армия не меняет ориентацию». Вечером того же дня В. Шульгин показал Милюкову письмо от второго добровольческого вождя — генерала Деникина. Из него следовало, что командование Добровольческой армией и те политические (главным образом кадетские) элементы, которые при нем состояли, отвергают германофильство и не намерены открыто поднимать монархическое знамя. Хотя, писал Деникин, в армии и 80% монархистов, «вывесить лозунг монархии — значит потерять союзников или расколоть». Военное и политическое руководство Добровольческой армии решило отклонить претензии находившегося в Крыму бывшего верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича стать во главе белого движения¹.

Это не означало отказа от монархизма в принципе. Когда Шульгин бомбардировал командование Добровольческой армии посланиями, требовавшими, чтобы оно открыто подняло монархический флаг, генерал Алексеев летом 1918 г. отвечал: «Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание — необходимо иметь

---

¹ См.: Деникин А. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 254—256.

в виду, что выставили мы его лишь в силу необходимости... Наши симпатии должны быть для Вас ясны, но проявить их здесь открыто было бы ошибкой, т. к. населением это было бы встречено враждебно». И далее Алексеев заверял Шульгина, что, как только Добровольческая армия приобретет достаточно обширную «подвластную ей территорию», вопрос «о новом лозунге будет вскоре поставлен в повестку дня»¹. Кроме того, добровольческий штаб имел и свой стратегический план, не совпадавший с расчетами Милюкова. Как писал Деникин Шульгину, предполагалось сначала очистить юг, а уже потом «с хлебом идти на Москву и Волгу».

И все-таки упорный Милюков продолжал апробировать свой план. Во второй беседе с майором Гаазе, состоявшейся 27 июня (10 июля), он утверждал, что, несмотря на некоторые неблагоприятные сведения (выход кадетов из «Правого центра», решительный отказ Добровольческой армии от германофильской ориентации, движение чехов на востоке, проходившее под эгидой союзников), он уверен, что кадетская партия пойдет за ним, если только Германия обеспечит «твердую опору». Более того, он высказывал предположение, что Добровольческая армия еще может «склониться» к немцам, если ее не раздражать арестами добровольческих агентов на Украине и запрещениями переброски офицеров на Дон через украинскую территорию. Даже если Добровольческая армия уйдет на восток, говорил Милюков, она и там может пригодиться, ведь где-то там великий князь Михаил Александрович...

Однако все это было уже не более чем политической риторикой. В письмах к одному из руководителей московского «Национального центра», кадету Н. Щепкину, Милюков вынужден был признать, что его план «утилизации» Добровольческой армии как внутренней силы, которая с помощью немцев освободит Москву, нужно «признать разрушенным и устаревшим». По всем данным, несостоятельным признали его и немцы. Милюков был им теперь не нужен, и посол Мумм стал энергично настаивать на его высылке. Последнее, что Милюков сделал, находясь в Киеве, — в начале августа составил записку для «Правого центра», в которой он сообщал о своих переговорах с Гаазе и Муммом. В ней

---

¹ Деникин А. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 86.

Миллюков все еще продолжал оставаться на своей киевской позиции, но, пожалуй, без прежней энергии. Его программа — создание коалиционного правительства, только без «сторонников самодержавия» и «сторонников ориентации левого центра», правительства, «по необходимости благожелательного относительно германцев»¹. Что касается кандидата на престол, то он предлагал «отыскать великого князя Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве»². Фактически Миллюков «на новой основе» пытался возродить свой план начала марта 1917 г., когда в квартире на Миллионной он убеждал Михаила Александровича принять власть, переданную ему отрекшимся Николаем II.

Вскоре Миллюков уехал в Чернигов, затем в местечко Пересаж, где, по его словам, занялся книгой по истории русской революции, музицировал и отдыхал. Он еще несколько раз приезжал в Киев, участвовал в заседаниях местного комитета кадетской партии, в совещаниях бывших членов Государственных дум и Государственного совета, встречался с приехавшим из Москвы А. Кривошеиным, которого немцы теперь пытались так же зондировать, как ранее Миллюкова. Но Кривошеин уже тоже колебался в своем германофильстве и, не найдя общего языка ни с местными монархистами, ни с немцами, вскоре уехал в Крым.

Провал миссии Миллюкова, во многом обусловленный уходом кадетов из «Правого центра», а также отказом командования Добровольческой армии принять германскую ориентацию и выставить монархический лозунг, понудил немцев искать свой шанс в иных местах и с другими людьми.

В северо-западном регионе монархисты-германофилы, пожалуй, раньше всего установили связи с немцами, стремясь подтолкнуть их к нанесению удара по Советской Республике на этом направлении. Некоторые германские генералы и офицеры готовы были пустить в ход свои «железные кулаки», но тормозили в верхах по вопросу о будущем России, а также политическая шаткость тех русских контрагентов, с которыми немцам приходилось иметь здесь дело.

¹ ЦГАОР. Коллекция (Миллюков П. Н. Киев — Екатеринодар... Рукопись).

² Там же; см. также: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982. С. 118.

Это были никогда не обладавшие политическим весом бывшие великие князья Павел Александрович (неудачный составитель «конституционного манифеста» в февральские дни 1917 г.) и Кирилл Владимирович (позднее, в эмиграции, объявивший себя императором). Это был Марков 2-й со своими не столь уж многочисленными друзьями, на которых мог ставить только тот, кто потерял чувство реальности...

И тем не менее немцы не отвергали сотрудничества даже с таким «материалом», как черносотенная организация Маркова 2-го и другие. Это сотрудничество вылилось в планы формирования под монархическим знаменем (на территории Псковщины и Витебщины) так называемой Северной армии. Перед ней по первым замыслам ставилась задача захватить Петроград, а во главе ее предполагали поставить генерала Ф. Келлера, который во время Февральской революции, командуя конным корпусом, готов был поддержать царский престол вооруженной силой. Но планы по созданию Северной армии начали воплощаться в жизнь только в конце лета 1918 г.

На противоположном — юго-западном фланге германской линии, где немцам с помощью Милюкова не удалось «уловить» Добровольческую армию, ставка делалась на донского атамана П. Краснова. Это был тот самый Краснов, который в конце октября 1917 г. вместе с Керенским вел часть своего 3-го конного корпуса на большевистский Петроград, был разбит, отпущен под честное слово и уехал на Дон. В конце апреля — начале мая 1918 г. он оказался «на атаманстве» в результате антибольшевистского казачьего восстания на Дону, поддержанного продвигавшимися к Ростову германскими войсками.

После прихода к власти Краснов обратился с письмом к Вильгельму II, просил признать самостоятельность «всевеликого войска Донского», за что обещал нейтралитет и особые экономические льготы для Германии. В антантофильских кругах это обращение вызвало взрыв возмущения. Бывший председатель IV Государственной думы М. Родзянко даже объявил его «апокрифом», не веря, чтобы генерал царской службы мог признать себя «вассалом нашего исконного врага — германского императора»¹.

¹ Приазовский край. 1918. 16 (29) декабря; Русское дело (София). 1922. 5 февраля.

Краснов, несомненно, представлялся немцам более солидной фигурой, чем некоторые бывшие великие князья или Марков 2-й. За ним была довольно крупная военная сила — Донская армия, и он пользовался доверием самого кайзера. Но с «красновщиной» немцы вели ту же самую игру, что и со «скоропадчиной»: с одной стороны, поддерживали донской сепаратизм, давая понять, что они не сторонники восстановления единой и неделимой России, а с другой — привлекая к себе «великорусских монархистов», намекали им, что все будет зависеть от них самих, от их способности объединить достаточно широкие силы.

Алексеев и Деникин довольно умело использовали Краснова как передаточный пункт для получения германского оружия и снаряжения. Краснов впоследствии не без сарказма писал, что, оберегая «антантофильскую девственность» Добровольческой армии, он брал у немцев оружие, мыл его в донских водах, а уже потом передавал добровольцам. Немцы, конечно, все это хорошо знали. В июне 1918 г. добровольческий агент на Украине с некоторым удивлением доносил в штаб, что немцы почему-то не задержали в Харькове эшелон с офицерами, хотя «по погонам и корниловским нашивкам» понимали, что он пойдет на Дон, к Деникину и Алексееву¹.

Агент недоумевал напрасно. Как раз в эти дни немцы в Киеве вели переговоры с Милюковым, убеждавшим их, что сумеет «привязать» Добровольческую армию к германской колеснице и «повести ее на Москву». К тому же и командование Добровольческой армии держалось осторожно, чтобы не спровоцировать немцев и не перекрыть каналы получения оружия и подкреплений через Украину. Деникин писал Шульгину в Киев: «Немцы занимают сильным кордоном выходы из Донской области в центр России и не определили линии поведения по отношению к Добровольческой армии. Мы не замечаем друг друга»². Но уже в июле 1918 г. из переговоров с Милюковым и по другим данным немцам в Киеве становилось ясно, что расчеты на Добровольческую армию практически беспочвенны.

---

¹ См.: ЦГАОР. Коллекция (Политотдел при Особом совещании. Донесение «О»).

² Там же (Письмо А. Деникина В. Шульгину. 13 июня 1918 г.).

Тогда здесь, на юго-западе, точно так же, как и на северо-западе, немцы решили создавать русские воинские подразделения под монархическими знаменами и с германской ориентацией. В киевских дневниках Милюкова имеется запись о том, что во время переговоров Гаазе однажды проговорился, сказав, что Москву будет освобождать «Добровольческая армия, но не алексеевская, к которой он относится отрицательно»¹. По имевшимся у Милюкова данным, на эту новую армию немцы ассигновали 5 миллионов рублей. К концу лета план начал осуществляться.

На территории Богучарского и Новохоперского уездов Воронежской губернии (самовольно захваченных донскими казаками) с согласия атамана Краснова и по инициативе монархического союза «Наша родина» стала формироваться так называемая Южная армия. Краснов рассматривал ее как прикрытие с севера, а для Германии это был своего рода пробный шар в создании противовеса проантантовской Добровольческой армии. Германское командование на Украине охотно снабжало Южную армию деньгами и оружием. «Офицеров, желающих поступить в ряды армии, было достаточно»², — писал впоследствии один из организаторов Южной армии герцог Лейхтенбергский.

Действительно, в украинских городах после корниловщины осело много монархически настроенных офицеров. Конечно, далеко не все они стремились в район расположения Южной армии. Большая часть двигалась дальше, на Дон и Северный Кавказ, в формировавшуюся Добровольческую армию, но немалое число записывалось и в Южную армию. «Монархические лозунги и хорошее содержание, — писал генерал А. Лукомский, — первоначально привлекали многих, и запись началась очень успешно»³. Даже по признанию Краснова, в составе Южной армии преобладали офицеры, священники, бывшие городовые, сотрудники царской охраны и т. п. Они понадевали на себя погоны, нашили на рукава полосы бело-желтого цвета — «романовских цветов» — и двуглавого орла, распевали «Боже, царя храни!»⁴.

¹ ЦГАОР. Коллекция (Милюков П. П. Киев — Екатеринбург... Рукопись).

² Лейхтенбергский Н. Н. Как начиналась Южная армия // Архив русской революции (Берлин). 1923. Т. 8. С. 72.

³ Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 60—61.

⁴ См.: Краснов П. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции (Берлин), 1922. Т. 5, С. 242—243.

Пьяные оргии, буйства и грабежи южноармейцев на станциях Кантемировка и Чертково приобрели такой размах, что Краснов вынужден был принимать меры. Формирование Южной армии тормозилось из-за поисков «популярного генерала», который мог бы ее возглавить. Наконец согласился Н. Иванов, тот самый, который 2 марта 1917 г. по приказу Николая II с диктаторскими полномочиями двинулся из Ставки подавлять революционный Петроград. Экспедиция Иванова, как мы знаем, окончилась ничем, но сам неудавшийся диктатор был отпущен Керенским и летом 1918 г., по словам Краснова, «проживал в бедности в Новочеркасске, без всякого дела». Пережитые невзгоды расстроили его умственные способности, однако для союза «Наша родина» и Южной армии важно было хоть какое-то «знамя».

Помимо Южной армии, на Дону при полном содействии германского командования были созданы еще два монархических формирования: так называемые Астраханский и Саратовский корпуса. Скоропадский и Краснов вынашивали план слияния всех трех формирований — Южной армии, Астраханского и Саратовского корпусов — в одну Южную армию.

Если попытаться дать общую оценку взаимоотношений германских властей и русских монархистов на западе страны, то следует, вероятно, сказать следующее. Три основных фактора сдерживали их взаимодействие. Во-первых, Брестский договор, который, дав Германии богатую империалистическую добычу, серьезно связал ее воинствующий антибольшевизм. Во-вторых, разъединение самого монархического лагеря по принципу внешнеполитической ориентации с постепенным усилением антантофильских настроений. В-третьих, отсутствие в германофильских монархических кругах достаточно представительных политических групп и лидеров, способных парализовать сепаратизм и объединить антибольшевистские силы.

Наиболее крупная из правых партий — кадеты — в большинстве своем пошла в фарватере Антанты; попытка Милюкова повернуть партию «лицом к Германии» успехом не увенчалась. В результате, как свидетельствовал один из германских дипломатов в России, Гельферих (он сменил убитого Мирбаха на посту посла в Москве), Берлин не давал определенных руководящих директив по «русскому вопросу», стремясь, с одной стороны, держаться в рамках Бреста, а с другой —

исподволь сколачивая монархические силы как сепаратистского и самостийного толка, так и выступавших за единство России.

Именно эта «реальная политика» накладывала глубокий отпечаток и на отношение немцев к судьбе царской семьи, к вопросу об их освобождении. Мы уже отмечали, что, вопреки утверждениям некоторых авторов, это отношение не было и не могло быть определенным. Важность сохранения Бреста, сложность, запутанность политической обстановки в самом монархическом лагере не позволяли немцам принять конкретное решение.

По воспоминаниям генерала А. Мосолова (одного из приближенных бывшего царя), некоторые представители германского командования в Киеве якобы готовы были содействовать группе белогвардейских офицеров в организации броска на Урал для освобождения Николая II и его семьи. Но совершенно иную позицию занимали дипломаты. Для уточнения положения Мосолов через «причисленного к особе гетмана» графа Я. Альвенслебена передал письмо самому кайзеру. Однако, вернувшись в Киев, Альвенслебен несколько сконфуженно рекомендовал Мосолову обратиться к послу Мумму, который в свою очередь заявил, что не согласен с тем, «что для Германии важен вопрос о спасении царя»¹. Сам же Альвенслебен довольно долго поддерживал в Киеве слух о спасении Романовых. Современным английским авторам Т. Мэнголду и А. Саммерсу такое поведение немецкого дипломата кажется «загадочным»². Но не вписывалось ли оно в ту политическую игру, которую вели немцы на Украине с русскими монархистами? Не в интересах немцев было разочаровывать монархистов и решительно отталкивать их от себя...

Если вошедшие в германскую оккупационную зону западные области стали своеобразным магнитом, притягивавшим к себе монархические (черносотенные, октябристские и правокадетские) элементы, то в восточных регионах страны (Поволжье и Сибирь) уже ранней весной 1918 г. начали создаваться базы демократического (главным образом эсеровского) антибольшевизма.

---

¹ Мосолов А. При дворе императора. С. 220—222.

² Summers A., Mangold T. The File on the Tsar. P. 276—287.

На то были свои причины. В этих регионах, особенно в Сибири, населенной «прочными» крестьянами, эсеровское влияние было весьма ощутимо. Достаточно сказать, что мощная сибирская кооперация находилась преимущественно в руках эсеров, а это давало значительные средства. Но, пожалуй, не в этом состояло главное. Из переговоров, которые еще в конце 1917 и зимой 1918 г. эсеровские руководители вели с антантовской агентурой, они знали о готовившейся высадке союзных десантов в Архангельске и Владивостоке. Союзовозрожденческий стратег, близкий к эсерам генерал В. Болдырев уже тогда разработал план восстановления Восточного фронта для совместной с союзниками борьбы против большевиков и Германии.

Еще не до конца ясно, как конкретно в крупнейших городах Поволжья и Сибири эсеровские функционеры создавали подпольные организации, состоявшие главным образом из офицеров, которые возвращались сюда с фронта по демобилизации или служили в тыловых округах. Но они появились в Казани, Симбирске, Сарагове, Самаре, Уфе, Челябинске, Оренбурге, Омске, Томске, Новониколаевске, Иркутске, Красноярске и других городах. В политическом авангарде этого подполья находились эсеры, но реальную боевую силу в основном составляло офицерство. Среди них было немало демократически настроенных, но немало и монархистов.

Этот своеобразный эсерово-монархический антибольшевизм строился на взаимных политических расчетах: эсеры надеялись использовать офицерство как боевую силу для установления власти под лозунгом Учредительного собрания; офицеры и вообще кадетские и даже монархические элементы со своей стороны полагали, что, по необходимости пройдя под учредительскими знаменами определенную часть пути, они затем сумеют оттеснить эсеров. В их планах было что-то от намерений корниловцев: использовать керенщину как временное прикрытие для установления военной диктатуры. Все, конечно, зависело от реального соотношения сил...

Если на западе стимулятором оживления антибольшевизма (главным образом монархического) стал гетманский переворот в Киеве, то на востоке страны в известном смысле сходную роль сыграло уже упоминавшееся восстание Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. До сих пор существует мнение, что оно было просто

«божьем даром» как для внутреннего антибольшевизма, так и для Антанты. Но есть немало фактов, свидетельствующих, что этот «божий дар» был подготовлен вполне земными существами. Мы уже упоминали о плане генерала В. Болдырева. Цель его была в воссоздании Восточного фронта путем формирования антигерманской и антибольшевистской армии в восточном (или северном) регионе страны, «предварительно защищенном союзническим десантом». Не для реализации ли, в частности, этого замысла заранее создавалось антибольшевистское подполье в Архангельске, Поволжье и Сибири?

С этой точки зрения эвакуировавшийся через Поволжье и Сибирь Чехословацкий корпус, казалось бы, и в самом деле самым богом предназначался для использования теми, кто был заинтересован в создании нового Восточного фронта. Имеется немало данных, свидетельствующих о том, что так это и воспринималось в антантовских военных штабах и руководящих политических сферах.

Например, 11 мая 1918 г. в английский военный кабинет была подана записка, в которой, в частности, говорилось: «Представляется неестественным, что в тот момент, когда прилагаются большие усилия для обеспечения интервенции со стороны Японии... чехословацкие войска собираются перевести из России на Западный фронт». Рекомендовалось, чтобы чехословацкие войска, уже находившиеся во Владивостоке или на пути к нему, были «возглавлены, организованы там в эффективные воинские части... французским правительством, которое нужно просить, чтобы впредь до того, как они будут доставлены во Францию, использовать их в качестве части интервенционистских войск союзников»¹. 16 мая британский консул во Владивостоке получил секретную телеграмму из МИДа Англии, в которой прямо указывалось, что корпус «может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников»².

Проантантовские элементы в Москве и русские офицеры, служившие в корпусе, были, возможно, осведомлены об этом. Во всяком случае, находившийся в Киеве Милюков получил из московского «Правого центра»

---

¹ Цит. по: Волков Ф. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит, М., 1980. С. 43.

² Цит. по: Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию, М., 1982. С. 77.

информацию, согласно которой антантовские представители довели до сведения кадетов из «Национального центра», что движение чехословаков — их дело.

Москва, по-видимому, все же могла попытаться остановить восстание чехословаков, если бы проявила осторожность и склонность к компромиссу. Но там, похоже, еще пребывали в некоторой эйфории от «триумфального шествия Советской власти», переоценивали свои силы и силы местных Советов, прочность и надежность их опоры в массах. Впрочем, на обострение ситуации большевистское руководство в Москве, может быть, пошло и сознательно. Л. Троцкий впоследствии писал, что Ленина, его и других руководителей весной 1918 г. очень тревожила «рыхлость» революции. «Моментами было такое чувство, что все ползет, рассыпается, не за что ухватиться, не на что опереться». Эту «рыхлость» Троцкий объяснял, в частности, «отсутствием сопротивления вчерашних властителей». «Появление на сцене чехословацких частей изменило обстановку — сперва против нас, но в конечном счете в нашу пользу. Белые получили военный стержень для кристаллизации. В ответ началась настоящая революционная кристаллизация красных»¹. С этой точки зрения чехословацкое восстание могло быть использовано большевиками для превращения своей территории в то, что они называли «военным лагерем» со всеми вытекавшими отсюда суровыми последствиями. Конечно, существовал огромный риск, но «октябрьские большевики» готовы были рисковать перед перспективой оказаться погребенными в «рыхлости» распадавшейся революции. Таким парадоксальным образом чехословацкое восстание становилось «божьим даром» не только для антибольшевистских сил, но в какой-то мере и для... большевиков.

На поступающие с мест сообщения о нехватке сил для разоружения чехов Москва отвечала коротко и ясно: «Военные приказы отдаются не для обсуждения, а для исполнения. Я предам военному суду всех представителей военного комиссариата, которые будут трусливо уклоняться от исполнения приказа разоружить чехов. Нами приняты меры. Двинуты бронированные поезда. Вы обязаны действовать немедленно и решительно. Наркомвоен Троцкий»².

¹ Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990. С. 222—224.

² РЦХИДНИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 430. Л. 1.

В «Сообщении Народного комиссариата по военным делам по поводу чехословацких эшелонов» от 29 мая 1918 г. говорилось: «Советская власть не может потерять того, чтобы сбитые с толку реакционными негодьями, белогвардейцами и иностранными агентами чехословаки с оружием в руках захватили железнодорожные станции и производили насилие над Советами... Военный комиссариат издал распоряжение о немедленном и безусловном разоружении чехословаков и о расстреле тех из них, которые с оружием в руках будут противиться мероприятиям Советской власти. Вместе с тем военный комиссариат от имени всего правительства снова торжественно заявляет и подтверждает, что Советская власть относится самым дружественным образом к чехословакам и со своей стороны сделает все необходимое для того, чтобы дать им возможность в самый короткий срок покинуть пределы России. Условием для этого является полная и безусловная выдача всего оружия и строжайшее подчинение предписаниям Народного комиссариата по военным делам. До тех пор, пока это не выполнено, распоряжение Народного комиссариата о беспощадных действиях против мятежников остается во всей своей силе. С Урала и Центральной России в Сибирь двинуто достаточное количество войска для того, чтобы сокрушить мятежников»¹.

Могли ли чехословаки принять этот жесткий ультиматум, оставшись безоружными в эшелонах, теплушках, медленно двигавшихся по огромной территории, непонятно — дружественной или враждебной?

Чехословацкое восстание стало протянувшимся почти от Пензы до Владивостока бикфордовым шнуром, пламя которого вызвало антибольшевистский взрыв в огромных восточных районах страны. Советская власть здесь в июне 1918 г. оказалась на удивление быстро свергнутой (гораздо быстрее, чем она тут устанавливалась). К власти пришли эсеровские правительства, среди которых наиболее значительными были Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) с центром в Самаре и Временное Сибирское правительство с центром в Омске.

Какой же политический курс намеревался проводить Комуч? Активный его член эсер П. Климушкин в своих мемуарах писал, что перед Комучем «открывались

---

¹ РЦХИДНИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 430. Л. 1.

три пути». Первый — сделать ставку исключительно на трудовые массы, на рабочих, крестьян и «честную интеллигенцию», что практически значило бы действовать против правых, кадетско-монархических элементов с той же решительностью, с какой «Комуч действовал в отношении большевиков». Наиболее радикальные члены Комитета (их было меньшинство) предлагали идти таким путем, предсказывая, что правые силы раньше или позже сами выступят против Комуча.

Второй путь, напротив, предусматривал поворот политического курса вправо, чтобы привлечь к себе правые группировки, по крайней мере те, что шли за кадетами. Это требовало значительных уступок зажиточным слоям населения и, по признанию Климушкина, не исключало бы введение расстрелов, военно-полевых судов и карательных экспедиций против большевистски настроенных элементов.

И наконец, еще один путь, «наиболее сложный и извилистый», мог исходить из того, что умеренные и правые группы поняли, что «вне демократической программы нет спасения для антибольшевистских сил», и поэтому сами согласятся на серьезные уступки трудовым слоям общества. Этот «лавирующий» путь, следовательно, содержал в себе расчет на общественное единение.

Климушкин писал о трех путях как о возможности свободного выбора. Но существовал ли такой выбор реально? Комучевские эсеры не могли действовать против правых сил так же, как против большевиков, прежде всего потому, что опирались на поддержку правых, преимущественно из офицерской среды. Слишком круто свернуть вправо без риска попортить свой демократизм они тоже не могли.

«Мы, — писал Климушкин, — избрали третий путь объединения творческих сил России». Комуч, с одной стороны, заявлял, что, разогнав большевизированные Советы, он проведет выборы в новые, демократические Советы, будет поддерживать профсоюзы, осуществит аграрную программу (программу социализации земли), окажет содействие местному самоуправлению и т. д. С другой стороны, Комуч старался втянуть в орбиту своей деятельности и «цензовые», то есть кадетско-монархические элементы. В их интересах он денационализировал промышленность, замораживал конфискацию частновладельческих имений и т. п.

Но третий путь оказывался в сложившихся обстоятельствах невероятно трудным. Правая чаша политических весов нарушала балансирование, перевешивала. Могло ли быть иначе? Левого блока у эсеров из Комуча не получалось: с большевиками они вели войну. А политический блок с «цензовиками», с правыми был вынужденным: кадеты и монархисты, исходя из собственных расчетов, пока поддерживали Комуч. В результате Комуч с третьего пути все-таки сползал на означенный Климущкиным второй путь. Даже некоторые эсеры были смущены происходившей эволюцией. На собрании самарских эсеров (в августе 1918 г.) раздавались голоса, что «Комуч в своей тактике слишком взял крен вправо, привлекая в свои ряды без разбору и назначая на ответственные посты заведомых черносотенцев, что Народная армия (армия Комуча.— *Авт.*) оказалась целиком в руках правого офицерства»¹.

Комуч надеялся, что привлекаемые им правые элементы «чему-то научились» за время революции и потому вместе с ним последуют по пути борьбы за демократию. Но получив возможность сделать первый шаг против большевиков, эти люди собирали силы, чтобы двинуться дальше. Климущкин вспомнил свою беседу с близким к кадетам промышленником К. Неклютиным. В «шутливой форме» тот говорил: «Вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции. Но долго вы не можете удержаться у власти, вернее, революция, покотившаяся назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится, так зачем же нам связывать себя с вами? Мы вас будем до поры до времени немного подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму»². В управлении внутренних дел Комуча хорошо знали цену этой «шутке». Среди офицеров созданной Комучем Народной армии было немало таких, кто уже исподволь готовил свержение правительства. В июне было раскрыто несколько антикомучевских заговоров.

Сохранился любопытный доклад уполномоченного Сибирского правительства при Комуче Е. Яшнова, вос-

---

¹ ЦГАОР. Коллекция (*Климущкин П.* Чехословацкое выступление. Волжское движение и образование Директории. Рукопись. Прага, 1925).

² *Климущкин П.* Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге. Прага, 1930. Вып. 1. С. 63.

создающий политическую картину на территориях учредителей. Яшнов делал вывод о шатком положении Кому́ча, исходя, в частности, из анализа итогов выборов в Самарскую городскую думу в середине августа 1918 г. «Левые» (к которым Яшнов относил блок меньшевиков, эсеров, энесов и «полускрытых большевиков»), по его данным, получили 56,9% голосов. Правый блок (кадеты, домовладельцы, некие «ревнители православия» и прочие) получил 43,1% голосов.

«Однако на вопрос о том, насколько прочна эта опора,— писал Яшнов,— приходится ответить с большим сомнением. Не говоря уже о рабочих, даже крестьянство... является пока крайне неустойчивым фундаментом власти... Солдат оно дает явно неохотно, налогов не платит, переживает товарный голод... В итоге я не ошибусь, если скажу, что, в сущности, Комитет живет лишь силой инерции и чехословаков»¹.

Но летом Кому́ч находился еще в зените своих успехов. Части Народной армии и чехословаки уже рвались к Казани, куда еще раньше Советское правительство эвакуировало почти весь золотой запас России.

Захват Казани не входил в ранее разработанный стратегический план Кому́ча. Его лидеры склонялись к тому, чтобы развивать наступление в юго-западном направлении, на соединение с Добровольческой армией Алексеева и Деникина. Но реальный успех обозначился на северном направлении, и в Кому́че, как пишет Климушкин, стали думать: «Не права ли армия в своем инстинктивном устремлении на Казань — Москву, в сердце России?.. Не проще ли всего ворваться в Москву, перебить там всех комиссаров... и конец всему?»²

Несколько по-иному, со значительно большим уклоном вправо, развивались события в Сибири. В момент чехословацкого восстания из подполья вышел и объявил себя властью так называемый Западносибирский комиссариат. И хотя он довольно широко привлекал к работе своего «делового кабинета» (управление отдельными ведомствами) кадетские и даже монархические элементы, правые тем не менее считали, что комиссариат слишком «скомучился» и не торопится искоренять «завоевания революции». Действительно, в двадцатых

¹ ЦГАОР. Коллекция (Отчетный доклад уполномоченного Временного Сибирского правительства. № 1. 20 августа 1918 г.).

² ЦГАОР. Коллекция (Климушкин П. Чехословацкое выступление...).

числах июня Западносибирский комиссариат издал постановление, в котором признавалось, что некоторые преобразования Советской власти «оставили глубокий след», и потому полное «установление прежнего порядка представляется либо уже невозможным, либо нецелесообразным». Комиссариат предлагал «произвести пересмотр распоряжений и законов Советской власти но сохранить в силе те, которые «оказались жизнеспособны»¹.

Правые элементы посредством нараставшего политического давления добились замены Западносибирского комиссариата Временным Сибирским правительством. Если Комуч являл собой фактически однородно-эсеровское правительство, то состав Сибирского правительства с самого начала был более политически разнородным.

Какая из двух групп, представленных в Сибирском правительстве — левая или правая, — имела больше шансов в борьбе за влияние? Это во многом зависело от личных качеств министров обеих групп, так и от развития общей политической ситуации, определяемой целым комплексом факторов.

Но уже с первых шагов деятельности Сибирского правительства правая группа в нем стала брать верх. Объяснялось это не только боевитостью и напористостью ее лидеров: И. Михайлова, А. Гришина-Алмазов и других. Политическая обстановка играла ей на руку. Торгово-промышленные круги и офицерство, вдохновленные успехами в борьбе с большевиками, властно заявляли о своих претензиях. Правые газеты все более громогласно требовали военной диктатуры для полного «возрождения России», то есть решительного искоренения последствий революций 1917 г. Если сам Комуч (и Западносибирский комиссариат), по словам левого кадета Л. Кроля, хотел держать революцию на грани эсеровских требований, то Временное Сибирское правительство стремилось «назад от революции», дающего «возвратом к старым внешним формам»².

В начале июля 1918 г. были приняты постановления об отмене декретов Советской власти и восстановлении законов Российской империи, денационализации промышленности, возвращении всех земель их бывшим владельцам. В августе правительство отдало приказ о

¹ Цит. по: *Гармиза В.* Крушение эсеровских правительств в М., 1975. С. 98—99.

² *Кроль Л.* За три года. Владивосток, 1922. С. 62—63.

прещении деятельности Советов и аресте всех представителей Советской власти в Сибири. По свидетельству эсера А. Аргунова, специально обследовавшего деятельность Временного Сибирского правительства (при смене его Директорией осенью 1918 г.), «смертная казнь, военно-полевые суды, репрессии против печати, собрания и пр. — вся эта система государственного творчества быстро расцвела на сибирской земле»¹.

Сразу была начата мобилизация в Сибирскую армию одначало бывших царских генералов и офицеров (к осени она была доведена примерно до 200 тысяч человек). И не случайно многие офицеры, оказавшиеся в Народной армии Комуча, потянулись с Волги в Сибирь: Сибирское правительство и Сибирская армия были им бл же опостылевшей эсеровской «учредилки». Здесь порно распространялись слухи что где-то в Сибири, скорее всего в Омске, до поры до времени скрывается великий князь Михаил Александрович, который вот-вот ожен «открыться» и повести армию через Урал на Москву.

В антибольшевистских кругах эти слухи и сообщения вызывали обостренный интерес. Разные соображения играли тут роль. В сознании многих из тех, кто еще расстался с мыслью о реставрации монархии, Михаил котировался как претенднт № 1 на т он. Это по-точно: акт добровольного отречения (во всяком случае, ормально) Николая II был налицо; это снижа о или ке сводило на нет шансы бывшего царя, к то у же глазах многих скомпрометированного предреволюционной деятельностью, «распутинщиной». Михаил же шь отказался от престола до решения Учред ельно-го собрания, что не уичтожало лег тимной основы его озможного воцарения.

Здесь надо прерваться. Настало время рассказать о агической судьбе великого князя Михаила Александровича, ставшего первой жертвой, принесенной Романовыми на алтарь революции 1917 г

---

¹ Аргунов А. Между двумя большевиками Париж 1919, с. 24.

Глава 8

«Я «БЕЖАЛ»

МИХАИЛА РОМАНОВА»

Мы оставили Михаила Александровича в начале марта 1917 г., когда на квартире княгини О. Путьиной он подписал манифест об отказе от престола до решения Учредительным собранием вопроса о будущем государственном строе России. Эта подпись, как можно предполагать, принесла Михаилу большое внутреннее облегчение. Если еще можно спорить о том, годился ли Николай II по своему характеру для тяжкого «царского служения», то относительно Михаила такого спора, по-видимому, не может быть. Храбрый офицер, воспитанный в понятиях аристократической и воинской чести, но в общем далекий от политики, он принял февральский переворот, как и многие другие, полагая, что на этом потрясения в стране закончатся. Он без особых колебаний (еще до отречения Николая II и своего отказа от престола) подписал «великокняжеский манифест», согласно которому Россия должна была стать конституционной монархией.

Находясь в Петрограде, 1 марта он писал жене — Н. Брасовой — в Гатчину: «С этого момента начинается новое существование России»¹. Шутливо подписал — «товарищ М. Романов», на конверте надписал: «Товарищу Н. Брасовой» и отправил письмо с нарочным.

До ноября 1917 г. Михаил жил то в Гатчине, то в Петрограде. По некоторым сведениям, его секретарь англичанин Н. Джонсон получил для него визу на въезд в Англию, но Михаил не принял ее. «Я не хочу покидать Россию, — якобы заявил он. — Я верю в русских людей... Они не причинят мне вреда»². В начале

¹ ЦГАОР. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 87.

² Pipes R. The Russian Revolution. N. Y., 1989. P. 745 (Цит. по: Последние дни Романовых. С. 175).

ноября Петроградский ВРК постановил перевести Михаила либо в Гатчину, либо в Финляндию. Запросили комиссара Гатчины С. Рошаля. Тот удостоверил, что Гатчина и линия железной дороги в руках ВРК, и Михаила Александровича отправили в Гатчину под домашний арест.

В середине марта 1918 г. Михаил был выслан из Гатчины в Пермь, как говорилось в предписании, «до особого распоряжения». С достаточным основанием можно предположить, что главной причиной послужило опасение, что Гатчина окажется в полосе продвижения германских войск. Во всяком случае, член Высшего военного совета республики генерал М. Бонч-Бруевич в начале марта в особом докладе, направленном Ленину, предлагал правительству «теперь уже уехать из Петрограда, например, в Москву», чтобы не оказаться в непосредственной близости от неприятеля¹.

Предположение, что брат бывшего царя тоже окажется в такой близости, а может оказаться и в руках немцев, конечно, не могло не тревожить центр. Монархическая угроза представлялась вполне реальной. Михаил своим существованием уже не первый раз нервировал новые власти. Еще при Временном правительстве, в период корниловщины он по приказу управляющего военным министерством Б. Савинкова подвергся аресту (правда, домашнему) как одно из лиц, «особо угрожающих обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе»². Теперь вопрос о высылке Михаила слушался на заседании Совнаркома 9 марта. В протоколе № 76 читаем: «Принять с внесенными поправками. Высылку М. Романова поручить т. Урицкому». Михаил, как уже отмечалось, высылался в Пермь «впредь до особого распоряжения». Протокол был подписан Лениным, комиссарами Менжинским и Егоровым, управляющим делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем и секретарем Н. Горбуновым³. Причина высылки не указывалась.

Хотя постановление предписывало, чтобы высылавшийся вместе с Михаилом Александровичем его секретарь Джонсон не проживал с ним в одном городе,

---

¹ ЦГАОР. Ф. 622. Оп. 1. Д. 111а. Л. 4.

² ЦГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 15. Л. 45; Известия (Петроград). 1917. 24—27 августа.

³ См.: ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 169, 171.

Джонсон его не покинул. С пути он телеграфировал Ленину, прося оставить его при великом князе, у которого расстроено здоровье. Об этом же ходатайствовал и сам Михаил: просил управляющего делами Совнаркома В. Бонч-Бруевича не разделять их с Джонсоном ввиду его, Михаила, «болезни и одиночества».

Телеграммой от 25 марта 1918 г., подписанной В. Бонч-Бруевичем и председателем Петроградской ЧК М. Урицким и направленной в Пермь, Михаилу Романову и Джонсону разрешалось жить на свободе «под надзором местной Советской власти». Сохранилась «Расписка Пермского исполнительного комитета р. и с. депутатов» на бланке городского исполкома Совета за № 2634 от 17 марта 1918 г. В ней говорилось: «Настоящую расписку Пермский исполнительный комитет Р. и С. Д. дал в том, что препровожденные арестанты Михаил Александрович Романов (бывший великий князь), гражданин Николай Николаевич Джонсон (секретарь великого князя), Александр Михайлович Власов (дело-производитель Гатчинского дворца) и Петр Людвигович Знамеровский (бывший начальник жандармского отделения Балтийской железной дороги) в Пермь доставлены и Пермским исполнительным комитетом приняты»¹.

Вместе с Михаилом Романовым приехали его жена И. Брасова и несколько человек из личной obsługi, по они не числились арестованными и проживали свободно. (Брасова уехала из Перми 18 мая и тем, вероятно, спасла себе жизнь.) Впрочем, и Михаил Романов со своим английским секретарем поначалу не были фактически ничем стеснены. По приезде в Пермь их поселили в гостинице «Эрмитаж», а затем в так называемой «Королёвской гостинице» (по фамилии бывшего владельца Королева; в марте 1918 г. гостиница была национализирована).

Сохранился такой важный документ, как дневник великого князя, в 1990 г. опубликованный Ю. Бурановым в журнале «Вопросы истории»². Дневник начат 25 мая и заканчивается 11 июня, то есть за день до исчезновения из «Королёвских номеров». Удивительное сходство с дневником Николая II! Та же тщательная фиксация своего времяпрепровождения, бытовые

¹ РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 4. Л. 1.

² См.: Вопросы истории. 1990. № 9. С. 158—163.

зарисовки и только как бы между прочим, для памяти, короткие, без оценок записи о некоторых событиях, происходивших в стране.

Вот некоторые выписки из дневника: «...пили чай и ели много вкусных вещей», «утром читали, днем проишлись», «переехали на лодке на другую сторону Камы», «после завтрака был у нас датский вице-консул Рес с секретарем-австрийцем», «пошли к архимандриту Матвею, смотрели его квартиру, так как все ищем, куда можно было бы переехать», «проишлись немного пешком вдоль реки», «играл на гитаре», «в 8 ч. пошел в театр», «читал и играл на гитаре; вечером мы втроем пошли в кинематограф «Триумф», «после обеда ко мне пришли двое американцев, сэр О'Бриен и м-р Гесс», «после завтрака принял Яблоновского, корреспондента «Свободы России», «играл на гитаре», «днем Джонсон и я пошли к датскому вице-консулу», «пошел с визитом к Борегар» (актриса местного театра).

Из этих выписок видно, что в Перми Михаил Романов практически жил свободно. Московская директива В. Бонч-Бруевича, по-видимому, соблюдалась. Во всяком случае, даже при малейшем желании бежать Михаил за время своего пребывания в Перми мог это сделать не один раз. Он не бежал.

Впоследствии, когда ЧК вела расследование об исчезновении Михаила Александровича, один из допрашивавшихся, некий Крумнис (или Крумпнис), также проживавший в «Королёвских померах», рассказал, что некоторые люди спрашивали великого князя, почему он не бежит из Перми. Михаил будто бы отвечал шуткой: «Куда же я сбегу с моим ростом (он был очень высок), меня всюду найдут». Он, конечно, не мог не понимать, чем может обернуться его бегство для всей царской семьи, находившейся в Екатеринбурге...

Но обстоятельства менялись. Во-первых, как мы уже отмечали, Москва была «не указ» местным властям. Вчерашние простолюдины, многие из которых побывали в тюрьмах и ссылках, и далеко не всегда за политику, сегодня получали в свои руки практически необъятные полномочия. У них наверняка кружилась голова от ощущения свалившейся на них небывалой власти. В Москву весной 1918 г. со всех сторон шли депеши с отчаянными жалобами на произвол местных партийных и советских князьков. Ленину, Троцкому, Свердлову, да и другим высшим руководителям, сообщали почти повсюду,

что «работа тормозится местными органами». «Последние крайне враждебно относятся к... специалистам и ревниво оберегают свои насиженные места. Отсюда резкое гонение на работников, прибывающих извне, особенно из центра; крайний сепаратизм, полнейшее непонимание своих задач. Каждый город стремится стать столицей... Повсюду царит дилетантизм, никакой системы, никакой общей организации»¹. Да могло ли быть иначе? Что эти, в сущности, малограмотные люди, добравшиеся до власти, вынесли из своей полунищенской, униженной жизни, из тюрем, ссылок, каторги? Подозрительность, недоверие, недоброжелательство, озлобление. Если у некоторых и были какие-то убеждения, какая-то «идейность», то теперь и они быстро исчезали. Как говорил Л. Сен-Жюст, «все принципы ослабли. Остались только... красные колпаки, прикрывающие интригу».

В. Бонч-Бруевич со своей телеграммой, разрешающей Михаилу Романову «жить на свободе под наблюдением Советской власти», был далеко, а товарищ из Пермского исполкома или местной ЧК находились вот тут, рядом.

Но было бы все же неверно объяснять действия местных начальников одним только своеволием. Это, конечно, не так. В частности, на высылку Михаила Александровича из-под Петрограда они, думается, реагировали с повышенной тревогой. Если уж Москва сочла нужным запрячь его подальше, то они — власти на местах — тем более обязаны были смотреть в оба. Поэтому при любом обострении ситуации в городе или в регионе они спешили «принять меры». Чехословацкий мятеж, конечно, вызвал повышенную напряженность и в Перми. По городу распространялись самые разнообразные слухи. В дневнике Михаила имеется, например, запись, что в конце мая он видел некоего Обыденова, только что приехавшего из Екатеринбурга: «По-видимому, там военнопленные взяли власть в свои руки и арестовали Советскую власть, то же самое совершилось и в других некоторых городах Сибири». Так преломлялись сообщения о восстании Чехословацкого корпуса. Через несколько дней Михаил записал: «Московских и петроградских газет опять не было, и причина, кажется, та, что идет переброска Красной Армии с запада на

---

¹ РЦХИДНИ. Ф. 1. Оп. 109. Д. 4. Л. 8,

восток, к Екатеринбург, и еще в другие места, но куда, не знаю».

Предположение было правильным: чехословацкое восстание резко обострило положение в районе Поволжья и Урала. Отражением всего этого и стала запись в дневнике Михаила в конце мая: «Джонсон, Василий (камердинер Михаила В. Челышев) и я отправились в Пермскую окружную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне предлагается являться туда ежедневно в 11 ч.». «Люди добрые,— приписал Михаил,— скажите, что это такое!» Было ли на то указание из Москвы? Или тут проявилась пермская самодеятельность? Известно, что Михаил обращался в исполком Совета с просьбой сократить ему явку в ЧК хотя бы до двух раз в неделю, но получил отказ на основании якобы того, что приказ об этом исходил из Гатчины¹. Так или иначе, с этого момента Михаил стал объектом внимания не только местной милиции (как это было по его прибытии в Пермь), но и ЧК. По-видимому, начались всякого рода придирки, которых раньше не отмечалось. В дневнике (начало июня) имеется такая запись: «В чрезвычайном комитете я слегка сцепился с одним «товарищем», который был очень груб со мною...»

В первые июньские дни Михаил заболел. Обострилась язвенная болезнь, он страдал от болей в желудке, часто лежал и почти ничего не ел. 11 июня сделал запись: «Доктор Шипицын зашел около 8¹/₂. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь, 13°, вечером тоже».

На другой день произошла катастрофа.

Когда из «Королёвских номеров» в ночь с 12 на 13 июня исчезли Михаил Романов и Джонсон, местная ЧК начала расследование. Арестовали камердинера Челышева, шофера Борунова, бывшего полковника Знамеровского и «заведующего номерами» гостиницы Сапожников. Допрошено было большое число людей, так или иначе соприкасавшихся с Михаилом Романовым или наблюдавших сцену его «исчезновения». Следствие вел следователь ЧК Меншиков, и допрашиваемые дали следующие показания (приведем некоторые из них).

Уже упоминавшийся нами *Крумис*. Он видел, как вечером 12 июня в гостиницу явились трое неизвестных

---

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 9.

и предъявили комиссару гостиницы какой-то ордер. Прошло минут двадцать, и с третьего этажа стали спускаться Михаил и Джонсон в сопровождении этих троих неизвестных. «Великий князь и Джонсон были одеты в обыкновенные костюмы... без пальто. Имели палки в руках. Я не заметил особенного волнения на лицах этих людей». Сели в экипаж, который поднялся по Сибирской улице по направлению к Сибирскому тракту и исчез из виду. Комиссар гостиницы стал звонить в ЧК, спрашивал, выдавали ли там ордер на арест великого князя. Оттуда ответили отрицательно, а через час приехало несколько агентов и членов совдепа. Они говорили, что «Романов увезен злоумышленниками в неизвестном направлении».

Швейцар А. Вотинов. В ночь с 12-го на 13-е явились двое в шинелях, спросили, в каком номере живет Михаил Романов. Потом появился третий — «в гимнастерке, с кобурой». Все поднялись наверх, в 14-й номер, «громко там с кем-то говорили». Потом вниз спустился Борунов и по телефону сообщил в ЧК, что Михаила арестовывают. Пока он опять поднимался наверх, сверху стали спускаться Михаил и Джонсон с одним из неизвестных. Он «вел Михаила за руку». Все вышли на улицу и уехали.

Горничная Богданова. В ту ночь, когда все это случилось, она готовила ванну для Михаила Романова. Слышала, как неизвестный грубо приказывал одеваться. Джонсон уговаривал неизвестного, но тот настаивал на своем. Внизу, куда все сошли, стояли неизвестные, «держали в руках револьверы».

Актер Поляков (жил в «Королёвских номерах»). На вопрос Джонсона: «Что вам нужно?» — один из неизвестных ответил: «Мне нужно Романова». Джонсон говорил ему, что великий князь болен, но тот заявил, что в случае отказа прибегнет к вооруженной силе. «Весь разговор был в очень грубой форме».

Л. Миссюрова (прислуга Тупицыных, в семье которых бывал Михаил). Великий князь бывал на квартире Тупицыных еще с женой — Н. Брасовой. Тупицыны говорили, что они ждут свержения Советской власти, после чего царем будет Михаил. (Допрошенный Тупицын отрицал показания своей прислуги, говорил, что Михаил всего лишь хотел снять у него квартиру.)

Бывший жандармский полковник Знамеровский (прибыл из Гатчины в Пермь одновременно с Михаи-

лом, они часто встречались). Высказал предположение, что Михаила Александровича захватили либо «озверевшие люди», либо какая-то монархическая организация, либо его увезли по распоряжению центральной власти без ведома местных властей.

Сапожников (управляющий гостиницей). Хотел звонить в ЧК, но Борунов не дал, стал звонить сам. Через некоторое время после того как Михаила и Джонсона увезли, явились председатель ЧК Малков и другие.

Челышев (камердинер Михаила Романова с 1915 г.). Сначала он и Борунов не пускали одного из поднимавшихся наверх неизвестных к великому князю. Потом вышел Джонсон, и неизвестный подал ему какую-то бумагу, которую называл мандатом. Джонсон взял бумагу и пошел к Михаилу. Неизвестный тоже хотел войти, но его не пустили. Тогда он вытащил револьвер, направил на Челышева и грозно сказал: «Отойди!» Затем вошел в номер, спросил: «Вы Михаил Романов?», приказал одеваться и следовать за ним. Михаил отвечал, что болен, просил пригласить доктора. Неизвестный грубо требовал одеваться. Тогда Михаил сказал, что мандату готов подчиниться, но пришедшему — нет, так как его не знает. Он просил прислать кого-либо из ЧК, но неизвестный стал угрожать револьвером. Тогда-то Борунов и побежал к телефону вниз.

«Неизвестный грубо схватил Михаила Александровича за ворот, силой заставил его одеваться. Стал одеваться и Джонсон». Челышев хотел было тоже одеваться, но его резко остановили: «Ты куда?!» В это время в номер вошли еще двое. «Я, — показывал Челышев, — вышел на балкон и смотрел, как неизвестные силком втакивали Михаила Александровича в экипаж, верх которого был приподнят. Во второй экипаж посадили Джонсона и покатали по направлению к Мотовилихе».

Версия о «трех неизвестных» была сразу принята местными властями. Пермская ЧК, сообщая о происшедшем в Москву и Екатеринбург, лишь подчеркнула, что «в данном случае усматриваются признаки преступного деяния, предусмотренного постановлением Всероссийской ЧК по борьбе с контрреволюцией»¹. Москва просила губсовдеи срочно сообщить подробности похищения Михаила Романова, так как это «очень важно».

---

¹ РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 11.

Из Екатеринбурга председатель исполкома Уралоблсовета А. Белобородов, по-видимому, чувствовавший себя «хозяином» всех Романовых, находившихся на Урале, требовал немедленно дать сведения о том, кому был сдан Михаил по прибытии в Пермь, каковы были условия режима, кем было отменено содержание великого князя в тюрьме (?!), что дало следствие, кто арестован и т. п.¹ Мы не знаем, что отвечала на эти запросы Пермь. Один из первых советских авторов, писавших о казни Романовых на Урале, П. Быков, позднее утверждал, что после окончания следствия газеты официально сообщали о расстреле Михаила Романова². Но до сих пор этих сообщений обнаружить не удалось. Скорее всего их и не существовало. Это косвенно подтверждается объявлением пермской губчека «Задержание Михаила Романова», предназначавшимся для публикации в пермских газетах. Как пишут публикаторы материалов «Судьба Михаила Романова» в журнале «Вопросы истории» И. Миркина и В. Хрусталева, текст был «заштампован типографской краской» или вообще изъят из набора.

Вот это поистине поразительное объявление. «18 сентября 1918 г. После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по Па[шийскому] тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на [двоих] проходящих по направлению к [Пашийскому] заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них, высокого роста, с русой бородой «буланже», особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документов. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности. После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы) им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим, что они сделать отказались. Ост[аваясь] уверенными, что спрашиваемые нами лица

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 22.

² См.: Быков П. Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале. С. 25—26.

загримированы, мы силой заставили их снять грим. После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану. По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы. Председатель Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии П. Малков»¹.

По изначальному замыслу это объявление, видимо, должно было стать основой для дальнейших сообщений о расстреле Михаила. Однако неприкрытая глупость документа была такова, что его, по-видимому, в последний момент все-таки убрали, решив лучше не публиковать вообще, чем публиковать «такое». Решили, вероятно, ограничиться уже распространявшейся версией об уводе Михаила заговорщиками. В тот момент она, кажется, устраивала всех: с «красной стороны» снимала возможное обвинение в бессудном убийстве великого князя, в лагере белых подогревала монархические чувства и надежды...

Но что же в действительности произошло в глухую ночь на лесном мотовилихинском тракте? Знали ли об этом тогда же или вскоре уральские чекисты, а значит, и более высокое начальство? Много, много лет спустя бывший член уральской ЧК И. Радзинский вспоминал. Вдруг в Уральский облисполком пришла телеграмма из Перми о том, что из гостиницы похищен Михаил Романов с женой и секретарем. «На нас набросились страшенно: такие вы, рассякие», — но нам, говорил Радзинский, было ясно, что «тут другое что-то». Через несколько дней появился Гаврила Ильич Мясников, и «все тут прояснилось». Еще в мае Мясникова, который никак не уживался в Перми, приглашали работать в екатеринбургской ЧК, но он тогда отказался. «Делать ничего не делал, ходил в валенках, усы у него были закручены. Руки в карманы и подшучивал, остроты отпускал, веселый был».

Потом уехал и некоторое время не давал о себе знать. Появился, как уже отмечалось, уже после поступления телеграммы об исчезновении Михаила. Сообщил, что был в Перми, и на вопрос о том, не знает ли, что же там произошло с Михаилом, по рассказу Радзинского, поведал следующее: «Они такую штуку сделали,

---

¹ Цит. по: Вопросы истории. 1990. № 9. С. 156.

я беру с его слов... Они действительно организовали похищение... налет организовали. Организовал он там группу из рабочих мотовилихинских и губчека. Предварительно они повидались с председателем губисполкома Сорокиным и заставили Сорокина подписать решение. Между прочим, тот не хотел подписывать, но с Ганькой не нарынаешься. Подписал — так Ганька рассказывал... Организовали налет на гостиницу, заперли всю прислугу... Потом появились у него в номере. Михаил не хотел ехать (они говорили, что приехали спасти). Но он очень не хотел... В Мотовилихе они его убили, его жену и секретаря — этого самого Джонса... Они сделали инсценировку, организовали и преследование себя, причем их чуть не настигли. Они еще там же сообщили в милицию, что там, в гостинице, налет. И милиция меры приняла... Вообще я не понимаю, зачем это нужно было»¹.

В этом жутковато-простодушном рассказе Радзинского много путаного, ошибочного (например, жены Михаила в Перми не было), расходящегося с другими свидетельствами, что вообще-то вполне естественно: вспоминал Радзинский в 1964 г.! Но его рассказ важен совсем другим: он подтверждает факт организованности нападения на «Королёвские номера» и похищения Михаила Александровича по крайней мере на уровне пермской ЧК, а также факт причастности к этому похищению как главного организатора или исполнителя председателя Мотовилихинского Совета Мясникова (или, как его звали среди своих, Ганьки).

Причастность Мясникова к гибели Михаила Романова была известна и колчаковскому следователю Николаю Соколову. В своей книге он писал, что летом 1919 г. допрашивал некую В. Карнаухову, которая работала секретарем в пермском комитете большевиков (она была сестрой видного работника уральской ЧК Ф. Лукоянова). Та показала: «Пришел как-то в наш комитет чекист Мясников, человек кровожадный, озлобленный, вряд ли нормальный. Он с кем-то разговаривал, и до меня допелась его фраза: «Дали бы мне Николая, я бы с ним сумел расправиться, как и с Михаилом»².

«Кровожадный, озлобленный» Ганька. Погружаясь в малодоступную историю его жизни, видишь что-то

---

¹ РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 37—39.

² Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 331.

общее с Мячиным-Яковлевым. Оба служили революции, не останавливаясь перед пролитием крови тех, кого считали ее врагами, оба в какой-то момент отшатнулись от большевизма, и оба стали его жертвой.

В 1921 г. Ганька писал о себе Ленину: «Из 11 лет до 1917 года моей партийности я 7½ лет сижу в тюрьмах и на каторге... Был нещадно избиваем, подвергался пыткам. Остальные 3½ года проходят в побегах... бегу не за границу, а для партийной работы в Россию»¹. В Мотовилихе, где после Октября он стал председателем местного Совета, Мясников был своим, рубахой-парнем и пользовался несомненным авторитетом. Кто и что стояло за неожиданным решением Ганьки Мясникова расправиться с Михаилом Романовым? Документально ответить на этот вопрос мы все еще не можем.

Есть, однако, мемуарный, но очень ценный документ, извлеченный из архива лишь в наши дни, позволяющий восстановить картину рождения преступного замысла и его воплощения. Автор этих воспоминаний (написанных в феврале 1924 г.) — А. Марков, в 1918 г. член Мотовилихинского ревкома и пермской ЧК. Его тупая бесхитростность придает всему повествованию какую-то особую мрачность и раздраженность².

«Надвигалось бурное время, — писал Марков, — приближался фронт белых банд Колчака (Колчак тогда находился на Дальнем Востоке и Японий и к «белым бандам» в Поволжье и на Урале не имел никакого отношения. — *Авт.*), бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы». Это «бушевание» буржуазии и попов и навели, по словам Маркова, небольшую группу большевиков на мысль «изъять из обращения» Михаила Романова «путем похищения его из Королёвских номеров... Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г. И.». Если верить Маркову, Мясников поделился своей мыслью с комиссаром по охране города Перми, то есть начальником милиции В. Иванченко, и с ним, Марковым. Мысль была поддержана, но так как показалась трудной для осуществления только троими, решили пригласить помощника начальника мотовилихинской милиции Н. Жужгова и знакомого красногвардейца И. Колпащикова. Компания подобралась боевая. На счету самого Маркова,

¹ Цит. по: *Беленкин Б.* Ганька // *Огонек*. 1990. № 21. С. 18.

² См.: *Вопросы истории*. 1990. № 9. С. 154—156.

бывшего боевика, уже был не один расстрел; во всяком случае, он сам писал, что участвовал в расстрелах полицейских, группы бывших офицеров, управляющего делами мотовилихинского завода Темникова, его сына-офицера и начальника снарядного цеха инженера Иванова. «Для быстроты» трупы бросали в Каму. «Много было и других делов,— писал Марков в своей автобиографии,— всех не перечесть».

Иванченко — в прошлом тоже боевик, после революции милиционер и чекист. Н. Жужгов — соучастник Маркова по расстрелам на заводе, а после убийства Михаила на его боевом счету, по собственному признанию, был и застреленный пермский епископ Андроник. Позднее его исключили из партии за пьянство и по подозрению в работе на царскую полицию осведомителем. Колпашиков был просто подручным Маркова. Все пятеро — бывшие мотовилихинские рабочие, в царское время отбывавшие различные сроки наказания в тюрьмах или на каторге, главным образом за террористические акты, совершенные по заданию боевых революционных организаций. О. Платонов, опубликовавший обширные выдержки из их автобиографий и биографий, хранящихся в архивах¹, сопровождал их более поздними фотографиями Маркова и Иванченко. У Маркова недовольное, злое и в то же время надменное лицо. У Иванченко — полуслепые глаза, застывший взгляд...

«Было намечено следующее,— деловито разъяснял Марков.— Около 7 часов вечера взять двух надежных лошадей в крытых фаэтонах и направиться в Пермь. В Перми лошадей поставили во двор губчека, посветили в это дело председателя губчека тов. Малкова и помощника Иванченко т. Дрокина. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так». И далее рассказ Маркова в основных своих чертах совпадает с показаниями тех жильцов и служащих «Королёвских номеров», которые мы приводили выше. Решено было около одиннадцати вечера явиться в номер к великому князю, предъявить ему подписанный Малковым документ о немедленном выезде с прибывшими, а если будет «брыкаться», взять силой.

Марков тут же напечатал «документ», а Малков почему-то неразборчиво его подписал. В этот момент

---

¹ См.: Платонов О. Цареубийцы // Литературная Россия, 1990. № 38. С. 18—20; он же. Убийство царской семьи. М., 1991.

явился predisполкома Сорокин, который, согласно рассказу И. Радзинского, якобы тоже подписал «документ», но который, как утверждает Марков, поняв, что тут «затевается крупное», «рассмеялся и ушел».

Дрокину приказали сесть у телефона и ждать сообщений. Малков остался в ЧК. Мясников пешком пошел в «Королёвские номера», а Марков, Жужгов, Иванченко и Колпашиков поехали туда же на фаэтонах. Приехали. «Дислокация» была следующей. Жужгов и Колпашиков пошли наверх, в номера, а Марков, Иванченко и Мясников остались на улице, в резерве. Проходило время, Жужгов с Колпашиковым не появлялись, и тогда, как утверждает Марков, он сам поднялся наверх. «Вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора, Малкова. Тогда я потребовал взять его, в чем он есть. На него накинули что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться... Просил взять с собой хотя бы его личного секретаря Джонсона — это было ему предоставлено, т. к. это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу».

Нетрудно заметить, что наиболее решительные действия Марков приписывает себе. Это понятно. Воспоминания (или объяснительная записка) писались в 1924 г., когда борьба с «бывшими», а тем более с представителями царской династии, цепилась весьма высоко и составляла предмет революционной гордости. На протяжении многих лет между тем, кто так или иначе был причастен к убийству Романовых, шли споры: всем хотелось доказать свою важную, если не главную роль в выполнении «высокого революционного долга», в свершении законной «народной мести».

Но Марков не чурался и политической конъюнктуры. В это время (1924 г.) Ганька Мясников был уже исключен из партии за оппозиционную деятельность — «мясниковщину» — и бежал за границу. Поэтому и его ранние «заслуги» следовало преуменьшать. Марков службу знал и, рассказывая, что происходило после того, как Михаила и Джонсона вывели на улицу, бросил на Мясникова «нужную» тень. Возле «Королёвских номеров» Мясникова — инициатора и главного организатора похищения Михаила... не оказалось. По Маркову, когда Ганька понял, что в номерах произошла заминка, что

Михаил не хочет выходить и что дело кончится тем, что Марков пустит в ход имевшиеся у него бомбы, он «струсил и убежал».

Мы не знаем, как было на самом деле, но в кровавом продолжении операции «изъятия из обращения» Михаила Романова Мясников, по-видимому, действительно не участвовал. Это подтверждается не только свидетельством Маркова, но и других.

Посадив Михаила и Джонсона в фаэтоны, поехали к Мотовилихе, затем миновали ее. Тьма, холодно, хотя и стоял июнь. Проехали керосиновый склад Нобеля, круто повернули в лес. Остановились по выкрику Жужгова: «Приехали, вылезай». Марков сразу же выстрелил в Джонсона. Жужгов стрелял в Михаила, но только ранил его. «Романов,— писал Марков,— с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем». Не понимал, наверное, Марков цены этой фразы, написанной как бы между прочим. Но именно она создает жуткий эффект присутствия. «С растопыренными руками» бежал Михаил Романов, уже раненный, уже сознававший, что через мгновение он будет мертв, моля убийц только об одном: проститься с другом, с человеком, который в его юдоли один оставался с ним. Благородный образ великого князя Михаила Александровича одной только фразой нарисовал Марков...

Михаил бежал, а у них, видимо, все-таки тряслись руки. У Жужгова заклинило патрон, наган дал осечку, Жужгов громко матерился. Ругался и Колпашиков, у которого тоже застрял патрон в браунинге. Испугавшись первых выстрелов, понесла одна из лошадей, Иванченко кинулся за ней. «Мне,— твердо и деловито писал Марков,— пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же».

Слабо, мутно занимался рассвет. Надо было спешить, так как все произошло недалеко от дороги. Оттащили трупы в сторону, завалили их ветками и уехали в Мотовилиху. Зарывать в другую ночь поехали Жужгов с «надежным милиционером, кажется Новоселовым».

Через четыре года после написания Марковым этих воспоминаний, в 1928 г., объявился упомянутый Новоселов. Возможно, история убийства Михаила Романова, воссозданная Марковым, была ему известна. Утвержде-

ние, согласно которому его личная роль свелась только к захоронению трупов, возмущало Новоселова. Сохранился потрясающий документ (теперь уже опубликованный), содержащий не только новые подробности убийства Михаила Александровича и Джонсона, но и ставший еще одним ярким свидетельством глубокого пореждения нравов того времени.

3 августа 1928 г. И. Новоселов, отрекомендовавшийся сыном крестьянина, членом ВКП(б) с 1918 г., человеком, многие годы проработавшим «на ответственных постах» в ЧК, армейской контрразведке, ревтрибунале, суде, направил в «Правду» письмо, озаглавив его «Ищу правды». В нем он дезавуировал версию Маркова, согласно которой именно он, Марков, застрелил Михаила Романова, и приписывал эту «честь» себе и некоему А. Плешкову, которого называл начальником мотовилихинской милиции.

«По нелегальному постановлению Мотовилихинской организации РКП(б), т. е. участниками Михаил Романов был взят и расстрелян в пределах Мотовилихинского района Уральской области, т. е. участниками, которые взяли из «Королёвских номеров» М. Романова или: 1) Иванченко В. А., 2) Марков А. . 3) Жужгов Н. В., 4) Колпащиков Ф. ...В расстреле Романова принимал участие: 1-ым стрелком — Голослов Иосиф Георгиевич, больше участия никто не принимал». Делом же рук Маркова, Иванченко и Колпащикова, по уверению Новоселова, было лишь убийство Джонсона.

Он рисовал свою картину расстрела. Когда фаэтоны Михаилом и Джонсоном проезжал Мотовилиху, Мисков якобы остался (Марков утверждал, что он бежал еще от «Королёвских номеров»), а вместо него сели Новоселов, и Плешков. Первым выстрелил в Михаила Жужгов, но лишь ранил его в плечо, и Михаил, хватив Жужгова в охапку, начал бороться с ним. Тогда Новоселов выстрелил Михаилу в висок, и он был убит насмерть». Закопав убитых на другой день, Новоселов на одной из сосен ножом вырезал четыре буквы: «В. К. М. Р.»

«Я неоднократно писал в ЦК ВКП(б), — жаловался Новоселов, — а также в Уральский штаб, кроме того, Пермский и Тобольский штаб о своем историческом подвиге, но мне нет оттуда никакого ответа» Новоселов просил, чтобы Иванченко и Марков не пользовались

«чужими историческими подвигами, а совершали их сами».

Доказывая свою правоту, Новоселов проявлял завидную настойчивость. Уверял, что только он (и Жужгов) «ище ни забыли историческую могилу», то есть знают место захоронения Михаила Романова, что он точно помнит, какие именно вещи (часы, кольцо, пальто, штиблеты) с расстрелянных делились в управлении мотовилихинской милиции и кому именно что досталось, а это тоже доказательство его прямого участия в расстреле. Новоселов настаивал на очной ставке с Марковым, Иванченко и другими¹.

Рассказ Новоселова о дележке вещей убитых не только вызывает оторопь. А вдруг он проливает свет на действительные мотивы мотовилихинского убийства? Может быть, и не нужно искать других? Ведь и упорные домогательства Новоселова спустя десять лет после совершения преступления были продиктованы «законным» желанием получить вознаграждение за былой «революционный подвиг». «Я отдал все для советского строительства,— писал Новоселов в «Правду»,— но, потеряв здоровье, в настоящее время живу одиннадцатый месяц совершенно безработным, словом, выкинут на произвол судьбы со своим семейством»².

Кто же они — марковы, жужговы, новоселовы и другие,— палачи или жертвы? А Ганька Мясников? И Марков, и Новоселов свидетельствуют, что лично он не принимал участия в расстреле Михаила Романова. Почему? — вопрос этот остается открытым.

Версию Маркова о «трусости» Мясникова трудно принять как из-за ее очевидной конъюнктурности, так и из-за полного несоответствия характеру Ганьки: вся его последующая удивительная жизнь убеждает, что в чем, в чем, но в смелости отказать ему невозможно. Он не оставил воспоминаний, а надежда на то, что обнару-

---

¹ Были и другие претенденты на право считаться организаторами и исполнителями казни М. Романова. Например, в 1954 г. это право предъявил сам председатель пермской ЧК П. Малков. Он утверждал, что похищение и расстрел Михаила — дело его рук, а также рук А. Маркова и А. Трофимова (см.: Буранов Ю., Хрусталева В. Похищение претендента // Совершенно секретно. 1990. № 9. С. 23—27).

² Письмо в «Правду» и другие материалы И. Новоселова см.: РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 22. Л. 1—2. Опубликовано О. Платоновым в газете «Литературная Россия». 1990. № 38. С. 18—20; он же. Убийство царской семьи. С. 88.

жаты документы, раскрывающие весь замысел убийства Михаила Романова, призрачна. Появившиеся в последнее время утверждения, что сигнал о казни Михаила поступил «от Свердлова через Белобородова», пока ничем не обосновывается.

Нельзя, как представляется, игнорировать мнение такого добросовестного историка, как С. Мельгунов, — автора целой серии книг о революции и гражданской войне. В фундаментальной монографии «Судьба императора Николая II после отречения» — исследовании, проникнутом бескомпромиссным осуждением «уральского действия» большевиков, — Мельгунов, касаясь судьбы Михаила, писал: да, скорее всего то, что случилось в «Королёвских номерах», было подготовлено и разработано в недрах ЧК, но «все взаимоотношения организаторов убийства (Михаила. — *Авт.*) с центром пока еще остаются по меньшей мере тайной». И далее: «Представляется очень правдоподобным, что группа «левых» коммунистов по собственной инициативе предприняла уничтожение главного кандидата на российский престол»¹.

Мы знаем, что в ответ на сообщение Пермской ЧК об аресте Михаила Романова неизвестными лицами и Екатеринбург (А. Белобородов), и Москва запрашивали о случившемся. Скорее всего, они получили соответствующие ответы и знали, что в действительности произошло. Никто не был привлечен к ответу, никто из убийц не пострадал. Неясно, дала ли Москва команду расправиться с Михаилом, но не исключено, что странный «мотовилихинский опыт» не остался незамеченным центром, где «дело Романовых» вызывало все большую озабоченность.

Ну а главный герой — Ганька Мясников? Его судьба, как уже отмечалось, оказалась не менее превратной, чем судьба Мячина-Яковлева. Странные, удивительные жизненные траектории вычерчивала эпоха! С какими крутыми изломами и поворотами шла жизнь...

Мясников продолжал свою «руководящую» работу на Урале — в Мотовилихе и Перми. В тяжелую зиму, в декабре 1918 г. голодающие рабочие мотовилихинского и других заводов не выдержали. На собраниях они требовали: увеличить паек, но не тем хлебом, «который

---

¹ Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения. С. 394, 395.

не едят свищи», а мукой; снять с комиссаров кожаные тужурки и фуражки, чтобы «употребить их на обувь»; отменить привилегии для комиссаров, уравнивать их по пайкам с рабочими, отменить катания всех комиссаров на лошадях, а также в автомобилях; отменить аресты; разрешать свободу слова и собрания, «чтобы была власть Советов рабочих и крестьянских депутатов, а не чрезвычайных комиссий»; отменить смертную казнь без суда. Все эти и другие требования принимались единогласно¹.

Сохранилось письмо уже главы Пермского исполкома Г. Мясникова некоему «Михаилу», в котором он, приложив резолюцию с требованиями рабочих, писал, что все это — результат «влияния белогвардейских элементов», но тем не менее признавал, что все попытки «взять руководство массой в наши руки потерпели решительную неудачу»².

Возможно, здесь — первый след уже недалекой гавькиной оппозиции, получившей название «мясниковщина» и удостоившейся того, что в борьбу с ней вступил и сам Ленин. В мае 1921 г. Мясников подал в ЦК «Докладную записку», одной из главных идей которой было... требование свободы слова и печати. «Надо создать условия,— говорилось в записке,— при которых не только свобода мнений внутри партии не подавляется самым гнусным образом, но надо сделать, чтобы весь мир видел, что мы пропаганды и агитации белогвардейцев всех сортов и оттенков не боимся»³.

На этом он не остановился. В опубликованных им статьях и брошюре «Больные вопросы» клеймил «безобразия и злоупотребления», поразившие партию, и доказывал, что со сменой лозунга «гражданской войны» на лозунг «гражданского мира» лучшим лекарством в борьбе с ними может быть только полная свобода печати. В стране уже ввели нэп, «военный коммунизм» в экономике был решительно отодвинут, в нее входил рынок, но политические структуры оставались «военно-коммунистическими». Говоря марксистским языком, надстройка приходила в несоответствие с базисом, и в этом несоответствии, в его глубинах коренились будущие трагические конфликты.

---

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 28. Л. 28.

² Там же.

³ Цит. по: Беленкин Б. Гапья // Огонек. 1990. № 21. С. 19.

Сознавал ли это Ганька Мясников — трудно сказать, но все больше утверждавшиеся в партии, как он писал, методы «тащи, не пущай» возмущали его мятежную душу. Но если он и не признавал всей широты своего «политического замаха», то Ленин опасность «мясниковщины» понял сразу. Он-то знал, что осуществление ганькиного требования свободы печати может стать началом конца большевистской партийной власти, фактически ее самоубийством. Он соглашался с тем, что лозунг «гражданской войны» должен быть сменен на лозунг «гражданского мира». Но если Мясников делал отсюда вывод о необходимости свободы печати, то Ленин мыслил совершенно иначе. Если дать свободу печати, отвечал он Ганьке, то буржуазия победит. *«Не очистке коммунистической партии в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней (куча болезней есть, это бесспорно), — разъяснял он этому несмысленному, — послужит «свобода печати»... а свобода печати станет оружием в руках этой мировой буржуазии... Вы хотели лечить коммунистическую партию и стали хвататься за лекарство, несущее верную смерть — не от вас, конечно, а от мировой буржуазии (+ Милюков + Чернов + Мартов)».* Да, лечить партию нужно, но не «свободой»... а «мерами пролетарскими и партийными». Ленин не пояснял, что конкретно это означает, но советовал Мясникову, «выправив первы, поборов в себе панику», взяться за деловую, черновую работу по исправлению, «лечению» конкретных недостатков и злоупотреблений, не туманя себе голову «свободой печати», этим «блестящим болотным огопком».

А ведь когда-то Ленин сам беспощадно высмеивал тех, кто исповедовал теорию «малых дел», кто не признавал, что без ликвидации всей политической системы не решить и частных вопросов. Другие времена: тогда он был вождем революционной партии, теперь — диктатором огромного государства...

Обычно резкий и беспощадный с оппозиционерами в верхах партии, в полемике с Ганькой, пользовавшимся авторитетом в рабочей среде, Ленин был сдержан и прибегал к явно примирительному тону. «Мы, — писал он, — сойдемся и будем работать дружно в одной партии». Однако Ганька не поддавался, отвечал дерзко, даже усмешливо: «Неужели это серьезно? Вы говорите, что Вы сделаете все, чтобы меня убедить, но на что это похоже? — Слова, слова, как говаривал Гамлет. Вы сами

попимаете, что это несерьезно. Крепко, оно точно, но не убедительно».

Он пошел еще дальше. «Не принуждение, а убеждение» — вот линия, вот закон, — объяснял Ленину Ганька. Он предлагал создать газету «для всех оттенков общественной мысли», даже «содержать хулителей своих за свой счет» и укорял Ленина: «Не верите вы в силу рабочего класса, не верите вы в его классовую политику, а верите в чиновников — это ваша беда»¹. Далеко видел Ленин, но и мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников заглядывал тоже достаточно далеко...

В июле 1921 г. «по Мясникову» была создана специальная парткомиссия (Н. Бухарин, П. Залудский, А. Сольц), признавшая несовместимость его позиции с интересами партии. Решением Оргбюро ЦК ему запрещалась пропаганда своих тезисов. Не тут-то было. За спиной Ганьки была такая жестокая школа жизни и борьбы, что уроки, преподносимые партийными органами, пусть даже высшими, казались ему не заслуживающими внимания. По рукам ходили новые мясниковские статьи и брошюры, которые, по словам Ленина, мировая буржуазия действительно брала на вооружение. Ганькины материалы в антибольшевистской борьбе за границей использовали Милюков, Чернов, Мартов и другие.

В феврале 1922 г. были приняты уже более крутые меры: Политбюро исключило Мясникова из партии. Он примкнул к «рабочей оппозиции» — группе, обвинявшей партию в том, что она утрачивает свое подлинно пролетарское лицо и вырождается в касту бюрократов и карьеристов, для которых главная ценность — одно: власть. Но эта группа была осуждена еще на X съезде партии (март 1921 г.), и ее участники, безусловно, попадали под действие принятой на том же съезде резолюции «О единстве партии», сыгравшей драматическую, если не трагическую роль в истории послеоктябрьского большевизма. Резолюция требовала немедленного роспуска всех оппозиционных групп под угрозой исключения из партии и тем самым мостила путь тоталитаризму.

К. Радек пророчески оценил последствия принятия этой резолюции: «Голосуя за эту резолюцию, я чувство-

¹ Письмо В. И. Ленина Г. Мясникову см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 44. С. 78—83; Письмо Г. Мясникова см.: *Веленкин Б. Ганька* // *Оговет.* 1990. № 21. С. 21.

вал, что она может обратиться и против нас, и, несмотря на это, я стою за резолюцию... Пусть ЦК в момент опасности принимает самые жестокие меры против лучших товарищей, если найдет это нужным... Пусть лучше ЦК будет ошибаться, — это менее опасно, чем наблюдаемое теперь шатание»¹. В самый последний период жизни Ленин столкнется в партии с тем, против чего когда-то воевала разгромленная «рабочая оппозиция»: с моральным разложением аппарата, его «зацикленностью» на собственных интересах, бюрократическим пренебрежением к нуждам масс, замашками старорежимных держиморд. Поздно. Болезнь и Сталин «со товарищи» уже приговорили его к фактическому аресту. Власть, которая когда-то оказалась почти невероятным даром судьбы, ушла от него...

Резолюция «О единстве партии», как и говорил Радск, действительно обратилась против тех, кто за нее голосовал, и обратилась сурово: мало кто из делегатов X съезда впоследствии избежал гибели в подвалах Лубянки или за колючей проволокой архипелага ГУЛАГ.

В феврале 1922 г. Мясников подписал заявление 22-х бывших членов «рабочей оппозиции» с требованием, чтобы ее дело рассмотрел Коминтерн. Они хотели привлечь внимание международной коммунистической общественности к тому, что творилось в РКП(б). Напрасно. Комиссия во главе с В. Коларовым и К. Цеткин отвергла жалобы и претензии оппозиционеров.

Мясников уехал на Урал, в Мотовилихе и Перми выступал на рабочих собраниях, клеймил партию и Советскую власть, опубликовал «Манифест Рабочей группы РКП(б)». Главный его тезис: партия «обратила добытую в октябре победу против рабочих», переродилась в «олигархическую касту». Весной 1923 г. показалось, что Ганька наконец «доигрался». Его арестовали и... выслали в Германию, сотрудником полпредства.

Аресты членов «Рабочей группы» начались ранней осенью 1923 г. Мясников был возвращен из Германии и тоже арестован. Б. Беленкин привел в своей статье яркий отрывок из неизданных воспоминаний М. Шрейдера «Жизнь чекиста-оперативника», в котором описана сцена ареста Ганьки. Он оказал буйное сопротивление, в его квартиру прибыл сам Дзержинский, которого Ганька тоже оскорблял и поносил. Три с половиной года

---

¹ Десятый съезд РКП(б): Степнографический отчет. М., 1963. С. 534.

Г. Мясников провел в Вятской и Томской тюрьмах; в 1928 г. его сослали в Эривань. Граница была рядом, и в одну из темных ноябрьских ночей Ганька, привязав к голове портфель с бумагами и одежду, под покровом снежной пелены переплыл холодный, почти ледяной Аракс. На другом берегу была Персия. Благодарил ли Ганька мысленно тех, кто отправил его в ссылку рядом с границей?

Он оказался во Франции и продолжал свою борьбу. Теперь он выступал уже не с требованием свободы печати и внутрипартийной демократии, а многопартийности. В одной из своих брошюр писал: «Господство бюрократии наиболее полно обеспечивается при однопартийной форме управления... Поэтому бюрократия употребит все силы, чтобы не допустить возникновения других легальных партий... А если не поможет и это, тогда на помощь придет ГПУ и будет внушать пролетариям, крестьянам и интеллигенции правильность аргументации ЦК ВКП(б) уже по-своему»¹.

Время шло, и следы Мясникова терялись. Как будто бы он объявился накануне войны у советского генконсула в Берлине, предлагал свои воспоминания. Может быть, там был и рассказ, проливавший свет на тайну гибели Михаила Романова? Кто знает... Есть сведения, что после войны Мясников вернулся в Союз. Если это так, то финал его поразительной жизни почти очевиден. Когда-то в письме Ленину Мясников писал, что хорошо сознает, чем может кончиться его оппозиционная деятельность. «Если я хожу на воле,— писал он,— то потому, что я коммунист 15 лет, который свои коммунистические взгляды омыл страданиями, и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь-коммунист того же завода, то где же бы я был? В Чека или, больше того, меня бы «бежали», как некогда я «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Люксембург, Либкнехта»².

Как же понять Ганьку Мясникова — мотовилихинского рабочего, соваппаратчика и чекиста, борца за демократизацию партии и, наконец, многопартийность? Неужели для того чтобы совершить такую эволюцию, нужно было «бежать» Михаила Романова? И неужели страшной ценой за прозрение стало то, что самого Ганьку «бежали» так же, как когда-то он «бежал» других?

¹ Цит. по: *Беленкин Б. Ганька* // *Огонек*. 1990. № 21. С. 21.

² Там же. С. 19.

Глава 9

«НАД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ УЖЕ ЗАНЕСЛИ НОЖ»

Но мы слишком ушли вперед. Надо возвращаться в лето 1918 г., в восточные регионы страны — Поволжье, Урал и Сибирь, откуда российский антибольшевизм наносил тогда главный удар по Советской Республике.

В то самое время, когда комучевская Народная армия вместе с чехами рвалась к Казани, части Сибирской армии Временного Сибирского правительства (также при поддержке чехов) развивали наступление на Екатеринбург — Пермь.

С. Мельгунов в «Судьбе императора Николая II после отречения» сравнил Советскую власть лета 1918 г. с состоянием человека, над которым уже занесли нож. В этой метафоре — правда.

Казалось бы, все мыслимые «показатели» говорили об одном: большевизм вот-вот должен рухнуть. Практически совершилось чудо — он устоял. Почему? Думается, этот вопрос еще ждет своего настоящего исследования... Здесь выскажем лишь некоторые соображения. В своем понимании происходивших событий Ленин во многом оказался прав. Его основная мысль, которую он вскоре после возвращения в Россию буквально вбивал в головы, как молотком вбивают гвоздь, была проста, как тот же гвоздь. «Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса. Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентки, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии... либо диктатура пролетариата»¹. «Так стоял вопрос во *всех* революциях,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 158.

и в английской XVII века, и во французской XVIII века, и в немецкой XIX века. Как же это мыслимо, чтобы вопрос *не* стоял так в русской революции XX века? Как же это волки станут агнцами?»¹

На этой безжалостной посылке Ленин и его сторонники строили всю свою политику. Раз середины нет, борьба должна идти на уничтожение по жестокому принципу: кто не с нами, тот против нас, «тот наш враг и должен пасть». «Нет, революционер, который не хочет лицемерить, — говорил Ленин как раз летом 1918 г., — не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которой не было бы расстрелов»².

Меньшевики, которые пока еще открыто действовали на политической арене, пытались опровергнуть эту «теорию», апеллировавшую к прошлому историческому опыту, также ссылаясь на исторический опыт. В полемике с Ю. Лариным Ю. Мартов писал, что организованный террор в русской революции должен быть отвергнут хотя бы потому, что русским революционерам, революционерам XX века из истории хорошо известно, к каким последствиям он приводит. Имитирование «примитивных методов 17 и 18 веков» и «приложение» их к веку XX, писал он, есть не более чем нелепость и пустая патетика: по сути оно — глубоко реакционно и свидетельствует лишь о слабости идеологического и политического влияния партии на массы. То, что, может быть, еще можно считать неизбежным для XVII или XVIII века, не может быть оправданным для начала XX века. Если бы Дантон и Робеспьер, писал далее Мартов, могли увидеть, к чему привели «хирургические операции» якобинцев, если бы они могли знать, что французская революция увенчалась единоличной диктатурой Бонапарта, «они, возможно, завещали бы дать Ларину совет не копировать рабски все «примитивности» предшествующих революций»³.

Этот спор, однако, решала жизнь, действительность. Увы, ленинская проповедь невозможности середины в классовом обществе оказалась более соответствующей духу яростных столкновений социальных сил, схватившихся после обвала вековой монархии, чем интелли-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 230.

² Там же. Т. 36. С. 503.

³ Мартов Ю. Придворный пиит Ларин // Вперед. 1917. 13 (26) декабря.

гентские, «донкихотские» призывы Мартова к поиску согласия и компромисса. Не случайно Ленин в раздражении называл Мартова «христосиком». Прав был Бердяев, писавший, что невозможно понять ложь большевизма, не поняв его правды...

Жестокая, беспощадная правота Ленина подтверждалась и другой стороной. Не без некоторого удивления обнаруживаешь «генеральную» ленинскую мысль и в антибольшевистской пропаганде 1918—1919 гг. Один лишь пример. Екатеринодарская газета «Заря России» 12 ноября 1918 г. в статье «Середины нет» писала: «...нет места тем, кто хочет сидеть между двух стульев. В борьбе не на жизнь, а на смерть, в борьбе кровавой и тяжелой бесчестно играть словами и идеями. Надо иметь мужество стать на одну сторону баррикады. В этом смысле большевики правы... Середины быть не может. Посредине — баррикада, фронт, разделяющий два лагеря, между которыми никакие соглашения, никакой мир невозможен. Вихрями кровавой борьбы все стоящие посредине беспощадно сметаются, если открыто не присоединяются к одному из лагерей». Случайная статейка провинциальной газеты? Нет! Мысль о невозможности примирения, о бессмысленности «середины» поразила оба боровшихся лагеря, глубоко проникала даже в умы многих интеллектуалов и была пронесена ими через всю гражданскую войну. В открытом письме знаменитому фантасту Г. Уэллсу в ответ на его книгу «Россия во мгле» Д. Мерзжковский в ноябре 1920 г. писал: «Сейчас не только мы, русские, но и все обитатели планеты Земля разделились на два стана: за и против большевиков. Вы примкнули к первому. И сколько бы Вы ни уверяли, что Вы — не коммунист, не марксист, не большевик, Вам не поверят, потому что между двумя станами нет середины: кто не против большевиков, тот за них»¹.

В полубезумном состоянии борьбы на уничтожение большевики изначально получали преимущество. В воспоминаниях меньшевика Р. Абрамовича о Мартове есть удивительная по силе выразительности зарисовка. Сутулившийся, хромающий, кашляющий Мартов, одетый в помятый пиджак с карманами, оттопыренными набитыми в них газетами, шел к вциковской трибуне и, поднявшись на нее, «хрипел что-то невнятное», обращаясь

---

¹ Цит. по: Megapolis Express. Международная еженедельная газета. 1991. № 20. 16 мая.

к Ленину. Но Ленин смотрел в сторону, а сидевшие в президиуме большевики спиходительно, а то и с улыбкой слушали Мартова. «Контраст между физическим бессилием вождя антибольшевистских социалистов и зрелищем железной когорты большевиков, которые сидели или стояли на трибуне, как рыцари, закованные в «кожаные латы» (выражение это часто употреблялось в печати), должен был символизировать бессилие и беспомощность побежденной оппозиции и всю мощь и динамичность победившего большевизма»¹.

Это сравнение следует отнести не только к меньшевикам, но, пожалуй, ко всем, по крайней мере ко многим, другим противникам большевиков. Большевизм был явлением поднятых из самых глубин обездоленных, озлобленных, чуть ли не одичавших за годы мировой войны масс. Нравственные начала в этой среде, мягко говоря, имели второстепенное значение, поскольку чуть ли не в священный принцип была возведена классовая борьба, в российских условиях легко приобретающая «пугачевский» характер. Конечно, большевистские лидеры не могли не сознавать опасности происходившего, но, видимо, считая, что именно в их руках — безошибочный марксистский компас, ведущий по «исторической закономерности», они либо не испытывали колебаний, либо подавляли их. Такая вера рождала неукротимую энергию, волю и решимость. К тому же никто из политических противников большевиков не имел таких лидеров, как Ленин и Троцкий.

Как бы теперь ни судить о них, те могучие импульсы, которые они придавали своей партии, вели ее к победам и выводили из поражений. Без Ленина и Троцкого большевики не взяли бы власть и не выиграли гражданской войны. А исполнители большевистской политики на местах... Среди них имелось не так уж много «слабых» интеллигентов. Яковлев или Мясников наглядно демонстрируют нам тип большевика «второго эшелона», на плечи которого и легла вся адская работа, поднимавшая, по словам Н. Бухарина, революцию и Россию на дыбы. У В. Гроссмана есть рассказ «На вечном покое». Писатель бродит по кладбищу, на котором похоронены старые большевики. И ему кажется, что «здесь, на этом кладбище, окруженном красной стеной, горит пламя молодого большевизма, еще не огосударств-

---

¹ Цит. по: Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С. 73.

ленного, еще несущего в себе молодой пафос, дух Интернационала, сладкий бред Коммуны, хмельные песни революции». «Каким раскаленным пафосом веет от каждого полустертого слова, написанного революцией. Какая вера, какое пламя, какая страстная сила!»¹ Было, было... Тлен разложения стал приходить с того момента, когда большевизм, по выражению В. Гроссмана, стал «огосударствленным», обрел власть. Годы мало что оставили от того, «октябрьского большевизма»...

Но тогда, в режиме бескомпромиссной борьбы, борьбы на полное поражение, противники большевиков, кажется, не имели хороших шансов. Ленин довольно быстро пришел к пониманию того, что наиболее опасный враг Советской власти и большевизма — не эсеры и меньшевики, даже не Корнилов, Деникин или Колчак. Уже в начале 1918 г., когда гражданская война еще не разгорелась в полную силу, он говорил в своем духе: для того «чтобы дальше успешно идти вперед, нам необходимо сбросить с себя невежество и халатность, а сделать это гораздо труднее, нежели свергнуть идиота Романова или дурачка Керенского»². После гражданской войны, в августе 1921 г., он скажет по сути то же самое: «Враг — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми меньшевиками и эсерами... Враг — обыденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата»³.

Вся надежда и тогда, в 1917-м, и позднее у Ленина и других членов большевистского руководства была на пролетарские революции в Европе. В этом, может быть, и заключался их главный просчет. Когда Ленин утверждал свою концепцию невозможности «третьего пути» (между двумя диктатурами), невозможности «середины» и доказывал, что ее не было и не может быть «нигде в мире», он все-таки ошибался. Ее, может быть, не существовало тогда в России, но в Европе она уже была. Она-то в конечном счете и превратила нашу «социалистическую революцию» в единственную, победившую в «одной, отдельно взятой стране».

---

¹ Гроссман В. На вечном покое // Знамя. 1989. № 5. С. 24, 25.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 215.

³ Там же. Т. 44. С. 103.

Сознавали ли противники большевизма, в чем сила их главного врага? В предоктябрьский период они не представляли себе сколько-нибудь длительного пребывания большевиков у власти. Но они все постепенно приняли навязанную им беспощадную борьбу и все больше и глубже втягивались в нее, ставя перед собой одну цель: военный разгром большевистской власти. Однако в ретроспективе 75 лет, сколь бы ни парадоксальным казалось это на первый взгляд, представляется, что тут и коренился основной тактический просчет антибольшевизма (или антикоммунизма). Несмотря на все старания, он в полной мере не смог (да, вероятно, и не мог) стать диктаторским, «военным», в то время как ленинский большевизм (или коммунизм) был готов к тому, чтобы стать военным чуть ли не по своей природе. Противники большевиков так до конца, кажется, и не поняли, что такого врага нельзя загонять в угол или прижимать к стене. Сейчас часто цитируют дневниковые записи Л. Троцкого, касающиеся расстрела царской семьи. Но не всегда полностью. Опускают место, где он объясняет мотивы расстрела. «Суровость расправы показывала всем,— писал Троцкий,— что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врагов, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель»¹.

Большевики умели выстаивать в экстремальных ситуациях, труднее им давалась нормальная, «невойенная» жизнь с тысячью ее экономических, социальных, культурных, бытовых проблем. Они были экстремистами, и экстремальная ситуация не страшила их. Они искали ее и сами становились страшными...

Говоря словами Ленина, беды, казалось бы, самые непоправимые, пришли не извне, а начались внутри.

Разраставшийся еще при Временном правительстве экономический хаос большевики по «социалистической теории» рассчитывали преодолеть на путях рабочего контроля и национализации предприятий. Эффект, как и предупреждали меньшевики и другие партии, полу-

---

¹ *Троцкий Л. Дневники и письма. С. 100—101.*

чился обратный. Выступая в конце апреля 1918 г. на заседании ВЦИК, Ю. Мартов, отвечая Ленину, говорил: «...всеобщий учет и контроль как предпосылка и метод проведения социалистической революции сами предполагают определенность социально-политических и экономических условий. Когда их нет и пока их нет, идея учета и всеобщего контроля остается утопией и преломляется в жизни в своей противоположности — в расхищении и расточении производительных сил»¹.

Действительно, началось стремительное падение производства на фабриках и заводах. В мае 1918 г. председатель ВЦСПС М. Томский признавал, что «падение производительности труда дошло до той роковой черты, за которой (вернее, на которой) грозит полнейшее разложение и крах»². Результатом стал быстрый рост недовольства властью большевиков. У рабочих возникало разочарование в последствиях Октября, чувство совершенной ошибки или совершившегося обмана.

На этой почве усиливалось влияние меньшевиков, которые еще оставались в местных Советах и во ВЦИКе. Они пока свободно издавали свои газеты. Ф. Степун, как мы уже знаем, враждебно настроенный к большевизму, свидетельствует, что утверждение либералов и социалистов, в соответствии с которым «дух большевизма с самого начала был духом реакции», не вполне справедливо. «Такой свободы слова не существовало даже в свобододолюбивейшей веймарской Германии»³. По инициативе меньшевиков возникло и развивалось движение уполномоченных, собрания которых выдвигали как экономические, так и политические требования. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» получал все более широкое распространение. Митинги и демонстрации в городах в поддержку меньшевистских лозунгов запрещались, а в некоторых случаях (например, в Колпине, Сормове) разгонялись с применением вооруженной силы.

В июне меньшевик Ф. Дан внес запрос во ВЦИК: «Возможны ли в Советской России такого рода рабочие конференции, которые были возможны даже при Николае II?.. Имеют ли право русские рабочие собираться на улицы городов и сел, или каждое такое собрание

¹ Цит. по: Мартов и его близкие. С. 155.

² Цит. по: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон, 1986. С. 55.

³ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 217, 219.

подлежит расстрелу?»¹ Ответ последовал незамедлительно. В середине июня 1918 г. меньшевики, а также правые эсеры и «эсеры центра» (левые эсеры состояли в блоке с большевиками) были исключены из ВЦИКа с предложением всем нижестоящим Советам также «удалить представителей этих фракций из своей среды». Начались преследования и закрытие их печати...

Падение промышленного производства быстро аукнулось в деревне. Получая из города все меньше необходимых товаров, крестьяне «зажали» хлеб. Но если большевистское руководство не поколебалось применять репрессии даже к своей, как оно считало, социальной базе — пролетариату, то резко обострившаяся крестьянская проблема тем более не вызвала у него каких-либо раздумий. Весной 1918 г. в деревню двинулись продотряды, которым предписывалось любыми средствами изымать у крестьян все излишки хлеба и другого продовольствия для распределения по пайкам. Однако в обстановке царившего беззакония и произвола дело сплошь и рядом выходило за меру «излишков». Нередко происходил силовой грабеж, причем, естественно, наиболее страдали зажиточные, «справные» крестьяне.

Чтобы получить поддержку в деревне, власть особым декретом создала комитеты бедноты (комбеды). Часть конфискованного с помощью комбедов хлеба передавалась бедноте. Социальный раскол в деревне резко усилился, открылся «хлебный фронт», на котором большевистская власть наращивала неуклонное наступление. К этому толкало не только сопротивление крестьянства, но и тяжкие последствия Брестского мира: часть хлеботорговых районов была утеряна, необходимо было выполнять и поставки Германии по контрибуциям

Удар города (падение промышленного производства) по деревне оказался бумерангом. Ответно ударив город сокращением хлеба, деревня не только поставила его перед угрозой голода, но и вызвала огромную по масштабам спекуляцию. Забушевал черный рынок. Города захлестнула волна преступности. Экономика, и без того подорванная четырехлетней войной, рухнула...

Голод и разруха невероятно усиливали усталость замордованного народа, что порождало в нем чувство отчаяния и безнадежности. Большевики признавали это.

---

¹ Цит. по: *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 161.

«Смешно ожидать и нелепо было бы думать, — говорил сам Ленин, — чтобы от капиталистического общества, основанного на эксплуатации, сразу могло явиться полное сознание необходимости социализма и его понимание. Этого быть не может. Оно вырабатывается только в конце и только той борьбой, которую приходится переживать в такой мучительный период, когда одна революция оказалась впереди других, а другие не помогают и когда надвигается голод. Естественно, что слоями трудящихся неизбежно овладевает отчаяние, негодование, является настроение махнуть рукой на что бы там ни было»¹.

На IV конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы он говорил: «Можно встретить еще людей у нас, которые рассуждают: при царе хлеб все-таки был, а революция пришла, и хлеба нет... Это понятно, потому что голод есть такое бедствие, которое все остальные вопросы сметает, отводит прочь и только его ставит во главу угла и подчиняет ему все прочее»².

В этот период Советская власть пережила по крайней мере три глубоких политических кризиса, вызванных открытыми выступлениями антибольшевистских сил. Последствия их не могли не сказаться в Екатеринбурге.

Первый был связан с левыми эсерами (в марте они вышли из Совнаркома, но остались в наркоматах и Советах). Они не приняли продовольственную политику большевистской партии, выступили против комбедов. Но конфронтация с большевиками не могла ограничиться только деревенской сферой. Левые эсеры считали, что советская политика вообще сошла с правильных рельсов. Наиболее экстремистски настроенные из них готовы были объяснять это союзом большевиков с германскими империалистами. Они бросали яростные призывы разорвать «позорный союз», начав «революционную войну» против Германии, войну, которая могла, по их мнению, стимулировать революционное движение в других странах мира. Не отрицались при этом и террористические акты «в отношении виднейших представителей германского империализма».

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 443.

² Там же. С. 437—438.

Не все придавали серьезное значение левоэсеровским революционным призывам. Например, меньшевикам казалось, что левые эсеры — «это обыкновенные средние мужики, перепуганные за свое добро и возглавляемые лихими «левыми ребятами», у которых нет за душой ничего, кроме легкости в мыслях, страсти к сокрушению». В какой-то мере это, возможно, и было так. Левые эсеры сами по себе не были так уж страшны. Их отряды в Москве не превышали 1,5—2 тысяч человек. Но обстановка была крайне неустойчивой, да и большевики еще не располагали значительными вооруженными силами. Главное, однако, заключалось в другом. Соотнеся левоэсеровские боевые призывы с той политикой «на грани войны», которую Германия после Бреста проводила по отношению к Советской России, нетрудно будет понять их опасность для большевиков. Если Германия дорожила Брестом, то во всяком случае Ленин дорожил им в не меньшей степени...

4 июля в Москве, в Большом театре, открылся V Всероссийский съезд Советов. Левые эсеры были на нем в меньшинстве, но не теряли надежды повести съезд за собой и «выправить линию советской политики». Расчет не в последнюю очередь делался на некоторых лидеров партии, энергичных митинговых ораторов, умевших эмоционально возбуждать и вести за собой. Необузданная страстность, революционный романтизм превращали их в опасных противников большевиков. Даже сегодня при чтении стенограмм V съезда Советов и ВЦИКа ощущается ярость мощной левоэсеровской атаки на Совнарком и большевиков, которых эсеры по-прежнему называли товарищами.

Левым эсером номер один была, конечно, Мария Спиридонова, в 16 лет вступившая в тамбовскую боевую дружину эсеров и в январе 1906 г. на Борисоглебском вокзале совершившая дерзкое покушение на вице-губернатора Луженовского за издевательство над крестьянами. Луженовский был убит, Спиридонова пыталась покончить жизнь самоубийством, но была схвачена находившимися на станции казаками, подверглась побоям, издевательствам и насилию¹. На следствии она показала: «Во имя человеческого достоинства, во имя уважения к личности, во имя правды и справедливости

---

¹ Двое пасильников были впоследствии выслежены и убиты эсерами.

Тамбовский комитет и я вынесли смертный приговор Луженовскому. Я в полном согласии с ними и в полном сознании своего поступка взялась за выполнение приговора, потому что сердце так рвалось от боли, так стыдно и тяжело было жить, слыша, что происходит в деревнях, получая вести о том ужасе и деморализации, царивших в душах крестьян после Луженовского»¹.

Военно-полевой суд приговорил девушку к смертной казни, заменив ее затем пожизненной каторгой в Акатуе. Только Февральская революция освободила Спиридонову.

Теперь Спиридонова яростно обрушилась на Ленина за «предательство интересов крестьян», за то, что большевики служат не интересам крестьян, а превращают их «в удобрение, в навоз» своих политических планов и расчетов. Перебиваемая гневными протестами с большевистских скамей, она почти кричала, что, если будет продолжаться унижение и уничтожение крестьянства, большевики снова увидят в ее руке тот же револьвер или ту же бомбу, с которыми она когда-то выступила на защиту крестьян. В зале началось нечто невообразимое, как вспоминал английский дипломатический представитель Р. Локкарт, настал «ад крошечный». Левые эсеры бешено аплодировали, крестьяне вскакивали с мест и грозили большевикам кулаками. Проталкивался к трибуне бледный Троцкий, но говорить ему не давали. Свердлов бесполезно тряс своим колокольчиком и только с выходом на авансцену Ленина, тоже после выкриков и свиста, наступила относительная тишина. Невероятное его самообладание, кажется, передавалось притихшему залу.

Но пока в зале Большого театра велись ожесточенные словесные бои, левые эсеры готовились к другому. Днем 6 июля в германское посольство в Денежном переулке (сейчас улица Веснина) явились двое, предъявившие удостоверения на имя сотрудника ВЧК Я. Блюмкина и представителя ревтрибунала Н. Андреева. Удостоверения, подписанные Ф. Дзержинским, уполномочивали их вести переговоры с послом Мирбахом. Германский посол вышел в приемную в сопровождении двух сотрудников посольства. Блюмкин вынул из портфеля какие-то бумаги, заявив, что речь пойдет о племяннике посла, арестованном советскими властями

¹ Цит. по: Гусев К. В. Эсеровская богородица. М., 1992. С. 46—47.

по обвинению в шпионаже. Когда Мирбах, видимо, почувствовав что-то недоброе, заявил, что дело это его совершенно не интересует, Блюмкин, выхватив пистолет, начал стрелять в бросившегося к выходу посла и заставшихся по приемной сотрудников. Вслед за тем открыл огонь и Андреев, который, по показаниям присутствовавших, и ранил Мирбаха. Когда тот упал, Блюмкин одну за другой бросил две бомбы, одна из которых с грохотом взорвалась¹.

Убийством Мирбаха судьба Брестского мирного договора, казалось, была поставлена на карту. Наступил момент, когда «двухколейная политика» Германии в русском вопросе могла сойти в одну колею — колею возобновления военных действий против России. Уже в первой телеграмме, разосланной всем партийным комитетам и совдепам Москвы, не зная еще всех фактов, Ленин определил политическую значимость террористического акта в германском посольстве: «Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну»².

Но слишком дорого большевикам достался Брест. Ленин решил лично ехать в германское посольство. Вместе с ним отправились Свердлов и Чичерин. Председатель Совнаркома, председатель ВЦИК и нарком иностранных дел — руководители Советского государства — делали все возможное, чтобы предупредить германский гнев. Страна, по словам Ленина, была «на волосок от войны».

Действительно, 14 июля германский представитель Рицлер передал Чичерину телеграмму из Берлина. В ней содержалось требование о срочном вводе в Москву для охраны германского посольства... батальона немецких солдат. Согласие на это, несомненно, еще больше подогрело бы слухи о зависимости Москвы от Берлина, значительно поколебало бы ее позиции. Вот почему, несмотря на явное неравенство сил, Советское правительство отклонило требование Германии. В ответе, объявленном Лениным 15 июля на заседании ВЦИК, говорилось: «На такой шаг мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехословаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых

¹ См.: Мятеж левых эсеров // Известия ЦК КПСС. 1989, № 5. С. 165.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 112—113.

рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению... Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, и эту революционную войну рабочие и крестьяне России поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания»¹. До последнего издыхания...

Позднее в некоторых эмигрантских, а затем и западных изданиях левозсеровский мятеж и вызванное им на первых порах обострение отношений между Советской Республикой и Германией стали связывать и с судьбой Романовых. Появились утверждения, что немцы, сняв требование о введении своего батальона в Москву, в виде компенсации пожелали будто бы, чтобы в их руки были переданы Николай Романов и его близкие. Подтекст тут очевиден: германское требование якобы роковым образом повлияло на решение участи царской семьи. Нет, однако, данных, подтверждающих, что такое пожелание было высказано. Да и вряд ли оно могло быть. Общеполитическая и военная обстановка выпуждала немцев по-прежнему держаться «двухколейной политики» в русском вопросе, а в рамках этой политики бывший царь не представлялся им первостепенно необходимой фигурой.

Германская сторона не настаивала на своем «батальонном ультиматуме». Столкнувшись с твердой позицией Советского правительства, немцы сняли его, потребовав создать некую свободную от населения зону вокруг здания своего посольства в Денежном переулке — зону, охраняемую как немцами «без мундиров», так и советскими войсками. Но и от этого им пришлось отказаться. Несколько позднее германское посольство, в которое время от времени поступали угрозы как ультралевых, так и ультраправых элементов, переехало в Псков, а затем в Ревель.

Левые эсеры были разгромлены. ВЦИК и Совпарком оповещали об этой победе места. Естественно, и Екатеринбург: ведь там левые эсеры были достаточно сильны. 13 июля на имя Белобородова и Сафарова поступила правительственная телеграмма, в которой сообщалось, что «события в Москве ликвидированы», что среди левых эсеров раскол и часть их уже «отшатнулась от своего старого ЦК». Телеграмма освещала и международное положение. Сообщалось: в Москве считают,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 36. С. 525—526.

что оно не осложнится, так как, судя по германской прессе, в Берлине не связывают убийство Мирбаха с волей коммунистов. Несмотря на это, уральцам рекомендовалось «принять меры предосторожности на месте»¹...

Практически в то же самое время, когда в Москве начался левоэсеровский мятеж, вспыхнул антибольшевистский мятеж и в Ярославле. Он был подготовлен и организован «Союзом защиты родины и свободы», созданным и возглавляемым Б. Савинковым.

В дни Октября как член совета Союза казачьих войск Савинков пытался войти в контакт с находившимся в Петрограде генералом Алексеевым и поднять казачьи части. Но Алексеев, вскоре после корниловщины создавший так называемую «алексеевскую организацию» для переброски корниловских и других офицеров на Дон, вероятно, уже не видел реальной возможности для борьбы с революцией здесь, в Петрограде. Через несколько дней он нелегально ушел на Дон, куда из Быхова бежали затем Корнилов, Деникин и другие генералы. Савинков присоединился к Керенскому и Краснову и после захвата ими Гатчины был даже назначен командующим ее обороной. Было, однако, ясно, что оборона эта долго не продержится, и Савинков решил покинуть красновско-керенковский корабль еще до того, как он пойдет ко дну. Получив от Керенского мандат на организацию подкреплений в Ставке, он покинул Гатчину и вскоре нелегально вернулся в Петроград. Но теперь, по его словам, всю надежду он связывал с Доном, с атаманом Калединым.

В середине ноября вместе со своим другом по комиссарству на Юго-Западном фронте эсером Вяндзягольским и «адъютантом» Ф. Клепиковым Савинков через Москву и Киев двинулся в Новочеркасск. Вскоре туда прибыли и «быховские узники». Но на Савинкова и его эсеровских друзей здесь смотрели косо; корниловские офицеры не забыли его «предательства» в дни корниловщины. Его предупреждали о готовившемся покушении, а в Вяндзягольского действительно стреляли на улице Новочеркасска. В январе 1918 г. Савинков возвратился в Москву. Здесь начался новый этап его борьбы: бывший эсер-террорист, затем разочарованный в революции эмигрантский писатель-декадент, пос-

---

¹ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 52. Д. 265. Л. 85—86.

ле Февраля — «государственный революционер», возможно, мечтавший и о лаврах диктатора, но оставшийся не у дел, он теперь видел себя в роли спасителя родины и свободы.

В деникинских материалах сохранилась сводка сведений, полученных из Москвы от добровольческих информаторов — представителей «Национального центра» А. Белоруссова и А. Лодыженского, в которой характеризуются замыслы и планы Савинкова. Вначале намечался захват, с одной стороны, ряда верхневолжских родов, а с другой — некоторых городов средней полосы России — Тулы, Калуги, Рязани. Однако из опасения, что мятежники этого района могут быть «зажаты» между Москвой и Украинским фронтом, решено было сосредоточить основные силы в Верхнем Поволжье.

Расчет к тому же делался на соединение с наступающими на Казань чехами и частями комучевской Народной армии, а также на возможную поддержку антантовского десанта с севера. Начальник французской военной миссии генерал Лавернь через своих агентов направил чешскому командованию распоряжение о «диверсии в сторону Казани», где также готовилась к выступлению боевая организация «Союза защиты родины и свободы». Нет, правда, данных о том, что эти агенты сумели добраться до цели — района боевых действий — и войти в контакт с чехами...

Казань, таким образом, должна была стать центром целой цепи антибольшевистских восстаний и местом соединения сил для развернутого наступления на Москву.

ВЧК «засекла» штаб «Союза защиты родины и свободы», помещавшийся на конспиративной квартире в Мочном переулке, но арестовать его руководство не удалось. Савинков и его ближайшие помощники (генерал Рычков, полковник Перхуров) скрылись. Была обнаружена савинковская организация и в Казани. А 7 и 8 июля в Ярославле, Рыбинске и Муроме вспыхнули восстания. Ими руководили те члены савинковского «Союза», которые сумели избежать ареста. В Ярославле мятеж возглавлял начальник штаба «Союза» полковник Перхуров, в Рыбинске находился сам Савинков. Более чем на две недели Ярославль оказался в руках мятежников. Советских работников-большевиков убивали прямо на улицах, сгоняли на баржи, где они погибли...

Только 21 июля советским войскам с помощью артиллерии удалось подавить восстание в Ярославле. Теперь террор был обрушен на головы повстанцев Савинков из-под Рыбинска направил одного из помощников в Москву для доклада «Национальному центру», а сам нелегально перебрался в захваченную чехами и комунистами Казань. Здесь он официально распустил «Союз защиты родины и свободы»

«Нейтральным, — писал он позднее, — оставаться было нельзя. Надо было быть или красным, или белым». И Савинков стал белым: вступил в коммунистический отряд, которым командовал монархист полковник В. Каппель. Поздней осенью 1918 г. он окажется в Омске, где к тому времени власть уже находилась в руках адмирала А. Колчака, и будет назначен им в состав Русской заграничной делегации, принимавшей участие в работе Версальской мирной конференции.

Еще в Москве не ликвидировали последствия левых выступлений, в Ярославле еще полыхали пожары савинковского восстания и советских карателей, а о шевиках был нанесен еще один, третий удар.

Мы уже писали о том тяжелом положении, которое сложилось в районе Волги в связи с чехословацкими и белогвардейскими мятежами. В начале июня командир разрозненными советскими отрядами, действовавшими против них, стал А. Мясников. Зада стоявшая перед ним, была чрезвычайно трудна: не существовало центрального управления войсками, налаженного снабжения, во многих частях царили анархические настроения. Когда в середине июня А. Мясников и его фактический заместитель Н. Подвойский прибыли в Москву и докладывали о сложившемся на Чехословацком фронте положении, их выводы и предложения были однозначны. «У нас нет армии, — писал в докладной записке Мясников. — Ее нужно создать, немедленно приложив к этой работе девять десятых нашей энергии, способности, труда и познаний»¹. Тогда же было и заключение Подвойского.

13 июня Совет Народных Комиссаров объявил, что командование Чехословацким (Восточным) фронтом переходит к Революционному военному совету в составе большевиков П. Кобозева, К. Мехоношина

¹ Цит. по: *Ненароков А. Восточный фронт. 1918. М., 1 С. 76.*

Г. Благоданов и левого эсера М. Муравьева. Муравьев был назначен главнокомандующим фронтом, а примерно через месяц (10 июля) выступил против большевистской власти.

Кто такой Муравьев и как он оказался на ответственном посту в столь драматичный для Советской Республики момент? О нем надо рассказать хотя бы потому, что его неожиданная акция, как и некоторые другие июльско-июльские события 1918 г., повлияла на судьбу русской семьи в Екатериноурге.

Муравьев прошел всю японскую войну, был ранен, считал себя обиженным, обделенным наградами. Его личные качества, по-видимому, тормозили карьеру: в 1914 г. он оставался только капитаном. Мировая война продвинула его: в боевых действиях Муравьев отличился, был награжден за храбрость Георгиевским оружием, получил чин подполковника. Его фотографии печатались в некоторых военных изданиях. По ранению в 1916 г. Муравьева списали в Одесскую школу прапорщиков. Карьера, казатось, оборвалась...

Революция породила в возбужденном воображении Муравьева, как, впрочем, и во многих других умах авантюрического склада, беспредельные надежды. Нужно было только полностью, не страшась риска, отдаться революционной волне, и, казалось, она понесет его, заштатного подполковника, может быть, к наполеоновской славе.

В первых числах марта Муравьев уже командовал отрядом, который арестовывал командующего Одесским военным округом генерала Эбелова. Он был замечен, передан в Петроград, стал здесь одним из инициаторов издания «революционных ударных батальонов» для участия в готовившемся наступлении на Керенского. В ходе этого наступления, в июне, Муравьев получил ранение в голову, вернулся в Петроград, окунулся в политическую деятельность. В это время его политические взгляды неопределенны, но, по некоторым данным, в 1917 г. он был частым посетителем прокорниловского «Республиканского центра». По отзывам некоторых современников, он глубоко презирал революционные массы, но не изменял своему правилу: «плыть по течению, захлестнувшему всю Россию». Раз ставка на Керенского не оправдалась, он готов был еще круче поплыть влево. В ноябре 1917 г. Муравьев предложил услуги Советской власти и в дни наступления на Керенского — Краснова возглавил большевистские войска

Петроградского военного округа, а зимой 1918 г. уже командовал группой войск, сражавшейся против А. Каледина и Центральной рады.

На Украине более отчетливо проявились некоторые отрицательные качества Муравьева, его диктаторские замашки. Кончилось тем, что в апреле 1918 г. его арестовали и предали суду ревтрибунала. «О Муравьеве,— писал Ф. Дзержинский в своих показаниях по его делу,— комиссия наша неоднократно получала сведения как о вредном для Советской власти командующем.. грабежи и насилия — это была его сознательная военная тактика, которая, давая нам мимолетный успех, несла в результате поражение и позор»¹.

Далее Дзержинский показывал, что еще в апреле Муравьев, будучи главкомом Кавказской армии, вместе со штабом вдруг выехал в Царицын, хотя, как сообщал в Москву Троцкий, он уже был лишен своего поста. Когда Муравьев появился в Москве, по каналам ВЧК на него уже поступили данные, что здесь, в столице, он якобы предлагал вооружить анархистов и предоставить им для борьбы с большевистской властью 16—17 тысяч солдат. Дальше — больше. В ВЧК сообщали: в левоэсеровских кругах Муравьев рассказывал, что, когда он командовал Кавказской армией, он будто бы получил инструкцию от большевиков нанести удар в тыл сражавшимся с турками кавказским меньшевикам. Но и это не все. Дзержинский заявлял, что ему достоверно сообщали о содержании послеоктябрьской переписки Муравьева, «уличающей его как монархиста и прокатора».

Что тут было правдой, а что чистейшим вымыслом — трудно сказать. В разворачивавшейся гражданской войне подозрительность быстро принимала гипертрофированные формы, приобщение к политике действительных авантюристов приобретало все большие масштабы. Борьба против неокрепшей власти большевиков еще открывала широкие перспективы. Так или иначе, Муравьев вполне мог быть приговорен к расстрелу и получить свою пулю.

Но он избежал революционного трибунала. Особые обстоятельства, по-видимому, сыграли свою роль. На первом месте — ухудшение общего военного положения республики, активизация контрреволюции весной

¹ РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 16. Л. 2, 2об.

1918 г., потребовавшая мобилизации всех военных кадров, имевшихся в распоряжении Советской власти. Кроме того, возможное покровительство Муравьеву (он объявил себя левым эсером) левоэсеровского руководства. Наконец, явная недоказанность многих обвинений. Когда в июне 1918 г. положение на востоке страны резко обострилось, когда вопрос о создании Восточного фронта встал как вопрос «быть или не быть», Муравьев, имевший репутацию офицера, самыми крутыми мерами способного остановить развал, был востребован.

Нет данных, свидетельствующих, что Муравьев действовал по указаниям ЦК левых эсеров и заранее готовился поддержать их. По получении известий о событиях в Москве он (его штаб находился в Казани) официально заявил, что осуждает левоэсеровскую авантюру и выходит из партии левых эсеров. Вместе с тем трудно и предположить, чтобы между левоэсеровским руководством и Муравьевым вообще не имелось никакой связи.

В ночь на 10 июля без ведома Реввоенсовета Муравьев внезапно покинул Казань и с отрядом своих приверженцев на пароходе прибыл в Симбирск. Отсюда в Москву и другие города полетели воззвания, наполненные смесью ультрареволюционной фразеологии и напыщенной генеральской словесности. Муравьев заявлял, что он отменяет Брестский мир, объявляет войну Германии и поворачивает фронт на запад. Туда же он приказывал повернуть всем чехословацким войскам, взаимодействуя с его армией. В тот же день он провозгласил создание Поволжской республики и уже приступил к формированию ее правительства.

Последствия для большевиков могли оказаться катастрофическими. В специальном декрете Совнаркома, подписанном Лениным, говорилось: «Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев». Но угроза состояла и в другом. Акция Муравьева могла и должна была спровоцировать Германию на разрыв Брестского договора и начало боевых действий с запада. Вряд ли войска Муравьева, поддержанные даже чехами, устояли бы под германским ударом, и тогда постбольшевистский вакуум власти заставил бы немцев заполнить его своим марионеточным правительством. Решение Москвы было однозначным: Муравьев как изменник и враг народа объявлялся вне закона.

Симбирские большевики во главе с И. Варейкисом приняли все меры по локализации муравьевщины. Фактически ни одна воинская часть не примкнула к мятежу. Самого Муравьева подвела самоуверенность. С небольшой охраной он явился в губисполком, чтобы продиктовать условия по формированию правительства. Но здесь уже наготове находился красноармейский отряд для его ареста. По рассказам, при попытке сопротивления Муравьев был застрелен...

Июльский кризис 1918 г., паверное, оказался самым тяжелым из всех, которые пришлось пережить Советской власти за всю гражданскую войну. Летом 1919 г., когда деникинские войска подходили к Москве и когда большевики уже готовились уходить в подполье, Ленин, вспоминая июль 1918 г., говорил: «Товарищи, припомните положение год назад. Как раз в июле 1918 года тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики»¹.

Действительно, летом 1918 г. Россия, по ленинскому же сравнению, была похожа «на избитого до полусмерти человека». И левым эсерам в Москве и Симбирске, и правым, белогвардейским элементам, сгруппировавшимся вокруг Савинкова в Ярославле, Рыбинске и других городах, казалось, что этот «избитый до полусмерти человек» просто не в состоянии поддержать большевиков.

Конечно, Спиридопова да и Муравьев не собирались протягивать руку Савинкову или тем более полковнику Перхурову. Они шли под разными знаменами. Но Ленин решительно объединял их всех. В июле 1918 г. Ленин говорил: «Сейчас вопрос поставлен так, что борьба идет из-за двух основных пунктов, все основные партийные различия в огне революции сгладились. Левый эсер, усиленно подчеркивающий, что он левый, скрывающийся за революционной фразой, а на деле восстающий против Советской власти,— такой же паймит ярославских белогвардейцев, вот что он перед историей и революционной борьбой!.. Идет классовая борьба между пролетариатом, который отстаивает интересы трудящихся, и между теми, кто отстаивает интересы помещиков и капиталистов. Все фразы об Учредительном

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 30.

собрании, о независимом государстве и пр., которыми пытаются обманывать несознательные массы, разоблачены опытом чехословацкого движения и движения кавказских меньшевиков. За всеми этими фразами стоят одни и те же силы помещиков и капиталистов и точно так же, как немецкая оккупация несет за собою власть помещиков и капиталистов, несет ее и чехословацкое восстание. Вот из-за чего идет война!»¹

В поражающей простоте этих слов билась яростная беспощадность. Что оставляла она социалистам, демократам, либералам, уже сопротивлявшимся большевизму или просто подозреваемым в такой возможности? Кто не с нами, тот наш враг и должен пасть. Третьего не дано. Эта формула правила теперь всей Россией, не оставляя путей ни для милости, ни для пощады. Обе стороны занесли друг над другом нож...

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 17.

Глава 10

«КРАСНЫЙ УРАЛ В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ!»

Мы оставили бывшего императора, Александру Федоровну, их дочь великую княжну Марию в тот момент, когда красногвардейская и чекистская охрана закрыла за ними двери ипатьевского особняка, «дома особого назначения». Войдя внутрь, Александра Федоровна на раме одного из окон написала: «17 (30).IV.18» и вывела свой талисманский знак — древний индусский символ плодородия и благополучия. Прибывшие вместе с ними доктор Е. Боткин, камердинер Т. Чемадунов, лакей И. Седнев и горничная А. Демидова также были заключены в «доме особого назначения». Сразу же в тюрьму отправили бывшего гофмаршала двора князя В. Долгорукова, через некоторое время по болезни выпустили старого Чемадунова.

Примерно неделю оставшиеся в Тобольске не знали, где находятся уехавшие. Затем стали приходить письма из Екатеринбурга. Сообщали о трудностях дороги из Тобольска до Тюмени, о болезни доктора Боткина, которая скоро прошла, о плохом самочувствии Александры Федоровны уже в Екатеринбурге. 4 (17) мая Мария в письме З. Толстой писала: «Устроились мы пока хорошо. Домик маленький, но чистый, жаль, что в городе, потом сад совсем маленький. Когда приедут другие, не знаю, как мы устроимся, комнат не очень много. Я живу с Папой и Мамой в одной, где и проводим почти целый день»¹.

10 (23) мая П. Хохряков пароходом до Тюмени, затем специальным поездом доставил в Екатеринбург Алексея Романова и трех его сестер, великих княжен Ольгу, Татьяну и Анастасию. С ними прибыли 27 человек из того окружения и прислуги, которые поехали с

---

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 392.

царской семьей в Тобольск еще из Царского Села. Но не всех их допустили в «дом особого назначения». Туда, помимо царских детей, были отвезены лишь «дядька» Алексея матрос К. Нагорный, лакей А. Трупп, повар И. Харитонов и 14-летний поваренок Л. Седнев. Бывший генерал-адъютант И. Татищев, фрейлина графиня А. Гендрикова, «лектрисса» Е. Шнейдер и камердинер Александры Федоровны А. Волков были отправлены в тюрьму, всех остальных распустили¹. В конце мая из ипатьевского особняка «изъяли» Нагорного и И. Седнева. Таким образом, с оказавшейся в полном сборе царской семьей осталось всего пять человек: лейб-медик Боткин, горничная Демидова, лакей Трупп, повар Харитонов и поварской ученик, сверстник Алексея Романова Леонид Седнев. Только он, Седнев, будет уведен из особняка перед ночью расстрела. Все остальные живыми оттуда уже не выйдут...

Наступает финал нашего повествования, финал, о котором не только невыразимо тяжело писать, но без чувства какой-то тоски невозможно, наверное, и читать. Только ли потому, что история эта — о царской семье? Палачи, уже взмахнувшие топором, и их жертвы, положившие головы на плаху... Кто же способен без внутренней дрожи раскрыть эту тему, скрупулезно выясняя детали и подробности? И нужно ли? В сегодняшнем потоке литературы об убийстве Николая II, его жены, пятерых детей, последних четырех до конца оставшихся с ними людей, в потоке, хлынувшем после десятилетий вынужденного пугливого молчания, хочется отметить небольшую статью А. Тарасова, опубликованную в «Известиях» 22 марта 1991 г. Тарасов ставит вопрос: «Стоит ли говорить, какое значение и мы, живущие на Родине, и соотечественники за рубежом придают строительству на Ипатьевском пустыре², — по замыслу оно

---

¹ Одни из них, например доктор В. Деревенко, наставник и учитель Алексея швейцарский подданный П. Жильяр, преподаватель английского языка С. Гиббс и некоторые другие, остались в Екатеринбурге. Другие разъехались. Те, кого арестовали сразу по прибытии в Екатеринбург или позже (Татищев, Гендрикова, Долгоруков, Шнейдер, Нагорный и другие), были расстреляны.

² В 1977 г. особняк Ипатьева, бывший «дом особого назначения», был снесен. Б. Ельцин — тогда первый секретарь Свердловского обкома КПСС — в своих мемуарах пишет, что

призвано не только увековечить память жертв гражданской войны, но и символизировать прощание с тоталитаризмом. Но, судя по всему, не исключена возможность того, что памятник этот сможет пригодиться лишь как еще один разъединяющий нас рубеж. Еще один повод для выяснения отношений между хранящими верность революционному прошлому и предающими это прошлое анафеме. Не преувеличиваем ли пройденный за последние годы путь — в состоянии ли мы сегодня увековечить память невинно убиенных так, чтобы это устроило всех?.. Не торопимся ли доказать себе, что мы уже иные?.. Будет ли, устоит ли храм на пустыре? Честны ли мы с собой? Не введем ли в искушение разрушить храм тех, кто не желает или не умеет принять перемены в стране? Иных же — не введем ли в искушение храм не сберечь?»

Если мы должны писать о страшной июльской ночи 1918 г. в ипатьевском особняке, то только для того, чтобы помочь себе стать иными. Только в этом, наверное, смысл «ухода» в эту трагедию...

Опубликован отрывок из письма Ольги Николаевны (без даты), к сожалению, только отрывок, что все-таки не позволяет идентифицировать письмо. Но даже если это и апокриф, он величествен и прекрасен: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь»¹.

В 60-х годах абсолютное табу плотно закрывало эту трагическую тему от взгляда наших историков и публицистов. Небольшая книга П. Быкова, вышедшая на Урале в середине 20-х годов, была у нас, кажется, единственной, в которой рассказывалось о гибели последнего царя. Все остальное было лишь краткими упоминаниями, которые казнь бывшего царя и его семьи объясняли однозначно: суровой революционной обстановкой, гражданской войной, необходимостью лишить врагов Советской власти возможного «знамени». Мало кто писал в то время, что политика и партийность

это было сделано по приказу из Москвы, из центра, который и на сей раз спрятался за спины местных организаций (*Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. Свердловск, 1990. С. 73*).

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 375,

не могут быть свободны от нравственности и морали. Свинцовая пломба наглухо закрывала «романовскую тему». И сегодня, когда пломба сорвана, перед нами все еще множество вопросов, на которые, увы, мы пока не в состоянии дать исчерпывающие ответы. И потому недомолвки, а то и сознательная фальсификация, продиктованные политическими целями и интересами, подстерегают тут на каждом шагу. Расплата за годы запрета и молчания...

Два заранее и спешно выстроенных забора окружали ипатьевский особняк. Двойной была и охрана: наружная и внутренняя, находившаяся в самом особняке. Начальствовали над всеми комендант «дома особого назначения», уже знакомый нам по Тобольску и по конфликтам с Яковлевым, А. Авдеев и его помощник А. Мошкин. Их контролировал президиум исполкома Уралоблсовета (А. Белобородов, Б. Дидковский, Ф. Голощекин, Н. Толмачев, Г. Сафаров)¹, а фактически два его члена: председатель президиума А. Белобородов, член президиума, военный комиссар, руководитель уральской партийной организации Ф. Голощекин, а также товарищ комиссара юстиции, член коллегии областной ЧК Я. Юровский. О них мы еще расскажем.

Режим, установленный исполкомом Уралоблсовета в «доме особого назначения», был несравненно более строгим и жестким, чем тот, который существовал в Тобольске. Здесь, в Екатеринбурге, за ним следили не стрелки бывших гвардейских царскосельских полков, а в основном красногвардейцы, набранные в охрану ипатьевского дома из рабочих Сысертского и Злоказовского заводов. Многие из них прошли через царский суд и тюрьмы за деяния, квалифицированные тогда как уголовные преступления, — люди необразованные, озлобленные.

Вот, пожалуй, наиболее характерные описания: Авдеев «давал полную волю своим низким инстинктам и каждый день изошрялся все в новых притеснениях заключенных»; караульные «курили, плевали, ругались, вели неприличные разговоры»; многие часто бывали пьяными, подсаживались к столу, руками брали еду

---

¹ О президиуме исполкома Уралоблсовета см.: *Титов И.* Поручено президиуму Совета // Убийство царской семьи Романовых. Свердловск, 1991. С. 5—43.

с блюда, отталкивая бывшего царя и других; глумились над великими княжнами, разрисовывая стены порнографическими рисунками, приставали с грубыми шутками, пели непристойные песни. Могло ли все это быть? Вполне вероятно, что случаи такого рода были. Совсем не исключено, что среди внутренних караульных оказывались развратные, даже садистические типы, способные оскорбить или унижить тех, кто еще совсем недавно представлялся недосягаемым, как божество. Соколов никогда не проходил мимо показаний, свидетельствовавших об этих фактах. И все же не преувеличивался ли их масштаб? Как бы ни декларировал он свою приверженность только фактам расследования, освободиться от политической заданности вряд ли было дано и ему. Да и те, кого он допрашивал из числа попавших к нему бывших охранников, соображали, каких показаний от них ждут.

Уже не раз упоминавшийся нами автор исследования «Судьба императора Николая II после отречения» С. Мельгунов писал: «Картина тюремного режима представится несколько иной, если только отрешиться от мысли, болезненно и остро затрагивавшей близких царя и монархические круги, что нивелирующий большевистский режим распространялся на семью бывшего верховного главы государства российского. «Сплошным мучительством» его нельзя назвать... Еще в меньшей степени сможем мы повторить слова Деникина, что в Екатеринбурге царская семья подверглась «невероятному глумлению черни»¹.

Может ли существовать более достоверный источник о жизни царской семьи в доме Ипатьева, чем дневники Николая II и членов семьи, например записи Александры Федоровны? Но в них нет указаний на особые мучительства и унижения, которым арестованные подвергались в строгом заключении. Почти обычные, привычные записи: чтение литературы, игра в любимые безик и триктрак, двухчасовые или часовые прогулки во дворе, посильная физическая работа, регулярное питание, причем, по признанию Николая, пища была даже «отличная и обильная и поспевала вовремя»². Разрешалось приносить продукты и из находившегося побли-

---

¹ Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения. С. 371.

² Дневник Николая Романова // Красный архив. 1928, № 2 (27). С. 128, 130.

зости Ново-Тихвинского монастыря, довольно долго даже выписывались газеты. Почти каждое воскресенье в дом приходил священник. Переписка допускалась, хотя, по-видимому, значительно сократилась, во всяком случае, такие длинные и частые письма, какие Александра Федоровна писала и отправляла из Тобольска, неизвестны. Но письма писались как членами царской семьи, так и теми, кто оставался с ними. Сохранилось, например, большое, правда неоконченное письмо Е Боткина «другу Саше» с воспоминаниями о днях учебы, о своей деятельности в Тобольске, где он, следуя заветам студенческой юности, помогал лечить людей, несмотря на все горести, которые обрушились на него.

Заключение царской семьи в «дом особого назначения» разорвало ту монархическую «сеть», которая как будто бы постепенно начала завязываться в Тобольске или, во всяком случае, мерещилась советским властям там, а также в Екатеринбурге и Омске. Впоследствии многие эмигрантские мемуаристы и некоторые иностранные авторы, основываясь главным образом на выводах соколовского следствия, утверждали, что монархические освободители в Екатеринбурге уже ничего не могли, да, по существу, и не пытались предпринять. Другие авторы, все же допускавшие существование планов освобождения Николая и его семьи, тем не менее представляли их практически бесплодными, более того — только ухудшавшими положение узников. Распутать сегодня екатеринбургскую монархическую «сеть» — дело еще более сложное, чем выяснение «сети» тобольской.

Эмигрантская мемуаристика содержит некоторые свидетельства о попытках освобождения царской семьи, но они не позволяют создать сколько-нибудь целостной картины и, самое главное, не поддаются проверке. Многие из этих свидетельств следует целиком отнести на совесть их авторов, обязательно учитывая стремление монархистов-эмигрантов приподнять свои прошлые заслуги. Нередко при этом сообщались и совершенно фантастические сведения, иногда проникавшие и в нашу литературу.

Например, можно встретить утверждение, что летом 1918 г. по тайному приказу генералов Алексеева и Девикина всадники Текинского полка — бывшего личного конвоя генерала Корнилова — рассеялись по Уралу, притаились в екатеринбургских предместьях и вместе

с чехами готовились к штурму города. При этом не принимался во внимание тот факт, что этого не могло быть, так как Текинский полк, с которым Корнилов ушел из Быхова в ноябре 1917 г., на Дон не прибыл. Корнилов покинул полк в начале декабря в районе Погар; текинцы добрались до Киева, а после вступления туда советских войск рассредоточились. Лишь некоторые из текинцев впоследствии служили в конвое Деникина или гетмана Скоропадского.

Пожалуй, не менее надуманным выглядит рассказ о «заговоре Каппеля», также имевшем целью освобождение Романовых. Полковник В. Каппель действительно был монархистом, но летом 1918 г. он командовал отрядом эсеровской, комучевской Народной армии, действовавшей в районе Сызрани, Симбирска и Казани, и вряд ли нити возглавляемого им «заговора», если он и существовал втайне от Комуча, могли тогда дотянуться до Екатеринбурга.

Напряженность в Екатеринбурге росла и усиливалась, может быть, не столько от реально существовавших монархических заговоров, сколько от тревожного, подозрительного их ожидания. Но какие-то попытки освобождения Романовых здесь, на Урале, все-таки, видимо, предпринимались.

В конце мая из Одессы в Екатеринбург прибыл некий Иван Иванович Сидоров (скорее всего, псевдоним). В эмигрантской литературе он обычно фигурирует как лицо, которое стремилось, «насколько возможно, облегчить положение царской семьи»¹. Но колчаковский генерал М. Дидерихс, «курировавший» все следственное производство, проводимое Соколовым по делу об убийстве Романовых, писал, что цели Сидорова, по всей вероятности, были значительно шире².

Приехав в Екатеринбург, Сидоров связался с доктором Деревенко — кажется, единственным человеком из окружения царя, которому было разрешено посещать «дом особого назначения» для лечения больного Алексея. Через Деревенко Сидоров установил связь с Ново-Тихвинским женским монастырем, откуда монахини доставляли царской семье продукты. К монастырю сразу же потянулась какая-то нить от академии Генерального штаба, переведенной в Екатеринбург из Петрограда

¹ Русская летопись (Париж). 1925. Кн. 7. С. 183.

² См.: Дидерихс М. К. Убийство семьи и членов дома Романовых на Урале. М., 1991, Т. 1, С. 42,

еще в апреле 1918 г. Ее слушатели почти сплошь состояли из бывших царских офицеров, среди которых, несомненно, были готовые участвовать в попытке освободить Николая II. Вместе с тем в число слушателей академии могли попасть и завербованные офицеры. Дидерихс пишет, что в мае в Екатеринбург приехал офицер — член бывшего «Союза тяжелой артиллерии». Поступив в академию Генштаба, он «осторожно сошелся с другими курсантами». Целью этой группы было спасение жизни Романовых. Монастырь и особенно академия Генерального штаба находились под неусыпным наблюдением местных властей, в июле явивших прямое указание Свердлова. В конце мая он телеграфировал в Уралоблсовет Ф. Голыщеву: «Необходимо во что бы то ни стало держать линию Екатеринбург — Тюмень — Омск. Пошлем людей, все необходимое... Возьмите на особый учет геншкот»¹.

Известно еще об одном намерении, даже попытке освободить царскую семью, о которой уже в эмиграции поведал гвардейский офицер капитан П. Булыгин. По его словам, в конце мая 1918 г. он выехал из Новочеркасска в Киев, имея при себе фальшивый паспорт и рекомендацию командования Добровольческой армии к В. Шульгину. Как пишет Булыгин, Шульгин встретил его радушно, «одобрил планы» и дал пароль, который позволял войти в контакт с руководителями «Правого центра» в Москве Кривошеиным и Гурко².

Приблизительно в это же время в Киеве группа монархистов из бывшего царского окружения (Г. Кей и Бергский, А. Мосолов и другие), если верить Мосолову, разработала собственный план. Предполагалось афрахтовать два парохода и направить их с доверенными офицерами вверх по Волге к Каменке. В 60 верстах от Екатеринбурга эти офицеры должны были создать базу и затем действовать по обстановке. Мосолов утверждает, что в Екатеринбург уже были посланы разведчики, которым якобы вменялось в обязанность «войти в сношение с немецкими эмиссарами» из числа военнопленных, находившихся в городе. В срыве этого плана Мосолов обвинит германского посла в Киеве Мумма, который будто бы «был поражен, узнав, что военная власть обещала нам свою помощь», и не согласился с тем, «что для

¹ Свердлов Я. И. Избранные произведения. Т. 2. С. 222

² *Bulygin P., Kerensky A. The Murder of the Romanovs.* P. 161—162.

Германии важен вопрос о спасении царя»¹. Трудно определить достоверность этого сообщения. Другой участник плана, названный Мосоловым, — Г. Лейхтенбергский, также оставивший свои воспоминания, абсолютно ничего не говорит о «мосоловском плане». Неизвестно о нем было и Булыгину — по крайней мере, он его не упоминает...

Приехав в Москву в конце мая или начале июня, Булыгин разыскал людей Шульгина. «Я сказал им, — писал Булыгин, — что я был не один, что нас много, что мы хотим действовать и рассчитываем на то, что центр, несравненно лучше зная обстановку, даст совет, полезный в обстоятельствах, которые возникнут при попытке спасти императора». Он хотел выяснить, когда и где его группа должна начать действовать, и просил финансовой поддержки. Ему ответили, что его намерения одобряются, деньги он получит, но все конкретные вопросы должны быть решены после соответствующей рекогносцировки на месте².

Экспедиция, по Булыгину, готовилась в течение июня. Разработанный план якобы состоял в том, чтобы под видом мешочников перебросить группу офицеров в Котельничи. «Правый центр» имел в своем распоряжении в Москве немалую вооруженную силу — офицерский отряд. Возможно, что «мешочники», отправлявшиеся в Котельничи, рекрутировались и из этого отряда. Расчет, вероятно, строился на том, что ввиду все растущей угрозы Екатеринбургу от наступающих частей Сибирской армии и отрядов Чехословацкого корпуса царскую семью будут эвакуировать с Урала. По предположениям Булыгина и его шефов, ее должны везти через Котельничи. В этом случае намечалось напасть на дом, где могла находиться царская семья. Заранее хотели подготовить катера, на которых со всеми предосторожностями ее следовало доставить в Архангельск. Этот, по выражению Булыгина, «шальной план» так и остался в умах его авторов. Напрасно прождав Романовых в Котельничах до начала июля, Булыгин отправился в Екатеринбург. Здесь он был арестован, но каким-то образом сумел выкрутиться и уехать в Петроград, откуда через Украину вернулся в Добровольческую армию на Дон.

¹ Мосолов А. И. При дворе императора. С. 222.

² Bulygin P. Kerensky A. The Murder of the Romanovs. P. 162.

В июне, как отмечали местные газеты, в Екатеринбурге и вообще на уральских заводах усилилась антибольшевистская, в том числе эсеровская, агитация. Вспыхнуло восстание бывших фронтовиков в Невьянске. Ловили коммунистов и комиссаров, загоняли их в сараи и забрасывали гранатами. На Верх-Исетском заводе тоже пытались разогнать местный Совет. В ночь с 12 на 13 июня Уралоблсполком вынужден был сформировать Военно-революционный комитет, которому были переданы «неограниченные полномочия по борьбе с контрреволюцией и управлению городом». «Все попытки покушения на Советскую власть,— говорилось в объявлении о создании ВРК,— будут подавляться с беспощадной жестокостью». «Внутренний враг у ворот!» — оповещала передовая «Уральского рабочего» 2 (15) июня 1918 г. Подавили восстание с большим трудом, расстреляв несколько десятков человек. Но в июне — начале июля по целому ряду уральских заводов прокатились рабочие волнения, вызванные плохим продовольственным положением и самоуправством местных властей.

К концу июня Екатеринбург оказался уже в зоне военной опасности. 15 (28) июня «Уральский рабочий» опубликовал воззвание: «Товарищи! Революционный красный Урал в смертельной опасности!.. К оружию, рабочие и беднейшие крестьяне Урала!» Созданная еще в апреле уральская областная ЧК (находилась в Екатеринбурге) пребывала в максимальном напряжении. В такой обстановке «дом особого назначения», за который исполком Уралоблсовета еще во время инцидента с Яковлевым взял всю ответственность на себя, становился для местных чекистов острой занозой. С какой стороны ждать подвоха или удара?

А положение на фронте в районе Екатеринбурга быстро ухудшалось. Чехи и отряды Сибирской армии вели наступление на город по двум направлениям: со стороны Челябинска и Западноуральской железной дороги. Еще в конце мая 1918 г. в Екатеринбурге был образован Революционный штаб Уральской области (или района), а 2 июня Екатеринбургский комитет РКП(б) объявил проведение всеобщей партийной мобилизации. Через 10 дней, 13 июня, в Екатеринбурге состоялось расширенное заседание Уральского областного комитета большевиков с участием прибывших в город представителей Высшей военной инспекции

во главе с Н. Подвойским. В царящей неразберихе решено было свести все части, действовавшие на Северном Урале, в Северо-Урало-Сибирский фронт; командующим назначался член инспекции Р. Берзин. Фактически только теперь здесь развернулось строительство регулярной Красной Армии, в чем большую роль играли Уральский военный окружной комиссариат, возглавляемый Ф. Голощекиным и С. Анучиным. В двадцатых числах июня командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом был подчинен образованному 13 июня Реввоенсовету Восточного фронта и его командующему, известному нам М. Муравьеву. Но положение мало менялось. 3-я армия, растянувшаяся по широкому фронту, насчитывала всего 16 тысяч штыков и не имела резервов. Сдержат чехов и сибирцев, наступавших ударными компактными группами, она не могла. Фронт приближался к Екатеринбург.

В доме Ипатьева, по-видимому, догадывались об этом. Дневниковые записи Александры Федоровны свидетельствуют о том, что там видели, как проходит по городу артиллерия, пехота, кавалерия, что туда доходили слухи о множестве раненых, которых ежедневно привозили в Екатеринбург¹.

14 (27) июня Николай II записал в свой дневник: «Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые... Все это произошло оттого, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны»².

Что за таинственные письма? Они были опубликованы в советских газетах весной 1919 г. В одном из них предлагалось подготовиться к побегу, для которого якобы все уже налажено. «Мы не предпримем ничего, но будучи совершенно уверены в удаче заранее. Даем вам в этом торжественное обещание перед лицом Бога, истории, перед собственной совестью. Офицер».

В дневнике Николая нет никаких намеков на то, что он ответил на это письмо. Тем не менее текст его «ответа» тоже был опубликован. В нем сообщалось о расположении комнат, состоянии внутренней и внешней

¹ См.: ЦГАОР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 322.

² Дневник Николая Романова // Красный архив. 1928. № 2 (27). С. 136.

охраны и содержалась просьба не забыть о тех людях которые находятся вместе с семьей. По свидетельству П. Быкова, А. Авдеева и других, охрана действительно обнаружила в одном из конвертов «с цветной подкладкой», переданных Николаем для отправки, план ипатьевского дома. Но случилось это через несколько дней после приезда в Екатеринбург, и план, по объяснению самого Николая, предназначался для дочерей, временно оставшихся в Тобольске. План изъяли, и, записав

этом в дневнике, бывший царь в сердцах назвал Авдеева «поганцем». Решился ли бы Николай II, помня об этом случае, отправить свой ответ какому-то «офицеру»?

Во втором письме «офицер» заверял, что «спасители» постараются взять и «ваших людей», сообщал детальный план операции (выход должен был осуществляться прямо-таки романтически — через окно с помощью веревки) и настоятельно требовал ответа. И «ответ» снова пришел! В нем предупреждалось о трудностях бегства, но все же содержалась просьба: «Если вы будете о нас, вы сможете всегда прийти нас спасти и в случае опасности неизбежной и реальной».

Дневник Николая II свидетельствует лишь о двух полученных им письмах, однако в архиве сохранилась и дальнейшая «переписка». «Армия друзей словаков, — говорилось в третьем письме, — в 8 км от Екатеринбурга, солдаты Красной армии не сопротивляются сильно... Будьте готовы каждый час днем и ночью». На сей раз «ответ» бывшего царя оказался сдержанным. Он просил не рисковать «без совершенной уверенности в результате». Но в «дом особого назначения» пришло еще одно, четвертое письмо: «Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены... Момент делается критическим, и сейчас не нужно бояться кровопролития, не забывайте, что большевики в последний момент будут готовы на всякое преступление. Этот момент настал, нужно действовать».

Каким же образом вся эта переписка могла вестись через двойной, тройной контроль? Некоторые склонны приписывать роль возможного «конспиративного почальона» доктору В. Деревенко, который, живя в Екатеринбурге, имел право посещать часто болевшего Алексея Романова. Но это — очевидная нелепость. Посещения Деревенко строжайшим образом контролировались, комендант или его помощники ни на шаг не отходили от доктора до тех пор, пока он не покидал ипатьевский

особняк. А. Авдеев, П. Быков и некоторые другие авторы утверждали, что письма передавались в пробках (!) от бутылок молока, которые через охрану доставлялись для царской семьи монахинями. Они якобы были обнаружены при осмотре бутылок, но, чтобы установить связи арестованного царя и его намерения, передавались по назначению. Так же будто бы поступали и с ответными письмами.

Уже колчаковский генерал М. Дидерихс подверг опубликованные тогда некоторые письма «офицера» анализу и текстологически доказывал, что это фальсификация. Он полагал, что они были сфабрикованы в Москве¹.

С. Мельгунов держался, однако, несколько иного мнения. Ссылаясь прежде всего на дневниковую запись Николая II (о получении им двух писем), он считал ее «аргументом в пользу возможной подлинности если не этих писем, то других, аналогичных». Несуразности в тексте, невозможные, по мнению генерала Дидерихса, для русского офицера-монархиста, Мельгунов объяснял, например, тем, что письма могли писаться кем-либо из сербских представителей, в то время находившихся на Урале, и т. п.

Тайна «пробковых писем» еще в 60-х годах была раскрыта членом коллегии Уралоблчека И. Радзинским. По его не опубликованному тогда признанию, автором этих писем был... он — при участии А. Белобородова и члена исполкома Уралоблсовета, комиссара снабжения П. Войкова! Радзинский и Войков были довольно образованными людьми, кончили гимназии, учились в университетах (Радзинский — в Перми). Диктовал Войков, Радзинский записывал. Письма писались (на французском языке) красными чернилами от имени «русского офицера».

Радзинский утверждал, что у ЧК не было абсолютно никаких данных о том, что в Екатеринбурге или в округе действует какая-либо монархическая организация, стремящаяся выкрасть царскую семью. Тогда зачем же была нужна эта провокация? Радзинский не очень конкретно и отчетливо объяснял ее мотивы, хотя вскользь бросил фразу: «Нужно было доказательство,

---

¹ Тексты всех писем, хранящихся в ЦГАОР, опубликованы Г. Рябовым в очерке «Принуждены вас расстрелять...». См.: Родина. 1989. № 4. С. 85—95. Публикация сопровождается текстологическим и фактологическим анализом, приведшим автора к твердому выводу о фабрикации.

что готовилось похищение»¹. Кому и зачем пужно было это «доказательство»? Уже в 1918 г. (и позднее) в ЦК партии шли «сигналы» о безобразиях, творящихся местными «чрезвычайками». Так, к примеру, член коллегии ВЧК В. Яковлева в своей докладной сообщала, что в целом ряде случаев они стали «придумывать, создавать дела», становясь «источником злоупотреблений и преступлений»². Но в Екатеринбурге дело, по всем данным, обстояло еще серьезнее. Так как переписка происходила примерно за две недели до конца (Радзинский говорил: «за несколько дней до этого»), то есть до расстрела, и в ней, если верить Радзинскому, участвовали два руководящих члена исполкома Уралоблсовета, то можно предположить, что она готовилась как основание для принятия какого-то очень важного решения. Какого? Встанет один из ключевых, центральных вопросов всей трагической истории: где и кем было принято решение об убийстве царской семьи.

Для того чтобы попытаться решить его, нужно отойти немного назад. В начале мая, когда Николай II, Александра Федоровна и одна из великих княжен — Мария — были доставлены Яковлевым в Екатеринбург, Свердлов, сообщая об этом на заседании Президиума ВЦИК, заявил, что вопрос о дальнейшей судьбе бывшего царя будет «вынесен на рассмотрение ВЦИК»³. 19 мая в протоколах заседания ЦК партии под пунктом 5 есть важная запись: «Тов. Свердлов сообщает, что в Президиуме ЦИК стоит вопрос о дальнейшей участи Николая, тот же вопрос ставят и уральцы и с-ры (имелись в виду левые эсеры. — Авт.). Необходимо решить, что делать с Николаем. Принимается решение не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю, озабовавшись лишь принятием необходимых мер предосторожности. Переговорить об этом с уральцами поручается Свердлову»⁴. Это — все. В последующих протоколах ЦК или других официальных документах партийных верхов, где, конечно, готовились предложения и решения для Президиума ВЦИК или самого ВЦИК, о бывшем царе и его семье уже нет никаких упоминаний. Однако очень важно отметить, что вплоть до сентября 1918 г.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 23—24.

² Там же. Ф. 17. Оп. 66. Д. 47. Л. 25.

³ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. М., 1920. С. 240—241.

⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 147.

отсутствуют сами протоколы ЦК. Уничтожены, изъяты, утеряны? Мы пока не знаем. А может быть, в них и кроется полный и достоверный ответ на вопрос о роковом решении? Надо искать... Но и из приведенной протокольной записи ЦК 19 мая следует немало ценного.

Во-первых, совершенно очевидно, что все переговоры, все сношения с уральцами по «романовскому делу» Центральный Комитет партии поручил Свердлову. Выполняя это поручение высшего партийного руководства, нити «дела» держал в своих руках он. Человек, которому посвящена большая литература, но который тем не менее как личность во многом остается загадкой¹. Впрочем, как и многие другие высшие партийные лидеры той поры. Во-вторых, ясно, что, как сказано в протоколе, вопрос «о дальнейшей участи Николая» будировали уральские большевики и левые эсеры. И может быть, самое главное: указывая, что участь Николая (и его семьи) пока не следует решать, отложив решение на неопределенное время, постановление подтверждает прямую зависимость судьбы арестованных Романовых от центра, от Москвы. Без ее санкций, по крайней мере без прямых консультаций с ней эта судьба решаться не могла. Тут нет сомнений.

Но до какого срока, до какого рубежа предполагалось «ничего не предпринимать» с царской семьей? Есть свидетельства, что Президиум ВЦИК намеревался вынести «романовский вопрос» даже на обсуждение V съезда Советов, и лишь начавшееся чехословацкое восстание, а затем и июльские события в Москве (борьба с левыми эсерами) помешали этому. К сожалению, все это непроверяемо. Но имеется косвенное свидетельство, которое как будто подтверждает, что даже в начале июля Москва еще не отказалась от решения «ничего пока не предпринимать». Бывший царский премьер-министр В. Коковцов в своих воспоминаниях писал, что 9 июля он был вызван из камеры на допрос к председателю Петроградской ЧК М. Урицкому. Расспросив Коковцова о бывшем царе, Урицкий сказал: «Я не буду

---

¹ В. Бурцев во время ссылки в Туруханске (село Монастырское) некоторое время жил вместе с Я. Свердловым и С. Спандаряном. В феврале 1925 г., вспоминая об этом, он писал из Парижа Б. Николаевскому: «Мы говорили как определенные противники, но говорили серьезно. Кстати, Спандарян и Свердлов... были на пожах, и Спандарян мне жестокие вещи говорил о Свердлов» (ЦГАОР. Ф. 9217. Оп. 1. Д. 2. Л. 4об.—5).

большие останавливаться на этом вопросе. Советская власть решила вынести действия бывшего императора на рассмотрение народного суда, и Вы, конечно, будете допрошены в качестве свидетеля по этому делу»¹. Урицкий принадлежал к большевистской элите, к тому же был одним из руководящих работников ЧК, и вряд ли можно думать, что он не был информированным в таком вопросе, как «дело Романовых».

Во второй половине июня — начале июля замысел суда над бывшим царем как будто бы еще не утратил своей силы. Л. Троцкий в дневниках-воспоминаниях писал: «Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянская политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и проч.), по радио ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если бы было осуществимо. Но... времени может не хватить. Пренный никаких не вышло, т. к. я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, кажется, было 3—4: Ленин, я, Свердлов... Каменева как будто не было. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию»².

К сожалению, Троцкий, писавший все это в апреле 1935 г., не мог, конечно, точно датировать то, что происходило 17 лет тому назад. Но, может быть, допрос Коковцова Урицким, точную дату которого мы знаем, в какой-то мере отражал намерения партийных верхов, о которых позднее рассказал Троцкий?

Суд над бывшим царем! Это так напоминало бы Великую французскую революцию, дух и образы которой постоянно витали над российскими большевиками. Они во многом копировали ее, стремились действовать по-якобински, быть похожими на них. И если бы действительно по сценарию Французской революции состоялся суд над Николаем II, а возможно, и Александрой Федоровной, как когда-то над Людовиком XVI и

¹ Коковцов В. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911—1919. С. 524.

² Троцкий Л. Дневники и письма. С. 100—101. О том, что Ленин считал суд над царем несвоевременным, писал также варком юстиции левый эсер И. Штейнберг (см. об этом: За рубежом. 1990. № 45. С. 15).

Марией-Антуанеттой?.. Как писал Т. Карлейль, француз, помимо прочего, хотели «доставить величественное зрелище для вселенной». А, здесь? Не чем иным, как жалким энигонством и провинциальной нелепостью, этот суд не мог бы стать. Николая и Александру Федорову невозможно было обвинить в тех преступлениях, которые вменялись французской королевской чете; невозможно их было, конечно, судить и по так называемым «революционным законам».

Думается, все это пусть не сразу, но все-таки не могло не осознаваться большевистским руководством. И когда, по воспоминаниям Троцкого, Ленин будто бы соглашался с идеей суда, но выражал сомнение в возможности его проведения лишь по условиям военного времени, он (Троцкий), пожалуй, недоговаривал всего. Суд был сомнителен как по условиям времени, так и еще больше — по своей очевидной юридической несостоятельности. Ничего нужного для большевиков из него бы не получилось.

В июне 1918 г., после того как Революционный трибунал вынес смертный приговор адмиралу Щастному, Мартов выпустил в Москве брошюру «Долой смертную казнь!». Она полузабыта или даже забыта совсем. Но сегодня ее слова должны прозвучать снова как обличение большевизма. Мартов писал: «Как только стали они у власти, с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать... Смертная казнь объявлялась отмененной, но в каждом городе, каждом уезде разные «чрезвычайные комиссии» и «военно-революционные комитеты» приказывали расстреливать сотни и сотни людей. Одних как контрреволюционеров, других как спекулянтов, третьих как грабителей... Человеческая жизнь стала дешева. Дешевле бумаги, на которой палач пишет приказ об ее уничтожении. Дешевле повышенного хлебного пайка, за который наемный убийца готов отправить человека на тот свет... Этот кровавый разврат совершается именем социализма, именем того учения, которое провозгласило братство людей в труде высшей целью человечества...

При Николае Романове иногда удавалось, указав на чудовищную жестокость приговора, остановить его исполнение и вырвать жертву из рук палача. При Владимире Ульянове невозможно и это... Зверь лизнул горячей человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход...

Уже теперь сотни рабочих и крестьян, сотни полезных общественных работников томятся в большевистских тюрьмах и застенках. За слово критики, за слово протеста, за открытое выражение своих убеждений, за защиту интересов рабочего класса и крестьян заключены под стражу эти люди... Но кровь родит кровь. Политический террор, введенный с октября большевиками, насытил кровавыми испражнениями воздух русских полей. Гражданская война все более ожесточается, все больше дичают в ней и звереют люди, все более забываются великие заветы истинной человечности, которым всегда учил социализм... Растет взаимное озверение — и вся тяжесть ответственности за него падает на партию, которая именем социализма кощунственно освятила хладнокровное убийство безоружных пленников... Мы, социал-демократы, против всякого террора — террора снизу и террора сверху... Позор партии, которая званием социалиста пытается освятить гнусное ремесло палача!..

«Не могу молчать!» — воскликнул великий старец Лев Толстой при вестях об ежедневных казнях по приговорам столыпинских судов. Рабочие России! И вам не велел молчать Лев Николаевич в ту минуту, когда палач снова стал центральной фигурой русской жизни! Вам не велел молчать и Карл Маркс, чью память вы чествовали недавно... Нельзя молчать! Во имя чести рабочего класса, во имя чести социализма и революции, во имя долга перед родной страной, во имя долга перед Рабочим Интернационалом, во имя заветов человечности, во имя ненависти к виселицам самодержавия, во имя любви к теням замученных борцов за свободу — пусть по всей России прокатится могучий клич рабочего класса: «Долой смертную казнь! На суд народа палачей-людоедов!»¹ Этот клич не прокатился. Мартов, как и многие другие, не был услышан...

Архивные, газетные и мемуарные источники, исходящие от большевиков, сохранили немало свидетельств о том, что «рабочая масса» Екатеринбурга и вообще Урала постоянно выражала беспокойство по поводу надежности охраны царской семьи, возможности освобождения Николая II и даже требовала немедленного его

---

¹ Цит. по: Мартов и его близкие, С. 148—158.

расстрела. Если верить редактору «Уральского рабочего» В. Воробьеву, «об этом писали в письмах, приходивших в газету, говорили на собраниях и митингах»¹. Это, вероятно, соответствовало действительности, и не только на Урале. Среди архивных документов есть, например, и такой. 3 июля 1918 г. в Совнарком поступила телеграмма из Коломенского районного комитета партии. В ней сообщалось, что коломенская большевистская организация «единогласно постановила требовать от Совнаркома немедленного уничтожения всего семейства и родственников бывшего царя, ибо немецкая буржуазия совместно с русской восстанавливает царский режим в захваченных городах». «В случае отказа, — угрожали коломенские большевики, — решено собственными силами привести в исполнение это постановление»². Почему именно большевики из Коломны, находившейся на весьма удаленном расстоянии от Екатеринбурга, проявили такую решительность?

Телеграмма коломенцев (возможно, были и другие) наводит на предположение, что требования и резолюции о расстреле Романовых, шедшие снизу, либо прямо организовывались на собраниях и митингах, либо были следствием общей распропагандированности, всей раскаленной атмосферы, пропитанной призывами к классовой борьбе и классовой мести. Еще И. Бунин в «Окаянных днях» отмечал эмоционально взвинченный, порой прямо-таки истерический язык большевистской революции. Известный славист А. Селищев в 20-х годах показал особенности языка той эпохи: его экспрессивность, запелляционность, примитивную образность. «Образы мстителя за угнетенных, — писал Селищев, — образы железа и крови, хищного зверя, гидры, гидры с миллионом щупалец, грандиозного пламени, с вихрем бушующего по всему миру, предстают в речах революционных деятелей. Царское правительство не дало нам амнистии. Мы тоже ему ее не дадим. За горло его и коленом ему на грудь!»³

Мощная пропаганда, как насос, втягивала, вовлекала «низы», и без того всеми условиями своей жизни склонные к анархии и бунту. Одни с готовностью, другие даже с жадностью подхватывали лозунги и резолю-

¹ Воробьев В. Конец Романовых. Из воспоминаний // Проектор (Москва). 1928. № 29. С. 26.

² ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 1.

³ Цит. по: Русская речь (Москва). 1991. № 1. С. 87.

ции, бросааемые им с высоты партийных трибун большевистскими ораторами, особенно принадлежавшими к левым течениям большевизма. А уральская большевистская верхушка почти вся была левацкая. Это проявлялось и в вопросе с Брестским миром, и в сепаратистских стремлениях Уралоблсовета, и в отношении к свергнутому царю, которого, как мы знаем, уральцы не доверяли и Москве, что особенно ярко проступило в «яковлевском инциденте». Уральский чекист И. Радзинский вспоминал: «Засилие в головке было левое, левокоммунистическое... Белобородов, Сафаров, Николай Толмачев, Евгений Преображенский — все это были леваки»¹. Партийную линию, по словам Радзинского, вел Голощекин — тоже в то время «левак».

В своем «левачестве» уральские большевики вынуждены были соперничать с левыми эсерами и анархистами, влияние которых всегда было весьма ощутимым, а к лету 1918 г., пожалуй, даже возросло. Член Уральского областного комитета партии И. Акулов (по характеристике И. Радзинского, «милый человек») еще зимой 1918 г. писал в Москву Е. Стасовой, что левые эсеры просто «озадачивают» «своим неожиданным радикализмом». Большевики здесь, конечно, не могли и не хотели давать политическим конкурентам возможность упрекать их в «сползании вправо». А такого рода обвинения левые эсеры предъявляли довольно громко. Спиридонова позднее упрекала большевистский ЦК, что он выпустил «царей и подцарей по украинам, крымам и заграницам» и поднял руку на Романовых «только по настоянию революционеров». Имелись в виду левые эсеры и анархисты. Последние тоже не отставали. 26 июня «Уральский рабочий» писал: «Они (анархисты. — Авт.) хотели казаться крайними революционерами, стоящими левее большевиков-коммунистов, недовольными «буржуазностью» Советской власти. На деле в наиболее критический момент революции они оказались слепым орудием в руках контрреволюции». В Екатеринбурге, по свидетельству А. Авдеева, группа анархистов пыталась, в частности, провести резолюцию о том, «чтобы бывший царь был немедленно казнен»².

В развернувшейся политической игре обитатели «дома особого назначения» становились не пешками, а тя-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 11.

² Авдеев А. Николай II в Тобольске и Екатеринбурге // Красная новь, 1928. № 5. С. 201.

желыми фигурами. На декларациях и заявлениях о них можно было демонстрировать собственную верность революционным идеалам и отступничество соперников. Экстремистски настроенные группы не ограничивались одними требованиями и резолюциями. Уральские мемуаристы утверждали, что были попытки организовать нападение на дом Ипатьева и ликвидировать Романовых¹. Отзвуки этого находим и в дневнике Николая II. 31 мая (13 июня) он записал: «Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евг. Серг. (Боткиным.— *Авт.*). По его словам, он и областной Совет опасаются выступлений анархистов, и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно — в Москву! Он просил подготовиться к отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания чинов караула по особой просьбе Авдеева. Около 11 часов вечера он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на 1 июня (здесь — по старому стилю.— *Авт.*) мы остались по-бивачному, ничего не раскладывая... Наконец после ужина Авдеев... объявил Боткину, что анархисты схвачены и что опасность миновала и наш отъезд отменен!»² На другой день Александра Федоровна записала: «Теперь они говорят, что мы останемся здесь, т. к. они успели захватить главаря анархистов, их типографию и всю группу»³.

Слухи о самосуде над Николаем и вообще над Романовыми охватили не только Урал. В Екатеринбург поступали тревожные запросы. 20 июня из центра запрашивали: «В Москве распространились сведения, что будто бы убит бывший император Николай II. Сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами Совнаркома В. Бонч-Бруевич»⁴. В соответствии с этим запросом командующий Североуральской группой советских войск Р. Берзин совместно с военным комиссаром Уральского военного округа Голощекиным и другими официальными лицами проверил ипатьевский дом. В телеграммах в Совнарком, ВЦИК и Наркомвоен он сообщал, что «все члены семьи и сам Николай II живы. Все сведения о его убийстве — провокация»⁵. На ос-

¹ См.: *Быков П.* Последние дни Романовых. С. 113.

² Дневник Николая Романова // Красный архив. 1928. № 2 (27). С. 134—135.

³ ЦГАОР. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332. Л. 18.

⁴ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 34.

⁵ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 79; Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 38.

новании полученных ответов советская печать несколько раз опровергала слухи, а также сообщения некоторых газет о казни Романовых в Екатеринбурге¹.

Екатеринбург стоял из последних сил.

Уралоблсовет специально запрашивал военное командование о положении под Екатеринбургом. По его расчетам, город, который чехи и сибирские войска уже обходили с юга, стремясь отрезать его от европейской России (они уже захватили Кыштым, Миасс, Златоуст и Шадринск), мог продержаться всего лишь несколько дней. В Москву за подписью нового главкома Восточного фронта И. Вацетиса и членов Реввоенсовета фронта летели отчаянные телеграммы. В одной из них говорилось: «Реввоенсовет считает своим долгом поставить в известность, что под Симбирском и Екатеринбургом положение критическое. Наши войска бегут не сражаясь»². Эта телеграмма была отправлена, правда, 19 июля, но само собой разумеется, что за неделю-полторы до этого обстановка не могла быть намного лучше. Суть положения, сложившегося на «чехословацком фронте» во второй половине июля, передает ленинская телеграмма в Петроград (20 июля) с просьбой «двинуть *тахитит* рабочих из Питера». «Иначе *мы слетим*, ибо положение с чехословаками **из рук вон плохо**»³.

Можно ли было в такой обстановке попытаться эвакуировать семью Романовых в Центральную Россию? Конечно, это значило бы пойти на определенный риск. И все же при желании властей Романовы, видимо, могли быть вывезены с Урала. Вот отрывок из доклада в ЦК, представленный заведующим политико-агитационным отделом окружного комиссариата Средней Сибири и члена Высшей военной инспекции В. Фейдербандом, составленный, правда, уже в октябре, в Москве: «Эвакуация г. Екатеринбурга протекала так организованно и усиленно, как это редко наблюдалось при старой организованной царской армии. Всего было эвакуировано 900 вагонов с грузами...»⁴

Вся советская и партийная верхушка Урала в последний момент, но вполне своевременно покинула Екатеринбург и благополучно достигла Перми.

---

¹ См.: Известия (Москва). 1918. 25, 28 июня.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 8. Л. 10—11.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 124.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 111. Л. 45об., 46.

Глава 11

«БЫЛА ПОЛУЧЕНА ТЕЛЕФОНОГРАММА НА УСЛОВНОМ ЯЗЫКЕ»

Мы напрямую подходим ко все еще затемненному, до сих пор документально не выясненному вопросу истории Романовых после отречения Николая II: вопросу о том, где и кем было принято решение об их истреблении. Имеется две основные версии. Первая — советская, можно сказать, официальная, непоколебимо существовавшая до «перестроечных» лет. В соответствии с ней решение было принято исполкомом Уралоблсовета и лишь затем *post factum* санкционировано центром. Сегодня эта версия не только поколеблена, но фактически многими отвергается. Варианты второй версии сходятся в одном: решение уральцев не могло быть принято без предварительной директивы Москвы; исполком Уралоблсовета лишь взял это решение на себя, чтобы создать Москве политическое алиби. Например, бежавший на Запад еще в 20-е годы «сталинский секретарь» Б. Бажанов так сформулировал эту версию: в Екатеринбурге «была перебита царская семья в июле 1918 г., и доля ответственности за это убийство легла на Якова Свердлова... который, по поручению Ленина, хитро устранившегося от формальной ответственности, известил местные уральские большевистские власти, что передает вопрос об участии царской семьи на их решение»¹.

Однако внутри сторонников этой, второй версии имеется важное расхождение. Одни рассматривают решение Москвы (и исполкома Уралоблсовета) как политическое, как акцию, с одной стороны, продиктованную

---

¹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина, Париж, 1980. С. 93.

стремлением ослабить, подорвать возможный монархизм антибольшевистских сил, а с другой — задачей консолидации, сплочения «красного лагеря». Другие видят в этом решении не столько политическую, сколько чуть ли не ритуальную цель — действие неких «интернациональных сил», связанных со «всемирным жидо-масонским заговором». Но причастность некоторых людей с еврейскими именами к преступному решению судьбы бывшего царя и его семьи и исполнению этого решения ни о чем не говорит, как бы ни старались утверждать обратное. Эти люди участвовали в революции и в ее самых крайних, жестоких проявлениях, как все те русские и другие, которые прониклись идеями большевистского интернационализма, классовой борьбы и классового насилия.

«Жидо-масонский» вариант, представляя собой грубую политическую спекуляцию, просто не может быть предметом сколько-нибудь серьезного исторического анализа. Он — вне истории.

Но первый вариант «московской версии» требует тщательного рассмотрения, хотя, как уже отмечалось до сих пор, несмотря на огромные усилия историков и публицистов, она не поддается доказательству с самой важной — документальной — стороны. Впрочем, может быть, парадоксальным образом именно в этом и кроется главное доказательство?

Уже неоднократно упоминавшийся следователь Н. Соколов утверждал, что он обнаружил на екатеринбургском телеграфе множество телеграмм, которыми обменивалось руководство Уралоблсовета с Москвой (главным образом с Лениным и Свердловым) по целому ряду вопросов. Например, об эвакуации золота и платины в Пермь и способе их дальнейшего хранения (26 июня), о возвращении поездов из Екатеринбурга в связи с ярославским восстанием (8 июля) и другими. Вопрос о «доме особого назначения» и его обитателях был не меньшим — напротив, гораздо большим по своей политической значимости. Екатеринбург попросту обязан был держать Москву в курсе всех возможных перемен, связанных с этим домом. И так оно и было. Когда в начале июля военный комиссар Голощекин уехал в Москву, а в это время решением исполкома Уралоблсовета комендант «дома особого назначения» Авдеев и его помощник Мошкин были смещены и заменены Я. Юровским и Г. Никулиным, то об этом тут же были извещены

и Голощекин и Свердлов¹. Правда, об этом сообщили как о свершившемся факте, но из него видно, какое значение Москва придавала ипатьевскому дому.

Некоторые авторы полагают, что именно в конце июня — первой половине июля, когда в Москве находился Голощекин, и решилась судьба царской семьи. Возможно, что так. Но в это, например, не вписывается такой важный документ, как телеграмма Ленина в ответ на запрос датской газеты по поводу слухов о казни Николая II. Телеграмма ушла на телеграф днем 16 июля, и в ней Ленин опровергал эти слухи как совершенно беспочвенные, распространяемые капиталистической прессой. Телеграмма, правда, не была отправлена. На ней имеется пометка: из-за отсутствия связи².

Действительно ли причина задержки ленинской телеграммы заключалась в отсутствии связи (что тогда бывало довольно часто), или что-то другое остановило ее отправку? Драматург Э. Радзинский, в последнее время много работавший над историей казни царской семьи, опубликовал телеграмму, которую он считает ключевой для доказательства существования «московской директивы». «В самом верху ее, — пишет Э. Радзинский, — на кусочке телеграфной ленты — адрес: «Москву Ленину». Ниже — отметка карандашом: принято 16.7.1918 в 21 час 22 минуты». И далее текст: «Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите в Москву, что условленный с Филипповым (Голощекин? — *Авт.*) суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров. Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев»³.

Телеграмма пришла в Москву через Петроград. Э. Радзинский не объясняет этого, но известны и другие екатеринбургские телеграммы, которые уральцам приходилось посылать в Москву таким кружным путем действительно из-за нарушения связи. Впрочем, это

---

¹ См.: *Соколов Н.* Убийство царской семьи. С. 306. Авдеев и Мошкин были обвинены в том, что некоторые из подчиненных им караульных внутренней охраны крали вещи, принадлежавшие Романовым.

² Текст телеграммы см.: ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 23. Д. 1109. Л. 40—41.

³ См.: *Гранцев Д.* «На бой кровавый...» Беседа с Э. Радзинским // *Аргументы и факты.* 1990. № 46; см. также: *Огонек,* 1990. № 38. С. 29.

второстепенный вопрос. Более важно другое. Если это подлинная телеграмма (Э. Радзинский, к сожалению, не раскрывает ее архивного источника), то можно допустить, что именно она и остановила телеграмму Ленина, опровергающую слухи о расстреле Николая Романова. Но если это так, то отсюда можно заключить, что ни Ленин, ни вообще центр практически до самого последнего момента (зиновьевская телеграмма была получена в Москве около 10 часов вечера, за несколько часов до расстрела царской семьи) еще не отдавали определенного распоряжения об этом расстреле. «Если ваше мнение противоположно,— запрашивали уральцы,— сейчас же вне всякой очереди сообщите». Э. Радзинский приводит недатированные воспоминания некоего А. Акимова, работавшего в охране Ленина, и на их основании утверждает, что ответное сообщение было дано: телеграмма о казни царской семьи ¹.

Но эта телеграмма, увы, как раз и отсутствует. Существует только свидетельство Я. Юровского, как будто бы подтверждающее наличие московского ответа, но оно не соответствует его возможной датировке. Если зиновьевская телеграмма была, как мы видели, получена около 10 часов вечера, то ответ должен был пойти через час-два. Юровский же пишет: «16.7 была получена телеграмма из Перми (по-прежнему отсутствовала прямая связь Москва — Екатеринбург? — Авт.) на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р[оманов]ых. 16-го в шесть часов вечера Филипп Г[олощеки]н предписал привести приказ в исполнение» ².

Телеграмма, введенная в оборот Э. Радзинским, может, по-видимому, свидетельствовать об одном: вопрос о судьбе Романовых, в том числе и о допустимости их расстрела, действительно обсуждался в Москве («Филиппов суд»), но окончательно решен не был; не исключено, что он все-таки отдавался на усмотрение и под ответственность уральцев, но при строгом условии обязательно сообщить о вероятном решении Уралоблсовета. Выдавался своего рода карт-бланш...

Этому предположению, кажется, не противоречит и показание такого важного свидетеля, как Троцкий, относящееся, правда, к 1935 г. 9 апреля Троцкий

---

¹ См.: Гранцев Д. «На бой кровавый...» Беседа с Э. Радзинским // Аргументы и факты. 1990. № 46; см. также: Огонек. 1990. № 38. С. 29.

² Последние дни Романовых. М., 1991. С. 477.

записал в своем дневнике: «Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья... Либералы склонялись как будто к тому, что уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это неверно. Постановление вынесено было в Москве. Дело происходило в критический период гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу здесь, что помню... Мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, а где царь?

— Конечно, — ответил он, — расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним. Все! — ответил Свердлов. — А что? Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях...

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив крест на деле»¹.

В этой записи, если ее поставить в общий документальный ряд, обнаруживается по крайней мере одна существенная неувязка. Дело в том, что в протоколе заседания Совнаркома № 159 от 18 июля 1918 г., на котором Свердлов как раз и сделал внесочередное заявление о «казни бывшего царя Николая II по приговору Екатеринбургского совдепа», наряду с другими наркомками и ответственными лицами, присутствовавшими на заседании, указан и... Троцкий².

Совнарком тогда принял «сообщение Свердлова к сведению». Протокол подписан Лениным и секретарем Совнаркома Горбуновым. Как-то трудно предположить, что фамилия Троцкого была внесена в протокол № 159 по ошибке. Сам Троцкий в «Моей жизни» писал, что вплоть до 7 августа находился в Москве, был занят формированием своего поезда, с которым в тот же день выехал в Свияжск³. Но если это так, то по меньшей мере странным выглядит его вопрос, заданный Свердлову

¹ Троцкий Л. Дневники и письма. С. 100—101.

² См.: ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 63; см. также РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 2. Л. 10—12.

³ Троцкий Л. Моя жизнь. Ч. II. С. 125.

относительно участи царя: неизвестной ему могла быть только участь членов семьи. Впрочем, можно, конечно, допустить, что спустя 17 лет многое Троцким позабылось и при встрече со Свердловым он спрашивал именно об этом. Главное — в ином. К этим воспоминаниям Троцкого, как и к другим данным такого рода, все же не следует относиться как к абсолютной истине¹. Тем не менее они подтверждают, что вопрос о Романовых решался в Москве. Решался, но до последнего момента, может быть, не решился окончательно. Последнее слово, видимо, все же оставалось за уральцами: они лучше знали реальную ситуацию; они еще во время инцидента с Яковлевым официально сообщали Свердлову, что берут всю ответственность за Романовых на себя; а самое главное — они своим решением освобождали Москву от политически компрометирующего решения...

Н. Соколов составил список из 164 человек, так или иначе причастных к расстрелу царской семьи. Они должны были разыскиваться и доставляться следствию. В этом списке числились люди совершенно разного положения: от председателя ВЦИК Свердлова и председателя президиума исполкома Уралоблсовета Белобородова до караульных и шоферов, приписанных к «дому особого назначения». И все же, просматривая этот список, видишь, что непосредственно роковую роль в судьбе царской семьи сыграли три человека: руководитель уральской партийной организации и военный комиссар Уральской области Ф. Голощекин, председатель президиума исполкома Уралоблсовета А. Белобородов и член коллегии уральской ЧК, комендант «дома особого назначения» Я. Юровский. Голощекин и Белобородов осуществляли связь с Москвой, с Лениным и Свердловым, по всем важнейшим вопросам, в том числе и по «царскому вопросу». Независимо от того, были ли они фактическими исполнителями воли Москвы или инициатива

---

¹ В другой дневниковой записи, тоже 1935 г., Троцкий сделал выписку из книги бывшего советского дипломата, перебежчика Г. Беседовского «На путях к термидору» (Париж, 1930). Согласно утверждению Беседовского, в решении судьбы Романовых чуть ли не главная роль принадлежала Сталину. Но близко знавший Беседовского К. Померанцев характеризует его как «настоящего гения» в фантазиях, мастера сенсационных фальшивок (см.: *Померанцев К. Сквозь смерть. Воспоминания*. London, 1986. С. 134—135).

убийства царской семьи, как это признавалось официально, исходила от них, именно они — Голощекин и Белобородов — несут ответственность за происшедшее, ибо бесспорно они окончательно повлияли на принятие решений в облисполкоме и его президиуме. Юровский формально не был членом президиума исполкома Уралоблсовета, но ему было поручено — и он без колебаний взял на себя исполнение страшного приговора. Те, кто состоял в его команде, были лишь подручными, выполнявшими его приказы.

Как понять этих людей? Люди-палачи, как в наши дни склонны считать многие? Палачи по своему биологизму, по натуре?

В фильме «Цареубийца» Юровский, которого играет знаменитый английский актер Малкольм Макдауэлл, выглядит как криминальная, полупомешанная личность. Надо думать, актер выполнял установку, но, как следует из высказывания во время съемок фильма, его понимание образа (и личности) Юровского далеко от упрощения. «Тогда в Октябре, — говорил Макдауэлл, — был невероятный период вообще в мировой истории. Идеи стоили дороже человеческой жизни... И образ Юровского для меня в этом смысле многоплановый»¹. Идеи стоили дороже человеческой жизни... Не здесь, не в этом ли разгадка Голощекина, Белобородова, Юровского и других? Но как же так произошло, почему это случилось? Ответ на этот вопрос, пожалуй, не под силу только историку.

Нет, Голощекин, Белобородов или Юровский — это не такие люди, которые в июне 1918 г. в пермском милицейском участке делили вещи убитых великого князя Михаила Александровича и его секретаря. Да, они тоже ограбили убитых, забрав ценности, обнаруженные у них, но не для себя лично. Бриллианты и украшения были, кажется, обращены ими на пользу «диктатуры пролетариата». Тоже надломленные и искривленные души, они уверовали в величайшее заблуждение, будто насилие способно сокрушить зло и открыть дорогу в царство свободы. В «Слепящей тьме» А. Кестлер определил таких людей: они продавали душу дьяволу, рассчитывая выкупить ее после победы. Правдивое, но все же абстрактное объяснение.

¹ Цит. по: «Кто же он, Яков Юровский?» Интервью с заведующим партархивом Свердловского обкома КПСС С. Алексеевым // Уральский рабочий. 1990. 11 ноября,

Эти люди как бы утратили способность сознать движение истории, преходящесть свою и событий своего времени. Они уверовали в то, что их вождами и учителями открыт «исторический закон», по которому идет жизнь при них и пойдет дальше после них. И не могли себе представить, что настанет другое время — и содеянное ими в глазах других поколений получит иную оценку. Какая слепота и какая гордыня! И то, что они творили свое дело в строжайшей тайне, вряд ли противоречит сказанному. Тайна была необходима по условиям момента, из-за «несовершенства» большинства людей, живших еще по старым представлениям, еще не проникшихся сознанием величия всего совершавшегося.

Если все это не так, понять этих людей невозможно. Просто преступниками они не были. Свою жизнь они посвятили борьбе с царизмом. Николай II и все Романовы были для них «коронованными палачами», врагами трудового народа. В их казни они видели проявление все той же «исторической закономерности», исторической справедливости. А в обстановке, когда страна все более и более погружалась в пучину гражданской войны, когда судьба их революции висела на волоске, когда, как они считали, решался вопрос, быть или не быть власти Советов — их власти, — смерть бывшего царя, даже его детей не могла казаться им чем-то невыносимо ужасным. Пожалуй, напротив, вынося смертный приговор Романовым, они без колебаний считали, что выполняют пусть тяжелый, но высший революционный долг. Сомнений у них, увы, не было. В этом заключалась и их трагедия.

Они оставили свои автобиографии для потомков, но, читая эти бюрократизированные отчеты, лишь с большим трудом улавливаешь то, что можно как-то связать с кошмаром в подвале «дома особого назначения» в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Филипп Исаевич Голощекин, в 20-х годах вступая в «Общество старых большевиков», заполнил небольшую анкету, заполнил кратко; видимо, был уверен, что его имя настолько знакомо в партии, что расписывать о себе много нет особой нужды. Родился в 1876 г. в Невеле. До 1905 г. учился; образование, как утверждает, получил среднее; по тем временам это много. А потом вдруг неожиданность: работал приказчиком, затем

окончил зубоврачебную школу в Риге. Почему такие перемены — мы не знаем. Гордо писал о своей профессии: партпрофессионал, партработник. Революционную деятельность начал с 1903 г. в Петрограде. Бросало Голощекина с места на место. В 1906 г. он уже член ПК — Петербургского комитета партии. И в том же году приговорен к 2½ годам крепости. Видимо, был выпущен до срока, потому что в 1907 г. снова арестован. Еще 1½ года просидел в крепости (в Москве), а затем был сослан в Нарымский край. Но бежал, как в то время многие ссыльные. В 1912 г. Голощекин — «товарищ Филипп» — уже участник Пражской партийной конференции, которая, в сущности, и оформила большевистскую партию. Снова был сослан и снова бежал, на этот раз объявившись на Урале. После победы Октябрьской революции его избрали в исполком Уралоблсовета; в апреле 1918 г. назначен военным комиссаром области. Кончилась гражданская война, Голощекин по-прежнему «партпрофессионал», и высокого ранга. Делегат многих съездов партии. На XIII и XIV съездах был избран кандидатом в ЦК, а на XV и XVI — уже членом ЦК. Сталин, значит, его ценил: эти съезды — XV и XVI — практически уже сталинские. Но приходили новые люди, карьера Голощекина пошла на спад. Перед войной он был главным арбитром Госарбитража Совнаркома. На этом, кажется, его биография и кончилась. Он был арестован в 1938 г., осенью 1941 г. при подходе немцев к Москве с группой других арестованных был вывезен в Куйбышев и недалеко от него, в поселке Барбыш, расстрелян¹, может быть, тоже в подвале — таком же, в каком более двадцати лет тому назад по его приказу расстреляли Романовых. Такова жизнь, и такова смерть.

В материалах «Общества старых большевиков» автобиографии А. Белобородова нет. Зато он написал ее для энциклопедии братьев Гранат.

Белобородов был на 15 лет моложе Голощекина. Родился в 1891 г., и, значит, в 1918-м ему исполнилось всего двадцать семь. Но за плечами уже была долгая большевистская школа. Трудиться пошел четырнадцатилетним мальчишкой на Надеждинский завод, и тут

---

¹ См.: *Ваксберг А.* Тайна октября 1941-го // Литературная газета. 1988. № 16. С. 13.

же его закрутили события первой революции. Работа пока обычная: распространял нелегальную литературу. В 1907 г. вступил в местную партийную организацию, но революция закончилась. Белобородова арестовали, осудили. Пытался бежать, проделав вместе с некоторыми сокамерниками подкоп в тюрьме. Его освободили в 1912 г. Опять Надеждинский завод, опять не столько работа электромонтером, сколько революционная деятельность: распространение нелегальной литературы, сходки, митинги, борьба с меньшевиками и эсерами. Белобородов пробовал себя и как публицист: писал в большевистскую «Правду» под псевдонимом «Игорь». Весной 1914 г. арестован, выслан из Пермской губернии с «волчьим паспортом». Мотался по Уралу и Сибири: Белей, Тюмень, Лысьва. Февральская революция перевернула судьбу неприкаянного рабочего, второразрядного «партпрофессионала» Сашки Белобородова. В апреле 1917 г. за революционные заслуги он избран в Уральский областной комитет партии. Ездил в Петроград на Апрельскую конференцию большевиков, которая утвердила ленинские Апрельские тезисы, был делегатом и VI съезда партии, нацелившего ее на свержение Временного правительства. На III областном съезде Советов Уральской области Белобородова избрали членом, а вскоре и председателем облисполкома. В двадцать семь лет! Не исключено, что сепаратизм Уралоблсовета, его стремление к независимости от центра, даже некоторая бравада этой независимостью в немалой степени была и следствием белобородовской молодой самоуверенности. В дни «яковлевской эпопеи» он, по крайней мере, на равных, без малейшего заискивания, требовательным тоном переговаривался с «самим» председателем ВЦИК, правой рукой Ленина — Яковом Свердловым. Впрочем, у тех, «октябрьских» большевиков еще не было гипертрофированного чувства субординации, приспособленчества и лести...

На VIII съезде РКП(б) Белобородов был избран в ЦК. Там, видимо, хорошо знали крепость белобородовских нервов, его непреклонность и решительность. И когда вспыхнуло грозное Вешенское восстание на казачьем Дону, угрожавшее разбить тыл всего Южного фронта, Белобородов был направлен на его подавление как особоуполномоченный. В дело расказачивания Дона он внес вклад не меньший, чем в дело истребления романовской династии. Широко известное теперь цирку-

лярное письмо ЦК, требовавшее проведения «беспощадного массового террора по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»¹, в партийных кругах было встречено неодинаково. «Линию» циркулярного письма, выработанную Оргбюро ЦК во главе со Свердловым, поддерживал, в частности, сам Ленин.

Но были и несогласные (например, Г. Сокольников), считавшие ее по крайней мере бесплодной. Белобородов, конечно, находился среди сторонников первой, «твердой» линии. Его письма с Дона, написанные уже в 1919 г. секретарю ЦК Н. Крестинскому, проливают свет не только на политику рассказывания, но немало объясняют характеры тех, кто проводил и политику «разроманивания» России. Со станции Лог в начале мая 1919 г. Белобородов писал: «Разгильдяйство возмутительно и необычно!.. В головах у красноармейцев сумбур, недовольство коммунистами начинает пускать сильные ростки в массе... присутствие коммунистов на фронте показало бы, что они (коммунисты) не только умеют «комиссарить» в станицах... Только люди нужны с характером и крепкими нервами. Для этой операции такие условия обязательны...

Поскольку я за несколько дней сориентировался в обстановке, линия Владимира Ильича вполне верна, хотя некоторые товарищи, в том числе и тов. Сокольников², смотрят на дело, кажется, иначе... В общем, надо сказать, что, кого нужно, в железо здесь еще не взяли — очень уж русское добродушие прет из всех углов». Через несколько дней Белобородов писал тому же Крестинскому новое письмо. «Я считаю величайшей наивностью, преступлением, легкомыслием, что борьба с донской контрреволюцией велась посредством революционных трибуналов. Трибуналы эти судили захваченных нами перебежчиков и явных контрреволюционеров, часть из них (весьма малую) расстреливали, часть отправляли на принудительные работы (наказание, подумаешь!), а часть, и, кажется, значительную, освобождали... Этой наивности нужно положить предел, и чем скорее, тем лучше. Необходимо организовать чрезвычайки и как можно скорее покончить с трибунальным словоизвер-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 7. Л. 1.

² Г. Я. Сокольников — тогда член Реввоенсовета Южного фронта.

жением... Основное правило при расправе с контрреволюционерами: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу. Необходимо в этом духе авторитетное решение для Дона, я на этом настаиваю самым решительным образом. С приветом. А. Белобородов»¹.

В 1919—1920 гг. Белобородов находился на передовых, боевых участках гражданской войны, а когда она закончилась, был назначен заместителем, а затем (в 1923 г.) наркомом внутренних дел. Но началась борьба с троцкизмом, и как троцкиста его исключили из партии в 1927 г., через три года восстановили. С этого момента биография Белобородова тускнеет. Видимо, он так и не смог приспособиться к новому повороту большевизма, связанному уже с именем Сталина. Белобородовское правило — «контрреволюционеров не судят, а производят с ними массовую расправу» — начало применяться одними большевиками против других. Этого он, по-видимому, понять уже не мог. В 30-е годы Белобородов был репрессирован и расстрелян. Круг замкнулся.

Подробные анкета и автобиография Я. Юровского были в конце 1933 г. написаны для «Общества старых большевиков». Этот человек взял на себя самую страшную задачу: своими руками (и руками подчиненной им команды) привести в исполнение бессудный приговор над царской семьей. И привел. Это так необычно, требовало столько суровой силы и воли, что обе стороны даже с каким-то удивленным почтением отзывались о Юровском. Ленин называл его «надежнейшим коммунистом», следовательно Соколов писал о нем как о «человеке с характером». Правда, наверное, и то и другое.

Родился в Сибири, в Томске, в 1876 г., писал о себе Юровский². Отец был стекольщиком, мать — домашней швеей. Учился в начальной еврейско-русской школе, закончил только «первое отделение» — два класса.

---

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 54. Л. 1—2.

² В литературе можно встретить различные данные, относящиеся к биографии Я. Юровского. Например, что он бывал в Берлине, где принял лютеранство, что до революции был довольно богат и помимо часового дела имел собственную фотографию, что во время войны, будучи призванным в армию, закончил фельдшерскую школу (см., например: *Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 170—172*). Здесь сведения даются только на основании автобиографии Я. Юровского.

На восьмом году (?!) уже работал на дрожжевом заводе, затем у портного, а на одиннадцатом отдался учеником в часовой магазин. Это дело, кажется, пошло. До 17 лет учился часовому делу в Тюмени, потом работал подмастерьем или кустарем в Тобольске, Томске и Екатеринбурге.

Здесь в автобиографию Юровского надо включить «белое пятно», которое он обошел. Из материалов департамента полиции следует, что в 1898 г. Юровский по суду отбывал наказание за «нечаянное убийство» в Томске. Подробности по этому делу отсутствуют, во всяком случае, пока не разысканы. Так или иначе, на совести Юровского до июльских событий 1918 г. уже было какое-то убийство¹. С 1904 г. он начал посещать занятия социал-демократических кружков и массовки. Летом 1905 г. в Томске вступил в РСДРП. Хранение и распространение нелегальной литературы, изготовление фальшивых паспортов, «приискание» явочных квартир и предоставление собственной квартиры под явочную. «Рутинная» революционная работа...

Она прервалась только в 1912 г., когда Юровского арестовали и по этапу выслали в Екатеринбург с запрещением селиться, как он пишет, во многих пунктах России и Сибири. Тут тоже немало неясного, неопределенного. Из Екатеринбурга Юровского намеревались выслать в Чердынский уезд Пермской губернии, но шел 1915 г., и его призвали на военную службу.

Февраль 1917 г. изменил все. Юровский сразу включился в пропагандистскую и организационную работу. Октябрь открыл ему путь к верхам уральской власти. Теперь у него много должностей: член военного отдела облисполкома, председатель следственной комиссии Уральской области, товарищ комиссара юстиции Уральской области, член коллегии уральской ЧК, заведующий охраной города и, наконец, должность, которая и ввела его в историю,— комендант «дома особого назначения». В автобиографии Юровский особо пояснял, «где содержался бывший царь Николай II с семьей» и где он, Юровский, «провел исполнение приговора над ними по постановлению Областного исполнительного комитета Урала».

После падения Екатеринбурга Юровский в Москве, в основном на чекистской работе. В середине 1919 г. его

---

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2232. Л. 15.

вновь возвращают на Урал, где, как он утверждал, был председателем губернской ЧК. Потом снова Москва, работа в Рабоче-крестьянской инспекции, а в 1921 г. ЦК направил его в Гохран — Государственное хранилище республики при Народном комиссариате финансов. Это значит, что Юровский пользовался высшим доверием: в Гохране концентрировались огромные ценности, и Юровский до 1923 г. заведовал там Золотым отделом, а затем Отделом по реализации ценностей. С 1924 г. начался закат карьеры. Юровский переводится на хозяйственную работу: заместитель директора завода «Богатырь», член правления треста точной механики, трамвайный парк им. Русакова, директор Политехнического музея. Он сменил много должностей, но, как справедливо отметили его рекомендатели в «Общество старых большевиков» (М. Герцман и А. Белобородов), главная работа Юровского была чекистская. «При переходе власти к Советам,— писали они в рекомендации,— тов. Юровскому как активному и крепкому большевику доставались всегда наиболее ответственные поручения чекистского характера, каковые он выполнял твердо и решительно»¹.

Сталинские репрессии миновали Юровского, возможно, потому, что к их началу он уже был тяжело болен. Из множества людей, ответственных за убийство царской семьи, кажется, он один избежал расстрельной пули: умер в кремлевской больнице в 1938 г.

Когда с «романовской темы» сняли табу, на страницы газет, журналов, сборников хлынул поток очерков, повествований, исследований, во всех деталях освещавших главным образом картину ипатьевского убийства. Очень многое наконец стало известно, но далеко не все. Мы не знаем, например, текст того постановления, которое вынес президиум исполкома Уралоблсовета; не знаем, было ли оно вообще. Неизвестен точный состав команды, которая под руководством Юровского и его помощника Никулина приводила приговор в исполнение.

Составитель уже упоминавшегося здесь сборника «Писем царской семьи из заточения» Е. Алферьев, правда, привел текст протокола, принятого как будто бы

---

¹ РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2232. Л. 10.

14 июля — в день, когда Голощекин вернулся в Екатеринбург из Москвы. И не только текст, но и его фотокопию. Текст (на официальном бланке) гласит: «Рабочекрестьянское правительство Российской Федеративной республики Советов. Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Президиум. Весьма секретно. Протокол заседания Областного исполнительного комитета Коммунистической партии Урала и Военно-революционного комитета. Участвовали все члены. Обсуждался вопрос ликвидации бывшей царской семьи Романовых.

По предложению военного комиссара, а также председателя Военно-революционного комитета собрание единогласно постановило ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью, а также находящихся при нем служащих. Далее постановлено привести настоящее решение в исполнение не позднее 18 июля 1918 г., причем ответственность за выполнение поручить тов. Юровскому Я.— члену Чрезвычайной комиссии. Председатель исполкома Белобородов, военком Голощекин (так в документе.—*Авт.*), нач. ревштаба Мебиус. Екатеринбург, 14 июля 1918 г. 20 ч. ночи. (Две небольшие круглые печати: Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Военно-революционного комитета.)»¹.

В той же книге, изданной Е. Алферьевым, имеется и фотокопия бланка со списком «расстрельной команды», якобы составленным, во всяком случае, подписанным Юровским. Воспроизведем и его. «Районный комитет при Екатеринбургском Совете рабочих и солдатских депутатов. Революционный штаб Уральского района. Чрезвычайная комиссия. Список команды особого назначения в дом Ипатьева (1-й Камышл. стрелк. полк). Комендант: Горват Лаонс, Фишер Анзелм, Эдельштейн Изидор, Факете Эмил, Надь Имре, Гринфелд Виктор, Варгази Андреас. Обл. ком: Ваганов Сергей, Медведев Павел, Никулин. Гор. Екатеринбург, 18 июля 1918 г. Начальник Чрезвычайн. ком. Юровский»².

Оба документа вызывают сомнение со многих точек зрения. Главное из них: почему публикатор не дал ссылок на источник их происхождения? Далее, оба бланка вряд ли подлинные, в них много несоответствий офици-

---

¹ Письма царской семьи из заточения. С. 399.

² Там же. С. 400.

альным названиям обозначенных учреждений. Таинственной, загадочной фигурой остается некий Мебиус, личность которого все еще не удалось идентифицировать, кажется, и уральским историкам. Наконец, почему список «расстрельной команды», подписанный Юровским, датирован 18 июля, то есть уже после того, как приговор был приведен в исполнение? Есть немало и других вопросов. И все же мы приводим эти материалы как пока единственные, пусть и неидентифицированные, документы. Все остальное, чем мы располагаем, — поток воспоминаний, увы, тоже мало способный прояснить подлинную картину...

Чтобы не навязывать читателю собственных версий и домыслов, лучше предоставим слово тем людям, прямое участие которых в событиях не подлежит сомнению. Мы располагаем воспоминаниями и показаниями нескольких таких людей: Якова Юровского, Григория Никулина, Михаила Медведева (Кудрина), Исаю Радзинского, Петра Ермакова ¹.

Когда читаешь показания этих людей, ясно видишь: ничего мистического, сатанинского в содеянном ими не было. Обычное, прозаическое, к тому же бездарно продуманное и неумело исполненное дело — таким оно предстает в их будничных, серых повествованиях. Жестокость, смешанная с равнодушием, беспросветная тупость... Но прежде чем приступить к их рассказам, приведем запись из дневника Александры Федоровны, опубликованную Э. Радзинским. Она, кажется, была последней, сделанной в доме Ипатьева. «3 (16) июля. Вторник. Серое утро, позднее вышло милое солнышко. Бэби слегка простужен. Все ушли на полчаса на прогулку, остались Ольга и я. Готовили лекарства. Татьяна читала духовное чтение, затем они ушли. Татьяна осталась со мной, и мы читали книгу пророка Амоса и книгу пророка Авдия. Потом болтали. Как обычно, комиссар пришел в наши комнаты, и, наконец, после целой недели, принесли яйца для бэби. В 8 ужин. Внезапно вызвали Седнева повидаться с его дядей, и он исчез. Очень удивлюсь, если это правда, и мы увидим его вновь... Играли в бэзик с Николаем. 10 с половиной пошли спать» ². Эта запись свидетельствует о начале конца...

---

¹ 30 ноября 1991 г. «Комсомольская правда» опубликовала воспоминания А. Кабанова, также, по его утверждению, участвовавшего в расстреле царской семьи.

² Цит. по: Огонек. 1990. № 2. С. 25.

Яков Юровский. Он написал свою записку¹ в 1920 г., по всем данным, по просьбе историка М. Покровского. Во всяком случае, на ее основе Покровский сделал собственный набросок событий в доме Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля, изменив одно важное слово в первой строке. Записка Юровского начинается словами: «16 июля была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых». В варианте Покровского слово «телеграмма» было заменено словом «телефонограмма». Случайно ли? Ошибка? Просто описка? Думается, нет. Телеграмма — устойчивый документ, он должен существовать, его можно искать; телефонограмма может быть и не фиксируема... Итак, если верить Юровскому, приказ «об истреблении Романовых» поступил из Перми. Почему из Перми? Не было тогда прямой связи с Екатеринбургом? Или Юровский, написав эту фразу, руководствовался какими-то лишь ему известными соображениями?

В 6 часов вечера Ф. Голощекин распорядился привести приказ в исполнение. Юровский вскоре велел увезти из ипатьевского особняка поваренка, четырнадцатилетнего Леонида Седнева. Почему он решил спасти жизнь только ему одному — тоже вопрос. В последний момент пожалел мальчишку? Уход Седнева обеспокоил Романовых, но все же не внес особого переполоха. Жизнь в «доме особого назначения» шла как будто бы привычным распорядком.

Тем временем было отобрано 12 человек (в том числе 7 латышей) с наганами. Двое из латышей отказались стрелять в детей. К половине второго к дому подошел заранее вызванный автомобиль: он опоздал, его ждали к 12-ти, но он почему-то задержался на полтора часа. В доме все спали. Разбудили доктора Боткина, он стал поднимать остальных. Им объяснили: в городе неспокойно, надо всем перейти в нижний этаж. Одевание продолжалось примерно полчаса.

«Расстрельная комната» была уже выбрана внизу — оштукатуренная, с низким потолком, с заранее вынесенной мебелью. Команда расположилась в полной готовности в соседней комнате. Юровский сам свел всю семью вниз. Они ни о чем не догадывались. Николай

---

¹ Полностью записка Юровского впервые опубликована Э. Радзинским в журнале «Огонек». 1989. № 21, и Г. Рябовым в журнале «Родина». 1989. № 5. См. также: Корона и эшафот. М., 1991. С. 312—317; Последние дни Романовых. С. 477—481.

нес болевшего Алексея, другие держали в руках подушечки и разные мелочи. Поставили два стула. На один посадили Алексея, на другой села часто недомогавшая Александра Федоровна. Остальным Юровский приказал встать в ряд. Из соседней комнаты один за другим вышли члены «расстрельной команды». Юровский вынул бумагу, стал читать: ввиду того что родственники царя в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Нелепость и полная неожиданность зачитанного (если это действительно зачитывалось) были так велики, что Николай II в очевидном потрясении переспросил: «Что, что?» Юровский как будто бы наскоро повторил и тут же отдал приказ открыть огонь по целям, которые были заранее распределены. Стрельба длилась две-три минуты. Бывший царь был убит самим Юровским наповал, затем в этой адской стрельбе пали и все остальные: Александра Федоровна, дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, сын Алексей, доктор Боткин, лакей Трупп, повар Харитонов¹, горничная Демидова. Вместе с Николаем всего одиннадцать человек.

Алексея и трех его сестер пришлось достреливать и даже добивать штыками. Юровский утверждал, что это будто бы оттого, что наганные пули сразу не пробивали надетых на девушках корсажей! Потребовалось еще минут 20... Когда стали грузиться на автомобиль, начались кражи. Пришлось поставить «трех надежных товарищей» на охрану, и под угрозой расстрела все похищенное (часы, портсигары и т. п.) было возвращено.

Юровский писал, что ему как коменданту «дома особого назначения» предписывалось лишь привести в исполнение приговор; все остальное «лежало на обязанности т. Ермакова», бывшего каторжанина, рабочего с Верх-Исетского завода. Он должен был подъехать на автомобиле и понасть в «дом особого назначения» по паролю «трубочист», но опоздал на те самые полтора часа.

Только около трех часов утра выехали на место, которое заранее должен был определить и приготовить Ермаков, — за Верх-Исетским заводом. Сначала должны были ехать на автомобиле, а потом на лошадях, так как автомобиль дальше пройти не мог. Ермаков выбрал заброшенную шахту. Проехав Верх-Исетский завод, верстах в пяти от этой шахты «наткнулись на целый

---

¹ У Юровского ошибочно назван Тихомировым.

табор» — человек 25 верховых и в пролетках. Это были рабочие, заранее вызванные Ермаковым. Увидев, что привезли, они, по словам Юровского, стали кричать: «Что же вы нам их неживыми привезли?!» Они думали, что их пригласили для исполнения казни. Приступили к дьявольской перегрузке в пригнанные пролетки, и опять началось воровство. Снова пригрозили расстрелом и снова поставили часовых. Выяснилось, что Ермаков и другие не очень помнят путь к шахте.

Уже светало. Юровский послал верховых на розыски, те скоро вернулись: ничего не нашли. Вообще выяснилось, что ничего толком не готово, не было даже лопат. Но надо было двигаться. Остановились в полутора верстах от деревни Коптяки. В лесу отыскивали заброшенную старательскую шахту (когда-то в ней добывали золото), на глазок определили: глубина примерно три с половиной аршина и примерно на аршин — воды.

Юровский приказал раздеть мертвецов, запалить костры и все снятое сжечь. Из женских корсетов, разбитых пулями и штыками, посыпались... жемчуг, бриллианты. «У публики явно разгорелись глаза», — писал Юровский. Он решил немедленно «распустить всю артель», оставив на охране несколько верховых и 5 человек из своей команды. Лишние удалились. Приступили к раздеванию и сжиганию. Бриллиантов, если верить Юровскому, набралось много, около полупуда (?!). (Он утверждал, что все они были аккуратно собраны и спрятаны на Алапаевском заводе, в подполье одного из домиков. Когда в 1919 г. красные вернулись, все было откопано и отправлено в Москву¹.)

«Дело» шло к концу. Раздетые трупы спустили в шахту и попытались «завалить» ее брошенными туда гранатами. Не все следы удалось скрыть. Кое-что все же обростили вблизи кострищ и шахты. «Но, — писал

---

¹ Об этих бриллиантах сказано немало. Были ли они на самом деле? Не легенда ли это? Вот запись из дневника Александры Федоровны (переведенные Э. Радзисским и опубликованные им в журнале «Огонек». 1990. № 2. С. 25): «21 (4) (так у публикатора. — Авт.) июня... заставили нас показать все драгоценности, которые у нас были. Молодой помощник (Г. Никулин. — Авт.) все тщательно переписал, затем они (Юровский и Никулин. — Авт.) их унесли (куда? на сколько? зачем? неизвестно!). Оставили только два браслета, которые я не смогла снять. 22 (5) июня. Комендант предстал перед нами с нашими драгоценностями, он оставил их на нашем столе (опечатанными) и будет приходить каждый день смотреть, чтобы мы не раскрывали ящичек».

Юровский, — Романовых не предполагалось оставлять здесь, — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения».

Около 11 часов утра Юровский «с докладом» поехал в Екатеринбург, в Уралоблисполком. От члена коллегии уральской ЧК С. Чуцкаева он узнал, что на 9-й версте по Московскому тракту есть очень глубокие, давно заброшенные шахты, «подходящие для погребения Романовых». Сразу же отправился туда, но до места быстро добраться не сумел: сломался автомобиль, пришлось идти пешком. Чуцкаев оказался прав: тут были три очень глубокие, затопленные водой шахты. Здесь и решили утопить трупы, привязав к ним для верности камни. Но имелось препятствие: в округе бродили какие-то «сторожа», которые могли стать «неудобными свидетелями». Тогда Юровский решил до прихода грузовика с трупами пригнать автомобиль с чекистами, которые на время арестуют «всю публику».

В обратный путь Юровский с одним из чекистов ехали на попутной повозке, но тоже не без приключений. Дорога была ухабистая, Юровский упал, «сильно расшибся». Помимо плана со старыми заброшенными шахтами, на всякий случай был разработан еще и резервный вариант: «трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив их до неузнаваемости серной кислотой».

В Екатеринбург вернулись уже утром. Начали раздобывать все необходимое: повозки, керосин, серную кислоту. К Коптякам отправились поздней ночью с 17-го на 18-е. Чтобы избежать возможных свидетелей, объявили, что в районе Коптяков будет облава на скрывающихся чехов, лес будут обыскивать чекисты, и крестьянам близлежащих селений строго запрещается приближаться к оцепленному району. Нарушителей разрешалось расстреливать на месте.

Рассвело. Решили взять извлеченные трупы на глубокие шахты, 9 верста по Московскому тракту. Но вновь случилась незадача: телеги оказались непрочными, нужно было ехать в город за машинами. Пришли грузовик и легковые для чекистов. Ехали с огромным трудом, преодолевая топкие места с помощью подобранных шпал. И все-таки несколько раз буксовали. В половине пятого утра застряли окончательно: тяжело нагруженная машина дальше не шла. Решили покончить со всем тут же на месте. Снова разожгли свои костры...

Выкопали братскую могилу. Трупы сложили в яму, облив серной кислотой. Забросали землей и хворостом, несколько раз проехали — следов ямы не осталось. «Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли» — этими словами закончил Юровский свою записку. Да, белым, следователю Соколову не удалось найти место захоронения останков царской семьи. Много улик обнаружили они вокруг старательской шахты под Коптяками и в глубине шахты, но самого захоронения так и не обнаружили. Но в Екатеринбурге (затем Свердловске) оно, по-видимому, некоторым в то время было еще известно. Почти через 10 лет, зимой 1928 г., в Свердловск приехал В. Маяковский. Председатель Екатеринбургского Совета Парамонов ездил с ним на то место, которое описал Юровский: на 9-ю версту по Московскому тракту, где еще в 1920 г. Парамонов, по его словам, сделал зарубки на деревьях¹. Тронутые той «революционные» стихи, написанные тогда поэтом, можно считать своего рода поэтической концовкой к записке Юровского.

За Исетью,
    где шахты и кручи,
за Исетью,
    где ветер свистел,
приумолк
    исполкомовский кучер
и встал
    на девятой версте...
Здесь кедр
    топором перетроган,
зарубки
    под корень коры,
у корня,
    под кедром,
                    дорога,
а в пей —
    император зарыт.
Лишь тучи
    флагами плавают,
да в тучах
    птичье вранье,
крикливое и одноглавое,
ругается воронье...

В феврале 1934 г. Юровский еще раз вернулся к событиям, которые он уже описывал в записке для Покровского. Было это на совещании старых большевиков,

---

¹ Подробнее об этом см.: *Дзулиани М.* Царская семья. Последний акт трагедии. М., 1991. С. 180.

посвященном истории пребывания Романовых на Урале¹. На этом совещании Юровский не мог не быть главной фигурой. Он и сам сознавал свою «значительность». «То, что я здесь расскажу,— говорил он,— увидит свет через много лет», так как до полной победы революций «в ряде стран Европы» подлинные свидетельские показания о том, что произошло в доме Ипатьева, могут быть только вредны. Ведь они, и особенно, конечно, то, что скажет он (Юровский), будут иметь «силу документа», а это — совсем иное, чем то, что пишут белогвардейцы, да и наши авторы.

Действительно, воспоминания Юровского на совещании старых большевиков имеют большую ценность, дают важнейшие подробности, проливают свет на многое.

Поскольку «этот акт» имел огромное политическое значение, разъяснял Юровский, то все, что могло быть с ним связано, было поручено Ф. Голощекину «как человеку, пользовавшемуся особым доверием ЦК». На него и была возложена ответственность «за согласованное решение», поскольку в Уральской областной партийной организации и Уралоблсовете имелось немало сторонников «сепаратного решения» вопроса, то есть уничтожения Романовых и без согласования с центром.

К ним Юровский относил, в частности, и своего предшественника на посту коменданта «дома особого назначения» А. Авдеева и его ближайшее окружение. Здесь якобы царило такое настроение: «Чего тянуть канитель, расстрелять — и все». Авдеев, его помощник Мошкин и другие были арестованы, преданы суду, а затем отправлены на фронт. Юровский приступил к своим обязанностям 4 июля и сразу начал борьбу с авдеевской расхлябанностью (отсутствовала дисциплина, плохо работала сигнализация, пулеметы были неисправны). Он сменил всю внутреннюю охрану: «ряд товарищей взял из областной ЧК», среди них находилось несколько (5—6) латышей², фамилии которых Юровский через 16 лет «запамятовал». Здесь он сделал важное сообщение, может быть, не столько для участников совещания,

---

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 10. Л. 1—30. Частично эти воспоминания опубликованы: Уральский рабочий (Свердловск). 1990. 23 сентября и в других изданиях.

² Латышами часто называли иностранцев вообще (пленных австрийцев, венгров и других), хотя для Юровского такая путаница представляется малообъяснимой.

сколько для будущих историков. «Списки охраны, как и многие другие документы,— говорил Юровский,— должны были быть отправлены в областной архив в период эвакуации Екатеринбурга. Где этот архив — мне неизвестно». Правда, П. Ермаков, по его утверждению, сообщил ему, будто баул с бумагами весом примерно в 16 (!) пудов он, Ермаков, в 1918 г. сдал в Москве в Наркомат внутренних дел по записке комиссара внутренних дел М. Владимирского. Сохранились ли эти документы?

Юровский решительно опровергал «брехню белогвардейцев», утверждавших, что отношение к арестованным Романовым было плохим. Относились к ним, по его словам, хорошо: еду доставляли из горсоветовской столовой и из Ново-Тихвинского монастыря, что было разрешено «в целях обнаружения связи с организациями, принимавшими меры к их освобождению».

Если бы не быстрое приближение фронта к Екатеринбургу, говорил Юровский, «с ликвидацией», возможно, и не поспешили бы. Эта фраза — тяжелое свидетельство в пользу того, что сама по себе «ликвидация» в принципе могла произойти и независимо от военных обстоятельств. Вопрос как будто бы заключался только во времени. Ухудшение военного положения лишь неотвратно «приближало развязку». Но постольку, поскольку вопрос этот имел особую политическую важность, без согласия центра он разрешен быть не мог — в этом Юровский вполне категоричен. Связь и разговоры Екатеринбурга с центром не прекращались. Приблизительно 10 июля уже состоялось решение о расстреле на тот случай, если сдача Екатеринбурга станет неизбежной. В тот же или на другой день Голощекин объявил Юровскому, что Николая Романова нужно будет ликвидировать и что к этому надо начать готовиться. 15 июля Голощекин лично приехал в «дом особого назначения» и сказал, что ликвидация назначается на завтра (он распорядился убрать из дома поваренка Седнева, отправить его либо на родину, либо куда-нибудь в центр России). Голощекин довел до сведения Юровского и еще более важную вещь: доверительно сообщил, что о казни Николая будет объявлено официально, что же касается объявления о казни семьи, то «об этом пока никто не знает» (не этим ли объясняется то, что исполком Уралоблсовета сообщил в Москву о расстреле царской семьи только вечером 17 июля?).

В тот же день Юровский «приступил к подготовке». Решил включить в «расстрельную команду» столько же «расстрельщиков», сколько было и расстреливаемых. Собрал их всех для инструктажа. Ведь дело было тяжелое, объяснял он. «Тут ведь должны были быть не просто кровожадные люди, а люди, выполнявшие тяжелый долг революции». Двое из «латышей» оказались неспособными осознать этот долг: отказались... Приготовили наганы, распределили, кто в кого будет стрелять. «Тов. Филипп» предупредил, что к 12 часам ночи прибудет грузовик, приехавшие на нем скажут пароль, и их следует пропустить в дом, «сдать» им трупы.

В 11 часов вечера 16-го Юровский снова собрал людей, раздал им оружие — наганы. Семью, как мы уже знаем, будил доктор Боткин. Сборы продолжались около 40 минут, потом спустились в комнату нижнего этажа. Когда Юровский начал читать «приговор», в котором говорилось о «родственниках», якобы желавших освободить Романовых, Николай II переспросил: «Что?» — и повернулся к сыну. В этот момент Юровский выстрелил...

Вслед за тем, по его рассказу, началась беспорядочная, «беспардонная» стрельба. Некоторые стреляли прямо с порога другой комнаты, из которой выходили. Раздавались страшные крики, комнату наполнил удушливый дым. Пуля просвистела возле головы самого Юровского, кому-то из команды прострелили ладонь или палец. Когда стрельба прекратилась, оказалось, что погибли не все. Живы еще были Алексей, кто-то из дочерей, горничная Демидова. «Тогда приступили достреливать». Юровский, по его уверению, убил и Алексея; дочерей никак не могли «дострелить», и тогда Ермаков «пустил в ход штык»... При переносе трупов в грузовик кое-кто попытался «мародерствовать». Юровский пригрозил расстрелом. Голощекин, который во время расстрела ходил вокруг дома, проявил трогательную заботу: не советовал Юровскому ехать на захоронение из-за плохого состояния здоровья. Но тот поехал.

Далее рассказ Юровского в основном повторял то, что он изложил в записке для историка Покровского. Есть лишь некоторые леденящие кровь «детали»: «Ценности собрали, вещи сожгли, а трупы, совершенно голые, побросали в шахту». Однако вода чуть покрывала тела, тогда попробовали взорвать шахту гранатами,

но из этого мало что получилось. Стало понятно: «...с похоронами ничего не вышло», надо начинать все сначала... Как это было, мы уже знаем по записке.

Вечером 19 июля Юровский уже уехал из Екатеринбурга в Москву «с докладом». Все ценности он, по его словам, передал тогда члену Реввоенсовета 3-й армии В. Трифонову. Потом Белобородов и еще кто-то схоронили их в подвале какого-то домика в Лысьве, а в 1919 г., когда на Урал ехала комиссия ЦК для новой организации Советской власти, ценности извлекли. Н. Крестинский отвез их в Москву. В 1921—1923 гг., когда Юровский работал в Гохране, он видел там некоторые из этих ценностей...

Г. Никулин. Своими воспоминаниями он поделился почти полвека спустя, в мае 1964 г.¹ Тогда, в 1918-м, ему было только 23 года; он работал каменщиком на Талатуйском динамитном заводе, что примерно в 50 верстах от Екатеринбурга. Мы не знаем, где и когда его заметил Голощекин, но, по словам самого Никулина, именно он, Голощекин, вскоре после Октябрьской революции рекомендовал его в областную ЧК². Тут он и сдружился с Юровским, который пригрозил его, любовно звал «сынком». Никулин навсегда сохранил добрую память о своем «отце» и учителе. Говорил о нем: «Скромный очень человек по натуре и по поведению, не претендующий ни на какие, понимаете, высокие посты, ни на какие привилегии. Выполнял свои обязанности, как и полагается большевику... Я считаю, что если бы у нас было побольше таких большевиков... каким был Яков Михайлович Юровский и его ребята, это было бы только нашим счастьем, нашим достижением».

Никулин был назначен помощником Юровского, когда тот в начале июля сменил Авдеева в ипатьевском доме. Авдеев, по утверждению Никулина, уходить не хотел, возмущался тем, что ему якобы оказывается недоверие. Но факты были против него: некоторые охранники стали «потаскивать кое-какие такие мелочные вещички, принадлежавшие царской семье». Александре Федоровне Никулин понравился. В ее дневнике есть

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 13. Л. 1—70.

² По признанию Г. Никулина, до расстрела Романовых он расстрелял содержавшегося в екатеринбургской тюрьме князя В. Долгорукова,

такая запись: «Авдеев смнен, и мы получили нового коменданта (Юровского. — *Авт.*), который приходил уже однажды смотреть ногу баби. С молодым помощником, который выглядит очень приятным по сравнению с другими, вульгарными и неприятными»¹.

Голощекин и Белобородов предупредили Юровского и Никулина: отвечаете за все, что происходит в доме, головой. В охране было 50 человек: рабочие Злоказовской текстильной фабрики и Верх-Исетского завода. Наново организовали внешние и внутренние посты, наладили и проверили сигнализацию. Она была электрической, с особыми кнопками.

Никулин признавал, что они с Юровским ужесточили режим, лишив семью некоторых привилегий: унесли, например, рояль и запретили приносить газету. Но в целом обращение было нормальным: «питали их довольно прилично», «обед был очень хороший», прогулки давались длительные — по два часа. Ценности, «которые были при них», сложили в особую «шкатулку», опечатали и оставили ее на столе².

«Состояние наше, — вспоминал Никулин, — было очень тяжелое. Мы с Юровским ждали какого-нибудь конца. Мы понимали, что какой-нибудь конец должен наступить». Впрочем, Юровский не слишком часто бывал в доме, отлучался то в облисполком, то в областную ЧК и т. д., и в доме больше приходилось бывать «сынку» — Никулину.

Утром 16 июля Юровский сказал: «Ну, сынок, меня вызывают туда, в президиум исполкома, к Белобородову, я поеду». Он вернулся через 3—4 часа, сообщил: «Ну, решено. Сегодня в ночь...» Город будет объявлен на осадном положении, и в эту ночь следует ликвидировать всех. Весь вопрос: как? Была общая директива: сделать все без шума, тихо. Имелось несколько вариантов, например ночью подойти к каждому и «просто в кровати выстрелить». Или другой вариант: собрать всех в одну комнату и забросать ее гранатами («бомбами»). Остановились, однако, на том, чтобы под видом обороны дома и предстоящей срочной эвакуации спустить всех в нижний этаж.

---

¹ Последние дни Романовых. Свердловск, 1991. С. 88—89.

² Опечатали и помещение, где хранился весь багаж семьи. Николай II встретил это с одобрением. «Если бы это было сделано месяц тому назад!» — записал он в дневнике 25 июня (8 июля).

Юровский и Никулин направились к Боткину, разбудили его. Было это часов в одиннадцать, в двенадцатом. Никулин якобы предупредил Боткина, что на дом ожидается нападение, придется обороняться и всей семье необходимо спуститься в подвальный этаж. Стали спускаться. Никулину запомнилось: они шли мимо чучела медведя, стоявшего на лестничной площадке, и, оглядываясь на него, истово крестились.

Перед тем как началось, к Юровскому и Никулину «прибыли в помощь» Михаил Александрович Медведев, который работал тогда в ЧК, и Ермаков, который, как заметил Никулин, впоследствии вел себя «неприлично, присваивая себе главенствующую роль»¹. На самом деле было 8 исполнителей: Юровский, Никулин, Михаил Медведев, Павел Медведев, Ермаков, кажется, Кабанов². Еще двоих Никулин назвать не мог: позабыл. Были ли «латыши»? Во внутренней охране они действительно были, но участвовать в расстреле отказались, «просто трусили», не смогли выполнить свой долг.

Картина казни, нарисованная Никулиным, мало чем отличается от рассказов Юровского. Никулин (это надо отметить) не помнил, чтобы Юровский читал какой-то приговор или какой-то документ вообще. Может быть, забыл: прошло очень много лет. Залп, другой, третий... Обстановка была такой, что невозможно было разобрать, кто кого застрелил. Никулин помнил только, что «пришлось еще кое-кого достреливать». Это мы уже знаем. Но вот никулинская оценка того, что произошло: «Я, например, считаю, с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом... когда воевал в 3-й армии, 29-я стрелковая дивизия, я считал, что если попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив. Потому что вообще с нашим братом там поступали зверски».

---

¹ Отрывки из воспоминаний П. Ермакова опубликованы Э. Радзинским (см.: Огонек. 1990. № 38. С. 30—31). Оценка, данная Никулиным Ермакову, справедлива: всю организацию расстрела Ермаков впоследствии приписывал себе.

² Как мы уже отмечали, «Комсомольская правда» 30 ноября 1991 г. опубликовала воспоминания братьев Кабановых (Алексея и Михаила) об их участии в ипатьевском расстреле. Непосредственным участником расстрела был Алексей. В основном его рассказ совпадает с рассказами Юровского, Никулина и других.

После того как «дом особого назначения» уже опустел, наружные посты оставались там еще два дня — 17 и 18 июля: не хотели привлекать внимания, что в доме что-то произошло.

В захоронении Никулин лично не участвовал, но, как он уверяет, присутствовал при сборе и упаковке бриллиантов и других ценностей перед тем, как Юровский должен был отбыть в Пермь. Ему сбрили бороду, дали паспорт на имя Орлова, и он уехал поездом инкогнито¹. Упаковали и вещи Романовых. Никулин в сопровождении группы мадьяр повез их в Пермь. Там в помещении духовной семинарии все «рассортировали». Золото и другие ценности Юровский и Никулин повезли в Москву, сдали все в Гохран, находившийся в Настасьевском переулке. Юровский остался в Москве, а Никулин вернулся в Пермь, поступил в распоряжение штаба 3-й армии.

Размышляя над вопросом, знали ли предварительно Москва, «сам Владимир Ильич Ленин или Яков Михайлович Свердлов» о расстреле Николая II и всей царской семьи, Никулин не мог дать определенного ответа. Но косвенный все-таки дал. Поскольку, считал он, Голощекин два раза ездил в Москву для переговоров о судьбе Романовых, отсюда, конечно, можно сделать вывод, что об этом именно шел разговор. По его мнению, скорее всего Свердлов должен был указать Голощекину во время второй встречи: «Вы там сами смотрите, если сможете организовать какой-то суд — организуйте, а если нет, значит...» Но все же Урал сам не мог принять на себя ответственность за расстрел без санкции или хотя бы без молчаливого согласия Ленина, Свердлова, кого-нибудь из руководителей.

Рассказал Никулин и то небольшое, что знал об убийстве Михаила Романова. Пробуя объяснить причину, говорил, что мотовилихинские рабочие боялись, что, чего доброго, убежит великий князь. «Чего же там ждать? Давай расстреляем — и все. Ведь времена-то были какие тогда... Ой-ой-ой...»

---

¹ Здесь расхождение с воспоминаниями Юровского, который писал, что ценности были закопаны «в подвальчике какого-то домика» то ли в Алапавске, то ли в Лысьве и откопаны уже в 1919 г. по возвращении Красной Армии на Урал. Объяснить расхождение трудно. Впрочем, возможно, что часть ценностей была сразу отправлена в Москву через Пермь, как об этом рассказывает Г. Никулин.

М. Медведев. По его воспоминаниям ¹, тоже относящимся к 1963—1964 гг., он был направлен в екатеринбургскую ЧК еще в январе 1918 г. «Опиралась» она на два отряда, которыми командовали И. Малышев и С. Мрачковский. Но отряд Малышева скоро ушел на дутовский фронт, а отряд Мрачковского оставался в Екатеринбурге до конца, последним ушел из города 25 июля. ЧК помещалась в Американской гостинице, наиболее видными работниками были Ф. Лукоянов, И. Радзинский, В. Горин, Я. Юровский и другие.

Летом 1918 г. екатеринбургская ЧК была озабочена прибытием небольшой сербской миссии. У нее было разрешение на выезд из Алапаевска в Москву и далее в Сербию жены великого князя Иоанна Константиновича Романова ² Елены Петровны, дочери сербского короля. В составе миссии находились некий майор Мичич (или Мигич), фельдфебель Божетич и управляющий делами Елены Петровны Смирнов. ЧК сразу заподозрила этих людей в попытке установить нелегальные контакты с «домом особого назначения». В начале июля сербская миссия была арестована, в том числе и сама Елена Петровна, которая уже должна была выехать из Алапаевска. М. Медведев, по его словам, играл тут главную роль, он лично арестовывал Елену Петровну. Но после допросов в ЧК ее отпустили, отправили в Москву, где вскоре обменяли на Б. Куна и М. Ракоши. Муж Елены Иоанн Константинович из Алапаевска уже не вернулся...

Возможно, как раз злополучная история с сербской миссией и навела уральских чекистов на мысль начать тайную переписку некоего «офицера» с бывшим царем якобы для разработки плана бегства Романовых из «дома особого назначения» ³.

---

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 1—35.

² Он был сослан на Урал и находился в Алапаевске.

³ Рассказывая о чекистской деятельности в Екатеринбурге, М. Медведев, между прочим, вспомнил операцию с письмами «офицера». По его словам, Белобородов, Войков и Радзинский составили от имени русской офицерской организации письмо, в котором якобы сообщалось о скором падении Екатеринбурга и предлагалось готовиться к побегу. Письмо это, переведенное на французский язык Войковым и переписанное красными чернилами Радзинским, передали царице. Дальнейшее наблюдение будто бы показало, что две-три ночи Романовы провели одетыми, о чем было доложено в исполком. Последняя деталь (члены семьи оставались одетыми на ночь) вызывает сильное сомнение.

Положение в городе было тяжелым. Определенная часть населения подозревала большевиков, что они «по каким-то расчетам» скрывают царя от «заслуженного возмездия». Такие настроения разжигали анархисты и их лидер П. Жебенев. Не отставали и левые эсеры, их руководители — члены облисполкома М. Хотимский и Н. Сакович. В Совете они часто кричали: «Не уничтожьте Николая Кровавого — сделаем это сами!»

Примерно в середине июля вернулся из Москвы Голощекин. «Санкции на расстрел ему получить не удалось». Свердлов будто бы пытался «приводить доводы» Голощекина об опасностях провоза царской семьи через Россию, но Ленин стоял на своем, говорил, что нужно эвакуировать Романовых в тыл и здесь устроить суд. Свердлову пришлось «сдаться», и на прощание он сказал Голощекину: «Так и скажи, Филипп, товарищам — ВЦИК официальной санкции на их расстрел не дает». Однако было ясно, что оставлять царскую семью в Екатеринбурге невозможно. Эвакуировать ее, по мнению М. Медведева, практически тоже было крайне сложно и опасно. Пока Романовы находились в ипатьевском доме, они пребывали как бы в крепости, штурмовать которую монархисты не решались. Но стоило их вывезти из этой крепости, как задача похищения намного облегчалась. Обстоятельства, таким образом, сплелись в узел, который проще было разрубить, чем развязать...

Вечером 16 июля в здании ЧК в Американской гостинице заседал облисполком Урала. Туда вызвали М. Медведева. Когда он явился, там находились А. Белобородов, Г. Сафаров, Ф. Голощекин, П. Войков, Ф. Лукоянов, Я. Юровский, В. Горин и И. Радзинский. Это совещание, если верить М. Медведеву, и решило, что нет никакого иного выхода, кроме немедленной (в ночь на 17-е) ликвидации семьи Романовых. Юровский попросил, чтобы в расстреле приняли участие М. Медведев и П. Ермаков. Обсудили разные варианты «ликвидации». Остановились на расстреле в подвальном этаже. Начальник внешней охраны Павел Медведев принес взятые у охраны пистолеты, предупредил ее, чтобы никто не тревожился, услышав выстрелы. У окон дома должен был работать мотор грузовика — «для заглушения». М. Медведев с Ермаковым и семью солдатами латышского отряда внутренней охраны стали спускаться вниз. У двоих из них были винтовки.

Один за другим, впереди Николай с Алексеем на руках, члены семьи спускались вниз. М. Медведеву запомнилось то же, что Никулину и другим. Чучело медведя на площадке, напряженные взгляды, которые все почему-то бросали на него и быстро-быстро крестились...

Горел тусклый свет от лампы под потолком. Для царицы и Алексея принесли стулья. Стояла тишина. Юровский вышел отдать какой-то приказ начальнику охраны Павлу Медведеву. Прямо напротив Михаила Медведева находился Николай в гимнастерке без погон. Правее, на стуле — наследник Алексей, за ним виднелось усталое лицо Боткина. Далее, тоже на стуле, — царица, около нее дочери. Прислуга отошла к стене, у Демидовой в руках — подушка. Все были совершенно спокойны. Юровский вошел стремительно, остановился рядом с М. Медведевым, приказал твердым баритоном: «Прошу всех встать!»

В этот момент в комнату вошла и выстроилась как раз напротив царицы и дочерей группа латышей: пятеро с наганами, двое с винтовками. Совсем тихо, даже не проникал шум работающего под окнами автомобильного мотора. Юровский сделал полшага вперед, начал говорить: «Неоднократные попытки ваших единомышленников спасти вас не увенчались успехом. В тяжелый момент для Советской республики вражеские войска приближаются к городу. На нас возложена миссия покончить с домом Романовых...» Раздались крики. Медведев уверял, что он расслышал вопрос доктора Боткина: «Так нас никуда не повезут?!» Что-то как будто хотел ответить Юровский, но Медведев уже спустил курок и «всадил первую пулю в царя». Раздались залпы справа и слева. Юровский и Ермаков опять стреляли в Николая, и он «снопом повалился на спину». Женский визг, стоны, рикошетят пули, летит пыль от штукатурки. Стрельба идет уже по падающим силуэтам. Пислышался голос Юровского: «Стой! Прекратить огонь!»

Потом на одеялах переносили убитых в грузовик, у которого стоял Голощекин. Он нагнулся над царем, посмотрел, раздумчиво сказал Медведеву: «Конец, говоришь, династии Романовых? Да...»

Заметили, что в комнате некоторые охранники снимают с трупов кольца, броши, прячут их в карманы. Юровский приказал всем подняться наверх, на второй этаж, выложить на стол все, что было взято. На размышление — полминуты, затем обыск и в случае обнаруже-

ния краденого — расстрел. Выложили все. Ермаков сел к шоферу. Несколько человек из охраны залезли в кузов. Тронулись...

19 июля через Пермь в Москву с докладом о ликвидации Романовых выехали Юровский и Никулин. Везли с собой мешок с ценностями и бумагами, обнаруженными в доме Ипатьева: дневники, фотографии, в том числе и те письма, которые писали Войков и Радзинский «красными чернилами». Эти письма, по словам М. Медведева, должны были доказать членам ВЦИК существование офицерской монархической организации, будто бы намеревавшейся освободить царскую семью. Белобородов якобы очень опасался, что Ленин привлечет его к ответственности за самоуправство с расстрелом Романовых без санкции ВЦИК. Так ли это? В воспоминаниях М. Медведева, пожалуй, сильнее, чем в других, ощущается налет политической конъюнктуры, существовавшей почти полвека спустя после той страшной июльской ночи...

*И. Радзинский*¹. Этот человек — из интеллигентной семьи. Его отец — земский врач, а сам он, по его словам, учился в университете, но в революционном движении участвовал с гимназических лет. После Февральской революции Радзинский (в это время ему было всего двадцать) предпочел учебе чекистскую работу. Когда в апреле 1918 г. создавали областную уральскую ЧК, Радзинского перевели в нее из Мотовилихи. Это он вместе с М. Медведевым арестовывал сербскую принцессу Елену Петровну, он же писал подметные письма за подписью «офицер», которые подбрасывались в «дом особого назначения». Но в расстреле царской семьи он не участвовал — бог отвел, хотя относился к этой «операции» Радзинский стойчески: «Обычная операция... в тот момент исторического подхода ничего этого не было, это потом осознается. Через длительный период начинаешь осознавать, что века была серьезная».

В захоронении трупов Радзинского «задействовали» полностью. Это было очень ответственно: укрыть так, чтобы следов не осталось. Дело отдали на откуп Ермакову. Он был местный, указал заброшенную шахту возле деревни Коптяки, глубокий колодец. Ему поверили,

---

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 1—48,

а получилось «страшненькое дело». Когда трупы на веревках спустили в шахту, посчитали, что все кончено, но на другой день, доложив в облисполкоме «где, что и как», схватились за голову: предстоит ведь сдача города, и белые без особого труда найдут всех. Послали обратно Юровского, Радзинского, еще восемь человек, не участвовавших в расстреле. Но и на этот раз поступили легкомысленно. Один человек — матрос Ваганов — спустился в шахту с веревками. Когда всех вытащили, оказалось, что в ледяной воде они как «законсервированные», как живые. Укрыли их рогожами. Стало светать, а рядом дорога. Крестьяне уже потянулись на базар. Тогда поставили верхового на дороге, чтобы он всех «отворачивал».

Стали искать отдаленные шахты, на разведку послали двух человек. С Юровским решили, что нужно, чтобы он поехал в город, все доложил и привез керосин, серную кислоту. Он уехал и вернулся с грузовиком. Привез бутылки с серной кислотой, керосином. В это время вернулись разведчики, сказали, что нашли заброшенную шахту в балке. Шахта очень глубокая, внизу топко, все сразу засосет. Решили так: часть сожжем, часть спустим в шахту или сожжем всех. Главное, чтобы невозможно было опознать и чтобы не сохранилось число одиннадцать.

Погрузились в машину, поехали. Но случилось неожиданное — на проселке машина застряла: глубоко, трясина. Вытащить не удалось, и решили, что лучшего места и не найти. Разгрузились, «расковыряли тряси-ну». Некоторые трупы облили серной кислотой и зарыли в тряси-ну. Неподалеку была железная дорога. Навезли подгнивших шпал, положили их в виде мостика, переброшенного через тряси-ну, прокатили машину. Остальные трупы начали сжигать на некотором расстоянии. Сколько и кого сожгли — Радзинский точно уже не помнит. Кажется, бывшего царя, бывшего наследника, доктора Боткина. Долго возились «с этим делом». Радзинский даже успел съездить в Екатеринбург и вернуться на легковой машине, которая принадлежала Берзину.

Можно ли найти место захоронения? Трудно теперь сказать. Ехали через Чарташ, мимо Верх-Исетского завода, станции Екатеринбург-3. Потом попали куда-то на дорогу. Можно попробовать установить, если это место не застроено...

Только днем 17 июля (на телеграмме помечено: «принята в 12 ч.») несколько членов президиума исполкома Уралоблсовета связались с Москвой. На другом конце провода председатель ВЦИК Свердлов читал бегущую из аппарата ленту: «Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум Областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16 июля (так в телеграмме.— Авт.) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: «Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы) Президиум Областного Совета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа. В ночь на 16 июля 1918 г. приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержавшаяся вместе с ним под стражей, в интересах общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбурга. Президиум Областного Совета». Просим ваших санкций на редакцию этого документа. Документы о заговоре высылаются срочно курьером Совнаркому, ВЦИК. Извещения ждем у аппарата. Просим дать ответ экстренно. Ждем у аппарата»¹.

Редактор «Уральского рабочего» В. Воробьев (он был членом президиума исполкома Уралоблсовета) впоследствии утверждал, что им «было очень не по себе, когда они подошли к аппарату: бывший царь был расстрелян постановлением президиума Облсовета, и было неизвестно, как на это «самоуправство» будет реагировать центральная власть, Я. М. Свердлов, сам Ильич». «К аппарату,— уточнял Воробьев подробности,— сел сам комиссар телеграфа... Затаив дыхание, мы все качнулись к выползавшей из аппарата ленте, на которой точками и черточками замаскировались чеканные, почти металлические звуки свердловского голоса:

---

¹ ЦГАОР. Ф. 601, Оп. 2. Д. 35. Л. 8—17.

— Сегодня же доложу о вашем решении Президиуму ВЦИК. Нет сомнения, что оно будет одобрено»¹.

Подлинность этой сцены, которую Воробьев в таких деталях воспроизвел десять лет спустя, не поддается проверке. Ясно одно: Воробьев писал в строгом соответствии с официальной версией, согласно которой Уралоблсовет «самостийно» решил судьбу Николая II. Между тем следователь Н. Соколов утверждал, что он обнаружил зашифрованную телеграмму председателя исполкома Уралоблсовета А. Белобородова в Москву, датированную 21 часом вечера 17 июля. Расшифровать ее не удалось ни в штабе верховного правителя Колчана, ни в колчаковском МИДе, ни в штабе командующего союзными войсками в Сибири генерала М. Жаннена. Лишь в сентябре 1920 г., уже в эмиграции, она якобы наконец поддалась расшифровке. Телеграмма сообщала: «Секретарю Совнаркома Горбунову: передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации»².

Соколов делал вывод: значит, уже вечером 17 июля Москва знала о гибели не только бывшего царя, но и всей его семьи. Знала, но смолчала. На другой день, 18 июля, состоялось заседание Президиума ВЦИК. В протоколе № 1 записано: «Слушали — сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга). Постановили — по обсуждении принимается следующая резолюция: Президиум признает решение Уралоблсовета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати»³. В тот же день на заседании Совнаркома (протокол № 159) это постановление Президиума ВЦИК было «принято к сведению»⁴.

На другой день бюро печати при ВЦИК распространило сообщение о расстреле в Екатеринбурге Николая Романова. В полном соответствии с тем, как это было передано в Москву членами президиума исполкома Уралоблсовета в процитированном выше сообщении по прямому проводу в первой половине 17 июля, но с умолчанием о содержании другой — «соколовской» — телеграммы, полученной вечером того же дня. Это дает

¹ Воробьев В. Конец Романовых // Прожесктор (Москва). 1928. № 22. С. 26.

² Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 310.

³ ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 35. Д. 24. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 63.

основание предположить, что существовала предварительная договоренность Москвы и Екатеринбурга о том, что произойдет в «доме особого назначения» и как об этом будет оповещено. Но все же только предположить, хотя и с большой долей достоверности. Нельзя совершенно исключить и того, что, как писал П. Быков, уральцы «пытались отнести на второй план расстрел семьи»¹. Подсказывающая фраза: «Официально семья погибнет при эвакуации» — как будто свидетельствует о договоренности центра и Урала о будущем тексте сообщения о гибели всей семьи. Но центр проигнорировал телеграмму в целом. Некоторое удивление вызывает и ее адресат — секретарь Совнаркома Горбунов. Конспиративность, конфиденциальность всего дела тут явно и непонятным образом нарушалась. Это обстоятельство вообще способно вызвать определенное сомнение в подлинности вечерней телеграммы. Много, очень много неясного и запутанного...

20 июля Я. Свердлов в разговоре с Екатеринбургом по прямому проводу сообщил о постановлении Президиума ВЦИК, признавшем решение о расстреле Николая Романова правильным, и согласился санкционировать переданный уральцами текст извещения. 21 июля он был опубликован в Екатеринбурге.

По рассказам многих современников (в том числе и из враждебной или нелояльной большевикам среды), известие о казни бывшего царя в общем прошло незамеченным, без проявлений протеста. Вот свидетельство бывшего премьер-министра В. Коковцова. «На всех, кого мне приходилось видеть в Петрограде,— писал он,— это известие произвело ошеломляющее впечатление: одни просто не поверили, другие молча плакали, большинство просто туго молчали. Но на толпу, на то, что принято называть «народом», эта весть произвела впечатление, которого я не ожидал. В день напечатания известия я был два раза на улице, ездил в трамвае и нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читается громко, с усмешками, издевательствами и самыми безжалостными комментариями... Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: «давно бы так», «ну-ка, поцарствуй еще», «крышка Николашке», «эх, брат Романов,

---

¹ Быков П. Последние дни последнего царя // Рабочая революция на Урале. С. 25.

доплясая» — слышались кругом, от самой юной молодежи, старшие либо отворачивались, либо безучастно молчали. Видно было, что каждый боится не то кулачной расправы, не то застенка»¹.

В этой связи неубедительным выглядит приводившееся выше утверждение Троцкого о расчете на большую политическую значимость казни последних Романовых: врагов хотели устрашить, «свои ряды» — встряхнуть. Ничего этого не произошло. Собственные ряды от казни бывшего царя не «встряхнулись», не ужаснулись и враги. Правда, некоторые антибольшевистские газеты, комментируя сообщение о расстреле, предсказывали, что это не останется бесследным. «Донской край», например, писал, что это злодеяние «хамодержавцев», «несомненно, еще больше всколыхнет народную совесть, пробудит ее от оцепенения, от гипноза слуг дьявольских». Верил ли тогда сам автор статьи в близость того, что предсказывал?

Николай II и Александра Федоровна были так скомпрометированы и буквально оплеваны еще в канун и особенно сразу после Февральской революции, страдания времен гражданской войны были так велики, а цена жизни стала столь ничтожна, что, кажется, мало кого тогда потрясла трагедия в Екатеринбурге. Народ безмолвствовал...

В то самое время, когда Юровский и его подручные в верхне-исетских чащобах замечали следы содеянного в Екатеринбурге, неподалеку, в Алапаевске, совершалось еще одно кровавое преступление, замкнувшее наконец страшную цепь уральских убийств: Пермь — Мотовилиха (Михаил Романов и его секретарь Джонсон), Екатеринбург (вся царская семья и четверо их приближенных), Алапаевск (еще шестеро великих князей и князей из дома Романовых).

15(28) марта 1918 г. «Известия Пермского Губисполкома» сообщали: «Москва. 26 марта. Совет Петроградской трудовой коммуны постановил: членов бывшей династии Романовых выслать из Петрограда и его окрестностей впредь до особого распоряжения, с правом

---

¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. С. 534; см. также: Локкарт Р. Буря над Россией. Рига, 1933. С. 298. Американский историк Р. Пайпс пишет: «Расчет Москвы, обоснованный на безразличии к слухам о смерти Николая, пущенным на месяц раньше, полностью оправдался: особого потрясения от этой новости мир не испытал» (цит. по: Последние дни Романовых. С. 181).

свободного выбора места жительства в пределах Вологодской, Вятской, Пермской губерний. Перемена места жительства допускается с разрешения соответствующих Советов»¹. Чем объяснялась высылка? Можно думать (мы уже писали об этом), что ратифицированный Брестский мир не представлялся слишком надежным, а немцы подозревались в политических симпатиях к Романовым. Советская власть предусмотрительно «передвигала» членов дома Романовых в глубь страны, вне досягаемости потенциального германского противника. При неожиданном повороте событий, надо полагать, они могли оказаться и весьма ценными заложниками. Но это — предположение.

В марте в Перми уже находился великий князь Михаил Александрович, в апреле — мае в Екатеринбурге — бывший царь и его семья. В апреле же в Екатеринбурге — еще несколько представителей романовского дома. Но здесь, по-видимому, скоро посчитали, что такая концентрация великих князей в одном месте, в центре Урала, нецелесообразна. Решили рассредоточить. 14 мая 1918 г. в Москву Ленину и Свердлову пошла телеграмма: «Высланные из Екатеринбурга бывшие великие князья хлопочут об оставлении их в Екатеринбурге. Это, по мнению Облсовета, невозможно. Мы постановили выселение их в Алапаевск Верхнетурского уезда. Предоблсовета Белобородов». Мы не знаем, каков был ответ. Но знаем, что в Екатеринбурге бывшие великие князья не остались. Сохранился документ, который гласит: «Постановление областного Совета нам объявлено, и мы, нижеподписавшиеся, обязуемся быть готовыми к 9½ часа утра для отправки на вокзал в сопровождении члена Уральской областной чрезвычайной комиссии 19 мая 1918 г. Елизавета Федоровна, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия. Князь Иоанн Константинович. Княгиня Елена Петровна. Князь Константин Константинович. Князь Игорь Константинович. Князь Владимир Палей, Сергей Михайлович Романов»².

Все подписавшиеся вскоре оказались в Алапаевске. О некоторых мы уже рассказали. Великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра императрицы Александры Федоровны.

¹ Цит. по: Буранов Ю., Хрусталева В. Голубая кровь. Тайное убийство великих князей // Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 24.

² Там же. С. 25.

Три сына великого князя Константина Романова — поэта (псевдоним «К. Р.»), большого друга А. Фета, П. Чайковского. На его стихи было написано несколько популярнейших романсов, в том числе «Растворил я окно...»

Елена Петровна — дочь сербского короля, находилась в Алапаевске вместе с мужем Иоанном Константиновичем. В июле покинула город, была арестована чекистами в Екатеринбурге, но затем освобождена и через Пермь уехала в Петроград.

В Алапаевске всех прибывших поселили в здании так называемой Напольной школы, и жили они своего рода общежитием. Пользовались относительной свободой, во всяком случае, беспрепятственно передвигались по городу. Положение изменилось в середине июня, когда им объявили, что ввиду бегства великого князя Михаила Александровича из Перми над ними в Алапаевске устанавливается строгий контроль. Прекратили прогулки, ограничили снабжение, отобрали деньги, выслали нескольких слуг. Как сообщил 22 июня в Москву Белобородов, «в Алапаевске нашим распоряжением по отношению всех содержащихся лиц Романовского дома введен тюремный режим»¹.

А 18 июля в Екатеринбург поступили тревожные телеграммы. В одной из них говорилось: «Военная — Екатеринбург, Уралуправление. 18 июля утром в два часа банда неизвестных вооруженных напала на Напольную школу, где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит, и, видимо, есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красногвардейцев, бандиты бежали по направлению леса, задержать не удалось, розыски продолжаются. Алапаевский исполком. Абрамов. Перминов. Останин». Вторая телеграмма сообщала: «Алапаевский исполком сообщает: чрезвычайная комиссия в составе Останина, Старцева, Говырина, Зырянова приступила к расследованию побега князей Романовых. Предисполкома Абрамов»².

Итак, великие князья «бежали», воспользовавшись неожиданным нападением на Напольную школу каких-то «бандитов», их тайных сторонников. Ураль-

---

¹ Цит. по: Буранов Ю., Хрусталева В. Голубая кровь. Тайное убийство великих князей // Совершенно секретно. 1990, № 12. С. 25.

² Там же. С. 26—27.

ские газеты по горячим следам старались разработать и укрепить эту версию, столь знакомую уже по «бегству» великого князя Михаила Александровича. Но если в том, пермском деле преступление удалось скрыть, с алапаевским вышла грубая осечка. Уральские власти, сменившие в Екатеринбурге большевиков, сумели быстро разыскать свидетелей, показавших, что нападение «белогвардейцев» на Напольную школу было инсценировано местными чекистами, а все жители школы — убиты. В октябре 1918 г. в глубокой шахте, взорванной гранатами, были обнаружены обезображенные трупы великой княгини Елизаветы Федоровны, великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича, Константина Константиновича, князя Владимира Палея, живших с ними Ф. Ремеза и В. Яковлевой. Следствие установило, что некоторые были брошены в шахту еще живыми...

Трое из организаторов «бегства» были пойманы белогвардейцами: комиссар юстиции Е. Соловьев, чекист П. Старцев и член местного Совета И. Абрамов. Они будто бы показали, что убийство князей, живших в Напольной школе, осуществлено по приказу из Екатеринбурга.

Практически только сутки разделяли расстрел царской семьи и несчастных узников Напольной школы. Следователь Н. Соколов был прав: «И екатеринбургское и алапаевское убийства — продукт одной воли одних лиц»¹.

Но еще не все. Уральские убийства лета 1918 г. имели свой финал в 1919 г. После провозглашения красного террора в Петропавловскую крепость попали великие князья Павел Александрович (его пасынок Владимир Палей погиб в Алапаевске), Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович. 14(27) января 1919 г. они были расстреляны во дворе крепости. Было объявлено, что их расстреляли как

---

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 329. Извлеченные из шахты трупы были похоронены в Алапаевском соборе. При отступлении белых с Урала их вывезли в Читу. Затем останки Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича, Владимира Палея и Ф. Ремеза были захоронены в Пекине, в храме при русской миссии. Останки же Елизаветы Федоровны и ее спутницы В. Яковлевой покоятся в Иерусалиме. Недавно Елизавете Федоровне установлен памятник в Москве.

заложников за убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии. В те же дни газета «Всегда вперед!» опубликовала статью Ю. Мартова «Стыдно!».

Вот отрывок из этой статьи: «В то время как в советской печати обсуждался вопрос об упразднении «чрезвычайек», а московская общегородская конференция коммунистов постановляет отнять у этих учреждений право выносить приговоры, в то время как гражданин Крыленко констатирует, что ни один декрет не предоставил «чрезвычайкам» права расстрела — петроградская чрезвычайная комиссия с олимпийским спокойствием объявляет, что ею расстреляны четыре Романова: Николай и Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович и Павел Александрович. Ни одного слова о том, какое преступление совершили эти люди, какой заговор они затеяли в тех тюрьмах, в которые они были заключены еще в августе прошлого года, в дни ужасов петербургского красного террора...

За что их убили? За что, продержав в тюрьме 6 месяцев и успокаивая их каждый день, что никакая опасность не грозит их жизни со стороны представителей пролетарской диктатуры, их в тихую ночь послали на расстрел — без суда, без предъявления обвинений?

Какая гнусность! Какая ненужно-жестокая гнусность, какое бессовестное компрометирование русской революции новым потоком бессмысленно пролитой крови! Как будто недостаточно было уральской драмы — убийства членов семьи Николая Романова! Как будто недостаточно, что кровавая баня помогла русским контрреволюционерам в их агитации в Западной Европе против революции...

Когда в августе они были взяты заложниками, Социалистическая академия, которую вряд ли заподозрят в антибольшевизме, протестовала против ареста Николая Михайловича как ученого (историка), чуждого политике. Теперь и этого мирного исследователя истории — одного из немногих интеллигентных Романовых — застрелили, как собаку. Стыдно! И если есть коммунисты, есть революционеры, которые сознают гнусность расстрела, но боятся заявить протест, чтобы их не заподозрили в симпатиях к великим князьям, то вдвойне стыдно за эту трусость — позорный спутник всякого террора!»¹

---

¹ Всегда вперед! (Москва). 1919, 6 февраля.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и все. «Черны мои повествования...» Расстрелы, расстрелы, смерти, заброшенные шахты... Кажется, я написал все, что мог и что мне известно об этой страшной истории. Что же в заключение? Что сказать еще? Наверное, главный вопрос: почему это произошло? — так и остался нерешенным.

Когда для российской монархии наступил поистине роковой час — Февраль 1917 г., — правые, в своем верноподданничестве громившие всех и вся, не только не нашли в себе сил встать на ее защиту, но многие из них фактически предали ее, почти сразу же сбежав с «корабля».

Это действительно поразительный исторический феномен: практически никто в стране не проявил готовности поддержать, а затем протянуть руку ушедшему от власти царю. Публицист парижских «Последних новостей» Б. Мирский в статье под названием «Белые лилии Маркова 2-го» клеймил вчерашних верноподданных монарха как «трусливых наемников». «Двор, бюрократия, дворянство, — писал он, — отказались от белых лилий без единой черточки героизма, без единого подвига»¹. Были среди самих монархистов и такие, кто готов был объяснять это чуть ли не физическим и нравственным вырождением дворянства. В Пражском архиве сохранилась записка некоего Зимина, который категорически утверждал: «Православная Россия и царствующая династия своєю гибелью обязапа всецело дворянскому правящему слою»². Сотрудник газеты «Возрождение», издававшейся П. Струве, Г. Майер,

---

¹ Последние новости (Париж). 1920. 7 июня.

² ЦГАОР. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 99. Л. 8.

придавал той же мысли политическую форму. «Путь к насильственному захвату власти всякого рода профессиональными революционерами,— писал он,— был расчищен и предуготовлен правыми. И это вообще не следует забывать»¹. Это, может быть, крайняя точка зрения. Но надо признать: корыстный политический расчет руководил многими. Бал правила безнравственная «реальная политика». Трехсотлетняя монархия рухнула всего лишь за неделю.

Временное правительство рассчитывало отправить бывшего царя и его семью в Англию. Однако опасение возможных протестов левых, радикальных сил заставило отложить это намерение. Англичане, согласившиеся принять обреченных Романовых, быстро поняли эти политические трудности, к тому же не хотели возникновения подобных трудностей у себя. Интересы политики диктовали свои законы. Они ставились выше жизни отдельных людей, даже тех, кто еще вчера был властителем союзной страны. «Реальная политика» снова сказала свое слово. Да и можно ли было предвидеть ужасный конец? И бывший царь остался в стране, только что сбросившей царизм.

Большевики вопреки собственным пропагандистским утверждениям не верили в несокрушимую прочность своей власти. Они страшились немцев, готовых, как им казалось, каждую минуту разорвать Брестский мир, страшились белогвардейцев, считая, что они вот-вот развернут монархическое знамя и «темная» крестьянская масса пойдет за ним. Белогвардейские же лидеры, напротив, были убеждены, что «расчехлить» знамя восстановления монархии — значит оттолкнуть от себя народ. Подозрительность и недоверие одних, страх и ненависть других, равнодушие и безразличие третьих — все эти спутники социальных потрясений, политических переворотов, называемых революциями или смутой, — они и проторили дорогу в подвал ипатьевского дома. В политике не было морали, в политике действовала злая борьба интересов.

Великодушные и раскаянные приходят позже, в настоящем больше правит малодушие и своекорыстие. Поэт Арсений Несмелов (А. Митропольский), бывший поручик Фанагорийского полка, восставший в Сибири

---

¹ Майер Г. У истоков революции. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 60.

в армии Колчака и ушедший с ее остатками в Китай, о большой силой выразил это. Жизнь Несмелова, его судьба не дают ни малейших оснований сомневаться в его искренности. Вот стихи «Цареубийцы», написанные им в 20-х годах.

Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идем.

Бережем мы к убийцам злобу,
Чтобы собственный грех загас,
Но заслали Царя в трущобу
Не при всех ли, увы, при нас?

Сколько было убийц? Двенадцать,
Восемнадцать иль тридцать пять?
Как же это могло так случиться,—
Государя не отстоять?

Только горсточка этот враг,
Как пыльцу бы его смело:
Верноподданными — сто сорок
Миллионов себя звало.

Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни,—
Не за всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни.

И один ли, одно ли имя,
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.

И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь:
Замыкаешь ли, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь! ¹

Увы, и дом Ипатьева не замкнул этот путь...

Но неужели пережитое нами со времен революционных потрясений, ожесточенных столкновений бешеных политических потоков, разорвавших страну на части, унесших миллионы человеческих жизней,— неужели все это не даст нам силы и мудрости хоть теперь посмотреть на прошлое не с классовых, национальных, а человеческих позиций?

---

¹ Несмелов А. Без Москвы, без России. Стихотворения, поэмы, рассказы. М., 1990. С. 145—146.

В 1976 г. ленинградский журнал «Аврора» совершенно неожиданно для тех времен напечатал стихи Нины Королевой, за что и был подвергнут идеологическому наказанию. Вот эти стихи, которые, как представляется, гармонируют со стихами Арсения Несмелова:

Оттаяла или очнулась? —
Спасибо, любимый,
Как будто па землю вернулась,
На запахи дыма.
На запахи речек медвяных.
И кедров зеленых,
Тобольских домов деревянных,
На солнце каленых.
Как будто лицо подняла я
За чьей-то улыбкой,
Как будто опять ожила я
Для радости зыбкой...
Но город, глядящийся в реки,
Молчит, осторожен.
Здесь умер слепой Кюхельбекер
И в землю положен.
И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбались
Царица с ребенком...
И я задыхаюсь в бессилье,
Спасти их не властна,
Причастна беде и насилью
И злобе причастна ¹.

Насилием, бедою стал Тобольск (или Пермь, Алапаевск, Екатеринбург) и для «царицы с ребенком», и для декабриста, поэта, друга Пушкина Вильгельма Кюхельбекера. Разве можно с болью вспоминать одно, совершенно позабыв другое?

Теперь мы знаем: насилие, в каком бы «теоретическом» облачении оно ни выступало, может родить только насилие — ни к чему иному оно привести не может. Как гласит старое изречение: для того чтобы создать оазис, не нужно землетрясения...

---

¹ Аврора. 1976. № 11. С. 20.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
Глава 1	
«РУССКИЙ НАРОД... ТЕРПЕЛИВО ПОДОЖДЕТ» . . .	5
Глава 2	
«ИЗМЕНА И ТРУСОСТЬ И ОБМАН»	33
Глава 3	
«ПРИЗНАТЬ ЛИШЕННЫМИ СВОБОДЫ»	78
Глава 4	
«ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ?»	116
Глава 5	
«С РОДИНОЙ ВСЕ ПЕРЕЖИВАЕМ»	142
Глава 6	
«ГРУЗ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОСТАВЛЕН ЖИВЫМ» . . .	167
Глава 7	
«МЫ ОКАЗЫВАЛИСЬ МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКО- ВАЛЬНОЙ»	208
Глава 8	
«Я «БЕЖАЛ» МИХАИЛА РОМАНОВА»	240
Глава 9	
«НАД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ УЖЕ ЗАНЕСЛИ НОЖ» .	263
Глава 10	
«КРАСНЫЙ УРАЛ В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ!» .	284
Глава 11	
«БЫЛА ПОЛУЧЕНА ТЕЛЕФОНОГРАММА НА УСЛОВ- НОМ ЯЗЫКЕ»	306
ПОСЛЕСЛОВИЕ	347

Генрих Зиновьевич Поффе
РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБА РОМАНОВЫХ

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Редактор *Н. Б. Чунакова*
Младший редактор *М. Ю. Мухина*
Художник *О. А. Карелина*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 9217

Сдано в набор 22.04.92. Подписано в печать 13.08.92. Формат 84
Бумага газетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать в
Усл. печ. л. 18,48. Уч. изд. л. 19,73. Тираж 55 000 экз. Заказ
С 184.

Российский государственный
информационно-издательский Центр «Республика»
Министерства печати и информации Российской Федерации.
Издательство «Республика» 125811, ГСП, Москва, А-17, Миусск
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»,
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.